

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УНЦ РАН

ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ
УРАЛО - ПОВОЛЖЬЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции
молодых ученых
Уфа, 21 октября 2010 г.

Уфа 2010

УДК 39
ББК 63.5(2)
Э 91

Издание предпринято при поддержке
Отделения историко-филологических наук РАН

Печатается по решению Совета молодых ученых ИЭИ УНЦ РАН

Редакционная коллегия:

*Ахатов А. Т., Воробьева С. Л., Камалеев Э. В., Торокова Е. С.,
Фатхутдинова А. И., Хасанова З. Ф. Мухаметзянова-Дуггал Р.М.
Хабибуллина З.Р.*

Ответственный редактор:

Тузбеков А. И.

Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность:
материалы IV Всероссийской научно-практической конференции молодых
ученых. – Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2010. – 236 с.

ISBN 978-5-902870-19-7

В сборник вошли доклады и выступления участников всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность», в которой приняли участие представители из Екатеринбурга, Ижевска, Кирова, Казани, Москвы, Магнитогорска, Оренбурга, Пензы, Самары, Уфы, Чебоксар. В материалах сборника представлены исследования по актуальным проблемам археологии, истории, этнографии, религиоведения, межкультурного взаимодействия и сохранения этнокультурных традиций в современных условиях. Статьи печатаются в авторской редакции.

ISBN 978-5-902870-19-7

© Коллектив авторов, 2010

© Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН

**Расселение и родоплеменная структура башкир
Аргаяшского и Кунашакского районов Челябинской области
до начала XX в.**

Исследуемые нами башкиры Аргаяшского и Кунашакского районов Челябинской области и Сафакулевского и Альменевского районов Курганской области, а также башкиры Абзелиловского, Баймакского, Учалинского и Хайбуллинского районов Республики Башкортостан этнографы включают в Восточную, или Зауральскую этнографическую группу¹.

Зауральские башкиры были впервые исследованы выдающимся ученым-этнологом С.И. Руденко еще в 1905-1907 гг.² Им было проведено соматологическое изучение башкир-представителей табынских, катаянских и айлинских родоплеменных объединений, которых он включил в обширную восточную область.

В 1963-1965 и 1967 гг. зауральские башкиры наряду с другими группами башкир были изучены по современной соматологической программе известным антропологом Института антропологии МГУ М.И.Акимовой³. Среди башкир она выделила 4 антропологических типа: субуральский, светлый европеоидный, понтийский и южно-сибирский. Среди зауральских башкир наиболее распространен южносибирский тип. Они выделяются наиболее интенсивной пигментацией, большой шириной лица, короткоголовостью, некоторой уплощенностью лицевого скелета. Эти признаки характеризуют южносибирский антропологический тип хорошо представленные не только среди башкир Зауралья, юго-восточных башкир, но так же среди казахов, части каракалпаков, киргизов и др. народов Алтая. Однако южносибирский тип башкир выделяется большей долей местной европеоидной основы и меньшим влиянием монголоидного компонента, близкого к центральноазиатскому типу. Это может указывать на большую роль древнего европеоидного населения южного происхождения в мире савроматов, сарматов, сако-массагетов в формировании антропологического состава зауральских и южных башкир в целом. Этот древний компонент эпохи раннего железа выделяется среди башкир М.С. Акимовой в виде понтийского, или темно-пигментированного типа южного происхождения. Кроме южносибирского, понтийского, среди зауральских башкир выделяется так же местный субуральский и пришлый закаспийский тип, связанный с огузопеченежским миром.

В работе мы будем придерживаться версии, согласно которой истоки происхождения зауральских башкир ведут к тюркоязычным и в меньшей

¹ Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографический очерк. М.:Наука,1955; Кузеев Р.Г. Зауральские башкиры: (Этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX в.) // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. 1. С. 171; Шитова С.Н. Народное искусство: войлоки, ковры и ткани у южных башкир: Этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. С. 11.

² Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографический очерк. М.:Наука,1955. С. 394.

³ Акимова М.С. Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и гено-география. М. 1974. С. 77-96.

степени к монголоязычным племенам Алтая и Южной Сибири второй половины I тысячелетия н. э. Однако до прихода в Восточную Европу племена, участвовавшие в этногенезе башкир, претерпели сложные процессы, которые наложили отпечаток на их этнический облик. В материальной и духовной культуре зауральских башкир, по словам виднейших этнографов, изучающих башкирский народ, имеется большой пласт элементов, который по происхождению восходит к алтайской и южносибирской этническим областям. Имеется немало черт, который сближает башкир, с одной стороны, с тюркоязычными народами Средней Азии и Казахстана, с другой – со средневековыми племенами и современными народами Поволжья¹.

С переселением в Зауралье башкирские родоплеменные группы вступили в новую полосу своей этнической истории, связанную с установлением и развитием этнических контактов не только между собой, но и сибирскими татарами, ногайцами, калмыками, казахами, что нашло то или иное отражение в их языке и культуре.

Одной из главных общих черт, - пишет Р.Г. Кузеев, - внутренней организации кочевых и полукочевых народов Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы в XVI–XIX вв. является многоступенчатость их родоплеменной структуры².

Число звеньев в родоплеменной структуре народов, населяющих данный регион, колеблется от трех до пяти. В XVII–XIX вв. реальное значение имели лишь те звенья родоплеменной структуры, которые сохраняли определенные функции в общественной жизни³.

У зауральских башкир такое значение в большей степени сохраняли три звена (применительно к XVII–XIX вв.), которые в соответствии с принятой терминологией исследователи называют племенем, родом и родовым подразделением⁴.

Род (*ырыу, аймак*) объединял несколько десятков или даже сотен трудоспособных мужчин. Одним из основных признаков родовой организации зауральских башкир являлось совместное владение родовой вотчиной. Род имел общее название; вплоть до начала – середины XX в. члены рода хранили предание об общности происхождения. Такими родами на территории Аргаяшского и Кунашакского районов являлись Сынгрян, Сызгы, Табын, Барын, Кара-Табын, Бала-Катай, Улу-Катай, Терсяк, Бекатин и некоторые другие. Родовые подразделения (*аймак*) объединяли группу родственников (30-40 родственных семей), которые до недавнего времени (примерно до середины XX в.) сохраняли принцип экзогамии в брачных отношениях. Члены родового подразделения имели общее название, единую тамгу, были связаны обязанностями взаимопомощи и т. д.⁵

¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история, расселение. М.: «Наука», 1974. С. 463; Шитова, 1971, С. 197.

² Кузеев Р.Г. Зауральские башкиры ... С. 189.

³ Там же. С. 171, 190.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры. (Этнографический очерк быта и культуры конца XIX - начала XX вв.) // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. Уфа, 1962. С. 193.

Несколько родов объединялись в племенные организации. Племенами на рассматриваемой территории можно назвать такие объединения, как Табын (*Табын*), Катай (*Катай*), Сальют (*Гальют*). Но надо сказать, что этнонимы Ай, Айле (*Әй, Әйзе*) не обозначают племенную организацию. «Айлинцами» в архивных и литературных источниках XVII–XVIII вв. называют башкир нескольких этнически друг с другом не связанных родов, но занимающих смежные территории¹.

Для того, чтобы понять и выявить те или иные различия, как в материальной, так и в духовной культуре башкир, которые проживают на территории Аргаяшского и Кунашакского районов, стоит более подробно дать характеристику каждому роду, в связи с его историей.

Еще к середине XX в. исследователи-этнографы четко фиксировали территориальное расположение того или иного рода, процент «знающих» информаторов, которые еще помнили свои родословные, был высок; в наше же время такое четкое разграничение провести очень трудно. В настоящий момент те информаторы, которых мы опрашивали, плохо знают свою родовую принадлежность, чаще не знают, либо просто говорят: «Я – Башкир (*Мин башкортмын*)». Молодежь, в большинстве своем, либо что-то слышала, либо вообще не знает про тот или иной род. Единственным «оплотом знаний» в своей родословной выступает сельская интеллигенция, но и она, зачастую, ссылается на опубликованные научные труды.

Поэтому, в описании родоплеменной структуры, интересующих нас башкир мы будем опираться, в основном, на материалы, собранные в период этнографической экспедиции в 1959 г. отделением истории Башкирского филиала АН СССР, под руководством Р.Г. Кузеева. Ясно, что эти материалы характеризуют племенной и родовой состав башкир в основном в конце XVIII–XIX вв. Для более широкого исторического обзора родоплеменного состава башкир Аргаяшского и Кунашакского районов нами были привлечены доступные мне архивные и литературные источники и материалы. Также были использованы наши полевые записи в период 2008-2009 гг.

Если проследить по источникам, можно сказать, что к началу XVIII в. зауральские башкирские роды группировались в основном вокруг трех сильных родоплеменных объединений: Катай, Табын и Айле². А теперь рассмотрим интересующую нас территорию.

Ядром объединения Катай на исследуемой территории были 2 рода: Улу-Катай (*Оло-Катай*) и Бала-Катай (*Бала-Катай*). К началу XX в. деревни этих родов располагались в пределах Екатеринбургского и Шадринского уездов Пермской губернии. В наше время потомки улу-катайских башкир живут в деревнях Мансурова (*Мансур*), Юлдашево (*Юлдаш, Зэбир*), Кулужбаево (*Колошбай*), Б. Тюляково (*Түләк*), С. Соболево (*Субыл*), Сарыкульмяк (*Кулмәк*),

¹ Там же. С. 195.

² Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Тип.Б.Бреслина, 1887. С. 65-67.

Каинкуль; бала-катайские башкиры в деревнях Сары, Метелино (*Мәтел*), Б. Таскино Аргаяшского и Кунашакского районов¹.

Каждое объединение имело собственную тамгу. Улу и бала-катайские тамги довольно разнообразны: чаще встречались тамги в форме подковы (*дага*) и молота-полумесяца *ай-балга*. Информатор родом из д. Метлино Ф.А. Шакиров 1923 г.р., нарисовал нам тамгу, который напоминает рога барана.

Родовых подразделений среди катайцев Аргаяшского и Кунашакского районов к середине XIX в. удалось зафиксировать немного. В составе рода Улу-Катай Р.Г. Кузеевым зафиксированы аймаки: Калмак (*Калмак*), Кулембет (*Көлөмбөт*), Аю (*Айыу*); аймаки в составе рода Бала-Катай: Сытый (*Сытый*), Игелек (*Игелек*), Экрен (*Әкрен*), Барын (*Барын*) и др.²

Между улу-катайцами и бала-катайцами до недавнего времени не было резких разграничений. Это подтверждает и общность тамг, и родовые названия: Улу и Бала. Вплоть до середины XIX в. брак между улу- и бала-катайцами считался нежелательным³. Можно сказать, о том, что когда-то улу- и бала-катайцы составляли одну родовую организацию.

Катайцы знали путь в Зауралье давно, за несколько столетий до присоединения к России, однако первоначально зауральские степи были лишь удобным местом для летних кочевков. Поздней осенью катайские кочевья возвращались в горы, за Уфалейский хребет, в район современного Белокатайского района Республики Башкортостан. Постепенно часть катайцев оставалась на восточных склонах Уральского хребта⁴. Примерно в 80-е гг. XVI в., в период походов Ермака, когда активизировалась русская колонизация обширного Пермского края, переселения башкирских родов с севера на юг и восток стали массовыми. Кочевники-башкиры, напуганные различными слухами, стремились уйти подальше в горы или затеряться в просторах бескрайних зауральских степей. Более многочисленная группа, по издавна знакомым путям кочевников, через горы Уфалейского хребта, направилась в Зауралье, в места бывших своих летних кочевков⁵.

В Зауралье улу- и бала-катайцы нашли уже не пустующие земли. За несколько десятилетий до них сюда прикочевали и заняли обширные земельные просторы могущественные в то время салюты⁶. Но вплоть до XVIII в. земельное положение катайцев на аргаяшской и кунашакской земле оставалось сложным. Значительная часть находилась в положении припущенников. Это обстоятельство и обусловило постепенный отлив безземельных катайских башкир далее на восток, в притобольские и приуйские степи: на территорию современной Курганской области⁷.

¹ Кузеев Р.Г. Зауральские башкиры ... С. 289; Мухамеджанов, 1939 г.р., д. Бажикаево.

² Кузеев Р.Г. Зауральские башкиры ... С. 182.

³ Там же. С. 182.

⁴ Бикбулатов Н.В. Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Научное издательство "Башкирская энциклопедия", 2002. С. 154.

⁵ Бикбулатов Н.В. Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры ... С. 183.

⁶ Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир (родо-племенные организации башкир в XVII-XVIII вв.). Уфа: Башкирское издательство Китап, 1957. С. 94.

⁷ Бикбулатов Н.В. Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры ... С. 159.

Сальюты (*Гальют, Сальягут, Галйыуыт*) занимали крайнюю северо-восточную часть башкирской территории в Зауралье, по среднему и нижнему течению р. Караболки, по р. Синаре и многочисленным озерам. Примерно эту же территорию они занимали в XVIII в. «Челжетуцкая волость, – говорится в росписи башкирских волостей, – за Уралом, по озерам и по речкам близ Ухтузских заводов»¹. К началу XX в. территория Салзавтской волости находилась в пределах Шадринского уезда Пермской губернии.

В наше время потомки сальютов живут в Кунашакском районе. К старинным сальютским деревням относятся: Бурино (*Буре*), Большое и Малое Кызылово (*Оло Кызыл, Кескэй Кызыл*), Баязит (*Баязит*), Кунакбаево (*Кунакбай*), Султанаево (*Султанов, Аһкайды*), Иксаново (*Ихсан*) и другие².

Тамги сальютов оригинальны и среди других башкирских родоплеменных групп не встречаются. Наиболее характерны *һалдау* -острога, или *ук-тамга* (лук со стрелами).

Как считают ученые, племя Сальют этнически восходит к монгольскому племени *Салджиут*³. *Рашид-ад-Дин* прямо указывает, что салджиуты «были родичами» монголов⁴. Племя Сальют в составе кара-кайского и найманского племенных объединений подверглось тюркизации еще в период пребывания на Алтае и в Южной Сибири. Из этого видно, что салджиуты – предки сальютов, имели давние связи с племенами Ктай и Найман⁵. Смежное расселение зауральских кайцев и башкир-сальютов является сохранившимся пережитком этих давних связей. Неслучайно среди кунашакских башкир вплоть до недавнего времени широко были распространены исторические предания о том, что сальюты и кайцы являются братьями⁶. В настоящий момент опрошенные нами информаторы из указанных деревень, в большинстве своем не знают, даже о существовании такого племени.

С кайцами и особенно с сальютами исторически (и, видимо, этнически) связаны три небольших рода: Сынгрян (*Һеңрэн*), Терсяк (*Терһәк*) и Бекатин (*Бәкәтен*)⁷. Самостоятельное существование этих родов было забыто даже стариками уже к началу XX в., и все сынгрянские и бекатинские деревни (как, впрочем, и терсякские) относились ими к сальютским. В настоящий момент потомки указанных родов проживают: сынгряне – в д. Чекурова, терсяки – с. Халитова (*Хәлит*), Аширова (*Ғәшир*), Алифкулова, Махмутова (Кунашакский район); бекатинцы – в д. Алабуга (Сосновский район).

Объединение Табын включает собственно табынские роды Табын, Кара-Табын, Кёкюрgek и Барын, а также род Сырзы. До начала XIX в. табынские волости находились в пределах Екатеринбургского уезда Пермской губернии и

¹ Материалы, ч. 1 С. 136.

² Кузеев Р.Г. Зауральские башкиры ... С. 256; Мухамеджанов, 1939 г.р., д. Бажикаево.

³ Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир ... С. 124; Бикбулатов Н.В. Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры ... С. 187.

⁴ Рашид Ад-дин, 1952, С. 153.

⁵ Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир ... С. 201.

⁶ Бикбулатов Н.В. Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры ... С.167.

⁷ Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир ... С. 194.

Челябинского уезда Оренбургской губернии. Потомки указанных родов на сегодняшний день проживают на территории Аргаяшского района.

Башкиры рода Табын (*Табын*) занимали, главным образом, левобережье р. Миасс в верхнем и среднем ее течении. Наиболее старые табынские деревни: Мавлютово (*Мәүлит*), Акбашево (*Акбаш*), Мамаево (*Мамай*), Мидияково (*Мизийәк*), Сагитово (*Сәгит*), Карасево (*Караһыу*), Кулуево (*Колой*), Байрамгулово (*Байрамгул, Аргази, Арғужа*)¹. В двух последних деревнях, кроме табынцев, живут и кара-табынцы. Кара-табынские башкиры, кроме того, составляют основное население деревень: Сатлыково (*һаттык*, территория нынешнего п. Аргаяш), Алгазин, Бигарды (*Бигәрзе*), Султаево (*һултай*). В настоящий момент потомки этого рода проживают в Аргаяшском районе².

Старинные деревни, расположенные в северной части Аргаяшского района, образуют род Кёкюргек (*Күгәргәк түбә*): Старое Соболево (*Иске Субыл*), Новое Соболево (*Яңы Субыл*), Абдырово (*Абдыр*), Бажикаево (*Бәжикәй*) и Кусенбаево (*Кусенбай*). Р.Г. Кузеев, основываясь на преданиях, считает, что этот род когда-то отделился от кара-табынского рода³. Кроме преданий, об этом свидетельствуют названия родовых подразделений и форма тамг (*сүмес-тамга* – половник).

Башкиры рода Барын занимали довольно компактную территорию по обоим берегам р. Миасс, восточнее озера Аргази. Барынские деревни в этом районе: Яраткулова (*Яраткол*), Большое Куйсарино (*Оло Куйһары*), Уразбаево (*Уразбай*), Нижние Караси (*Караһыу*); барынские аймаки были также в деревне Кулуево и Байрамгулово. На сегодняшний день потомки барынцев проживают в пределах Яраткуловской и Кулуевской сельской администрации Аргаяшского района. Барын-табынцы, как и кара-табынцы – давние жители этих земель. В XVIII в. основной район поселения барын-табынцев находился западнее, в верховьях р. Миасса, в районе Златоустовского и Карабашского заводов. Еще и конце XIX – начале XX вв. барын-табынцы уходили на летние кочевки в эти районы⁴.

Род Сырзы (Һырзы) – Чирлинская, Сарлинская волости по источникам XVII-XIX вв. – по мнению Р.Г. Кузеева, не входил в состав племени Табын; был самостоятельным родом, хотя и этнически близким к нему. В настоящее время потомки сырзинцев проживают на территории вокруг п. Аргаяш: Б. Курманова, Норкино (*Нуре, Нуркин*), Аязгулова и некоторых других. Тамга сырзинцев – общетабынская.

По происхождению табынские роды восходят к древним тюркским и монгольским племенам, обитавшим в середине I тысячелетия н. э. на Алтае и в Западной Монголии. Захваченные общим движением кочевников на запад, табынцы в начале II тысячелетия в составе или в союзе с куманскими племенами прикочевали в степи между Яиком и Уралом.

¹ Хисамитдинова Ф.Г. Диалектологический атлас башкирского языка. Уфа: Китап, 2005. С. 208-275.

² Кузеев Р.Г. Зауральские башкиры ... С. 286; Мухамеджанов, 1939 г.р., д. Бажикаево.

³ Кузеев Р.Г. Зауральские башкиры ... С. 192.

⁴ Кузеев Р.Г. Зауральские башкиры ... С. 192.

С началом монгольского завоевания табынцы вошли в состав Золотоордынского государства, но в конце XIII – первой половине XIV в. в силу каких-то причин перекочевали в верховья Яика, откуда впоследствии постепенно стали осваивать зауральские степи. В отличие от катайцев, табынцы перекочевали на Урал не через Западную Башкирию, а с юга, по левобережью р. Яик. Этот путь был им давно знаком, так как племена, кочевавшие в степях между Волгой и Яиком, издавна на летние кочевки уходили в верховья Яика, Иртыша и Тобола¹. Табынские роды тесно соседствовали с родами племени Айле.

В состав Айлинского объединения, которое проживало на территории исключительно Аргаяшского района, входили роды: Айле (*Әйзе*) и Сызгы (*һызгы*). Этнографы, в частности Р.Г. Кузеев и С.Н. Шитова, выделяют северную и южную группу аргаяшских айлинцев. Айлинцы не занимали компактной территории, их деревни отдельными островками «вкраплены» на табынских землях.

К деревням северной группы относят: Метелино (*Мәтәл*), Ишалино (*Ишәле*, второе название *Уләнде*) и Дербишево (*Дәрвиш*). К южной группе айлинцев относят деревни: Давлетбаево (*Дәүләтбай*), Кулукаево (*Коло-кай*), часть деревни Кулуево (другое название *Мустафа*), Кузяшево (*Көзәш*, другое название *Әлмәй*), Арыкбаево (*Арыкбай*), Алишево (*Әлеш*), Айбатово (*Айбат* или *Сарзакты*), Акбашево (*Акбаш*) и др.². Тамги этих групп отличаются не сильно.

На территории нынешней Яраткуловской сельской администрации живут башкиры – потомки рода Сызгы (*һызгы*). Ранее они проживали на восточных склонах Уральского хребта, западнее кара-табынских земель, В начале XIX в. сызгинские башкиры расселялись в деревнях: Уразбай (второе название *Тукьс*), Сайтово (*Сәит* или *Этколак*), Селянкино (*Сәлән*), Карабашево (*Карабаш*), Сактаево (*Һактай*), Мухамбетово (*Мөхәмәт*), Байлашево (*Байзаш*), Карасево (*Карас*) Часть сызгинцев жила в долине р. Ай, на айлинских землях³.

Объединение Ай – одна из древних огузских родоплеменных групп. Этнокультурная близость Айлинского объединения с восточными табынцами подтверждается и языковыми материалами. Разговорный язык и тех и других составляет айско-яицкий говор восточного диалекта башкирского языка.

Таким образом, из вышеописанного можно сделать следующие выводы. Постепенное включение Южного Зауралья, в том числе и современных Аргаяшского и Кунашакского районов Челябинской области, в орбиту древнебашкирского населения происходит, по мнению Р.Г. Кузеева, в XI в.

В это время в район водораздела рек Яик, Уй, Миасс, Ай, Юрюзань приходят племена огузского происхождения айлинской родоплеменной группы⁴. По мнению Н.А. Мажитова, археологические памятники, которые связаны с айлинцами X-XI вв., говорят о том, что в составе этих

¹ Там же. С. 195.

² Кузеев, 1962, С. 286; Мухамеджанов, 1939 г.р., д.Бажикаево.

³ Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. ... С. 197.

⁴ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа ... С. 453-454.

родоплеменных групп был весомый угорский компонент, который к этому времени еще не был ассимилирован¹.

В конце XIII – начале XIV вв. начинается проникновение на данную территорию башкир катайского и табынского родоплеменных союзов. Массовое же заселение Зауралья, в т.ч. интересующей нас территории, башкирскими родами началось не ранее второй половины XVIв. К началу XVIII в. аргаяшские и кунашакские башкирские роды группировались в основном вокруг трех сильных родоплеменных объединений: Катай, Табын и Айле. В наши дни, к сожалению, что информаторы плохо знают свою родовую принадлежность, или вообще не имеют представления о прошлой родоплеменной структуре башкирского общества. В связи с этим проводимое нами исследование истории и семейно бытовых обрядов башкир Челябинской области представляется на наш взгляд актуальным и своевременным.

© Абдулгазина Г. В., 2010 г.

Алламуратова Л. Х.

Просветительская деятельность Р. Фахретдинова на страницах журнала «Шура»

Одним из деятелей, повлиявших на культурное развитие, просвещение народов Урало-Поволжья, является Ризаитдин Фахретдинов (1859-1936) – крупнейший представитель мусульманской общественно-политической жизни и культуры конца XIX – начала XX вв., просветитель, ученый, писатель, публицист.

Творчество Ризаитдина Фахретдинова стало объектом литературной критики еще при его жизни. Габдулла Тукай, так писал о его деятельности: «Риза Фахретдинов своими книгами «Асма» и «Салима» показал себя как замечательный писатель, отличающийся силой творчества, даже поэтичностью, ясностью изложения и легкостью стиля»². Высоко оценена деятельность Ризаитдина Фахретдинова в монографии Б.Х. Юлдашбаева «История формирования башкирской нации». Автор называет его «видным идеологом джадидизма в Башкирии». В 1903 году, в номерах за 11-12 июня, в «Уфимских губернских ведомостях» был перепечатан в сокращении из варшавской газеты «Slowbe» («Слово») очерк «В старой Башкирии» специального корреспондента этого издания И.А. Урсын. Корреспондент писал, что «лучшим из башкирских писателей-прозаиков считается Ризаитдин Фахретдинов»³.

Ризаитдин Фахретдинов родился 4 (16) января 1859 года в д. Кичучат (Юлдаш) Бугульминского уезда бывшей Самарской губернии (ныне

¹ *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. С. 136-145.

² *Гайнуллин М.Х.* Татарская литература и публицистика начала XX века. Издание 2-е, доп. Казань, 1983. С. 168.

³ *Шакур. Р.* Великий подвижник науки и просвещения // Ватандаш. 2008. № 10. С. 23.

Альметьевский район Татарстана) в семье имама-мудариса Фахретдина бен Сайфутдина из сословия тептярей¹. Это была обычная многодетная семья деревенского муллы скромного достатка. В своей автобиографии ученый ясно указывал на то, что по национальности он – башкир. До поступления в школу при мечети Ризу Фахретдинова учила мать – Маухуба бинт Рымкул Аль-Иштиряки.

В 1870 г. в одиннадцатилетнем возрасте Риза Фахретдинов поступает в медресе деревни Нижние Чершили (Шелчеле), что лежит к югу от Кичучатово. Необходимо отметить, что в отличие от своих современников, Ризаитдин Фахретдинов знания в самых различных областях получил путем самообразования, изучения книг и рукописей². Летом 1887 г. он вместе с отцом отправляется в Уфу в Оренбургское Магометанское Духовное собрание для сдачи экзамена, дающего право занимать должность имама. На экзамене присутствовал сам муфтий Мухамедьяр Султанов, отвечая на вопросы которого, Ризаитдин поразил всех уровнем своих знаний. Слава о молодом талантливом наставнике из Кичучата разлетелась по всему краю. В июле 1889 г. общество деревни Ильбак Бугульминского уезда пригласило Р.Фахретдинова на должность местного имама и мударриса, а затем его избирают кади. Вскоре он переезжает для работы в Духовном управлении в Уфу, где получает степень ахунда. В этой должности он состоял до отъезда в Оренбург в 1906 г., где его ожидала работа в редакции журнала «Шура».

С января 1908 по январь 1918 гг., с первого до последнего номера, Риза Фахретдинов издает, редактирует в Оренбурге на татарском языке двухнедельный общественно-политический и литературно-художественный журнал «Шура», распространившийся преимущественно среди татаро-башкирской интеллигенции и духовенства Среднего Поволжья и Приуралья. Журнал ставил целью ознакомить татаро-башкирских читателей Оренбургской, Уфимских и других губерний с прогрессивной русской и мировой культурой. В нем Р. Фахретдинов отмечает 200-летие со дня рождения М.В. Ломоносова и 100-летие – Н.В. Гоголя, публикует Некрасовские стихи, материалы о классиках восточной культуры – Омаре Хайяме, Саади, Навои, Рабиндранате Тагоре и др. Татаро-башкирская читающая публика ознакомились через «Шура» с философией Аристотеля и Сократа, Руссо, Декарта и Спинозы. На страницах журнала «Шура» за 1911-1912 гг. под рубриками «Нэбатат» и «Фэнни уку» систематически публиковались научно-популярные статьи и очерки о жизни растений, о физиологии человека, о знаменитых ученых – ботаниках, химиках, физиках, физиологах (о Дарвине, Сеченове, Луи Пастере – основоположнике научной микробиологии, Пристли Джозефе – знаменитом английском естествоиспытателе и философе-материалисте, Гарвее Уильяме – основоположнике научной физиологии и эмбриологии, об известном

¹ Хусаинов Г.Б. Творчество Ризы Фахретдинова. Уфа, 1988. С. 89.

² Баишев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. Уфа, 1996. С. 36.

французском ученом Лавуазье, о законе всемирного тяготения Ньютона, о Торричелли и т.д.)¹.

Обстоятельность, научная глубина и аргументированность были основными требованиями, которые неуклонно проводились в жизнь главным редактором Р. Фахретдиновым. Этими же критериями руководствовался он и в своей собственной исследовательской и журналистской работе. Огромен для того времени объем материалов, опубликованных на страницах «Шура» (а в течение десяти лет вышло всего 240 номеров), по существу неограничен круг вопросов, которые поднимались и освещались в журнале.

Таким образом, Р.Ф. Фахретдинов начал свою деятельность ученого и писателя в конце XIX века, в период дальнейшего обострения классовых противоречий и постепенного подъема прогрессивной общественной мысли в Башкортостане. Его исследовательская и творческая работа была одухотворена с самого начала горячей, преданной любовью к родному народу, заботой о его просвещении, о развитии науки и культуры. Он был сторонником приобщения своего народа к передовой русской и европейской культуре, придавал большое значение овладению русским языком. Творчество Ризы Фахретдинова и особенно его журналистская деятельность оказали огромное влияние на литературу и просветительство, имя ученого пользовалось широкой известностью среди народов Средней Азии и Казахстана.

Перед исторической наукой Башкортостана стоит задача всестороннего, полного и тщательного изучения и введения в научный оборот обширнейшего по объему печатного и рукописного наследия Р. Фахретдинова.

© Алламуратова Л. Х., 2010 г.

Амантаев И. Ф.

Пришлое население и трансформация башкирского общества и хозяйства в первой половине XVIII века

Начиная с XVII в. на территорию Башкортостана стали переселяться представители разных социальных групп, имевшие разную национальную принадлежность (русские, татары, мордва, мари, удмурты, чувашаи). Активная стадия переселения на башкирские земли началась после принятия указа от 11 февраля 1736 г., который разрешил, во-первых, широкую раздачу башкирских вотчинных земель русским дворянам, офицерам, мишарям, заводчикам, во-вторых, строительство множества крепостей и других опорных пунктов, в-третьих, предусматривал резкое увеличение податей и повинностей.

Все эти меры изменили привычную жизнь башкир. Из-за принятия некоторых указов был нанесен серьезный урон и по занятиям башкир. В частности, 28 марта 1720 года вышел сенатский указ «О позволении

¹ Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). Уфа, 1972. С. 265.

употреблять дубовый лес в Уфимской провинции, в Сибирской и Астраханской губерниях»: «В Уфимской провинции и в Сибирской и Астраханской губерниях заповедные дубовые леса, которых по состоявшемуся Его Царского Величества Именного указа июня 17 дня прошлого 1719 года, во всем государстве рубить не велено. О чем во все губернии и в провинции указы посланы в том числе и в помянутую Уфимскую провинцию и в Сибирскую и в Астраханскую губернии. Ныне в тех Уфимской провинции, в Сибирской и Астраханской губерниях, тамошним обывателям позволить, и запрещения в рубке тех лесов никакого не чинить, понеже оныя места от тех лесов, где на корабельное строение готовится, в дальном разстоянии»¹.

Это решение стало ударом по таким важным отраслям башкирского хозяйства, как бортничество и охота.

В-третьих, по причине массового строительства в крае крепостей и заводов, происходили конфликты между башкирами и пришлым населением.

Приблизительную численность башкир в первой половине XVIII в. мы узнаем по статистическим данным кунгурского бургомистра Юхнева, побывавшего на территории Башкортостана в 1725 – 1726 гг. По его подсчетам, в это время в 60 башкирских волостях насчитывалось 28 655 башкирских дворов, в среднем по 480 дворов на волость².

Полученная цифра является не совсем полной, ибо этот перечень охватывает не все волости башкир по причине того, что в некоторые из них его просто не пустили. В частности, Юхневым пропущены такие волости как Барын-Табынская, Унларская, Тырнаклинская на территории Сибирской, Байлярская, Иланская – на Казанской, Тазларская и Ирехтинская – на Осинской дорогах, 7 волостей Ногайской дороги: Бурзянская, Сункипчакская, Тангаурская, Усерганская, Кипчакская, Бешакульская, Минская. Таким образом, в 20-х гг. XVIII в. в крае имелось примерно 32 тыс. башкирских дворов³.

Примерно такие же данные о количестве башкирских дворов дает представитель царской администрации 30 – 40-х гг. XVIII в. – переводчик Уфимской провинциальной канцелярии Кильмухамет Ураков. В своем представлении императрице Елизавете Петровне от 1746 года он пишет о том, что в Уфимском уезде было не менее 40 000 дворов нерусского населения, в том числе тептяро-бобылей около 5 000 дворов. А служилых татар и мишарей в то время насчитывалось 1 800 дворов. Вычтя из приведенной цифры количество тептяро-бобыльских и мишарских дворов, получим около 33 200 башкирских дворов⁴.

Юхнев считал, что в каждом дворе имеются не менее трех мужчин, «которые могут воевать»⁵.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3552.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. М.-Л., 1949. № 546.

³ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. I. Уфа, 2004. С. 113.

⁴ Материалы... Т. III. № 577.

⁵ Там же. № 546.

П.И. Рычков подметил, что «в каждом дворе их живет обыкновенно по несколько семей»¹.

Слабая достоверность статистических источников XVIII в. вызвали у исследователей противоречивые суждения о численности башкир. Например, Р.Г. Кузеев считал, что численность башкир в 1725 – 1726 гг. составляла 260 тыс., в 1743 г. – 240 – 250 тыс. человек².

И.Г. Акманов считает, что в 20-е гг. XVIII в. общее число башкир составляло 380 – 390 тыс. человек обоего пола³.

Появление русского населения в Башкортостане связано с основанием города Уфы. В середине 90-х гг. XVI в. в нем насчитывалось всего около 200 человек мужского пола. Несколько увеличилось русское население во второй половине XVII – начале XVIII в. по мере появления в европейской и зауральской частях крепостей, острогов, слобод и возникновения вокруг них сел и деревень за счет беглых людей. Но численность их была невелика, ибо русские крепости и села представляли собой редкие островки сплошного массива башкирских аулов от среднего течения Тобола до Волги и Камы. В 20-х гг. XVIII в. в крае насчитывалось всего около 35 тыс. человек русского населения⁴.

Заметный рост его численности начинается в связи с массовым строительством крепостей и заводов, снятием запрета на переселение крестьян из центральных уездов после организации Оренбургской экспедиции. В 60-х гг. XVIII в. в Башкортостане насчитывалось около 100 тыс. человек русских обоего пола, в том числе – дворян, чиновников, солдат и драгун – 26 тысяч, крестьян государственных, дворцовых, монастырских, помещичьих – 74 тысячи⁵.

Нерусское население среднего Поволжья стало переселяться в Башкортостан в конце XVI в. Оно состояло из беглых людей. По данным 1-й ревизии (1718 – 1724 гг.) в крае насчитывалось мари – 4668, татар – 3943, удмуртов – 1689, чувашей – 704, мордвы – 17 человек м.п. всего 11021 душ м.п.⁶ В 60-х годах их здесь было 33656 душ м.п., или около 67 тыс. человек об. пола. В крае проживали также служилые мишари и татары, которых в 60-х гг. XVIII в. насчитывалось 15517 человек об. пола⁷.

В целом в первой половине XVIII в. основная часть башкир, т.е. жители самых обширных дорог Ногайской, Сибирской и Казанской занималась полукочевым скотоводством. Лишь жители небольшой Осинской дороги отдавали предпочтение земледелию.

¹ Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. Ч.1. СПб., 1762. С. 93.

² Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 222, 260.

³ История... С. 114.

⁴ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. М., 1984. С. 61.

⁵ Рычков П.И. Указ. соч. С. 92 – 156, 167 – 191.

⁶ Демидова Н.Ф. Социально-экономические отношения Башкирии в первой четверти XVIII в. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 24 – 25.

⁷ Материалы... Т. 4. Ч. 2. № 353.

Первый историк Оренбуржья П.И. Рычков писал о хозяйстве башкир: «Башкирский народ к пашне не склонен. А хотя некоторые из них и сеют, то токмо про свою нужду, и то малое число. Пропитание свое имеют они по большей части от содержания лошадей и бортных угодий... Главная экономия уездных обывателей, особливо у башкирцев, состоит в конских заводах, в содержании скота и бортовых пчел».¹

Наблюдавший жизнь башкир в конце 60 – начале 70-х гг. XVIII в. участник академических экспедиций И.Г. Георги свидетельствует: «...редко и у простого человека бывает меньше 30 и 50 лошадей, многие оных до 500, богатые до 1000, а иные до 2000 и выше...число овец почти соответствует у богатых числу лошадей или превосходит оное, однако мало чем. Рогатого скота держат богатые в половину противу лошадей. Почти у всех есть козьи стада».²

Земледелие, тем не менее, вместе с русским населением начало проникать и развиваться у башкир. Наличие земледелия в южных и юго-восточных волостях Ногайской дороги прослеживается по сведениям рапортов царских офицеров, подавлявших в 1740 г. восстание под предводительством Карасакала. Усмирители восстания отметили для себя роль хлеба в продовольствии повстанцев. Начальник Комиссии башкирских дел Л.Я. Соймонов приказал, чтобы «жилища же их все без остатку жгли и хлеб толочили, чтоб где хотя и оставались каким случаем воры, то б за неимением пристанища и пропитания могли скорее в погибель прийти...»³

Насчет хозяйства башкир Сибирской дороги читаем у Юхнева: «Сенных покосов множество и пашенная земля, на которую они навозу никогда не кладут, однако силен родитца ечень да крупа, которые в тех местах сеют, а рожь не сеют и хлеба не едят, не только лошадиное мясо, а пьют кумис, которое питье зделано из лошадиного молока. Лес у них листвинник, сосна, березник, а ельнику и рощ хороших у них нет, а также улей с медом много по ту сторону к Уфе и Кунгуру, а по сю сторону к Сибири чрез Уральские горы нет. Скота довольно, а именно: верблюдов, лошадей, коров, овец, а звери – кореок, лисиц коз диких много».⁴

Интересны наблюдения П.С. Палласа, побывавшего во многих волостях Сибирской дороги: «При великих конских заводах и пчелиных ульях, богатство им доставляющих, также при праздной жизни, какую они ныне препровождают могут, почти нельзя думать, чтобы из них когда-нибудь сделались пахотные люди. Притом же хлеб у них не употребляется повсеместно»⁵.

Казанскую дорогу Юхнев характеризует так: «Пахотной земли и сенных покосов довольно имеют. Они сеют рожь и всякий хлеб без навозу, и та дорога кормит Уфу. Они имеют дворы хорошие, токмо половина из них летом кочует в

¹ Рычков П.И. Ч. I. С. 201 – 202; Ч.2. С. 216.

² Янгузин Р.З., Хисамитдинова Ф.Г. Коренные народы России. Башкиры. Уфа, 2007. С. 120.

³ Янгузин Р.З., Хисамитдинова Ф.Г. Указ. соч. С. 118 – 119.

⁴ Материалы...№ 546.

⁵ История Башкортостана...С. 120.

степи, едят хлеб и лошадиное мясо, скота у них довольно... меду и воску много».¹

Несколько иные сведения о хозяйстве башкир этой же «дороги» сообщает капитан Н.П. Рычков, посетивший юго-западные ее районы по поручению академических экспедиций. Характеризуя население среднего течения р. Ик, он пишет: «... в сих местах живет множество башкирцов, коих в число земледельцев причислить невозможно. Народы, обитающие в сей стране, суит татары, и службу отправляющие башкирцы, которые отчасти земледельцы, а больше еще скотоводы и пчеляки».²

Жителей Осинской дороги Юхнев описывает так: «При оной живут башкиры все в домах. Хлеба имеют много и пашни и летом не кочуют в степи, но по домам живут, как русские. Скота у них не так много, как у протчих, сена косят много. Ситуация не равна, болот много, меду и воску довольно».³

Л.Я. Соймонов доносил 1 января 1742 г. в правительство, что «во многих башкирских местах тот яровой хлеб прошедшего лета нарочито уродился»⁴.

Основным занятием пришлого населения – русских, марийцев, чувашей, татар, мишарей, удмуртов, мордвы – было земледелие. Наилучшими хлеборобами считались русские крестьяне, вслед за ними шли чуваша, мари, мордва, удмурты. П.И. Рычков утверждает, что «к земледелию прилежат из них многие не меньше, но едва ль и не больше российских».⁵

Лепехин выделяет в этом отношении мордву, а Н.П. Рычков – удмуртов. Далее идут татары. О них П.И. Рычков пишет, что «... в земледелии многие из них привычны и сведущие».⁶

Мишари же по уровню своего земледельческого хозяйства уступали всем перечисленным выше народам.

Основными культурами земледелия являлись рожь и овес, а затем – пшеница, ячмень, полба, просо. Из технических культур разводили коноплю и лен. Наиболее распространенным орудием была соха, местами, особенно татары, пользовались плугом. Трехполье преобладало у русских крестьян, переложная – у татар и мишарей.

Второе по значению место после земледелия у них занимало скотоводство. Пришлого население держало лошадей, коров, овец, коз, отчасти – свиней. Татары и мишари имели больше скота, чем русские, чуваша, марийцы, удмурты и мордва. И.Г. Георги даже считал, что у мишарей основной отраслью является скотоводство.⁷

В отличие от башкир, пришлого население практиковало зимой стойловое содержание скота.

¹ Материалы... Т. III. № 546.

² Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 годах. СПб., 1770. С. 137.

³ Материалы... Т. III. № 546.

⁴ Янгузин Р.З., Хисамитдинова Ф.Г. Указ. соч. С. 110.

⁵ Рычков П.И. Указ. соч. С. 95.

⁶ Там же.

⁷ История Башкортостана... С. 121.

Определенную роль в хозяйстве пришлого населения играли бортничество, охота и рыбная ловля.

Русские и крестьяне других национальностей прямо и косвенно способствовали переходу башкир к земледелию, перенимая в свою очередь у последних некоторые приемы ведения скотоводства, бортничества и охоты. Н.П. Рычков отмечает, что тептяри живя среди башкир, «...научились обрядам скотоводства по обыкновению сего народа и в пчеловодстве также». Он же отмечает, что пчеловодство русские крестьяне «...исправляют по примеру башкир».¹

Рыбной ловлей больше всех занимались русские крестьяне и казаки.

Социальная структура башкирского общества также претерпевает в первой половине XVIII в. некоторые изменения. В районах полукочевого скотоводства, как и в земледельческих, официальным владельцем земли выступала волостная община, структура которой и функционирование имели здесь свои особенности. Наличие значительного количества свободных земель, пастбищ, позволяющих вести полукочевое скотоводство, преобладание натурального хозяйства предопределяли устойчивость традиционных черт общинной структуры.

Самыми крупными земельными собственниками и скотовладельцами в скотоводческих районах были тарханы. Главная тарханная привилегия – это свободное владение общинными землями. Следовательно, присвоение тарханного звания не требовало от правительства никаких экономических затрат. За эту привилегию тарханы несли военную, дипломатическую и административную службу. Башкирские тарханы, представляя феодальную верхушку общества, обладали большим богатством и реальной властью в обществе. Поэтому указ 1754 г. об отмене института тарханства фактически не отразился на их положении. Бывшие тарханы продолжали оставаться крупными феодалами.

В первой половине XVIII в. с исторической арены как богатая сословная категория, исчезли князья (бии). По данным В.В. Вельяминова-Зернова, в 1734 – 1735 гг. 46 башкирских князей Ногайской и Сибирской дорог были пожалованы в тарханы. Таким образом, исчезает само понятие «князья», а в действительности они продолжают существовать только под званием тарханов.

Феодалами также являлись башкирские старшины и их помощники – сотники. Во главе каждой волости стоял старшина (до 20-х гг. староста). В зависимости от количества населения внутри волости было еще несколько юртовых старшин. Старшинам принадлежала вся административная власть в волости. Они организовали линейную службу башкир, собирали внутриобщинные сборы и имели право телесно наказывать за малейшие проступки.

Основную часть населения составляли рядовые общинники. Они были лично свободными, но несли основные повинности в пользу России. Беднейшая часть населения обычно закладывала, продавала себя, жен, детей феодалам.

¹ Рычков Н.П. Указ. соч. С. 137.

Проданные теряли личную свободу и назывались «туснаками». Вплоть до 30-х гг. XVIII в. тусначество было широко распространено в Башкортостане. В целях сохранения числа плательщиков ясака в 1736 г. правительством было «под смертною казнию запрещено...ясашных людей в туснаки в заклады брать». Однако тусначество продолжало существовать. Например, в 1740 г. у тархана Белекей-Кудейской волости Сибирской дороги Смаила Мандурова был «туснак» Янзигит з женою и с сыном».

В начале XVIII в. в хозяйстве феодалов применялся также труд ясыров (пленников). Ясыри захватывались во время набегов, организуемых феодалами на соседние народы, особенно на казахов. Башкирские феодалы продавали и покупали ясырей. Положение ясырей ничем практически не отличалось от положения рабов.

Феодалы применяли при эксплуатации рядовых общинников систему һауын. Этот институт известен почти во всех феодальных скотоводческих обществах и означает наделение скотом бедных крестьянских хозяйств более обеспеченными хозяйствами. Башкирский феодал в интересах упрочения своего владения «заботился» о рядовых кочевниках, иногда «помогал» нуждающимся молочным скотом, передвижными средствами, верховой лошадыю. Тем самым он, с одной стороны, давал возможность отдельным дворам поправить свое экономическое положение, чтобы они снова были в состоянии выполнять функции зависимых крестьян, с другой стороны, посредством һауын усиливалась зависимость рядовых скотоводов от феодалов.

Политика правительства по отношению к нерусским народам, вошедшим в состав России, определялась интересами господствующих слоев населения и общими политическими целями, стоявшими перед государством. В частности, осуществление этих интересов требовало создания в Башкортостане прочного, стабильного положения. Исходя из необходимости укрепления позиций в Башкирском крае, русское правительство проводило осторожную и гибкую политику. Оно не разрушало существовавшие общественные отношения, а использовало их в своих целях. Признав за башкирами вотчинное право на их земли, правительство рассчитывало, прежде всего, на службу новых подданных и поступление ясака с населения. С присоединением Башкортостана к России, пришлое население, поселяясь на различных договорных началах на башкирских землях, вступала в разряд так называемых припущенников. Взаимоотношения между башкирами-вотчинниками и их припущенниками не всегда были мирными. Припущенники часто самовольно захватывали земельные угодья, отказывались платить оброк и т.д. Особенно обострились отношения между башкирами и мишарями после восстаний 30-х гг. XVIII в., когда последние выступили на стороне правительства и получили за это право безблочно жить на башкирских землях. Часть этих мишарей, видимо, стала называть себя «башкирами». Тенденция среди мишарей записываться башкирами фиксируются уже в материалах 3 ревизии (1762 г.), когда в Уфимской и Исетской провинциях «было башкир и под их именем состоящих...мещеряков 2278 дворов».

В начале XX в. В.Э. Ден, ссылаясь на указ 7 мая 1753 г., отмечал, что слово «башкиры» не всегда употреблялось в точном смысле: «в Башкирии де иноверцы как старых жительство, кои по названию Башкирии генерально именуются башкирцы, в числе коих находятся мещеряки, вотяки, мордва, черемиса и чуваша». Таким образом, понятие «башкир» с известного времени стало употребляться не только в смысле этническом, но и административно-сословном¹.

В первой половине XVIII в. Башкортостан занимал огромную территорию. Его по праву можно было назвать многонациональным краем, коренные жители которого занимались большей частью скотоводством, в меньшей – земледелием. Пришлое население занималось по большей частью земледелием. Непосредственное взаимодействие башкир и представителей других народов послужило причиной для проникновения новых видов хозяйственной деятельности, как среди башкир, так и среди переселенцев.

© Амантаев И. Ф., 2010 г.

Алексеева О. С., Якимова Н. Н.

Изучение традиционной культуры народов Оренбургского региона как основа профессиональной подготовки по специальности «Социокультурный сервис и туризм» (СКСТ)

Одной из самых ярких, исторически сложившихся черт Оренбуржья является полиэтничность. В результате длительного воздействия различных факторов – окружающей среды, хозяйственной деятельности, естественных миграций, завоеваний, колонизации и т. д. – этнический облик Оренбуржья приобрел благодаря самобытности традиционной культуры неповторимую ценность, выделяющуюся в масштабах нашего многонационального государства.

Вследствие уникального геополитического положения на стыке Европы и Азии, активной роли государства в заселении Оренбургского края, он стал местом интенсивного этнокультурного взаимодействия разных групп населения, регионом с устойчивой толерантностью в этноконфессиональном плане. Вполне возможно, что свою лепту в эту важнейшую характеристику края внесло формирование в течение столетий культурогенеза и этнической карты этого юго-восточного региона России.²

По данным последней переписи 2002 года в Оренбургской области зафиксировано 119 национальностей из 140, указанных в результате опроса населения страны. Шесть самых больших национальных групп населения – русские, татары, казахи, украинцы, башкиры, мордва – имеют в своем составе

¹ Янгузин Р.З., Хисамитдинова Ф.Г. Указ. соч. С. 91 – 92, 217 – 222.

² Ким Г.П. Многонациональная культура Оренбуржья как исторически сложившийся феномен //Вестник Оренбургского государственного университета. 2007, октябрь, с.212

от 52,4 тысяч до 1,6 миллиона человек. Указанные народы, входящие в наиболее крупные этнические общности – славянскую, тюркскую и финно-угорскую, – оказали значительное влияние на этнокультурную и этноконфессиональную характеристики региона. Уровень полиэтничности Оренбуржья, как и многих других российских территорий, соответствует высокому показателю этого международного маркера в целом в стране: многонациональным признается государство с 5 % индексом иноэтнического населения, у нас он равен 17 %.

Главенство этнонациональных проблем в России определилось реалиями настоящего: необходимость адаптации многонационального населения страны к политическим и социально-экономическим изменениям, состояние традиционных норм и ценностей в условиях рыночных отношений, возможность реализации интересов этносов в постсоветском пространстве, потребность в этнической и этноконфессиональной толерантности, вероятность противостояния этническому экстремизму и др.¹ Именно поэтому изучение национальных культур, воспитание культурного плюрализма в обществе, межнациональной толерантности на сегодняшний день является актуальной проблемой.

Большие возможности в практическом решении стоящих перед современным социумом задач представляют учебные программы ряда гуманитарных специальностей вузов и в частности такой, как «социокультурный сервис и туризм». Основой профессиональной подготовки, на наш взгляд, является освоение традиционной культуры народов, не только мира, страны, но и изучение этнокультурного своеобразия Оренбургского региона. Только в диалоге культур разных этносов, предполагающем сближение их культурных кодов, взаимоуважение и взаимопроникновение в систему ценностей, возможны преодоление стереотипов, синтез самобытного и инонационального, взаимообогащение и вхождение в мировой культурный контекст.² В диалоге культур важно видеть общечеловеческие ценности взаимодействующих культур, от чего в итоге и зависит развитие как регионального, так и мирового сообщества.

Важнейшей составляющей обучения студентов по специальности «социокультурный сервис и туризм» являются различные формы организации туризма, который всё чаще становится приоритетной возможностью создания культурных связей и основой международного сотрудничества. Культура - в самом широком понимании этого слова - превращается в один из основных элементов туристского интереса. Познавательный туризм, посредством которого человек узнает о жизни, культуре, обычаях других народов, объединяет в единое целое все аспекты путешествия. Культурное

¹ *Ким Г.П.* Возможности этнологии в решении вопросов этнической толерантности //Роль университетской науки в региональном сообществе: Материалы международной научно-практической конференции. Москва-Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2003, с. 203

² *Андреева Г.П.* Межкультурный и межконфессиональный диалог как фактор консолидации общества //Диалог культур: евразийский опыт и региональная специфика: материалы международного научно-практического семинара. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009, с. 63.

самовыражение народа, выявляющее этническую идентификацию, всегда вызывает интерес: как жил тот или иной народ; какими хозяйственными занятиями занимался; как одевался; чем питался; какие традиции передавал из поколения в поколение; какой религии придерживался и др. Культура является фундаментальной основой процесса развития, сохранения, укрепления независимости, суверенитета и самобытности народа.¹

Горизонты человеческого познания постоянно расширяются, увеличиваются возможности для развития личности, ее творческого потенциала, в том числе и благодаря возможностям туризма. Совмещение отдыха с познанием жизни, истории и культуры другого народа - одна из задач, которую в полной мере способен решать культурный туризм, обогащающий духовный мир человека. Так, даже самое поверхностное обращение к народной мудрости, выразившейся в пословице или поговорке, свидетельствует о том, что общего у разных народов не меньше, чем различий. "В чужой монастырь со своим уставом не ходят", - гласит русская пословица. "Не стучись в чужие ворота, и твои не будут стучаться", - вторит ей татарская. "В чей обоз сел, те песни и пой", - говорят адыгейцы. "В Риме поступай как римлянин", - утверждают англичане. "В стране, в которой бываешь, соблюдай обычай, который встречаешь", - вторят им итальянцы. "Уезжая в чужую страну - узнай, что там запрещено", - советуют японцы, и этот список можно продолжить.

Однако познавать безграничность мира все-таки лучше со своей родной стороны. Чем же в этом отношении отличается Оренбуржье? Конечно же, числом проживающих народов, богатством этнических культур, умением жить в мире и согласии. Прошедшая весной текущего года в Оренбургском госуниверситете Неделя туризма показала, что студенты факультета экономики и управления смогли применить полученные в аудиториях знания на практике. Они соревновались в номинациях «Национальный костюм», «Национальное блюдо», «Национальные обычаи, обряды», воспроизводя фрагменты заданий по курсам «Национальные традиции народов региона», «Этнология». В фойе 3-го корпуса разыгрывались настоящие театрализованные представления: за казахский достархан были приглашены преподаватели, с волнением наблюдавшие за своими питомцами. Звучали народные мелодии, плясались зажигательные танцы. Первокурсники, представлявшие культуру русского народа, отличились в красочности костюмов, в слаженном исполнении обряда встречи дорогих гостей, в демонстрации фольклорных фрагментов жизни славянской общины.²

Обращение к этнической истории нашего многонационального края не умалило значимости разработки проектов современного использования его природных богатств, возможностей сочетания экстремальных видов спорта с традиционными в регионе ремеслами. Идеи, предлагаемые студентами, после проработки всех составляющих проекта, смело могут быть реализованы в Оренбуржье. Так, на базе горнолыжного курорта в Кувандыке, по нашему

¹ Квартальнов В.А. Культура как фактор туристской мотивации <http://www.culture.menedshment.ru>

² Вокруг света за 7 дней // Оренбургский университет, № 21 (1027), 26 мая 2010 года, с. 1, 5.

мнению, вполне возможен экстрим, основанный на рельефе местности: маунтинбайкинг (езда на горных велосипедах), дельтапланеризм. В Саракташском районе представляет интерес не только исторический пуховязальный промысел,¹ но и новое направление туризма - паломничество. Этот древнейший вид путешествий известен человечеству не одно тысячелетие. Мотивом к паломническому путешествию является духовное стремление посетить религиозные центры и святые места, особо чтимые в конкретной религии, свершение культовых обрядов и т. д. Мотивация происходит либо из предписаний религии, либо из религиозных устремлений и убеждений человека. Свято-Троицкая обитель милосердия в Саракташе представляет собой образец современного проявления традиционных религиозных канонов православия.

Сувениры - хорошая память о совершенном путешествии. Однако следует помнить, что сувенир, изготовленный не в стране посещения, теряет для туриста свою значимость и воспринимается как подделка. Наш регион может предложить туристам достаточно интересный и широкий ассортимент сувениров, выполненных (фабричным или кустарным способом) местными мастерами и ремесленниками. Так, древнейшее гончарное дело может быть представлено изделиями народных умельцев Акбулакского района, села Кардаилово Оренбургского района, города Оренбурга.²

Гуманитарное значение туризма заключается в использовании его культурно-образовательного потенциала, в расширении кругозора. Стремление к познанию, к духовному обогащению всегда было неотъемлемой чертой человека. Идентичность путей исторической эволюции культуры и туризма предопределила общность новых методов подхода к их дальнейшему развитию. В большинстве стран мира происходит процесс демократизации культуры и туризма, которые составляют неотъемлемую часть жизни общества. Самосознание и познание окружающего мира, развитие личности и достижение поставленных целей немислимы без приобретения новых знаний в области культуры. Развитие культурных факторов внутри региона является средством расширения ресурсов для привлечения туристских потоков. Элементы и факторы культуры могут являться каналами распределения информации о туристских возможностях местности. Открывшийся в 2007 году в Оренбуржье культурный комплекс «Национальная деревня» представляет не только этническое и конфессиональное многообразие края, но дает возможность приобщиться каждому к своим истокам, разрушить в себе самом распространившийся образ «Ивана, не помнящего родства».³

Во многих странах туризм включается в так называемую политику культурных отношений. Уровень культурного развития может быть

¹ Фролова Е. Оренбургский платок // Чистый родник. - М.: Молодая гвардия, 1990. - С. 28-29; Уханов И. Сказ о нетающем узоре // Любовь и Восток. - М.: Московский писатель, 1994. - С. 214-216.

² Герб Е. Рождение глиняной игрушки. Промыслы родного края // Гостиный двор № 18. Оренбург, 2005, с. 268-272; Найданов Г. Подвижник, Художник, Интеллигент // Гостиный двор № 8. Оренбург, 2005, с. 211-216

³ Ким Г.П. Многонациональная культура Оренбуржья как исторически сложившийся феномен // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007, октябрь, с.217

использован также для создания благоприятного имиджа конкретного региона на туристском рынке. Успех развития туризма зависит не только от материально-технической базы, соответствующей общепринятым стандартам и требованиям, но и от уникальности национального культурного наследия каждого конкретного региона. Оренбуржье таким потенциалом, бесспорно, обладает.

© Алексеева О. С., 2010 г.

© Якимова Н. Н., 2010 г.

Ахатов А. Т.

Развитие рыболовства у башкир Миасско-Уйского междуречья в XIX – начале XX вв. □

Рыболовство, наряду с охотой, бортничеством, и собирательством на протяжении долгого времени являлось одним из важных компонентов комплексного хозяйства башкир. О его важном значении в XVII-XVIII вв. свидетельствуют многочисленные припускные записи на их вотчинные земли, оговаривающие право или запрет «рыбу ловить»¹.

Данные этих записей несут и другую смысловую нагрузку, поскольку описывают те способы ловли рыбы, которые были известны в тот период времени как арендаторам, так и самим владельцам-башкирам. В них можно встретить следующие способы рыбной ловли «всякими ловецкими снастями, неводами и самоволами и бабатки и сетями и в пристойных местах езы летние и зимние городить»,² «острогою и с крыгую сидеть»³ и др. То есть башкиры уже в XVIII в. ловили рыбу с помощью сетей, неводов, острог, перегораживали реки и озера и т.д., что свидетельствовало о достаточно высоком уровне развития рыболовства среди них.

Тем не менее, башкиры занимались рыболовством не везде в одинаковой степени. Более или менее существенную роль в жизни башкир рыболовство играло в озерной области за Уралом, в нижнем течении р. Белой, значительным оно было и на других речках, изрезавших во всех направлениях территорию, населенную башкирами⁴.

В Зауралье благодаря наличию большого количества озер и рек рыболовство играло важное значение в хозяйстве всего населения, в том числе и башкир. Еще в 1770 г. П.С. Паллас, посетивший Исетскую провинцию писал, что «вся сия провинция по причине множества находящихся в ней озер

□ Современная юго-западная часть Курганской области – Альменевский, Сафакулевский и часть Щучанского районов, на территории которых до 1920 гг. располагались Катайская и Сарт-Калмакская волости Челябинского уезда Оренбургской губернии.

1 Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.- Л., 1936. С. 69, 74, 77-79, 82, 83, 88, 89, 96, 97, 100, 103, 107, 112, 114, 124, 125, 127, 144, 147.

2 Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. М.- Л., 1949. С. 437, 438.

3 Там же. С. 30.

4 Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006. С. 82.

рыбою изобилует. В малых озерах ловятся по большей частию токмо караси, а в тех, кои имеют пещаное дно попадаются и чебаки»¹.

Именно благодаря наличию большого количества озер и рек, Челябинский уезд в начале XIX в. занимал первое место по количеству вылавливаемой рыбы по всей Оренбургской губернии. В 1809 г. из 134637 пудов пойманной по всей губернии рыбы 53000 пуда (39,3 %) были пойманы в водоемах указанной территории.²

По словам очевидцев, наличие большого количества рыбных запасов в местных водоемах в это время позволяло башкирам рыбу ловить «в озерах равно и по р. Миясе и речках... для себя и на продажу».³

Большое количество озер позволяло не только ловить рыбу для собственного потребления и для торговли, но и сдавать естественные водоемы в аренду, преимущественно русским арендатором. По сообщению кунгурского бургомистра Юхнева уже в 1725-1726 гг. зауральские башкиры «озера... отдают на корм русским»⁴. В середине XIX в. официальные документы так же отмечали, что башкирским населением 6 кантона «рыбные ловли в реках и озерах преимущественно отдаются в кортому».⁵

Особенностью территории Катайской и Сарт-Калмакской волостей являлось наличие большого количества естественных водоемов – болот и озер. В начале XIX в. из общего количества в 121 820 дес. 101 саж. земли принадлежащей башкирам Катайской волости 10621 дес. 623 саж. (8,7 %) располагалось «под болотами» и 12197 дес. 651 саж. (10 %) под озерами,⁶ в Сарт-Калмакской из 160721 дес. 769 саж. земли 15384 дес. 227 саж. (9,5 %) занимали «камышные болота» и 22023 дес. 17207 саж. озера (13,7 %) ⁷.

Наличие столь значительного числа богатых озер в пределах современных Альменевского и Сафакулевского районов и определило здесь развитие рыболовства на протяжении длительного периода времени, вплоть до наших дней.

Предки современных курганских башкир заселили пределы изучаемого региона не только со сложившимися скотоводческими традициями, дополненными развитием определенных земледельческих навыков, но и привнесли с собой все приемы рыболовства, известных башкирам на тот период времени, адаптировав их к местным условиям. Поэтому, практически все способы ловли рыб известные башкирам повсеместно, были знакомы и предкам курганских башкир. Однако по истечении времени часть из них была забыта, а часть продолжает практиковаться и в наши дни.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. башкирское население изучаемой территории на сезонных кочевках, практиковало такие

1 Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 2 Кн. 2. СПб., 1786. С. 15.

2 ГАОО Ф. 6. Оп. 2. Д. 886/а. Л.64.

3 Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII – XIX вв. Уфа, 1998. С. 52.

4 Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 486.

5 ЦГИА РБ Ф. И. 2. Оп. 1. Д. 7150. 16 об.

6 ОГАЧО Ф.И.-46. Оп. 1 Д. 1009. Л. 25.

7 ОГАЧО Ф.И.-46. Оп.1 Д. 484. Л. 50 об. – 51 об.

способы как ловля рыбы руками, с помощью петли, остроги, морд, сетей, неретей, неводов, сетей и др. Широко практиковалось лучение, ужение, запорное рыболовство, лов «духовой» рыбы и т.д. Все они были широко известны башкирскому населению, проживающему в местностях богатых большими и мелкими речными артериями и озерами¹.

Во второй половине XIX - начале XX в связи с прекращением летних откочетов в места где были реки (Белянка, Синара, Теча, Караболка, Уй) и отсутствием значимых речных артерий, за исключением р. Чумляк от которой башкирам в начале XIX в. принадлежало лишь «половиною и целая... 27 дес. 5118 саж.»,² (около 0,3 км²) все «речные» способы ловли рыбы стали выходить из обихода.

К началу XX в. по свидетельству С.И. Руденко в пределах изучаемой территории башкиры ловили рыбу с помощью котцов (йиды), морд, сетей, сети-крыленки (битэл), неводов и удочкой³.

Самой распространенной рыболовной снастью в изучаемых районах среди башкир была морда, основным материалом изготовления которых служили тальковые и ивовые прутья. Эти ловушки, изготовленные в домашних условиях были обычно четырехугольной, дугообразной или подковообразной формы с конусообразным горлом. Если на дно реки морды ставились с помощью привязанного к ним кола и сверху прижимались камнями, то в озерах их клали внутрь и опускали на дно⁴.

Об высокой эффективности ловли рыбы с помощью этих приспособлений свидетельствует тот факт, что в видоизмененном виде их широко продолжают использовать и в наши дни. В первой половине XX в. морды делали исключительно из деревянных прутьев, начиная же с 1950-1960 гг. их стали делать из алюминиевой, изредка из медной проволоки.

Начиная с 1980 и до наших дней широко стали распространяться морды изготовленные из металлических сеток. Для их изготовления берется прямоугольный кусок такой сетки, свертывается в виде цилиндра, шов которого в нескольких местах скрепляют алюминиевой или медной проволокой. В один конец цилиндра вставляют коническое горло выкроенные из той же сетки, другой конец закрывается квадратным куском аналогичного материала, в котором вырезается дверца для извлечения рыбы.

Не смотря на использование новых видов материалов их форма и размеры сохранялись практически неизменными, однако с методами их использования произошла трансформация. Если в прошлом, морды удерживались на дне с помощью камней, то во второй половине XX в. их просто опускали на дно, где они и лежали в одном месте, благодаря собственной тяжести. Для того, что бы

1 Муллагулов М.Г. Собирачество и рыболовство у башкир. Уфа, 2007. С. 74-88, Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 35-36, 65, 444, 454, Бикбулатов Н. В., Юсупов Р. М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002. С. 72-74.

2 ОГАЧО Ф.И.-46. Оп.1 Д. 484. Л. 50 об. – 51 об.

3 Руденко С.И. Указ. соч. С. 82-84, 86.

4 Там же. С. 83.

их не потерять и удобства извлечения из воды к ним привязывались веревки, на свободный конец которых прикреплялись куски бересты¹.

Помимо морды, среди плетенных рыболовных снастей в дореволюционный период здесь встречались и корчаги. Этот вид ловушек был известен так же в некоторых местах Челябинской области, а так же в бассейнах р. Белая, Уфа и Инзер. Учитывая, что устройство башкирских корчаг ничем не отличалось от такового у русского горнозаводского населения, а в башкирском языке отсутствует собственный термин для их обозначения, можно предположить, что это орудие рыболовства было заимствовано коренными жителями от переселенцев².

Иногда здесь на озерах устанавливались сети-корыленки (вентерь), накатанные на три деревянных кольца. Однако гораздо чаще в пределах территории проживания курганских башкир ставили битэл, который так же делался из густой сетки, накатанной на три обруча, но в отличие от вентеря он состоял из двух одинаковых снастей, соединенных посередине между собой одним крылом. Ставился битэл при помощи двух кольев, к которым привязывались кутцы обоих концов этой снасти³.

Из рыболовных сетей башкиры чаще всего пользовались плавными или ставными сетями, которые бывали в одно полотнище, в два и три. Чаще всего употреблялись тройные сети из мелкоячеистой сетки (мережи) между двумя крупноячеистыми (режевками). Ставились плавные сети чаще всего на ночь возле камышей. Сети насаживались на веревку с поплавками (деревянными или из бересты) и грузилами (обожженными глиняными). Весьма широко было распространено и окружающее рыболовство бреднем. Самой распространенной рыболовной снастью был невод⁴.

Два последних вида рыболовных снастей требуют относительно большого и чистого пространства. По словам информаторов, начиная с 1950-х гг. в связи с ростом механизации на селе и как следствие загрязнение окружающей среды, многие озера, начали интенсивно покрываться постоянно увеличивающимися массивами «лабзы», зарастать камышом. Поэтому на сегодняшний день, ловля рыбы бреднем и неводом практикуются не так часто, повсеместно наряду с использованием морды ставятся сети⁵.

Довольно архаичным способом, практикующимся до недавних пор, был способ ловли рыбы с помощью запорных приспособлений – котцов, представляющих собой спиральные или изгибающиеся наподобие меандр ловушки, зафиксированный М.Г. Муллагуловым в д. Калмак-Абдрашитово Сафакулевского района. Они состояли из сплошного ряда кольев, вбитых в дно озера на таком расстоянии друг от друга, что бы в них попадала только крупная рыба⁶.

1 Полевые материалы автора 2008 г.

2 *Муллагулов М.Г.* Указ. соч. С. 128.

3 *Руденко С.И.* Указ. соч. С. 83.

4 Там же. С. 84.

5 ПМА 2008 г.

6 *Муллагулов М.Г.* Указ. соч. С. 126.

Среди различных способов рыбной ловли у башкир по широте распространения первое место занимало ужение (кармак халыу), которым обычно занимались в весенне-летний период, реже зимой. Башкирская удочка ничем не отличалась от общераспространенного типа и состояла из удилица, лески поплавок, крючка и грузила. Практически все компоненты изготавливались самими башкирами, на удилица шли ветви кустов и деревьев, леску делали - из крапивных, конопляных нитей или конского волоса, крючки изготавливали в местных кузнечных мастерских, поплавками служили куски древесной коры, а грузилами куски свинца или мелкий камень¹.

Таким образом, имеющиеся источники и литература свидетельствуют, что на протяжении длительного периода времени рыболовство играло важную роль в хозяйственном комплексе башкирского населения Миасско-Уйского междуречья. Благодаря особенностям их исторического развития и географического положения занимаемой ими территории практически все известные способы ловли рыбы башкирам повсеместно, были знакомы предкам современных курганских башкир, однако по истечении времени часть из них была забыта, а часть продолжает широко практиковаться и в наши дни.

© Ахатов А. Т., 2010 г.

Ахмадуллин В. К.

История становления медресе «Галия» и роль Зия Камали в его организации

После революции 1905 г. среди российских татар и башкир начинается период возрождения, они стали задумываться об открытии школ, отвечающих требованиям времени. В результате были созданы мусульманские медресе нового типа. Так, например, в Уфе – медресе «Галия», в Казани – «Мухаммадия», в Оренбурге – «Хусаиния», в Троицке – «Расулия», в деревне Иж-Буби – медресе «Иж-Буби»².

Создателем Уфимского медресе «Галия» был почтенный человек родом из деревни Кляшево Кара-Якуповской волости Уфимской губернии (ныне Чишминского района Башкортостана), сын бедного крестьянина, получивший качественное образование за рубежом, крупный ученый и философ – Зия ад-дин Джамалетдинович Камалетдинов (настоящее имя Парваз ад-дин бин Джамал ад-дин, затем сменил на Зия Камали).

Зия Камали до 1917 г. учился и преподавал в медресе, в том числе в Уфимском медресе «Усмания». Преподавал богословие на арабском языке. Затем его, как молодого перспективного человека, по рекомендации

¹ Там же. С. 90-94.

² ЦГИА РБ. Р-4767. Оп. №1. Д.1. Краткая история медресе «Галия». С. 2.

заведующего медресе «Усмания» - Хайруллы муллы, уфимское «Джамгияте хаприе» («Уфимское мусульманское Благотворительное общество») в 1898 г. посылает учиться сначала в Стамбул, затем он переводится на философский факультет в Каирский университет Аль-Азхар. Одним из тех, кто оказал заметное воздействие на Зию Камали, по его воспоминаниям, был Мухаммад Абдо – видный религиозный деятель и просветитель, один из лидеров национально-освободительного движения. Под его влиянием он решил посвятить себя науке и распространению знаний и сменил свое имя на Зия (Зия ад-дин – Дийа ад-дин - «свет религии»), став убежденным сторонником просветительства, обновления ислама, европеизации быта мусульманских народов.

По окончании учебы, Зия Камали возвращается в Уфу. По пути он останавливается в городах Баку и Астрахань, где знакомится и беседует с известными людьми. Здесь его уговаривают остаться, обещают большие деньги, открыть медресе, где он мог бы работать. Но Зия Камали не соглашается и возвращается работать в качестве старшего учителя медресе «Усмания», где когда-то он сам учился. В то время некоторые заслуженные деятели решили издавать газету на татарском языке под названием «Эл-Галлями-ул-Ислам» («Мир ислама»).

Зия Камали активно работает в редколлегиях этой газеты, а иногда исполняет обязанности редактора. Газета широко освещает причины отсталости исламского мира, мусульман, закабаления их европейскими странами. Газета призывала тюркские народы России, башкир, татар к знанию, науке, культуре, последовать примеру передовых народов.

Проработав некоторое время в медресе «Усмания» Зия Камали со своими мыслями о преобразовании медресе «Усмания» в медресе «Галия» обратился к своему наставнику мулле Хайрулле Усманову. Но Х. Усманов не согласился с этим предложением. Тогда Зия Камали обратился к имаму 3-го прихода г.Уфы Сабир мулле Хасанову. Он тоже не одобрил эту мысль. Наконец, Зия Камали обратился к имаму 2-го прихода Зариф мулле Галикаеву. Галикаев принял его предложение с удовольствием и пообещал сделать все возможное, чтобы открыть в своем приходе медресе «Галия».

Таким образом, в 1906 г. с 6-8 октября проводятся приемные экзамены, а 10 октября в подвале мечети 2-го прихода г. Уфы, где был имамом хазрат Галикаев, состоялось первое занятие, иначе говоря, в этот день официально открывается медресе «Галия»¹.

В первом учебном году в медресе было принято всего 70 учащихся. Примечателен тот факт, что Зариф хазрат Галикаев и сам записался в медресе и учился.

В этом учебном году мугаллимы преподавали бесплатно. В обозначенном периоде в медресе «Галия» старшими преподавателями работали:

1. Зия Камали – организатор, директор и главный преподаватель;
2. Нури Мухаммадиев;

¹ ЦГИА РБ. Р-4767. Оп. №1. Д.1. Краткая история медресе «Галия». С. 4.

3. Губайдулла Сатаров;
4. Лутфулла Байчурин.

Через некоторое время Зия Камали и Зариф хазрат Галикаев в номерах Булгаковых созывают совещание авторитетных людей по вопросу об оказании экономической помощи медресе. После небольших споров по существу из уфимских состоятельных лиц Габделлатиф Хаджи Хакимов и Бадри Назиров выделяют денежную помощь по 100 руб. Здесь же избирают кассира (Б. Назирова), определяется объем жалования учителям. Восьми учителям из расчета по 35 руб. на учителя потреблялось всего 280 руб.¹

С целью показа на практике преимуществ медресе «Галия» в обучении, 6 января 1907 г. для учащихся организуют экзамены. Испытания проходят очень интересно и дают хорошие результаты. Собравшаяся публика, пришедшая послушать экзаменуемых, остается очень довольной и все приходят к единому мнению – в ближайшее время построить специальное здание для медресе.

Для обсуждения вопроса по разыскиванию средств на строительство помещения, в доме Уфимской помещицы Суфии бики Джантюриной созывается собрание. На собрании присутствовали Зия Камали, муфтий Мухамметьяр Султанов, из уфимских богатых горожан: Садри Назиров, Ягудин, Сабиржан Шамгулов, Салимгирей Джантюрин.

Всесторонне обсудив поставленный вопрос, участники собрания тут же решили выделить определенную сумму денег для строительства: Суфия бикэ Джантюрина – 10 тыс. руб., Садри бай Назиров – 10 тыс. руб., Бадри Назиров – 100 руб., Сабиржан Шамгулов – 500 руб., Гульсум бикэ – 3 тыс. руб.

Таким образом, на этом собрании было выделено всего 26700 руб. денег. Не представляя себе, насколько хватит этой суммы, началось строительство.

Приведем дословно отрывок документа, где говорится о постройке:

«7 мая 1908 г. в 10 часов закладывается фундамент помещения. В этот час Муфтий Султанов, спускаясь в траншеи, пачкаясь глиной, клал первый кирпич здания. Строительство завершилось в октябре того же года. Но ввиду сырости здания, заселение состоялось лишь 18 ноября. Среди уфимской интеллигенции, оказавших самую большую моральную помощь в деле создания медресе «Галия» был Салимгирей Джантюрин, который в молодости окончил Оренбургскую гимназию и юридический факультет Московского университета... Салимгирей Джантюрин оказывал большое влияние на Суфию бикэ в деле пожертвования ею огромной суммы для медресе»².

Новое здание медресе обошлось в 42000 руб. Недостающие деньги дополнялись в ходе строительства теми же состоятельными татарами. На строительство Садри бай Назиров внес 20 тыс., Суфия бикэ – 18 тыс. руб. Также и остальные купцы выполнили свои обещания. Лишь Гульсум бикэ не внесла обещанные 3 тыс. руб. Из оренбургских промышленников известный поэт Закир Рамиев для покупки кровати выслал 500 руб. Из самых крупных уфимских промышленников Габделлатиф хаджи Хакимов ограничился

¹ ЦГИА РБ. Р-4767. Оп. №1. Д.1. Краткая история медресе «Галия». С. 5.

² ЦГИА РБ. Р-4767. Оп. №1. Д.1. Краткая история медресе «Галия». С. 5.

приобретением молитвенных простыней, жена муфтия Султанова – Марьям Султанова – тысяча метров сукна, Хасан Каримов подарил скатерти¹.

Согласно правительственным законам того времени строящиеся здания должны были считаться собственностью какого-то одного хозяина. Поэтому строящиеся здания медресе тоже было показано, как собственность Бадрия Назирова. А после завершения строительства здание представляли как дар второму приходу г. Уфы от Б. Назирова. Когда пришла ревизия, помещение зафиксировалось собственностью прихода.

В первом учебном году плата за учебу с учащихся не взималась. Годовой расход составлял 930 руб. Эти затраты так же, как и прежде, были покрыты за счет пожертвования имущих татар г. Уфы. Например, Садри Назиров дополнительно выдал 1 000 руб., Суфия бике Джантюрина – 500 руб. Во втором учебном году расходы медресе выражались в 2050 руб., в том числе 555 руб. было собрано с учащихся. В третьем учебном году по мере увеличения количества курсов и учащихся, увеличились также и расходы. Тогда, как и прежде, в течение года регулярно вносили в кассу медресе Садрий Назиров 2 тыс. руб., Суфия бике – 1 тыс. руб. В пятом учебном году медресе полностью перешло на систему интерната. С этого времени с каждого ученика начали взимать по 60 руб. (за учебу, жилье и 4-кратное питание).

Медресе за 10 лет израсходовало всего 71085 руб. 25 коп. Из этой суммы было выплачено: зарплата учителям – 38 тыс. руб., питание 946 шакирдов – 10 тыс., расходы на дрова и на ремонт здания – 32 тыс. 560 руб. 25 коп.

В 1913 г. в Уфу и заодно в медресе «Галия» приехал мухтасиб (инспектор по наблюдению за исполнением религиозных обрядов и правил поведения) Петербургского округа – Муса Яруллович Бигиев – один из образованнейших людей того времени, однокурсник Зия Камали по учебе в Египте².

Муса Бигиев за свои деньги (за 200 руб.) в качестве помощи по всему медресе провел электроосвещение.

Как видно выше, значительную материальную помощь медресе оказали татарские купцы, промышленники г. Уфы, сплоченные усилиями Зия Камали. Эта группа состоятельных лиц называлась тогда «Идарэи Хариджия» («Внешнее правление»), полномочное участвовать во внешней жизни медресе. Председателем Правления был назначен Салимгирей Джантюрин. Нет сомнения в том, что помощь организованная медресе за счет этих богатых горожан для того времени действительно была значительной. В то время когда все противники движения джадидизма стояли изо всех сил против новых школ, упомянутые выше представители имущих, активно участвовали в создании, в полном смысле этого слова, прогрессивного медресе «Галия».

Однако, через некоторое время члены «Идарэи хариджия» убедившись в том, что из медресе выходят не столько муллы, мугаллимы, а больше светские люди, не обремененные религиозными пережитками, иногда атеисты и революционеры, все отошли от финансирования «Галии». Следовательно,

¹ ЦГИА РБ. Р-4767. Оп. №1. Д.1. Краткая история медресе «Галия». С. 6.

² ЦГИА РБ. Р-4767. Оп. №1. Д.1. Краткая история медресе «Галия». С. 7.

медресе совершенно лишилось материальной помощи. Зия Камали, как опытный мударрис, талантливый организатор не растерялся. Он регулярно выезжал в разные города России, обращаясь к сознательным богатым мусульманам, и организовал сбор денег. Таким образом, медресе перешло на содержание за счет других (постоянных) городов. В одиннадцатом году существования «Галии» Зия Камали побывал в Москве, Петропавловске и других городах, собрал на 5700 руб. пожертвование. Он также привлек в это дело, ранее не участвующих в этом деле уфимских богатых татар Гибадуллу Усманова, Нажиба Хакимова, которые регулярно оказывали возможную помощь. Зия Камали организовал «Вақыш фонды» («Фонд дарственных средств»). Этот фонд постепенно увеличился. Сознательные татары, казахи, киргизы, проживающие в городах Москве, Казани, Бирске, Тюмени, Зайсане внесли в фонд «Галии» 10197 руб.¹

Таким образом, «Галия» до конца своего существования содержалась на дарственных средствах.

Цель медресе – дать образование мусульманской молодежи и приобщить к культуре независимо от национального происхождения. Поэтому там училась молодежь многих национальностей – татары, крымские татары, узбеки, казахи, киргизы, туркмены, башкиры и черкесы. Для поступавших также не было возрастного ограничения. Принимались в медресе от 15 до 45 летнего возраста. Там учились даже 60-летние имамы. Принимали окончивших мектебе рушдия (школы средней ступени) со вступительными экзаменом. При этом в «Галие» учились люди, окончившие высшие духовную школу или проработавшие долгие годы учителем.

Медресе «Галия» была высшей школой с 6-летним обучением: первые три года считались как подготовительные классы, а последние три года основными (высшими) курсами. Преподавались следующие традиционные предметы: тафсир (комментарии к Корану), хадис (слова приписываемые пророку Мухаммеду), осулы хэдие (методы изучения хадисов), сияеннэби (жизнеописание Мухаммеда), фикх (мусульманское законоведение, юриспруденция), фэраиз (правила распределения наследства), арабский язык (морфология, синтаксис, литература, красноречие, грамматика), татарский язык (морфология, синтаксис, литература, грамматика, теория словесности). А также следующие светские предметы: русский язык (грамматика), Всеобщая история (древняя, средневековая, новая история), история тюрков и татар (хуннов, монголов, угро-финнов, казанских татар), география (физическая и политическая, география частей света), арифметика (4 действия, дроби, пропорция, проценты), алгебра (полный курс), геометрия (планиметрия, стереометрия, тригонометрия), психология, педагогика (дидактика, методика), химия (средний курс органической и неорганической химии), физика, естественные науки, физиология человека и физкультура.

В учебную программу была введено много научных дисциплин, религиозные дисциплины были свободны от схоластики и изучались на основе

¹ ЦГИА РБ. Р-4767. Оп. №1. Д.1. Краткая история медресе «Галия». С. 9.

логики, беседы. Учащиеся также достаточно подробно знакомились с историей и политикой, особенно глубоко изучались вопросы, касающиеся жизни восточных народов. Учащиеся получали разносторонние глубокие знания. Программа изучаемых религиозных дисциплин ничуть не уступала программе богословских факультетов современных университетов. Также на высоком уровне изучались языки, особенно арабский и татарский. В это же время ввиду отсутствия учебников на татарском языке, все дисциплины изучались по учебным пособиям на арабском, турецком, русском языке. Поэтому каждый окончивший хорошо знал турецкий язык, узбекский, казахский, туркменский, башкирский, уйгурский языки, а также мог объясняться на арабском. По методам обучения «Галия» занимала также должное место. Преподавание велось лекционным методом.

До сих пор идет дискуссия о том, насколько «Галия» отвечала стандарту религиозного вуза. И тут многое зависит от методики подсчета. В 1914 году чисто религиозным предметам в медресе отводилось 28,2 % времени. Однако арабскому языку — языку Священного Корана — 14,7 %, светским наукам — 35,6 %. При этом шакирды на занятиях по арабскому языку явно читали не светские газеты и романы, а предметы философского (философия Ислама), исторического (история Ислама), религиоведческого (история религий) цикла преподавались с точки зрения мусульманской догматики. При этом татарскому языку отводилось 4,9 %, государственному русскому — 14,1 %, другим предметам — 2,5 % времени¹.

В 1913 году в медресе «Галия» насчитывалось 94 учащихся и 20 вольнослушателей, национальный и социальный состав которых был очень разнородным: среди них были дети мулл, крестьян, торговцев. Обучение было платным. В 1915 году по просьбе демократически настроенной учащейся молодежи в медресе начали преподавать татарский язык и литературу татарский писатель, публицист, общественный деятель Галимджан Ибрагимов и востоковед-тюрколог Ахмет-Заки Валидов.

В стенах медресе «Галия» царил свободолобивый дух. По четвергам учащиеся собирались на диспуты, где обсуждали политические темы. Проходили литературные вечера, даже вне стен медресе — в зале Дома дворянского собрания, в Сибирской гостинице, издавались многочисленные рукописные журналы. Медресе было прогрессивным учреждением.

Отличие «Галии» от таких известных джадидистских мусульманских учебных заведений, как «Мухаммадия», «Усмания», «Хусаиния», состояло не только в том, что сюда принимались лица, уже закончившие среднюю ступень образования (рушдия), но и в большом удельном весе светских дисциплин².

В данном медресе с 1906 – 1916 г. обучалось 950 шакирдов. 726 из них – татары, остальные – другие мусульманские народы России³. Медресе окончили

¹ Муслимов А. Сегодня отмечается столетие медресе «Галия диния» URL: <http://www.islamnn.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1356>

² Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). – Уфа: Гилем, 2002. С.106.

³ ЦГИА РБ. Р-4767. Оп.№1. Д.1. Краткая история медресе «Галия». С. 17.

такие известные личности, как М. Гафури, Ш.Бабич, Х. Туфан, С. Кудаш, К. Хакимов, К. Идельгужин, деятель народного образования Казахстана Н. Манаев, С. Габяши и др. 250 выпускников медресе стали учителями в начальных и средних школах, более 300 выпускников – врачами и инженерами, научными работниками, агрономами¹.

Советский режим быстро остановил деятельность «Галии». В 1917–1918 году на базе медресе были организованы учительские курсы. В 1919 году медресе было преобразовано в светскую мужскую общеобразовательную школу (гимназию) 2 ступени для башкир и татар.

В марте 1919 года Уфу заняли войска Колчака. Сначала в здании медресе была устроена казарма. Перед отступлением колчаковцы подожгли здание, остался только выгоревший остов².

Итак, проследив основные этапы становления медресе «Галия», необходимо отметить следующее: учебное заведение было создано по инициативе и благодаря стараниям Зия Камали. Он оставался бессменным директором и старшим преподавателем, осознавал необходимость создания высших мусульманских учреждений, позаботился о техническом оснащении, создал штат преподавателей, привлекал спонсоров, разрабатывал программы и решал многие организационные вопросы. Следует отметить, что создание такого престижного медресе – это заслуга целиком и полностью Зия Камали.

© Ахмадуллин В. К., 2010 г.

Белевцова В.О.

Послесвадебный период в традиционной свадебной обрядности марийцев (типологический анализ)

В настоящее время традиции остаются ценнейшим источником информации по истории функционирования культур в прошлом и трансформации их в настоящем, по истории развития этноса. Несмотря на утрату своей целостности, тенденции к отмиранию, традиционная обрядность, будучи наиболее консервативной сферой, сохранила специфические этнические черты. В связи с этим представляется весьма актуальным изучение свадебной обрядности, которая является одним из наиболее устойчивых элементов культуры этноса.

Сложность и многовариантность брачного обряда марийцев определялась как особенностями расселения, так многообразием контактов с соседними народами, их плотностью и частотой. В середине XIX века у всех этнографических групп марийцев сформировался единый свадебный ритуал, который в настоящее время получил название традиционного. Он состоял из пяти

¹ Медресе «Галия»: основные исторические вехи. URL: <http://www.vsesmi.ru/news/98127/252597>

² Вековая история медресе «Галия». URL: <http://muslimpress.ru/raznoe/vekovaya-istoriya-medrese-galiya.htm>.

этапов: 1) выбор невесты; 2) сватовство; 3) сговор; 4) свадьба; 5) послесвадебные обряды¹. Каждый из этих этапов в конце XIX - начале XX веках представлял целый комплекс обычаев, обрядов и связанных с ними религиозно — магических верований и представлений, которые несли социальную, религиозно – магическую (защитную) функции. Послесвадебный период имеет очень важное значение для вхождение молодой жены в семью мужа и для установления отношений между двумя родами. Обрядовые действия данного цикла в большинстве своем именно на это и направлены. В основном обряды сводятся к регламентированным взаимным посещениям семей и обрядов избегания.

Одной из специфических черт характеризующих послесвадебный период являлось одаривание (2е), которое присутствовало при исполнении обрядов и взаимном гостевании новых родственников.

Один из первых послесвадебных обрядов, направленный на приобщение к роду мужа, – первая баня (2б). При посещении первой бани молодуха была обязана вновь одарить свекровь (2е), притом, по свидетельству информаторов, дарились подарки более дорогие, нежели на свадьбе². В обязанность молодой входило полностью одеть свекровь, поэтому подарками являлась верхняя одежда, головной убор и нижнее белье. Данный обряд, вероятно, под русским влиянием получил широкое распространение в волостях Яранского и Уржумского уезда, но бытовал в и центральных волостях Царевококшайского уезда³.

Важное место в послесвадебном периоде занимают так называемые обряды избегания (2а). По отношению к молодухе чаще в течение первого года пребывания в семье мужа действовали строго регламентированные правила и ограничения. В частности молодуха не имела право появляться в присутствии свекра и вообще старших родственников без головного убора и босиком. В Царевококшайском уезде молодая жена обязана была носить весь комплект праздничных украшений в течение первого года.

Своих родителей молодая могла навестить в первый раз только вместе с мужем. В ближайший после свадьбы праздник новобрачные направлялись в гости к родителям жены. Это посещение у луговых марийцев называлось *первый йошо* (3а)⁴. У марийцев Козьмодемьянского уезда оно проходило через три дня после свадьбы и называлось *шарпан андижиктали* (3б) (букв. «шарпанный пир»); новобрачные ехали со своими родителями к тестю в гости, с пивом и масляными лепешками⁵.

¹ Смирнов И.Н. Изменение традиционной свадебной обрядности марийцев в годы Советской власти (на примере Йошкар-олинско-медведевского свадебного комплекса) // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. Выпуск 11, 1987, С.98.

² ПМА – 2009гг. Республика Башкортостан Балтачаевский, Бирский, Бакалинский районы.

³ ПМА – 2006-2009гг. Республика Марий Эл Куженерский, Медведевский, Оршанский, Мари -Турекский, Парангинский, Сернурский районы; Кировская область Малмыжский район.

⁴ Федянович Т.П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало - Поволжья. Москва, 1997, С.47.

⁵ Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972, С.146.

Первая поездка молодоженов в родительский дом молодухи имела очень большое значение, она впервые представлялась своим родителям и родственникам в женском головном уборе, олицетворяющим ее статус замужней женщины. У восточных марийцев первое посещение молодыми родителей невесты носило название – *ончыч йўаш кая* (3в), при этом происходил обряд смены девичьего головного убора на женский¹. В одно из посещений молодых родителей невесты, чаще первое, проходили своеобразные обряды, которые указывали на целомудренность/нецеломудренность невесты (2в). Данный компонент не был распространен повсеместно, и в основном практиковался у марийцев, чьи контакты с русскими были наиболее тесными. При этом поведение, как и способы демонстрации, могли серьезно варьироваться. Так, в Яранском уезде готовилось специальное блюдо яичница – *пурлашкамуно*, если зять начинал во время застолья брать это блюдо осторожно, с краешка, это свидетельствовало о невинности молодой, иначе он брал угощение посередине и переворачивал ложку. В это же время здесь проводился обряд *цызы пукишмылан* (букв. «за кормление грудью») (2г), при котором в благодарность теще зять клал за ей пазуху серебряные монеты².

Дальнейшие визиты в послесвадебном периоде наиболее структурно представлены в работе С.М. Михайлова по горномарийской свадьбе. Второй визит проходил осенью, после уборки хлеба, молодые с родственниками приезжали к тестю с тещей. Обязательным было пирование, которое продолжалось сутки; это называлось - *винге браги*, т.е. «обращение к родителям» (4а). После этого обязательное посещение происходило зимой. Молодые одни ездили к тестю с вином за получением обещанного в дар скота (4б). После этого по прошествии некоторого времени тесть с тещей и родней ехали с пивом к молодым, и пили там тоже одни сутки, это называлось *туклер браш* – (букв. «сватов приезд») (4в)³.

Послесвадебный период на остальной территории представлен практически идентичным набором обязательных посещений, которые по своему значению соответствуют вышеуказанным. Серьезные отличия встречаются у восточных марийцев Белебеевского уезда. После свадьбы молодая жена первые полгода проживала в доме посаженных родителей (1б), муж все это время посещал её по четвергам с правом остаться на ночь – *помышиш кураш* (досл. «остаться на ночь») (2г). По прошествии одного года молодые отправлялись за приданым – *игат – погаш* (досл. «собирать») (4б). Перед этим за месяц молодая жена уезжала к своим родителям, где готовила подарки мужу его и своим родителям. Когда к назначенному времени приезжали за приданым, молодая жена одаривала всех родственников (2е). После чего окончательно переезжала в дом мужа⁴.

¹ Сепеев Г.А. Восточные марийцы. Йошкар-Ола, 1975, С.191.

² Смирнов И.Н. Обрядовые параллели в традиционных свадебных ритуалах марийцев и русских // Этнокультурные традиции марийского народа. Йошкар-Ола, 1986. С. 116.

³ Федянович Т.П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало - Поволжья. Москва. 1997. С.146.

⁴ Мендиаров Г. О черемисах Уфимской губернии // Этнографическое обозрение. Издание этнографического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1894 г. № 3. С.52.

В конце XIX – начале XX веков в первый год после свадьбы у луговых марийцев молодая возвращалась в дом своих родителей для помощи по хозяйству¹.

Послесвадебный период на основе имеющихся данных в послесвадебном периоде для типологии традиционной брачной обрядности марийцев можно выделить следующие признаки – элементы:

1. Местонахождение невесты после свадьбы: а) в доме родителей мужа; б) у посаженных родителей.

2. Обряды, проводимые в послесвадебный период: а) обряды избегания; б) посещение первой бани; в) обряды по определению девственности невесты;

г) обряд *цызы пукшымылан* (букв. за кормление грудью); д) посещение мужем молодой жены у посаженных родителей - *помышиши кураш*; е) одаривание.

3. Первое посещение молодых родителей невесты: а) *первый йошо*; б) *шарпан андижиктали*; в) *ончыч йўаш кая*.

4. Взаимные гостевания родственников: а) второе посещение молодых с родственниками дома невесты *винге браги*, т.е. «обращение к родителям»; б) проезд за приданым; в) ответный визит родственниками невесты *туклер браш* - «сватов проезд».

На основе этих признаков по местонахождению невесты после проведения свадебного торжества различаются два типа:

I тип – в доме родителей мужа с вариантами: 1а 2а, б, в, е 3а - в 4 а – в.

1а 2а – г, е 3а 4 а – в. 1а 2а,в,г,е 3а,б 4 в.

II тип (1б 2а, д, е 3 в 4 б, в) – в доме посаженных родителей.

Первый тип распространен среди горных, луговых и частично восточных марийцев. Он представлен тремя вариантами, которые могут соседствовать или взаимозаменять друг друга даже на территории одного уезда (Царевококшайский). Выделенный тип характеризуется окончательным переездом молодой в дом родителей мужа, после свадебного торжества. Специфика первого варианта 1а 2а, б,в,е 3а - в 4 а – в заключается в ряде обязательных послесвадебных обрядов: посещение «первой бани» (2б), обряды по определению девственности невесты (2в). Этот вариант включает в себя все обязательные взаимные посещения (4 а-в). Первого вариант преобладал как на территории Царевококшайского, Яранского и Уржумского уездов. Послесвадебный период у горных марийцев также представлен в основном первым типом.

Второй вариант был представлен в Яранском уезде и характеризовался помимо вышеуказанных в первом, обязательным проведением обряда обряд *цызы пукшымылан* (букв. за кормление грудью) (2г)². Третий вариант представляет более упрощенный сценарий, по которому проводилось лишь

¹ Федянович Т.П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало - Поволжья. Москва, 1997. С.47.

² ПМА – 2009гг. Республика Башкортостан Балтачаевский, Бирский, Бакалинский районы.

первое посещение молодыми родственниками жены (3 а-в) и их ответное посещение (4в).

Второй тип присутствовал параллельно с первым у восточных мари и имел очень небольшой ареал распространения, в частности Кичкиняшевская волость Белебеевского уезда Уфимской губернии. Он характеризовался пребыванием молодоушки после свадьбы в доме посаженных родителей после свадьбы (1б) и лишь посещением мужа жены (3д).

Данная работа является первой попыткой типологизировать свадебную обрядность мариюцев. Устойчивые сочетания выделенных элементов послесвадебного периода брачной обрядности были объединены в типы. Анализ материала позволил выявить, что одни сочетания элементов-признаков имели широкое распространение и были характерны для всего этноса в целом, другие сочетания были присущи только для определенной этнографической группы или определенного района расселения мариюцев.

© Белевцова В. О., 2010 г.

Бубнель Е. В.

К вопросу об этнокультурном взаиморodстве башкирского и венгерского народов в историографии

Проблема этнокультурного взаиморodства между башкирским и венгерским народами (или «башкиро-мадьярская проблема») имеет достаточно большое значение в плане изучения средневековой истории башкирского и венгерского народов. Данная тема представляет большой интерес в плане определения географических рамок «Magna Hungaria» («Великой Венгрии»). Кроме того, она также затрагивает такие важные вопросы как этнонимические параллели у башкир и венгров, лингвистические соответствия в языке этих двух народов, наличие общего топонимического пласта, аналогий в археологическом материале Башкирии и Венгрии IX-X веков, идентификации в некоторых мусульманских и западных источниках Венгрии и Башкирии, а также самоназвания этих стран¹.

В отечественную науку термин «башкиро-мадьярская проблема» был введен башкирскими учеными Р.Г. Кузеевым и Т.М. Гариповым в середине 1950-х годов. Эти ученые выдвигают идею пребывания в раннесредневековом периоде (до IX в. н.э.) на Южном Урале мадьярских (угорских) племен, предполагая, что часть венгров, после переселения их основной массы в сторону Приазовья, Причерноморья, осталась на Урале и в качестве угорского компонента участвовала в формировании башкирского народа².

¹ *Ильясов Б.С.* К истории изучения башкиро-мадьярской проблемы в XVIII – начале XX в // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. Уфа. 2003. С. 125.

² *Гарипов Т.М. Кузеев Р.Г.* Башкиро-мадьярская проблема // Археология и этнография Башкирии. Том 1. Уфа, 1962. С. 331-343.

Хотелось бы сразу обратить внимание на вариант иного видения проблемы, отражением которого являются утверждения венгерского историка Дьюлы Месароша. В начале XX столетия он выпустил книгу «Великая Венгрия. Башкиро-венгерский вопрос». Месарош являлся горячим сторонником признания башкир в качестве оставшихся востоке венгров¹.

Башкиро-мадьярская проблема имеет глубокие историографические корни. В данном случае следует подчеркнуть особую взаимосвязь с так называемой угромадьярской гипотезой происхождения башкир, историко-фактологическую базу появления которой образуют сообщения средневековых восточных и западных ученых и путешественников которые дали повод многим исследователям, начиная с XVIII века, выступить с идеей башкиро-мадьярской этнической общности в эпоху древности².

Угорская теория происхождения башкирского народа начинает оформляться уже в начале XVIII века. Одним из первых ее представителей был Ф.И. Страленберг (1676-1741) – подполковник шведской армии, попавший в 1711 году в качестве военнопленного в город Тобольск и изучавший жизнь окружающих его народов, который писал о происхождении башкир. В 1730 году Он издал в Стокгольме книгу «Северо-восточная часть Европы и Азии», называя башкир остяками. Таким образом, Ф.И. Страленберг впервые выдвинул предположение об угорском происхождении башкирского народа.

Аналогичные утверждения имеются в труде И.К. Фюрстера «История открытий на севере», изданном во Франкфурте в 1784 г. и в книге Георги «Описание всех наций в русской империи» Лейпцигского издания 1783 г.³

Знаменитый ученый Эберхарт Фишер, дополнил данные Страленберга новыми фактами, и в своей диссертации и в дальнейшем в книге «Сибирская история», изданной в Санкт-Петербурге в 1768 г., опираясь на данные отчетов Плано Карпини и Гильома Рубрука «О путешествиях к монгольскому двору», где они называют страну башкир «Великой Венгрией» и, говоря что «...из страны паскатир (башкир) вытекает река Яик, и что язык паскатир и венгров один и тот же».⁴ Фишер, анализируя приводимое Карпини слово «батшария» приходит к выводу, что оно похоже по форме на «матчар» (мадуар-мадьяр), этнониму венгров и напоминает, что буква «М» легко переходит в «Б», как например «musulmanos-basurmanus», на основе этих умозаключений Фишер делает вывод о родстве башкир и венгров, рассматривая первых как оставшуюся на древней родине часть венгерского народа и впоследствии тюркизированных.

Среди представителей отечественной исторической науки XIX века выдающийся ученый-историк Н.М. Карамзин первым обратил внимание на данную проблему. В первом томе «Истории государства Российского», в комментарии к пятой главе, он однозначно говорит о башкиро-мадьярском

¹ *Ильясов Б.С.* Указ. Соч. С. 125.

² *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа. 1978. С. 130.

³ *Бубнель Е.В.* Башкиро-мадьярская проблема: к постановке вопроса // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Астрахань: 2008. С. 142-145.

⁴ *Янгузин Р.З.* Происхождение башкирского народа. Уфа. 1999. С. 17-18.

этнокультурном родстве, а территорию Башкирии полагает «древним отечеством угорских народов»¹. Разницу в языках башкир и венгров он объясняет длительным соседством первых с татарами, следствием чего, по его мнению, явились языковая ассимиляция и тюркизация башкир².

В начале XIX века начинается издание и изучение арабо-персидских письменных историко-географических произведений. Среди их исследователей Ф.Х. Мюллер и его труд «Угорское племя» изданный в Берлине в 1837 году, содержащий подробное описание народов, проживающих по обе стороны Уральского хребта. В ней автор связывает происхождение башкирского народа с финно-угорским корнем, представляя их как тюркизированных угров.³

В виде законченной концепции идея башкиро-мадьярского родства была изложена Д.А. Хвольсоном в опубликованном в 1869 году в работе «Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X»⁴. В ней автор анализирует сочинения средневековых арабских географов и путешественников о башкирах и мадьярах. Его выводы сводятся к следующему.

На основе анализа сообщений Ибн-даста, Ибн-Фадлана, Масуди, Лбу Зайд Эль-Балхи, Идриси, Якута, Ибн-Саида, Казвини, Димешки, Абульфреда и Шукраллаха о башкирах и мадьярах и исходя из положения о том, что мадьяры являются частью башкирского народа, Хвольсон считает, что древней формой имени башкир был «Баджгард». Этот этноним постепенно изменяется «двойным образом: на востоке из «Баджгард» образовались формы «Башгард», «Башкард», «Башкарт» и т.д.; на западе начальное «б» перешло в «м», а конечное «д» было отброшено, так появилась форма «Маджгар» из «Баджгард», «Маджгар» перешел в «Маджар» и эта форма, наконец, перешла в «Мадьяр». Хвольсон приводит образец постепенного перехода этнонима «Баджгард» в «Мадьяр» и «Башкир»:

1. Баджгард-Башгард-Башкард-Башкарт-Башкерт-Башкирт-Башкир (восточный вариант).

2. Баджгар-Моджгар-Маджгар-Маджар-Мадьяр (западный вариант).

Самоназвание башкир «башкорт». Поэтому здесь вернее говорить о переходе не к «башкир», а к «башкорт», хотя логически у Хвольсона и это получается. Опираясь на исследование Хвольсона, принято считать, что угорская теория происхождения башкирского народа получила у него логически четкое оформление.⁵

Основные выводы Д.А. Хвольсона, были в той или иной форме поддержаны рядом ученых конца XIX века. В поддержку гипотезы Хвольсона выступил вышеупомянутый известный исследователь истории Сибири

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. - М., 2002. С. 101.

² Там же. С. 102.

³ Ильясов Б.С. Указ. соч. С. 127.

⁴ Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X. СПб. 1869.

⁵ Янгузин Р.З. Указ. соч. С. 19-21.

И.Фишер. Он также считал, что этноним венгров «madchar» происходит от слова «baschart».¹

На рубеже XIX-XX веков венгерские ученые начали заниматься изучением топонимии Башкирии и искать на этой территории следы венгров. Впервые мысль о наличии венгерских топонимических названий на данной территории высказал венгерский этнограф Янош Янко. Вскоре появилась и идея Дьюлы Паулера, который утверждал о наличии совпадения венгерских племенных названий (Дьярмат и Иенэ) у башкир (Юрматы и Эней), что, по его мнению, свидетельствует о родстве башкир и венгров.

Очевидная актуальность более близкого изучения башкирского народа заставляет Венгерское Этнографическое общество направить в Башкирию с научно-исследовательской целью доктора этнографических наук Месароша Дьюлу. Его поездка состоялась в 1909 году. Он объездил в основном восточные (Оренбургская губерния) и пермские башкирские земли. В статье «Моя исследовательская поездка по башкирской земле» и в книге «Великая Венгрия. Башкиро-венгерский вопрос» он на основе собранных материалов делает вывод об отсутствии оснований говорить о кровном родстве башкир и венгров.²

Большой вклад в изучение проблемы внес М.И.Уметбаев (1841-1907). Изучив восточные и западные источники, историческую литературу на русском и иностранных языках и, самое главное, башкирское устное народное творчество и башкирскую историю, Уметбаев считал, что башкиры по этнической принадлежности – угры. Они были соседями болгар и одновременно с ними приняли ислам. В средние века в Башкортостан начали переселяться кыпчаки, бурзяне, туркмены, сарты и другие народы, большинство которых «принадлежит монгольскому или джагатайскому племени». Видя это, башкиры начали называть себя Баш Унгар, т.е. главный угор. Баш Унгар постепенно принял форму «башкорт». В данном случае Уметбаев солидаризуется с Хвольсоном.

В 1913-1914 гг. в «Вестнике Оренбургского учебного округа» была опубликована работа В.Ф. Филоненко «Башкиры». Филоненко приводит сведения средневековых арабских авторов Ибндаста, Ибн-Фадлана, Масуди, Эль-Балхи, Идриси, Якута, Ибн-Саида, Казвини, димешки, а также европейских путешественников Гильома де Рубрука, Плано Карпини и Юлиана и делает выводы:

- 1) в начале X в. башкиры уже находились в занимаемых ими ныне местах;
- 2) они и тогда были известны под настоящим своим названием «башкорт», «башкурт» и т.д.;
- 3) башкиры и венгры - одного и того же происхождения;
- 4) башкиры в настоящее время – турки³.

В 1962 году вышла в свет работа Б.А. Серебренникова «К вопросу о связи башкирского языка с венгерским», где он отрицает какую-либо связь в

¹ Кузеев Р.Г. Указ. соч.С. 130-131.

² Ильясов Б.С. Указ. соч. С. 128, 131-132.

³ Янгузин Р.З.Указ. соч. С. 20-22.

языке башкир и венгров и не признавал угорскими часть топонимических названий. Но опубликование первых работ Дж. Киекбаева, выявивших угорский пласт в топонимике Южного Урала и аргументы лингвиста А.А. Камалова серьезно поколебали вывод Б.А. Серебренникова¹.

Новый этап изучения башкиро-мадьярской проблемы, ознаменовало начало планомерных исследований Дж. Киекбаева в области башкирской топонимии, который в 1956 году подчеркнул, что топонимия Башкирии еще слишком слабо изучена, чтобы давать однозначную оценку о наличии или отсутствии в Башкирии венгерского топонимического пласта. В итоге длительных исследований, Д. Киекбаев пришел к мнению о его наличии в Башкирии².

Башкирский лингвист А. Камалов в своей диссертации (1969) рассмотрел гидронимию Башкирии, а позже исследовал топонимию Башкирии в целом и написал ряд монографий по этой теме. Они касаются и венгерской древней истории, поскольку А.А. Камалов, вслед за Д.Г. Киекбаевым, считает, что в Башкирии есть топонимический пласт, который можно объяснить только из венгерского языка. Эту точку зрения он развивает и сегодня.³

В 60-е годы XX века с развитием исследований в области исторического языкознания большинство исследователей на основе специальных изысканий пришли к отрицанию идеи башкиро-мадьярской языковой общности в эпоху древности. Особенно интересным является исследование Д. Немета о венгерских племенных названиях в башкирской этнонимии, с современных позиций освещающее древнюю историю венгерских племен, где вопреки ранее отстаиваемой им теории башкиро-мадьярского родства и сформулирован тезис, согласно которому башкирский и венгерский народы вели самостоятельные пути этнического становления с древнейших времен и вплоть до ухода венгров из Волго-Уральского региона на запад.⁴

В марте-апреле 1959 года по плану научного сотрудничества между Академиями наук Советского Союза и Венгрии была осуществлена научная командировка в Венгерскую Народную Республику.⁵ Главной целью поездки был сбор и изучение материалов по так называемой «башкиро-мадьярской» проблеме, возникшей в исторической науке на основании сведений средневековых писателей и путешественников о совместном пребывании предков современных венгров и башкир в 1 тысячелетии нашей эры на территории между Волгой и Уралом. Т.М.Гарипов и Р.Г. Кузеев, как и до поездки в Венгрию, считали, что нет достаточных оснований отстаивать в

¹ Мажитов Н.А. Происхождение башкир // Археология и Этнография Башкирии. Т. 4. С. 17.

² Серебренников Б.А. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. Уфа, 1963. С. 22-23.

³ Камалов А.А. Гидронимия Башкирии (автореферат). Уфа, 1969; Камалов Л. Башкортостан гидронимия. Уфа, 1969; Камалов А.А. О топонимии Башкирии. Уфа. 1980. № 2. С. 39-46; Камалов А.А. Башкирские географические термины и онимии. Уфа, 1997; Камалов А.А. Топонимика Республики Башкортостан. Уфа.

⁴ Кузеев Р.Г. Там же. С. 134-135.

⁵ Бубнель Е.В. Указ. соч...С. 142-145.

настоящее время «угорскую» теорию происхождения башкир.¹ 1962 году М. Гарипов и Р.Г. Кузеев писали, что сегодня «существование в исторической науке особой «башкиро-мадьярской» проблемы, как отражение определенных взглядов, трактующих родство и даже тождество этих в действительности разных народов, лишено научного смысла и является своеобразным анахронизмом»².

В 1969 году в Уфе состоялась научная сессия Отделения истории Башкирского филиала АН СССР по этногенезу башкир. Доклад и сообщения показали сходство взглядов многих ученых по ряду принципиальных вопросов башкирского этногенеза. Тесное соседство и контактирование древних башкир с мадьярами в течение ряда столетий как раз и привело упомянутых выше наблюдателей из числа современников этого длительного процесса к смешению и даже отождествлению обеих народностей³.

К настоящему времени сложилась такая парадоксальная ситуация, что венгерские ученые отрицают наличие венгерских топонимов вне Карпатского бассейна (кроме Леvedия и Этэлкэз), а российские, наоборот, считают наличие этих топонимов фактом. Этот вопрос до сих пор остается дискуссионным, и проблему его решения исследователи – историки, археологи и лингвисты пытаются рассмотреть в своих работах.

В конечном итоге можно сказать, что на основе сегодняшних данных является весьма вероятным присутствие предков венгров на территории исторической и современной Башкирии. Но дата их появления и ухода пока не определена. Опираясь на российские, главным образом археологические публикации, в настоящее время доминирует мнение о появлении (прото)венгров в Башкирии около V-VI веков. Во время появления башкир большая часть венгров уже покинула территорию Башкирии, но осталась еще меньшая часть, которая, может быть, сохранила и передала топонимы и другие слова.

О том, почему же все-таки некоторые письменные источники называли мадьяр «башкирами», недавно профессор Н.А. Мажитов высказал весьма своеобразную точку зрения. Согласно его взглядам, «группа башкир, оторвавшаяся в IX-X вв. от основной группы на рубеже XI-XII вв., оказалась на территории Венгрии, слившись с венграми, и приняла участие в этногенезе венгерского народа в качестве тюркского компонента».⁴ В средневековой Венгрии, действительно, известно присутствие тюркоязычных народов, однако в венгерских источниках они озвучены конкретно: печенеги и половцы. Их язык принадлежал к той же языковой группе, что и современный башкирский и татарский. В связи с чем встречаются некоторые общие топонимы в Венгрии и Башкирии, которые, безусловно, имеют тюркское происхождение (например,

¹ Гарипов Т.М., Кузеев Р.Г. Башкиро-Мадьярская проблема // Археология и этнография Башкирии Т. 1. Уфа, 1962. С. 324-326.

² Там же. С. 326.

³ Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 135.

⁴ Мажитов Н.А. К проблеме башкиро-мадьярских связей / Н. А. Мажитов // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2006. Т. 11. № 2. С. 5-11.

Тазлар). Однако, эти названия происходят из печенежского или половецкого языков.

По мнению венгерских исследователей, венгерские источники не содержат никакой информации о башкирах на территории Венгрии, и, само название Башкирии (в качестве одного из древних родин венгров) в венгерской историографии появилось слишком поздно, только лишь во второй половине XIII в.

Вообще, хотелось бы обратить внимание на то, что в специальной литературе, посвященной башкиро-мадьярской проблеме, можно сказать, просматривается две группы исследователей. Одна группа ученых - это те, которые считают, что башкиро-мадьярские отношения имеют реальные исторические корни; другие – что башкиро-мадьярские отношения представляют собой лишь историографическую проблему.

© Бубнель Е. В., 2010 г.

Вафина З. А.

Демографические аспекты семейно-брачных отношений в г. Нефтекамске Республики Башкортостан

Благоприятное развитие любого региона зависит от социальной активности населения, стабильного семейно-брачного состояния, высокой рождаемости.

Автором проанализированы материалы статистики отдела государственной статистики г. Нефтекамск с 80-х гг. XX века до 2009 года.

Рассмотрим динамику воспроизводства населения, уровень рождаемости в городе.

Таблица 1.

Рождаемость в г. Нефтекамск (1980-2009 гг.)¹

Год	Число родившихся мертворождений) (без	Год	Число родившихся мертворождений) (без
1980	1687	1995	1488
1981	1806	1996	1431
1982	1850	1997	1443
1983	2144	1998	1419
1984	2257	1999	1229
1985	2462	2000	1316
1986	2580	2001	1305
1987	2914	2002	1378

¹ Текущий архив отдела государственной статистики городского округа г. Нефтекамск и Краснокамского района. Сб.Естественное движение населения. С.7-8, 10-11.

1988	2541	2003	1379
1989	2485	2004	1445
1990	2347	2005	1179
1991	2062	2006	1183
1992	1795	2007	1437
1993	1597	2008 ¹	1852
1994	1608	2009	1853

Как видно из таблицы 1, начиная с 1980-х гг. шел неуклонный рост рождаемости городского населения, достигший своего апогея в 1987 году. В связи с изменениями в политической жизни страны, наложившие отпечаток и на общественное самосознание, с конца 1980-х - начала 1990-х гг. наблюдается снижение уровня рождаемости. С 1995 г. рождаемость в городе начинает заметно падать, о чем свидетельствуют данные Текущего архива отдела государственной статистики городского округа город Нефтекамск и Краснокамского района. При этом минимальные показатели рождаемости детей было зафиксировано в 2005-2006 гг. Принятая Президентская программа по повышению рождаемости не вывела к уровню середины 80-х гг. XX века². Безусловно, она способствует повышению рождаемости, однако демографический фонд города пополняет большое количество «детей 1980-х гг.», вступивших в детородный возраст.

Общероссийский фактор старения населения соответствует неуклонному росту умерших в г. Нефтекамск. Отрицательный естественный прирост в 8 промилле в городе стал наблюдаться в 2001 г., на селе – с 1993 г. в отрицательное 1 промилле, в то время как в 1980-е гг. еще сохранялся положительный прирост. На сегодняшний день в городе восстановлен положительный прирост населения, однако село по данным показателям находится в удручающем положении – отрицательное 39 промилле зафиксировано в 2006 г.

Сохраняется детская смертность, в том числе до 1 года, что можно увидеть в следующей Таблице 2.

Таблица 2.

Смертность детей до 1 года в г. Нефтекамск (1980-2009 гг.)³

Год	Число умерших и мертворождений	Год	Число умерших и мертворождений
1980	27	1995	25
1981	33	1996	20
1982	31	1997	22
1983	34	1998	20
1984	44	1999	15

¹ За 2008-2009 гг. автором использованы общие данные, объединяющие численность рождаемости в городе и на селе.

² Для сравнения: на 1 сентября 2010 г. за 8 месяцев в г. Нефтекамск родилось 1225 детей.

³ Текущий архив отдела государственной статистики городского округа г. Нефтекамск и Краснокамского района. Сб.Естественное движение населения. С.7-8, 10-11; Информация предоставлена отделом ЗАГСа по г. Нефтекамск.

1985	45	2000	14
1986	31	2001	13
1987	52	2002	11
1988	40	2003	7
1989	37	2004	9
1990	33	2005	13
1991	36	2006	12
1992	38	2007	11
1993	24	2008	15
1994	36	2009	12

Как видно из таблицы, к концу 90-х гг. XX века удалось снизить детскую смертность практически в три раза, улучшив медицинское оборудование и обслуживание в целом, как в городе, так и на селе.

Имеет место детская смертность до 18 лет, но она трудно поддается анализу, поскольку здесь характерны проблемы семейно-психологического характера, несчастные случаи и т.д. Например, в 2006 г. умерло – 13 детей, в 2007 – 31, в 2008 – 23, в 2009 – 18, в 2010 (данные на 1 сентября) – 8¹.

Анализ состояния брачности в г. Нефтекамск показывает, что в 1989 по 2002 гг., ни разу не состоявших в браке мужчин стало больше на 3,3%, женщин - 2,4%. Данные показатели по г. Нефтекамск практически аналогичны общереспубликанским: соответственно мужчин больше на 3% (по городскому населению – 2,8%) и женщин на 3,9% (по городскому населению – 3,5%)². При этом показатель брачности женского населения в г. Нефтекамск превалирует над республиканским. Некоторое увеличение доли неженатых мужчин свидетельствует о том, что молодежь, и население города в целом, не спешит связывать себя узами брака, предпочитая не обременять себя лишними семейными обязанностями. Чаще всего это объясняется неблагоприятной экономической ситуацией: нестабильной или низкой заработной платой, сложностью поиска и устройства на работу, неимением собственного жилья или психологическими мотивами (нежеланием нести ответственность за содержание семьи, неприятием института брака, деморализацией).

За этот же период наблюдается уменьшение людей, состоящих в официальном браке: с 743 до 676 мужчин и с 637 до 568 женщин на 1000 человек. Несмотря на это, картина относительно республиканских данных лучше, поскольку за межпереписной период с 1989 по 2002 гг., состоящих в браке мужчин по республике уменьшилось с 721 до 654 (что одинаково по числовым показателям с г. Нефтекамск), а женщин – с 609 до 555. Это свидетельствует о том, что на территории г. Нефтекамск институт брака сохраняется.³

¹ Информация предоставлена отделом ЗАГС по г. Нефтекамску.

² Брачное состояние переписи населения в Республике Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Статистический сборник. - Уфа, 2006. С.9, 15.

³ Брачное состояние переписи населения в Республике Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Статистический сборник. - Уфа, 2006. С.9, 15.

Наименьшее число браков зарегистрировано в 2000 году – всего 745. В 2001 года число браков и разводов впервые приблизилось по своим показателям: браков – 857, разводов - 854.¹ Но в последующие годы брачность уверенными темпами превышает уровень разводов. На 1 сентября 2010 года заключено 709 браков, расторгнуто – 367.

Таблица 3.

Численность браков в г. Нефтекамск (1980-2009 гг.)²

Год	Число браков	Год	Число браков
1980	767	1995	811
1981	784	1996	744
1982	805	1997	847
1983	786	1998	685
1984	875	1999	758
1985	917	2000	735
1986	986	2001	857
1987	1107	2002	871
1988	1032	2003	892
1989	1018	2004	817
1990	986	2005	929
1991	1172	2006	1038
1992	945	2007	1275
1993	986	2008	1135
1994	837	2009	998

Число разошедшихся мужчин и женщин, по показателям 2002 г., составило 5,8% и 10,7%, тогда как состоящих в браке соответственно 8,6 и 18,8 %. При этом в 1989 г., подавших на развод женщин (6,5%) было практически вдвое больше, чем мужчин (3,3%), желающих развестись. Аналогичные показатели наблюдаются по республике в целом.³ Это свидетельствует о том, что мужчины пытаются сохранить брак, несмотря на традиционное сокрытие ими факта состояния в браке в процессе проведения переписи.

В 2002 г. отмечено, что наибольшее число мужчин, состоящих в зарегистрированном браке, а также разошедшихся, приходится на возраст 40-44 года. Большинство женщин 40-44 лет проживают в зарегистрированном браке, тогда как возраст женщин, незарегистрировавших свои отношения официально составил 30 - 34 года, разведенных – 35-39 лет.⁴

К примеру, в 2009 году большинство браков в г. Нефтекамск зарегистрировано в возрасте 18-34 лет. Так, 410 мужчин в возрасте 25-34 лет и

¹ В начале XXI века в России происходила замена старых паспортов на паспорта нового образца. В связи с этим ЗАГСы отмечали увеличение числа людей, подавших на развод. Видимо, речь идет о тех парах, которые не состояли в браке, но до 2000 г. не спешили с оформлением документов.

² Текущий архив отдела государственной статистики городского округа г. Нефтекамск и Краснокамского района. Сб. Естественное движение населения. С.7-8, 10-11.

³ Брачное состояние переписи населения в Республике Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Статистический сборник. - Уфа, 2006. С.9, 15.

⁴ Брачное состояние переписи населения в Республике Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Статистический сборник. - Уфа, 2006. С.73.

352 женщины в возрасте 18-24 лет вступили в брак, причем в 2009 г. было зарегистрировано 7 ранних браков – в возрасте до 18 лет (с несовершеннолетием жены). Как показывают статистические данные, 746 мужчин и 785 женщин отметили, свой брак как первый, соответственно 252 и 213 как повторный. При этом отмечено, что наибольшее число браков расторгнуто в 25-39 лет.¹

Из общего числа населения г. Нефтекамск в официальном браке проживает 62,7% мужчин и 52,6 % женщин. В незарегистрированном браке проживало 2273 мужчин (8 % от состоящих в зарегистрированном браке мужчин) и 2288 женщин (7,9 % соответственно). Показатели среди разошедшихся 2662 мужчин и 5863 женщин являются весьма существенными, перевес в 2 раза, тогда как 10886 мужчин и 10561 женщин в браке ни разу не состояли.²

Итоги переписи показали снижение числа лиц, не указавших свое брачное состояние, что информирует о доверительном отношении к проводившейся переписи.

Произошедшие изменения в брачности населения, нашли проявление на увеличении внебрачной рождаемости.

Были проанализированы данные с 2005 по 2009 гг., что нашло отражение в следующей таблице.

Таблица 4.

**Информация о регистрации актов о рождении по
г. Нефтекамск (2006-2010 гг.)³**

Год	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г. (I полугодие)
Количество, родившихся у одиноких матерей	200	199	209	164	95
Количество, родившихся по установлению отцовства	173	150	146	114	66

Исходя из приведенных данных, следует вывод, что в городе идет рост числа матерей-одиночек, а также наблюдается устойчивое сохранение гражданских браков, несмотря на преобладание зарегистрированных.

Таблица 5.

**Число, родившихся по брачному состоянию матери в
г. Нефтекамск (2005-2009 гг.)⁴**

¹ Из Накопительной ведомости для учета регистраций браков отдела ЗАГС по г. Нефтекамск Министерства юстиции РБ в 2009 году.

² Брачное состояние переписи населения в Республике Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Статистический сборник. - Уфа, 2006. С.73.

³ Информация предоставлена отделом ЗАГСа по г. Нефтекамск.

⁴ Текущий архив отдела государственной статистики городского округа город Нефтекамск и Краснокамского района.

Число, родившихся по брачному состоянию матери, человек	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
У состоявших в зарегистрированном браке	994	1055	1372	1508	1570
По совместному заявлению родителей	140	171	153	137	115
По заявлению матери	185	189	197	207	168

Таблица 6.

Количество детей в семье по г. Нефтекамск (2006-2010 гг.)¹

количество детей в семье год	1	2	3	4	5	двойня	мертворождения
2006	902	239	76	13	8	8	8
2007	992	574	106	23	10	8	5
2008	1039	674	118	18	11	11	13
2009	1007	738	116	28	10	9	7
2010(I-полугодие)	47	370	69	8	5	10	6

Как мы видим, за указанный период увеличилось число появлений второго и третьего ребенка.

В целом, демографические показатели по городу устойчивы, что дает надежду на последующий рост рождаемости и брачности.

© Вафина З. А., 2010 г.

Воробьева С. Л.

К вопросу об особенностях восьмеркообразных височных подвесок кара-абызского населения Южного Приуралья эпохи раннего железа

В традиционном костюме немаловажную роль играют височные подвески. Как и другие категории украшений, они могут датировать комплексы и свидетельствовать об этнокультурной принадлежности погребенного. Височные подвески относятся к съемным украшениям головного убора.

В женских погребениях кара-абызского населения Южного Приуралья эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) встречаются разнообразные височные подвески. В данной работе нами будет рассмотрен один тип подвесок – восьмерковидной формы из бронзовой проволоки. Особенность этих подвесок в том, что они встречаются крайне редко и только с определенным инвентарем

¹ Информация предоставлена отделом ЗАГСа по г. Нефтекамск.

(гривна или поясной бронзовый крючок). Подвески данного типа могут стать этническим и датирующим маркером для погребений кара-абызской культуры.

А.Х. Пшеничнюк относит подвески восьмеркообразной формы к I типу подвесок¹ и датирует их IV-III вв. до н.э.²

Восьмерковидные височные подвески встречены в 5 погребениях Уфимского могильника (100% от погребений с височными подвесками), в 5 погребениях Охлебининского могильника (3,9% от погребений с височными подвесками) и в 1 погребении Шиповского грунтового могильника (Таблица 1) (рис. 1, 1-3). Все подвески практически идентичны и сделаны из тонкой бронзовой проволоки круглой в сечении, закрученной в восьмерку, концы проволоки заостренные и соединены друг с другом. В погребении 4 Охлебининского могильника на височную подвеску были надеты 3 бронзовых обоймы. Интерес представляет тот факт, что в 10 из 11 погребений с восьмеркообразными височными подвесками лежали либо бронзовые гривны, либо поясные бронзовые крючки.

Таблица 1.

Распространение височных подвесок восьмеркообразной формы в кара-абызских погребениях.

Погребение	Сопутствующий инвентарь	
	Гривна	Бронзовый зооморфный крючок
Уфимский могильник, п. 14		+
Уфимский могильник, п. 15		-
Уфимский могильник, п. 22		+
Уфимский могильник, п. 23	+	-
Уфимский могильник, п. 24 ³		+
Охлебининский могильник, п. 34 (1965 г.)	+	+
Охлебининский могильник, п. 37 (1965 г.)	+	-
Охлебининский могильник, п. 85 (1965 г.)	+	-
Охлебининский могильник, п. 88 (1965 г.) ⁴	+	+
Охлебининский могильник, п. 4 (1980 г.) ⁵	-	-
Шиповский могильник, погребение «Б» ⁶	+	+

¹ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V. Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов (ред.). Уфа, 1973. С. 178.

² Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала: Сборник статей. Уфа, 1993. С. 36.

³ Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследование могильника у Чертова гоодища // Уфимский археологический вестник. Вып. 4. Уфа, 2003. С. 16-46.

⁴ Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. III. Уфа, 1968. С. 59-104.

⁵ Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о результатах археологических раскопок Охлебининского могильника за 1980 г. // Научный архив Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН. Ф. 1, оп. 6, ед.хр. 94, 95.

⁶ Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. С. 68.

Височные подвески рассматриваемого типа встречаются в погребениях ананьинской культуры (п. 43 Зуевского могильника¹), пьяноборской культуры (Ново-Сасыкульский, Икский, III Кушулеский, II Чегадиснский могильники – в 11 погребениях²) (рис. 1, 5,6), в «Частых курганах» (рис. 1, 7) и курганном могильнике у с. Русская Тростянка скифской эпохи³, в Новоорском I курганном могильнике (курган 11, погребение 1⁴) (рис. 1, 8). В Зуевском могильнике (рис. 1, 4) и они датированы V-IV в. до н.э.⁵ В пьяноборских могильниках встречаются восьмеркообразные височные подвески двух типов: верхние и нижние кольца с разъемом и без разъема. Первый тип подвесок встречен в погребениях, датированных Б.Б. Агеевым IV в. до н.э. – II в. н.э., а второй – в погребениях Ново-Сасыкульского могильника, датированного I-II вв. н.э.⁶ В Новоорском могильнике у височных подвесок восьмеркообразной формы кольца разного диаметра.

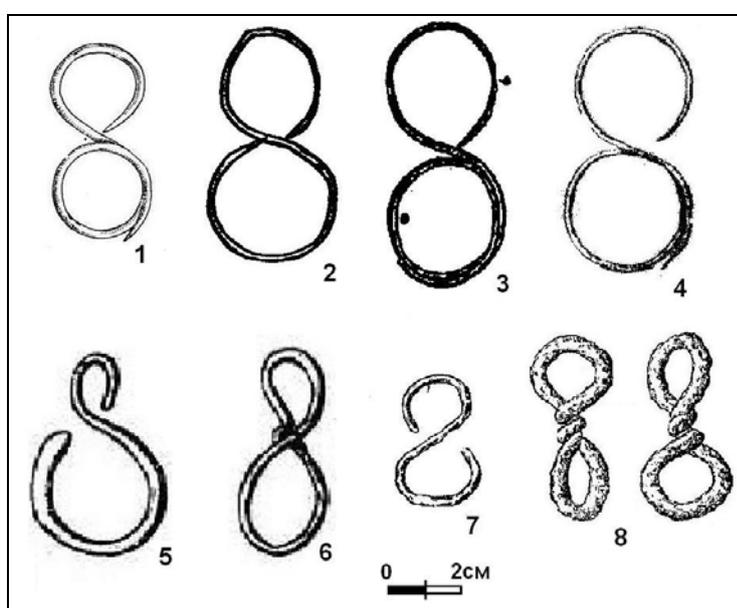

Рис. 1. Восьмеркообразные височные подвески: 1 – п. 34 Охлебининского могильника (1965 г.)⁷, 2 – п. 14 Уфимского могильника⁸, 3 – п. «Б» Шиповского могильника⁹, 5,6 – пьяноборские могильники¹⁰, 7 – «Частые курганы» (курган 10)¹¹, 8 – курганный могильник у с. Русская Тростянка (курган 1)¹².

¹ Худяков М.Г. Древности Камы по раскопкам А.А. Спицина в 1898 г. // ГАИМК, 1933. Т. VI, 28.

² Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. С. 31, 111, 120.

³ Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // Свод археологических источников. Вып. Д1-31. М.: Наука, 1965. Т. 21. Рис. 30, 32. С. 81.

⁴ Заседателева С.Н. Отчёт о работе археологической экспедиции краеведческого музея в 1987 г. // Институт Археологии РАН.

⁵ Худяков М.Г. Там же.

⁶ Агеев Б.Б. Там же.

⁷ Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник ... Рис. 4: 2. С. 37

⁸ Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследование могильника у Чертова гоодища ... Рис. 9: 4. С. 44.

⁹ Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. ... Рис. 26: 3. С. 68.

¹⁰ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура ... Т. 1: 3, 4. С. 120.

¹¹ Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону ... Т. 21. Рис. 30. С. 81.

¹² Там же. Рис. 32. С. 81

Таким образом, только ананьинские височные подвески наиболее близки подвескам кара-абыского населения. В погребениях I и III Биктимировских и Ново-Уфимского могильников не встречено ни одной восьмеркообразной височной подвески. Этот факт и особенности сопровождающего инвентаря (обязательное наличие либо гривны, либо поясного крючка) погребений с восьмеркообразными подвесками свидетельствует о том, что они являются каким-то этнокультурным маркером в погребениях кара-абыского населения. На данный момент, можно с уверенностью говорить, что они происходят от ананьинских и датируются в кара-абыских погребениях IV-III вв. до н.э.

© Воробьева С. Л., 2010 г.

Вятчина М. В., Титова Т. А.

К вопросу об изучении старообрядческого населения Кировской области: историографический аспект

Старообрядчество в отечественной культурной традиции выступает как особая этноконфессиональная система, которая формировалась в условиях «диктата официального православия». Именно благодаря этому вырабатывались механизмы адаптации к различным ограничениям и запретам, налаживались особые пути взаимодействия с многонациональным окружением. Тезис об «истинной древней вере» практически сразу с момента появления стал предметом для умозаключений как религиозных, так и светских мыслителей. В данной статье на основе обширного материала будут представлены во временном и структурном срезе подходы и концепции, по которым в различных нарративах оценивалось староверческое движение в целом, а также конкретная локальная группа конфессионального меньшинства в Урало-Поволжском регионе в частности.

Самые первые труды по данной теме писались авторами из клерикальных кругов, которые назидательно-негативным тоном излагали причины и ход раскола (иеромонах Иоанн, митрополит Макарий). Однако уже в 60-е гг. XIX века развернулась дискуссия в связи с выходом книги А. П. Щапова «Русский раскол старообрядчества...», в которой доказывалась взаимосвязь с социально-экономическими и духовными изменениями.

Среди теоретических трудов важно отметить работы (в т.ч. фундаментального и учебного характера) П. С. Смирнова, Е. Е. Голубинского, С. Зеньковского, А. С. Пругавина, Ф. Е. Мельникова (Печерского), С. Г. Рункевича, Я. Л. Барского, которые касались староверческой темы в контексте изучения православия и церковной культуры России. С 1870-х гг. фиксируется пока еще мало изученное «народническое расколоведение». Все они отмечали приверженность старообрядцев традиционному образу жизни и сохранение таким образом древнерусских обычаев. Об отношении к «раскольникам»

официального православия писали В. М. Скворцов, Е. Е. Голубинский, Д. В. Философов.

Как отдельный этап можно выделить период 1905 – 1917 гг., связанный с выходом в 1905 г. Манифеста Николая II о религиозной свободе. Свои сочинения начали официально публиковать в доступном режиме авторы-старообрядцы: епископ Михаил (Семенов), Г. В. Сенатов, И. А. Кириллов, В. З. Яксанов, Л. Ф. Пичугин, Т. С. Тулупов, Т. П. Худошин.

После октября 1917 г. в связи с неоднозначными отношениями большевизма и религиозных институтов в истории изучения старообрядчества прослеживаются большие лакуны. Исследователи, писавшие в это время, рассматривали любую религию преимущественно как «пережиток проклятого прошлого». Выявлялся более широкий круг проблем, обобщения выходили на уровень поиска закономерностей. Не случайно Н. М. Никольский и О. Рустик рассматривали в своих трудах феномен старообрядчества в связи с развитием экономических отношений, проводя аналогию между протестантами и староверами как проводниками «духа капитализма».

Период 1920 - 1930 гг. для территории бывшей Вятской губернии замечателен тем, что на это время пришлась деятельность историка, этнографа, археолога и краеведа М.Г.Худякова и краеведа А. И. Янкина, которые обратили внимание на культурное наследие местного старообрядчества. В дальнейшем изучение староверов Вятского края сводится к археографическим практикам в работе советских исследователей В. И. Малышева, Я. Н. Щапова, А. И. Копанева, Н. Ю. Бубнова, И. А. Мартынова, А. А. Амосова, Р. Г. Пихоя, А. Г. Мосина. Последние, Р. Г. Пихой и А. Г. Мосин, именно на вятских материалах впервые сформулировали идею о том, что «русское староверие изначально родилось и далее развивалось как конфессия выражено элитарная, а носители и выразители старообрядческой идеологии превосходно осознавали свою принадлежность к интеллектуальной элите общества». В той или иной мере этот тезис подтверждается в более поздних монографиях И. В. Поздеевой, Н. Н. Покровского, Е. М. Юхименко. В этом проявляется некая амбивалентность: с одной стороны, распространенным был тезис, что консерватизм и отрицание нововведений в религиозной догматике послужили причиной раскола, а с другой – распространение знаний, навыков чтения и письма, а позднее и специализированного знания (в сфере торговли, промышленности) явно указывает на передовые позиции и уже названную «элитарность» последователей «старой веры».

Обобщающие работы о старообрядчестве, по-марксистски идеологически выверенные, но от того не менее значимые, принадлежат перу В. Г. Карцева, А. Е. Катунского, В. Ф. Миловидова, С. М. Ивонина.

Начиная со второй половины 80-х гг. XX в. в отечественную науку возвращаются труды по старообрядчеству, написанные в эмиграции крупнейшими интеллектуалами в сфере истории и философии – А. В. Карташовым, В. П. Рябушинским, П. Н. Милюковым, Г. Ф. Флоровским, Ф. Е. Мельниковым, С. А. Зеньковским. Их труды не потеряли актуальности и

значимости благодаря подробнейшему анализу и описанию культуры «блжстителей древлеправославия».

С конца XX века активно развиваются общества по изучению старообрядческой культуры, регулярно проводятся конференции, издаются целые серии монографий по данному вопросу (например, научные материалы конференции «Старообрядческий мир Волго-Камья»¹ или выпущенный в трех частях научный труд «Старообрядчество в России» под ред. Е. М. Юхименко²).

Долго находившееся в оппозиции к православию, «древлеправославие» надолго слилось в обывательском сознании со стереотипом «закостенения традиции» и замкнутости религиозной системы, что вполне объяснимо даже с позиции восприятия «своих-чужих» в социальном плане (большинством, т.е. «своими», чаще всего были православные, а «немногими», «чужими» – староверы. Отсюда и множество широко распространенных легенд и мифологизированных стереотипов о раскольничьих скитах и их обитателях, что соответствует принципу «инаковости» в этнографии). В этом контексте интересны монографии О. М. Шахова (например, «Философские аспекты староверия»), создающая новую модель видения морально-этических установок.

Среди современных исследователей духовной культуры одними из ведущих можно назвать В. Л. Кляуса, С. В. Супрягу, Е. М. Юхименко, В. К. Семибратова, К. Я. Кожурина. Разные аспекты этнорелигиозного развития старообрядчества рассматривают в своих статьях и монографиях Е. С. Данилко, Е. В. Щуплецова, А. В. Черных, Чагин Г. Н., Аргудяева Ю. В., Волкова Т. В., Смирнов Е. Б., И. Ю. Трушкова, Л. Г. Сахарова и мн. др. Многие из них отличаются применением междисциплинарных подходов в изучении локальной истории и истории повседневности, чему весьма способствует признание плюрализма как основного необходимого фактора развития научной мысли.

Характерным явлением для последнего периода стала популяризация темы «личность в истории». Благодаря этому в интеллектуальный оборот локального культурного пространства вводятся новые факты и имена, подлежавшие забвению в результате репрессий и гонений тоталитарного режима. Так, мы можем проследить, как разворачивался своеобразный процесс «возвращения» и «внедрения» в положительном смысле в историческую память имени просветителя, духовного отца, книгопечатника и иконописца Луки Арефьевича Гребнева, который был подвергнут гонениям в 1930-е гг. и умер в лагерных застенках. Апологией старца и изучением его роли в развитии староверческой культуры дореволюционной Вятки занимались и занимаются культуролог В. К. Семибратов³, местные писатели-краеведы Б. А. Мосунов⁴ и Б. А. Черезов.

¹ Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения: Материалы научной конференции. Пермь, 2001. 256 с.

² Старообрядчество в России (XVII – XVIII вв.). Вып. 1. М., 1994. 256 с.; Старообрядчество в России (XVII – XX вв.). Вып. 2. М., 1999. 455 с.; Старообрядчество в России (XVII – XX вв.). Вып. 3. М., 2004. 568 с.;

³ Семибратов В. К. Староверы федосеевцы Вятского края. М., 2006. 204 с.

⁴ Мосунов Б. А. Перекресток. Повести, рассказы, статьи. Киров, 2007. 287 с.

С исследованием культуры региона связан выпуск многотомного издания «Энциклопедия земли Вятской», в котором несколько частей рассказывают о традициях местных староверов. Не менее значимым событием стало издание подробного справочника «Религии народов Вятского края». Современный публичный дискурс допускает, что в печати и в формате электронных версий находится множество религиозных и общественных изданий (брошюры, журналы, газеты), которые также претендуют на освещение староверческой тематики.

Таким образом, мы можем сказать, что в разные периоды отечественной истории старообрядчество оценивалось в разных категориальных рамках: прослеживается эволюция от «отступников» и «врагов официального православия» до «несогласных с царским режимом» и «антифеодално настроенных предвестников революции». В современном интеллектуальном поле старообрядчество признается еще одним вариантом развития этноконфессиональной культуры, причем не свойственного исключительно русскому этносу¹, а распространенного и среди иных этнических общностей (например, как указывает Е. С. Данилко, среди финно-угров). Однако несмотря на разностороннее изучение старообрядческой культуры на общецентристском уровне, не существует обобщающих работ по этнографическому изучению староверов Кировской области, которые были бы осуществлены на основе комплексных экспедиционных материалов. Восполнение данного пробела является перспективой нашего исследования.

© Титова Т. А., 2010 г.

© Вятчина М. В., 2010 г.

Галимуллина Н. М.

Татароязычная советская печатная пропаганда периода Великой Отечественной войны

Термин «пропаганда», по мнению Позднякова П. В., обозначает не сами идеи, теории, взгляды, а их распространение, разъяснение с помощью определенной системы средств, форм и методов². Этому же взгляду придерживается большинство отечественных и зарубежных исследователей.

¹ В этом плане интересно высказывание последнего обер-прокурора Синода, первого министра вероисповедания Временного правительства, историка русской церкви А. В. Карташова: «Ни у одного из христианских народов не наблюдается столь напряженного культового благоговения, как у русских... Старообрядчество – пароксизм самой характерной и ценной черты православно-кафолической религиозности русского народа» (Париж, 1924 г.). Сегодня не является секретом, что многие «иностранцы» были обращены в христианство через «староверческое влияние». Хотя можно предположить, что семантика сочетания «русский народ» может подразумевать обобщение жителей Российской империи, что не позволит качнуться авторитету министра исповедания.

² Поздняков П. В. Устная коммунистическая пропаганда. М., 1988. С. 9.

Основоположник политического психоанализа Г. Лассуэлл понимал пропаганду как «менеджмент коллективных отношений с помощью манипуляции общественными символами»¹. Давая определение пропаганде, он писал, что цель военной пропаганды – достижение победы с минимумом физических потерь. До войны пропаганда есть замена физического насилия, а в условиях войны – его дополнение. Можно согласиться с мнением, что «в его интерпретации пропаганда получает принципиально иное звучание, а характерное для ее определения понятие «манипуляция» принимает глубоко позитивное значение»².

В годы Великой Отечественной войны органы политпропаганды явственно ощущали необходимость вести специальную пропаганду, направленную на представителей нерусских национальностей как в тылу, так и на фронте. Связано это было в первую очередь с тем фактом, что многие выходцы из нерусских республик, областей не владели русским языком в достаточном объеме. К началу 1941 г. в армии уже насчитывалось более 300 тысяч человек, не владевших русским, а в составе очередного призыва ожидалось еще 100 тыс. человек такого же уровня языковой подготовки³. Кроме того учет этнического фактора сказывался на эффективности пропаганды.

Для мобилизация граждан государства на защиту Отечества в период Великой Отечественной войны пропагандистские органы использовали весь арсенал коммуникационного идеологического воздействия: плакаты, радио, кино, устную агитацию, проведение специальных мероприятий (митинги, выставки), печатные материалы.

В данном исследовании акцент сделан на печатную пропаганду СССР, направленной на татароязычную аудиторию как на фронте, так и в тылу.

Наибольшее распространение в годы войны получили распространение пропагандистские листовки.

Был произведен перевод агитационных материалов на языки народов СССР. Статьи И. Г. Эренбурга «Верный выход», «Убей», «Отобьем», «Вперед», «Суд скорый и правый» были напечатаны как на русском, так и на татарском, армянском, башкирском, грузинском, французском и других языках⁴. Но особое воздействие имели специализированные листовки, такие как «Красноармеец – сын Казахстана»⁵. На Северо-Западном фронте прославился замечательный сын татарского народа снайпер Фахретдин Атнагулов. Он истребил свыше 200 гитлеровцев. Политуправление выпустило о нем листовку с призывом: «Учись бить без промаха врага, так, как бьет его верный сын татарского народа снайпер Фахретдин Атнагулов». Мобилизационный эффект должны были возыметь даже пословицы. Пресс-бюро направляло фронтам, округам, армиям и

¹ Почепцов Г. Г. Пропаганда и контрпропаганда. М., 2004. С. 14.

² Булкина И. В. Теория политической коммуникации Гарольда Д. Лассуэлла. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Казань, 2000. С. 20.

³ Клевцов В. Г. Социальные и организационные проблемы военной реформы 20–30-х гг. М. С. 158.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Д. 181.

⁵ РГАЛИ. Ф. 3109. Оп. 1. Д. 38. Л. 16–23.

дивизиям не только русские пословицы, но и пословицы других народов СССР. Так, 15 декабря 1942 года был разослан листок, в котором содержалось около сотни военных пословиц народов Советского Союза: "Вода все моет, только бесчестья не может смыть" (татарская), "Трус пугается своего хвоста" (кабардинская), "Плохой сын имя хорошего отца срамит" (кабардинская), "Чем сломать свою честь, лучше сломать свою кость" (бурятская), "Дружный табун волка не боится" (удмуртская) и другие. ГлавПУ РККА и отделениями Воениздата НКО на фронте до 21 июня 1943г. издано на 13 языках нерусских национальностей 318 наименований брошюр общим тиражом 5763 тыс. экз., 724 лозунга – 6461, 364 листовки тиражом 11764¹. Внимание на те или иные этносы и их вклад в приближение победы обращалось и в публикациях «Казахи»², «Узбеки»³, «Евреи»⁴, «Татары»⁵, в сборнике очерков и рассказов о боевых подвигах татар Первого Украинского фронта⁶.

Другим носителем печатного идеологического воздействия являлась периодическая печать. Пресса на татарском языке издавалась как на территории ТАССР, так и в воинских частях.

Основными задачами газет в годы войны было: 1. Проведение мобилизационных кампаний (отчеты с митингов, письма добровольцев); 2. сплочение и мобилизация сил для достижения победы (включая тыл); 3. пропаганда идей советского патриотизма, 4. нейтрализация конкурирующей идеологии; 5. повышение бдительности⁷. О прессе ТАССР можно сделать схожий вывод: значительное место отводилось материалам о ходе военных действий, включая официальные сообщения ТАСС и Совинформбюро⁸, о международном положении, о положении населения на временно оккупированных территориях с привлечением документальных свидетельств, о создании фонда обороны, о заботе о семьях фронтовиков, у трудоустройстве иждивенцев войны, сбора теплой одежды для бойцов Красной Армии, братской помощи освобожденным районам.

При этом республиканская печать использовалась как средство пропаганды и на фронте. Например, в ТАССР направлялись запросы из военных частей № 285, № 12712, № 610, 196 стрелковой дивизии с просьбой наладить высылку газет из республики, «т.к. есть бойцы-татары, не знающие русского языка, и им необходима литература на родном языке»⁹, эвакогоспиталь № 4662 просит «выслать на имя госпиталя десяток экземпляров

¹ РГАСПИ, Ф. 88. Оп. 1. Д. 965. Л. 9.

² Эренбург И. Г. Война. 1941–1945. М., 2004. С. 312–314.

³ Эренбург И. Г. Война. 1941–1945. М., 2004. С. 315–316.

⁴ Эренбург И. Г. Война. 1941–1945. М., 2004. С.317–318.

⁵ Айнутдинов А. К. Летопись подвига. (Исторический очерк по страницам татарских фронтовых газет Казань, 1989. С.17–18.

⁶ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1402. Л. 26.

⁷ Лымарев А. Н. Периодическая печать Южного Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. С. 61.

⁸ Сообщения Совинформбюро транслировались по радио, печатались в газетах, выпускались отдельно листовками (например, с августа 1944 г. в ТАССР сообщения Совинформбюро стали печататься дважды в неделю на русском языке тиражом 500, на татарском 300 экз.)

⁹ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 889. Л. 2–9.

газет на татарском языке в виду того, что в госпитале лежат бойцы и офицеры татарской национальности». Национальные республики начали высылку газет, журналов, литературы на фронт. Так, в военную часть № 590 было направлено 5000 экземпляров избранных произведений Г. Тукая, стихи М. Джалиля, «Хужа Насретдин» Н. Исанбета¹, политотдел в/ч № 49905 благодарил за регулярное снабжение газетами и журналами республики².

Издавались национальные газеты и на фронтах. 64 военные газеты выходили не только на русском языке, но и на языках народов СССР. Например, в 1944 году на 1-м Белорусском фронте фронтовая газета «Красная Армия» издавалась на русском языке тиражом 40 тысяч экземпляров, на татарском, узбекском и казахском языках – по 2 тысячи экземпляров. Газета «За честь Родины» 1-го Украинского фронта выходила 40-тысячным тиражом на русском языке, 12-тысячным – на украинском и по 2 тысяч – на татарском, узбекском и казахском языках³. Ряд военных газет регулярно печатали одну из полос на языке национальности, представители которой служили в военных формированиях. В годы Великой Отечественной войны в Красной Армии издавалось 16 газет на татарском языке⁴.

Из 64 писателей республики более половины ушли на фронт. Многие писатели республики работали в редакциях фронтовых газет, которые издавались на татарском языке. Татарские фронтовые газеты не являлись дуближом русской фронтовой печати. Более шестидесяти процентов материалов в этих газетах – оригинальные статьи, очерки, заметки, остальные материалы – переводы статей, заметок, очерков, помещенных во фронтовой газете на русском языке. Материалы фронтовых газет печатались под рубриками «Герои фронта», «Советы фронтовикам», «Партийная жизнь», «По родной стране», «В Татарстане», «Письма солдат».

А. А. Шамова приводит подробное описание фронтовых татарских газет. Первая татарская фронтовая газета под названием «Ватан эчен» («За Родину») вышла 10 июля 1942 года на Северо-Западном фронте. После расформирования Северо-Западного фронта она была передана в распоряжение Второго Белорусского фронта и с 24 февраля 1944 года стала выходить под названием «Фронт хакыйкате» («Фронтовая правда»). В ноябре 1942 года на Калининском фронте красноармейцы взяли в руки первый номер татарской фронтовой газеты «Алга, дошман эстеня!» («Вперед на врага!»). Всего на татарском языке было выпущено триста восемь номеров.

В газете были рубрики «Анекдоты Ходжи Насреддина», «Шаровая молния». Таким образом учитывалась особенность традиционного татарского юмора.

На страницах газеты «Алга, дошман эстеня!» были напечатаны очерки «Народный батыр, генерал-майор Гани Сафиуллин» Кави Наджми, «Хвала и

¹ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1401. Л. 29.

² ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1847. Л. 4.

³ Волковский Н. Л. История информационных войн. Ч. 2. СПб., 2003. С. 367.

⁴ Айнутдинов А. К. Летопись подвига. (Исторический очерк по страницам татарских фронтовых газет). Казань, 1989. С. 5.

слава матери-героине» Мирсая Амира, стихи Фатыха Карима, Габдуллы Тукая, Ахмета Исхака, Шарафа Мударриса. Особое внимание в газете уделяли творчеству молодых поэтов, служивших в действующей армии фронта. Здесь увидели свет стихи красноармейца Мансура Гаяза, гвардии лейтенанта Рахмана Хусаинова, сержанта Исхака Закирова, которые героически погибли в борьбе с врагом. По материалам газеты «Ватан намусы эчен» в Татгосиздате была выпущена книга «Путь победы».

С января 1943 года на Волховском фронте начала выходить газета «Фронт правдасы» («Фронтальная правда»), Газета «Фронт правдасы» издавалась до февраля 1944 года, а затем была объединена с газетой «Ватан өчен сугышка» («В бой за Родину») Карельского фронта. Газета «Ватан эчен сугышка» («В бой за Родину»), орган политуправления Карельского фронта, издавалась с января 1943 по 12 ноября 1944 года. Всего вышло восемьдесят девять ее номеров. Фронтальная газета «Ватанны саклауда» («На страже Родины»), орган политуправления Ленинградского фронта, издавалась с 1 января 1943 по 14 июня 1946 года. Вышло триста сорок семь номеров. Газета «Сталин байрагы» («Сталинское знамя») начала издаваться в марте 1943 года как орган политуправления Южного фронта. Красноармейская газета «Кызыл сугышчы» («Красный воин»), орган Московского военного округа, издавалась с января 1943 до июня 1944 года. На Третьем Украинском фронте с мая 1943 до февраля 1946 года выходила газета «Совет сугышчысы» («Советский воин»).

В выступлении на заседании пленума МК ВКП (б) об идеологической работе партийных организаций 26 февраля 1941 г. А. С. Щербакова подчеркивает, что «одна из самых главных функций художественной литературы – это идеологическое и политическое воспитание народа»¹. В первый месяц войны союз писателей Татарии подготовил сборник «За Отечество» из произведений 14 авторов и сборник эстрадного репертуара (одноактных пьес). Тема защиты Родины, патриотизма была ведущей в произведениях прозы и поэзии. Она звучала в рассказах «Единство», «Сильнее смерти», «Солдат Хайрулла» А. Абсалямова, «До большого праздника» М. Амира, «Сержант Хайруллин» Г. Баширова, «В зимнюю ночь», «Дед Ахмет», «Их было трое» И. Гази, «Только на час» А. Еники, «Марат» Ш. Камала, «Артиллерист Сулейман» К. Наджми, «В бурную ночь» А. Шамова; в повестях «Записки разведчика», «В весеннюю ночь» Ф. Карима, «Приключения Рустема» А. Кутуя, «Пламенное сердце» Х. Усманова. Более 20 поэм, несколько сотен стихотворений глубоко патриотического содержания написали татарские поэты. Появились новые пьесы. Среди них широкое признание получила пьеса Мирсая Амира «Минникамал», посвященная самоотверженному труду колхозниц. В Таткнигоиздате на русском и татарском языке вышли такие книги: «Великая Отечественная война советского народа», «Героическая борьба советских партизан», «Что несет фашизм крестьянству», «Художественная литература в антифашистской агитации», «Фашизм – заклятый враг женщин», «Патриотки» (Советские женщины в дни Отечественной войны), «Фашизм

¹ РГАСПИ. Ф. 88. Оп.1. Д. 881. Л. 3.

заклятый враг науки и культуры», «Борьба русского народа против немецких интервентов в XII–XV веках», «Семилетняя война с Пруссией и взятие Берлина», «Отечественная война 1812 г. и разгром Наполеона», «Пионерам и школьникам о ПВХО», из серии «Герои Советского Союза» (Гастелло, Антоненко, Кисляков), посвященные А. Невскому, М. Кутузову, А. Суворову, К. Минину и Дм. Пожарскому, «Самооборона колхозов и совхозов», «Химическое звено», «Памятка светосигнальщику» и другие¹, по которым можно судить о направлении пропаганды словом в целом. Писатели получали специальные командировки на фронт, на предприятие, в колхозы для сбора материала². На собраниях союза писателей анализу подвергались книги, которые вышли в годы войны³, причем не столько с художественной, сколько с идеологической стороны⁴. Выпуск книг в годы войны, конечно же, сократился. Татарское книжное издательство в годы войны напечатало 220 книг художественной литературы общим тиражом свыше 1,5 миллиона экземпляров. Таткнигоиздатом в I квартале 1941 г. было выпущено 20 наименований военно-оборонной литературы, для сравнения работ классиков марксизма-ленинизма – 16⁵, в 1942 г. – политической и военной литературы – 311, и отдельно выпускалась литература санитарно-оборонной тематики 40 названий⁶, в 1943 г. – 119, а на I квартал 1944 г. запланировано было издание 18 наименований изданий оборонной тематики⁷.

В целом пропаганда, ориентированная на представителей того или иного этноса, создавалась в рамках общего советского направления пропаганды: затрагивались те же темы, использовались те же средства. В то же время некоторое своеобразие в этнически-ориентированной пропаганде наблюдалось. Так, большую роль в деле воспитания бойцов и командиров нерусской национальности сыграли письма-обращения азербайджанского, узбекского, туркменского, армянского и других народов бойцам-фронтовикам и ответные письма бойцов и командиров к себе на родину. Инициатива в этом деле принадлежит узбекскому народу, письмо которого было опубликовано уже в октябре 1942 г. Для достижения максимальной эффективности воздействия этих обращений, при их создании использовались мотивы, сравнения, характерные именно для этого этноса. В документе, озаглавленном «Письмо-саллям татарского народа своим сыновьям и дочерям, сражающимся на фронтах Великой Отечественной войны»⁸, ярко отображены три основные линии воздействия на представителей данного этноса с учетом его особенностей: «семья», «община (соседи)» и «преемственность культуры, культ предков» как ценности. В письмах-обращениях, как правило, использовались реминисценции из этнических легенд, эпосов, фольклорные обороты, что было направлено на

¹ НА РТ. Ф. Р-273. Оп. 4. Д. 141. Л.8–13.

² НА РТ. Ф. Р-7083. Оп. 1. Д. 156.

³ НА РТ. Ф. Р-7083. Оп. 1. Д. 161.

⁴ НА РТ. Ф. Р-7083. Оп. 1. Д. 150.

⁵ НА РТ. Ф. Р-273. Оп. 4. Д. 134. Л. 34.

⁶ НА РТ. Ф. Р-273. Оп. 4. Д. 141. Л. 2.

⁷ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 133. Л. 42–43.

⁸ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 892.

усиление эмоциональной компоненты воздействия. Так, в письме татарского народа читаем проходящие рефреном «зачины»-пословицы, которые потом получают конкретизацию, причем на примере реальных подвигов бойцов: «Храбрый джигит – краса рати» – говорили в старину. Таков наш земляк, Герой Советского Союза Ильдар Маннанов(далее приводится история его подвига)¹ и т.д. Трудящиеся Марийской АССР в своем письме призвали воинов-земляков «громить врага так, как легендарный герой марийского фольклора Онар боролся с двенадцатиглавым змеем, как сказочный богатырь Нончак Патыр уничтожал нечисть»².

Обращения-наказы представителям своего народа, сражающимся на фронтах сыграли значительную роль как в воздействии на Красную армию, так и на тыл. Сам факт написания обращения к воинам-землякам являлся пропагандистским актом, т.к. начинал воздействовать еще не будучи переданным на фронт. Письма вызывали прилив гордости за народ, патриотический подъем, трудящиеся заверяли воинов, что своим трудом будут оказывать фронту всестороннюю помощь³. Тексты писем-наказов, как правило, повсюду обсуждались на митингах и собраниях. Таким образом, такая форма пропагандистского воздействия имела большой резонанс. Событием стало подписание этого документа. Работница Лубянского лесочастка Х. Аитова вспоминала: «Люди подходили к столу и корявыми буквами подписывали письмо огрызком карандаша. Отходили, смущенно смахивая слезу, — ведь у каждого из них кто-то близкий был там, на фронте, и они сами здесь работали для победы, ... один из старых рабочих предложил: «Выйдем завтра на воскресник по укладке пиломатериалов и деньги отчислим в Фонд обороны». Согласились единодушно». Всего под письмом поставили свои подписи более 1,5 миллиона человек. Так, в докладе на бюро Татобкома ВКП(б) отмечается, что «Письмо татарского народа»...стало всенародным, как бы священным талисманом, огромное значение которого трудно даже представить»⁴.

«Письмо татарского народа» вызвало поток ответных писем с различных фронтов. Напроимер, Шараф Мударрис написал в стихах «Письмо татарскому народу от татарских воинов Второго Белорусского фронта», которое было опубликовано в газете «Кызыл Татарстан» 17 июля 1945 года. Бойцы клялись с честью выполнить свой воинский долг перед Родиной. Вообще подобная практика единения фронта и тыла использовалась на протяжении всей войны. Например, в татарских фронтовых газетах существовала специальная рубрика «В Татарстане»⁵, в зеленодольских газетах существовала рубрика письма с

¹ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 892. Л. 3.

² Письмо марийского народа своим землякам-фронтовикам. Йошкар-Ола, 1943. С.15–16.

³ «Как Великая Волга мощным потоком несет свои воды вперед, к Каспию, – говорится в письме чувашского народа, – так и наш народ бесперебойно снабжает фронт хлебом, мясом, маслом, а промышленность – сырьем. Никогда не иссушатся волжские воды, не иссякнет сила нашего народа.» // Цит. по: Бузяков З. С. Дружба народов как важный фактор победы в Великой Отечественной войне (по материалам марийской, татарской, чувашской автономных республик): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1987. С. 74.

⁴ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 39. Л. 15.

⁵ Айнутдинов А. К. Летопись подвига. (Исторический очерк по страницам татарских фронтовых газет). Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. С. 14.

фронта и из писем в редакцию¹, на страницах печати Татарии только за 10 месяцев 1942 г., по подсчетам Гильманова З. И. было напечатано 129 писем фронтовиков и ответы на них². В директивах Президиума Верховного Совета ТАССР говорится: «Обсуждение этих писем с фронта трудящимися Татарской АССР должно послужить взятием на себя новых обязательств по поднятию производительности труда и укреплению трудовой государственной дисциплины...»³. В военные годы пропагандисты расценивали письма фронтовиков как «важный материал, воспитывающий патриотизм и чувство ответственности...»⁴.

Любую крупную войну нельзя вести без эффективного пропагандистского, политического обеспечения, вне зависимости от того, каков общественно-политический строй страны-участницы. Идеологическая и информационная работа в СССР была традиционно на очень высоком уровне. Особенно резко она усилилась в годы войны. Пропагандистское воздействие советской стороны шло в нескольких направлениях, определяемых целевыми аудиториями пропаганды: Вооруженные Силы и население СССР (включая партизан и жителей временно оккупированных гитлеровцами территорий); войска и население противника; общественность зарубежных государств.

При работе с каждой из этих групп определялись свои цели и задачи, средства, каналы и формы влияния.

© Галимуллина Н. М., 2010 г.

Гаянова Р. Д.

Динамика численности башкирского населения Восточного Татарстана в XX – XXI вв.

Башкиры современного Татарстана в начале XX века проживали в Мензелинском уезде Уфимской губернии (с 1856 по 1920 г.), Бугульминском уезде Самарской губернии (с 1851 по 1920 г.), а также в южной части Елабужского и Сарапульского уездов⁵.

В 1920 году после образования Татарской автономной республики эти территории вошли в состав ТАССР и в 1930 образовали Агрызский, Азнакаевский, Актанышский, Альметьевский, Бавлинский, Бугульминский, Лениногорский, Менделеевский, Мензелинский, Муслюмовский, Сармановский, Тукаевский и Ютазинский районы республики Татарстан.

В восточных районах современного Татарстана ныне проживают потомки камско-икских башкир, которые относятся к северо-западной этнографической

¹ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 881. Л. 79.

² Гильманов З. И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Казань, 1977. С. 37.

³ НА РТ, Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 292. Л. 25.

⁴ Хайрутдинова С. К. Печать Татарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1989. С. 120.

⁵ Асылгузин Р., Юсупов Ю., Салауши Т. Западные башкиры: политическая история, проблема этнической идентификации. Уфа, 2010. С. 77-176.

группе. Анализ истории расселения северо-западных башкирских родоплеменных групп показал, что Восточный Татарстан, также как и Северо-западный Башкортостан — основной и наиболее древний район этнических процессов, приведших к сложению башкирской народности¹. В этническом составе северо-западных башкир отложились следы участия различных племен и народов в формировании башкирского народа начиная с конца I тыс. н.э.

По переписи 1897 года численность башкирского населения в Мензелинском уезде Уфимской губернии (там проживали предки башкир современных Актанышского, Мензелинского, Муслюмовского, Сармановского, Тукаевского районов Республики Татарстан) составила 123052 чел.; в Вятской губернии (Агрызский и Менделеевский районы РТ) – 13909 чел., большая часть которых проживала в Елабужском уезде (8 779 чел.), остальные в Сарапульском уезде; в Бугульминском уезде Самарской губернии (Азнакаевский, Альметьевский, Бавлинский, Бугульминский, Лениногорский, Ютазинский районы РТ) – 29647 чел.

По подворной переписи крестьянского хозяйства 1912-1913 годов только в Мензелинском уезде Уфимской губернии башкир проживало 154324 человека (33,7%). Ценность этой переписи не только в том, что она дает точные сведения об этническом составе в целом по губернии, но и по отдельным ее уездам, волостям и селам. В Актанышской волости проживало башкир 8 867, в Александровско-Карамалинской – 7 566, в Альметмуллинской – 10 789, в Ахметовской – 2 592, в Байсаровской – 12 304, в Бетькинской – 6, в Богодаровской – 693, в Ирехтинской – 7 075, в Кузкеевской – 22 199, в Макарьевской – 1 938, в Матвеевской – 4, в Ново-Спасской – 873, в Ново-Шуганской – 3 006, в Нуркеевской – 11 815, в Поисеевской – 18 934, в Семиостровской – 17 447, в Старо-Кашировской – 1 012, в Такталачукской – 2 304, в Языковской – 1 289.

Перепись 1920 года в ТАССР показала 121300 башкир. Следующая перепись 1926 года насчитала лишь 1800. А во время переписи 1939 года в республике Татарстан башкирами записались 900 человек. То есть, включение Мензелинского, части Бугульминского, Елабужского и Сарапульского уездов в Татарскую республику спровоцировало резкую смену этнической идентичности башкир края.

Причиной уменьшения числа башкир в Мензелинском крае А.З. Асфандияров считает уничтожение вотчинного права, являвшегося их главной опорой и защитой, что привело к ослаблению и ускорению их поглощения другим этносом. В совершившейся ассимиляции башкирского населения татарским этносом важную роль сыграло государственное образование ТАССР в составе РСФСР².

Многие этнографы, изучавшие хозяйство и быт населения этого региона отмечали огромную схожесть материальной культуры татар и башкир.

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 366.

² Асфандияров А.З. Аулы мензелинских башкир. Уфа, 2009. С. 591.

Например, Н. В. Бикбулатов отмечал, что хозяйственные традиции и навыки башкир были по существу такими же, как и у их соседей – татар¹. А это в свою очередь приводило к постепенной ассимиляции башкир.

Авторы монографии «Западные башкиры» Р. Асылгужин, Ю. Юсупов, Т. Салауши выделяют ряд основных причин, способствовавших резкому падению численности башкир в регионе. Они выделяют основные предпосылки смены этнической идентичности башкир Мензелинского, Бугульминского, Елабужского, Сарапульского уездов:

- огромные людские потери в период колонизации края, в частности при подавлении башкирских восстаний, а так же в период борьбы башкирского народа за свою автономию в 20-е гг. XX столетия;

- языковой фактор;

- существование сословия тептярей;

- многочисленность пришлого населения;

- социально-экономические условия;

- национальная политика в годы правления в нашей стране коммунистов².

В XX веке мензелинские башкиры были лишены возможности изучения родного языка, национальной культуры, доступа к башкирским СМИ, школам, библиотекам, ансамблям и др. В этих условиях, не могло быть и речи об удовлетворении культурных, образовательных, языковых и т.д. потребностей башкир, проживавших в ТАССР.

По данным переписи 2002 года в Республике Татарстан проживает 14911 башкир. Абсолютное их большинство – мигранты из Башкирской АССР начиная с 70-х гг. прошлого века. В основном они проживают в Набережных Челнах, Казани, Нижнекамске и других городах.

© Гаянова Р. Д., 2010 г.

Гурская Н. В.

История культурного взаимодействия Уральского казачества и народов Поволжья

История формирования полиэтничного характера субкультуры Уральского казачества связана, прежде всего, с окружавшими их кочевыми народами, с которыми они вели бесконечные войны. Однако сведения о культурных связях народов Поволжья с уральскими казаками в научно-исследовательской литературе встречаются эпизодично. На сегодняшний день интерес учёных ряда научных направлений обращён к феномену этничности. В

¹ Бикбулатов Н. В. Системы земледелия башкир в XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М., 1979. С. 42.

² Асылгужин Р., Юсупов Ю., Салауши Т. Западные башкиры: политическая история, проблема этнической идентификации. Уфа, 2010. С. 61.

этой связи изучение этнокультурных особенностей конкретного социального образования приобретает новую остроту.

Национальный состав Уральского войска был достаточно обширен. В войске имелись населённые пункты и даже регионы с компактным проживанием представителей той или иной национальности, но абсолютное большинство поселений имело либо смешанное, либо исключительно русское население¹.

Как появились первые поселенцы на Яике, так с этого времени начинается военное, экономическое и культурное взаимодействие казаков со своими соседями. Вольные люди Яика, первое время, принимали к себе в общину всех желающих.² Такими оказались и представители народов Поволжья: мордва, чуваша, марицы (устаревший вариант - черемисы), татары, удмурты (устаревший вариант - вотяки), башкиры. Одним из свидетельств присутствия их в уральской общине является наличие соответствующих фамилий, например, Мордовин, Мордвин,³ Мардвиничев, Чувашев, Чувашенников, Черемиснов,⁴ Вотяков.⁵ В переписи полковника Захарова за 1723 год есть специальные графы, отведённые для мордвы, башкир, татар, чувашей. Однако численность представленных мордовских и чувашских народов в данных списках невелика. Указано, что они являлись выходцами из Уфимского, Алатырского, Казанского, Самарского, Симбирского, Свияжского уездов, городов Самара, Уфа, Алатырь, Астрахань, Касимов.⁶ Заметной численностью отличались среди уральских казаков татары и башкиры. О длительности пребывания татар в рядах уральского казачества свидетельствует то, что Старая Татарская слобода в столице уральского казачества возникла, примерно, одновременно с самим Уральском (в прошлом Яицкий городок) в начале XVII в. Новая Татарская слобода в Яицком городке, возникшая в первой половине XVIII в., была заселена выходцами из Казанской губернии.⁷ В пределах земли Уральского казачьего войска были казачьи населенные пункты, в которых исключительно или почти исключительно проживали татары. Это, например, форпосты-поселки Глининский, Мустаевский, Мухорский, Мухрановский, Озерский.⁸ В 1832 году 9-й башкирский кантон, составленный из переселившихся в Саратовскую губернию башкир, был причислен к

¹ Дубовиков А.М. Уральское казачество в системе российской государственности (XVIII – начало XX вв.): монография. Тольятти: Изд-во ТГУС, 2007.с.245.

² Карпов А.Б. Уральцы. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). В 2-х книгах. Книга первая.– Репринтное издание с книги 1911. - Уральск, 2009.С.44.

³ Карпов А.Б. Уральцы. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550- 1725 гг.). В 2-х книгах. Книга вторая.– Репринтное издание с книги 1911. - Уральск, 2009. С.810

⁴ Назаров А.И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. – Алматы: Комплекс, 2003.с.32, 89,92.

⁵ Там же, с.200.

⁶ Карпов А.Б. Уральцы. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). В 2-х книгах. Книга вторая.– Репринтное издание с книги 1911. - Уральск, 2009. (с.30-37 в приложении).

⁷ Васильев Г. Уральск от А до Я: Татарские слободки (старая и новая)//Пульс. – Уральск, 21 июля 1995 г., с.5.

⁸ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении оренбургской губернии. Уфа, 2002.с.127.

Уральскому войску под названием Башкирское отделение.¹ Хотя башкиры этого отделения и считались казаками, они не пользовались правами природных уральских казаков, но зато и не имели тех обязанностей службы, которые несли природные казаки. Их служба сводилась к наряду в Уральск для городских работ и для усиления иногда городских (полицейских) казаков. Кроме того, башкиры обязаны были в своем отделении содержать в 3-4 местах пикеты для отправления подводной и почтовой гоньбы.² По указу от 3 мая 1865 г. Башкирское отделение было упразднено, а башкиры перечислены в крестьянское сословие.³ Некоторые башкирские семьи пожелали жить именно в Уральском войске и в Илецкой станице.⁴

Существовало несколько путей попадания народов Поволжья в Уральское войско: во-первых, плен, во-вторых, бегство от притеснений и бесконечных поборов властей, в-третьих, торговля (Волжский путь, города Саратов, Самара, Сызрань). Все беглые или добровольно пришедшие в сообщество люди придерживались той веры, какую считали лучшей для себя.⁵ Для завоёванных существовало особое условие, так как рабство было противно духу сообщества, то пленных обращали в своих товарищей, если он примут православие. Таким образом, можно говорить о появлении старообрядцев среди мордвы, чувашей, марийцев, татар, удмуртов и башкир в казачьей общине с самого начала религиозного раскола. В то время как основная масса народов Поволжья, которые не входили в состав Уральского войска, активно сопротивлялись распространению православия. Это стало одной из причин их миграции в XVIII-XIX вв., а также участия в восстаниях Степана Разина и Емельяна Пугачёва.

Исследователь истории Пугачёвского бунта П. Юдин в своей работе, такие народы Поволжья как мордва, чуваша, марийцы, называл общим термином «инородцы», так как они были малочисленны по сравнению с башкирами, калмыками и киргизами. Он указал на то, что именно инородцы волновались больше других народностей и яро поддерживали Е. Пугачёва.⁶

Однако избежать влияния русской православной религии во всём многообразии её течений народам Поволжья не удалось. Миграционное движение народов в Оренбургскую губернию завершилось тем, что мордва, чуваша, черемисы оказались в окружении истовых раскольников. Община уральских казаков являлась очагом старообрядчества на данной территории. Лидер уральского расколичества «обер-офицерский сын Антон Пикульский, именующий себя Аркадием, митрополитом Беловодским, посланным ...индийским патриархом Мелетием»⁷ был популярен среди мордвы.

¹ Назаров А.И. указ. соч.с.12.

² Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта Уральских казаков. Полное собрание сочинений. Том 1. Репринтное издание. – г.Уральск, 2006. – 484 с.

³ Бородин Н.А. Очерк общинного хозяйства уральских казаков // Северный вестник. - 1890. - №3., С.139.

⁴ Бородин Н.А. Уральское казачье войско. Уральск 1891. С. 313.

⁵ Карпов А.Б. Уральцы. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). В 2-х книгах. Книга первая.– Репринтное издание с книги 1911. - Уральск, 2009., с.61.

⁶ Юдин П. К истории Пугачёвщины // Русский архив. – М., 1896. Кн. 2. с.5-6.

⁷Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. – Уральск, 1899.с.125.

Соответственно, мордва принимала легенду о Беловодском царстве, характерную для духовно-религиозных исканий уральского казачества.¹ Народы Поволжья, как и казаки, признавали разные религиозные толки: мордва – никудышники, молокане; чувашаи – молокане, беспоповцы.

В результате крещения данные народы подверглись обрусению. Например, мордва-старообрядцы не сохранили собственные обряды захоронения, считая их языческими. Проводили богослужения по русским богослужебным книгам. Исключением были только чувашаи. Они пользовались книгами, напечатанными на чувашском языке.² Хотя сама чувашская грамота была создана в 1870 г. на базе русского алфавита. Чувашаи официального православия пытались соединить традиционную религию с православием. Таким образом, «они одновременно почитали и древних богов и новых святых, нередко отождествляя их».³ «Став старообрядцем или православным, казак нерусской национальности (новокрещеный) начинал именоваться так, как это было принято в среде русских казаков. Русское календарное имя он получал при крещении».⁴ За пределами исконных мест обитания, например, в среде Уральского казачества, народы Поволжья забывали родной язык. При этом наблюдается взаимовлияние культур этих народов. На Урале, как и на Волге, переплетались годами язычество, христианство, мусульманство, мифология, обряды и культура быта. В результате были выработаны общие черты духовной и материальной культуры. Нестор Малеча обратил пристальное внимание на то, что народы Поволжья взаимодействуя с Уральским казачеством, внедряясь в его ряды приносили в речь казаков тюркизмы. Например, «аир» (род многолетних травянистых растений, растущих по берегам рек и озер), «акча»⁵ (деньги) и многое другое. Языки народов Поволжья, в частности чувашский, татарский, башкирский относят к семейству тюркских языков. Марийский, удмуртский и мордовский языки принадлежат к финно-угорской языковой семье. Между чувашским и марийским языками много общего в фонетике и грамматике.⁶

Первоначальное место заселения Урала казаками носило название Курени. Курень представлял собой шалаш, либо избу. Они представляли собой плетёные мазанки или дома из воздушного кирпича, обмазанные белой глиной. Когда казаки стали вести более осёдлый образ жизни, тогда и стали появляться деревянные дома русского типа, деревянные с коньковыми крышами,⁷ например, дом П.М. Кузнецова (на сегодняшний день является музеем Е.И. Пугачёва). Русская печь, полати, лавки, стол, красный угол были характерны

¹Заметки по лекции Елены Данилко «Старообрядчество среди финно-угорских народов Урало-Поволжья»// <http://uralistica.ning.com/profilis/blogs/zametki-po-lekcii-eleny>. 18 ноября, 2009.

² Там же.

³ Салимов И.Х. Среднее Поволжье. М.: Омега, 1994.с.63.

⁴ Назаров А.И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. – Алматы: Комплекс, 2003. С. 94.

⁵ Малеча Н.И. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002 г., Т.1. с.62.

⁶ Салимов И.Х. Среднее Поволжье. М.: Омега, 1994.с.61.

⁷ Чесноков Н.Г. «Приняли меня славно»: Уральская поездка А.С.Пушкина. - Уралск: Издательство ТОО «Оптима», 2003. С.12.

для интерьера жилища русских, мордвы, татар и чувашей. Беспорядочная планировка между собой домов в селениях Уральского казачества являлась культурной чертой народов Поволжья, «уходящая корнями в древний обычай совместного поселения родственных семей отдельными гнёздами».¹ В первые годы существования Уральского войска русская традиция линейно-уличной планировки уступила условиям военного образа жизни казачества.

Наиболее общими чертами в материальной культуре народов Поволжья и Приуралья обладал женский костюм. «Основу женского костюма славянских, финно- и тюркоязычных народов составляла туникообразная рубаха с входящими рукавами, круглым шейным вырезом и прямым грудным разрезом».² Также женщины носили сходные головные уборы, украшая их бисером, жемчугом, металлом. Уральские казачки поверх сороки одевали платок (ширинку), который завязывается на затылке. Этот обычай мог быть заимствован как от финно-угорских, так и от тюркских народов, потому что всем им было присуще ношение полотенеобразных головных уборов и налобных повязок.³ Особое внимание уделялась нагрудным украшениям и поясам. Таким образом, наряд уральской казачки представлял полиэтничный симбиоз культурных компонентов.

Блюда кухни народов Поволжья в немалой степени сопрягаются со вкусами уральских казаков. Например, бешбармак, бугульма, баламык, джурьма, также кисломолочные продукты⁴ как айран, кумыс. Выпечка казачками мучных изделий с добавлением ягод было характерно для мордвы и марийцев. Несмотря на то, что рыбные блюда в войске считались исконно уральскими, следует отметить, что в мордовской кухне также имеются блюда из рыбы, при этом предпочтение отдается красной рыбе.

Схожие процессы соприкосновения и взаимодействия оседло-земледельческого и кочевого скотоводческого хозяйственно-культурных типов Поволжья и Приуралья способствовал формированию и распространению схожих обрядов, связанных со сменой сезонов. Например, встреча весны у русских – масленица, у чувашей – моление плуга, моление о дожде, моление на поле, у мордвы – коллективные моления, у татар – сабантуй, т.е. свадьба плуга. Православные русские и мордва весной празднуют вербное Воскресение, только у мордвы название этого дня формулируется так - в честь Вербавы (матери вербы).⁵

Таким образом, Уральское казачество и народы Поволжья в результате взаимодействия формировали новые особенности для культуры и истории собственной общности. В мире широкого этнокультурного пространства выживает и имеет значимость та культура, которая постоянно взаимодействует с другими культурами. В результате комплиментарности, толерантности

¹ Самарская область. Самара, 1998. с.367.

² Там же. с.368.

³ Там же. с.368.

⁴ Дубовиков А.М. Повседневная культура уральского казачества (XVI-XIX вв.) // Вестник ОГУ № 10. 2008. С. 47.

⁵ Самарская область. Самара, 1998. с.369.

уральских казаков по отношению к другим народам, у них сложилась уникальная субкультура, носящая полиэтничный характер.

© Гурская Н. В., 2010 г.

Денисламов Т. Г.

Всесоюзная перепись населения 1989 года как исторический источник по истории г. Уфа

Перепись населения является самым крупным статистическим мероприятием по сбору демографических, экономических и социальных данных, характеризующих жителей страны.

В XX в. статистические материалы, по сравнению с предшествующим временем, приобретают еще большее качественное и количественное развитие, что объяснялось, не в последнюю очередь, постановкой перед статистической наукой целого ряда новых, грандиозных задач, которые ранее перед ней в дореволюционной России никогда не ставились.

У каждой переписи своя богатая и интересная история. Программа вопросов переписи, организация и проведение опроса, публикация итогов в какой-то степени являются отражением состояния современного им общества.

В итогах переписей можно увидеть, как на протяжении рассматриваемого периода формировалась территория нашего региона и административное деление, «вырастали» все новые города, как увеличивалось население республики, и изменялся его социально-демографический состав¹.

Итоги переписи – это не только инструмент, с помощью которого осуществляется планирование и прогнозирование социально-экономического развития. Это важный исторический документ, который отражает жизни миллионов советских людей. Они рождались и умирали, учились и работали, создавали семья и воспитывали детей, уезжали в другие регионы или возвращались обратно. По мере своего осуществления все эти события находили свое отражение в последней переписи прошлого столетия.

Всесоюзная перепись населения 1989 года была проведена в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 11 февраля 1988 г. № 199 «Вопросы Всесоюзной переписи населения 1989 года». Перепись населения проведена по состоянию на 12 января 1989 г., заполнение списков и переписных листов счетчиками началось в 8 часов утра (по местному времени)².

Итоги Всесоюзной переписи 1989 года свидетельствуют о непрерывном росте уровня образования, отражают новые успехи в подготовке высококвалифицированных кадров для всех отраслей народного хозяйства, всемирный подъем культуры. Население переписывалось в течение 8 дней – с 12 по 19 января. Учитывались две категории населения: наличное и постоянное.

¹ Семья в СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.

² Население Башкортостана: XIX–XXI века: стат. сб. Уфа: Китап, 2008. 448 с.

К наличному населению относились лица, находившиеся на дату переписи в данном помещении, независимо от того, проживали они в нем постоянно или временно. К наличному населению относились также лица, которые на дату переписи находились в другом месте, но на территории того же городского или сельского совета или за пределами его в таких местах, где они не переписывались. К постоянному населению относились постоянно проживающие в месте прохождения переписи, включая временно отсутствующих, если отсутствие не превышало 6 месяцев. К постоянному населению относились также прибывшие из другого места на постоянное место жительства, на постоянную работу, учебу, если даже срок пребывания в месте прохождения переписи составлял менее 6 месяцев¹.

В переписях населения фиксируется численность постоянного населения. Исходя из полученных данных, можно проследить динамику численности постоянного населения. За период 1959 – 1979 гг. численность постоянного населения в Уфе увеличилось на 3,7 % в год, за 1970 – 1979 гг. на 2,9 %, то в последующем десятилетии лишь на 1,2 % в год. Несмотря на сокращение темпов роста населения города, абсолютные показатели прироста были достаточно большими: за 1979 – 1989 гг. среднегодовой прирост составил 22,0 тыс. человек.

В 1979 – 1989 гг. население Уфы увеличивалось на 11,2 тыс. человек в год. В 1980 году численность населения столицы перешла миллионный рубеж и Уфа вошла в число 23 городов-«миллионеров» Советского союза. В 1970 году Уфа по численности населения занимала 13 место среди крупнейших городов СССР. К 1979 году – 11 место, а в 1989 году – 10-е, количеством населения 1079,7 тыс. человек, опередив такие города, как Ростов-на-Дону, Волгоград, Пермь². По данным переписи 2002 года Уфа занимает 11 место³.

Благодаря данным переписей можно проследить соотношение полов в составе населения Уфы за послевоенные годы. В составе Уфы численность женщин за все рассматриваемые годы превышала численность мужчин. Вместе с тем наблюдается тенденция выравнивания представительства полов. Наиболее интенсивно процесс выравнивания происходил в период 1970 – 1979 гг. Если в 1970 г. на 1000 мужчин приходилось 1237 женщин, то в 1979 г. – 1156, то есть на 81 человека меньше. Основными факторами, повлиявшими на соотношение числа мужчин и женщин, были, прежде всего, Великая Отечественная война. Большие потери мужского населения в годы войны способствовали увеличению доли женщин в составе населения. Вторым важным фактором, оказавшим влияние на диспропорцию в численности мужчин и женщин, является интенсивный приток мигрантов из сельской

¹ История Башкортостана по материалам Всероссийской и Всесоюзных переписей населения в XVI – XX вв.: тезисы науч. конф. Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 1999. 246 с.

² Галин Р. А. Население города Уфы: прошлое, настоящее, будущее. Уфа: РИО БАГСУ, 2001. – 96 с.

³ Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI веков / Под. ред. Конышевой Е.В. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008. – 409 с.

местности. Демографическое своеобразие сельско-городской миграции в 60 – 70-е гг. заключается в том, что среди мигрантов преобладали женщины¹.

Не менее важным фактором, отраженным в записях переписи населения, является уровень образования. Общая численность населения в городе Уфе в возрасте 15 лет и старше, имеющего высшее, среднее полное и неполное образование, составило 841980 человек, при этом число лиц имеющих высшее образование было 112559, незаконченное высшее – 22572, среднее специальное – 174816, среднее общее - 284717, неполное среднее – 148364, начальное – 67680 человек².

Исходя из данных переписей, можно проследить динамику изменений удельного веса отдельных национальностей в городе ко всей численности населения соответствующей национальности, проживающих в республике. Удельный вес башкир в столице по отношению к общей их численности в республике за 1959–1989 гг. был намечен относительный рост. Если по переписи 1959 г. в составе населения Уфы башкиры были представлены лишь 4,1 %, то в 1970 г. их доля составила 6,1 %, в 1979 г. – 9,8 %, а в 1989 г. достигла 14,1 %. Несмотря на довольно высокие темпы увеличения этого показателя, среди уфимцев он все же низок, что может сдерживать развитие национальной культуры. Меньшую долю в составе населения Уфы по сравнению с башкирами имеют чуваша (10,4 %) и марийцы (9,8 %). По данным переписи 1989 г., в Уфе проживало почти половина (49,4 %) живших в республике белорусов, 37,8 % русских, 37,5 % украинцев. Причем за 1970-1989 гг. указанные показатели значительно выросли. Из всего татарского населения республики более четверти (26,0 %) проживает в Уфе. Его доля по сравнению с 1970 г. выросла на 6,6 % процентных пунктов³.

Таким образом, перепись населения является основным источником о численности и составе населения СССР последних лет его существования. Перепись населения, наряду с численностью, позволяет получить данные о половом, возрастном, национальном составе, семейном положении и по многим другим социально – экономическим характеристикам населения.

© Денисламов Т. Г., 2010 г.

*Жирова А. Г.*⁴

Погребальный обряд кочевников эпохи средневековья по материалам Нижнего Поволжья (к вопросу о методах формализации данных)

В течение многих лет актуальным является вопрос об этническом составе населения Астраханского Нижнего Поволжья в постхазарское время. Целью

¹ Галин Р. А. Население города Уфы: прошлое, настоящее, будущее. Уфа: РИО БАГСУ, 2001. – 96 с.

² Население Башкортостана: XIX – XXI века: стат. сб. Уфа: Китап, 2008. – 448 с.

³ Галин Р. А. Население города Уфы: прошлое, настоящее, будущее. Уфа: РИО БАГСУ, 2001. – 96 с.

⁴ Автор выражает благодарность за помощь в написании данной работы к.и.н. Д.В. Васильеву.

нашей работы является попытка выявления этнических групп кочевников данного периода на территории северного Прикаспия и их взаимодействий на основе изучения погребальных памятников. Для достижения данной цели нам представляется необходимым создание таблицы для выявления комплекса признаков погребального обряда, характерного для кочевников Нижнего Поволжья в постхазарский период.

Территориальные рамки данного исследования включают в себя территорию Астраханской области и Республику Калмыкия. Такие территориальные рамки исследования объясняет историческая ситуация, имевшая место на территории Нижнего Поволжья в эпоху Средневековья.

Первым этапом нашей работы станет выявление признаков погребальной обрядности. Признаки погребального обряда были сгруппированы нами пофазно, согласно принципу В.А. Иванова и В.А. Кригера. Описание строилось в порядке изучения захоронения: 1-характеристика местоположения погребения; 2-анализ надмогильных конструкций; 3-особенности могильной ямы; 4-характеристика внутримогильных конструкций; 5-описание особенностей обряда; 6-характеристика ритуала погребения; 7-анализ погребального инвентаря. При разработке системы признаков мы так же использовали работы И.С. Каменецкого по составлению кодов для описания погребального обряда и Д.В. Васильева по характеристике погребального обряда Золотоордынского времени. Всего для построения базы данных нами было составлено 38 признаков, каждый из которых мог принимать от 0 до 10 значений.

На втором этапе обработки на основании вычисленных коэффициентов корреляции Пирсона нами были построены графы связей элементов погребального обряда для всей выборки в целом. Рисуя граф, мы изобразили ребра, означающие слабые связи между признаками (силой от 0,4 до 0,69) как одинарную линию. Двойная линия обозначает среднюю связь (от 0,7 до 0,89). Тримя линиями обозначается сильная связь (от 0,9 до 1). В целом на графе связей между признаками преобладают сильные и слабые связи.

На построенном нами графе видно, что признаки разделились на 17 разных по составу и количеству элементов комплексов связанных признаков (КСП) (рис.1.)

КСП I объединяет 48 признаков. Внутри КСП выделяется 7 тесно связанных ядер группы. В первом ядре наиболее тесными и сильными связями обладают 4 признака: 6.3. «остатки барана в насыпи», 13.3. «поза погребенного на спине с поворотом влево», 28.1. «расположение загробной пищи в насыпи могильной ямы» и 28.2. «расположение загробной пищи на насыпи могильной ямы». Признак 6.3. связан средними связями с признаками 13.1., 28.2. и 28.1. Признаки 28.2. и 28.1. в свою очередь соединяются с признаком 13.3. с помощью слабой связи, признаки 28.1. и 28.2. не связаны между собой. В свою очередь признак 13.3. связан средней связью с признаком 12.4. «ориентировка погребенного на юго-восток», не связанным с остальными составляющими ядра. Признак 6.3. также имеет слабую связь с признаком 13.4. «поза

погребенного – на спине с доворотом вправо» и с признаком 28.6. Итак, мы можем сказать о том, что в комплексе, где костяк человека зафиксирован в положении лежа на спине с доворотом влево вероятнее всего обнаружить остатки тризны, содержащей кости барана, которые будут располагаться либо на засыпи могильной ямы, либо в засыпи. Так же можно говорить о большой вероятности того, что погребенный, уложенный на дно могильной ямы в данной позе будет скорее всего ориентирован головой на юго-восток. Признак 12.4. имеет также слабую связь с признаком 15.6. «ноги скрещены». В данном ядре имеется ряд признаков, характерных для мусульманского погребального обряда: доворот погребного на правый бок и наличие костей барана в погребальном обряде, который как известно, считается священным животным у мусульман. Перекрещивание ног погребенного также связано с мусульманским погребальным обрядом, когда тело мусульманина после пеленания в саван перевязывается по коленям, перетягивается по рукам и ногам¹. Но несмотря на это, существует вероятность того, что связывание ног погребного является признаком ритуального обезвреживания погребенного, которое характерно в равной степени для огузского погребального обряда.² Второе ядро состоит из 7 признаков. Основу составляет 4 признака, которые имеют сильную связь друг с другом: 24.4. «конечности коня отсечены по 3-ий сустав», 23.6. «чучело коня располагается на ступеньке справа или слева от погребенного», 31.6. «наличие кинжала» и 31.8. «наличие плети или стека». Так же все эти признаки имеют слабую связь с признаком 25.7. «ориентировка коня на запад». Признаки 31.6., 31.8. и 24.4. и 23.6. имеют слабую связь с признаком 30.3. «наличие частей седла» В этом ядре мы видим сильную взаимосвязь признаков кыпчакского погребального обряда: отсечение конечностей коня по 3-й сустав, ориентировка коня черепом на запад, расположение коня на ступеньке могильной ямы. Третье ядро содержит три признака: признак 21.2. «наличие мела» связан средними связями с признаками 22.1. «камышовая подстилка» и 28.5. «расположение загробной пищи на дне могильной ямы справа от погребенного». Е.В. Круглов выделяет такую особенность погребений огузов, как наличие травяных и древесных подстилок³, в то время как наличие подстилок считается не свойственным для погребений печенежского круга. Следовательно, мы можем связать данное ядро с огузским погребальным обрядом. Четвертое ядро содержит 4 признака, из них 2 признака соединены средней связью: 4.4. «оградка из сырцового кирпича» и 9.2. «перекрытие на ступеньках». Оба этих признака имеют слабую связь с признаком 7.5. «ступеньки вдоль длинных стен», который в свою очередь слабо связан с признаком 10.2. «деревянное перекрытие могильной ямы». Такие признаки как наличие ступенек вдоль длинных стен ямы и наличие деревянного перекрытия погребальной камеры свойственны как для хазарской погребальной обрядности, так и для огузского погребального обряда. В данном случае казалось бы малозначимый признак

¹ Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007. С. 129.

² Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й половины IX – 1 половины XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001. С. 405.

³ Круглов Е.В. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников... С.13

наличие оградки из сырцового кирпича имеет немаловажное значение, так как сырцовые оградки свойственны для мусульманских погребений. Следовательно, можно предположить связь данных признаков с группой огузского населения, подвергшегося мусульманскому влиянию в постхазарский период. Это объясняет и наличие традиционных признаков языческого погребально обряда, связанных с формой могильной ямы и внутримогильными конструкциями и также наличие признаков мусульманского обряда, связанных с характером надмогильной конструкции.

Признак 34.4. «наличие браслетов», имеющий слабую связь с признаками 34.3. «наличие бус» и 21.3. «наличие углей» соединяет посредством слабой связи ядра 3 и 4 через признаки 21.2. и 4.4. Признак 34.3. в свою очередь имеет слабую связь с признаком 7.6. «ступеньки вдоль всех четырех стенок». Эта связь также не случайна, данная группа признаков характеризует женские и детские захоронения (наличие признаков 34.4. и 34.3.), относительно большое количество которых является несомненным признаком огузского обряда. Пятое ядро состоит из 10 признаков, из них 2 соединены средней связью: 16.5. «положение черепа лицом вниз» и 22.5. «подстилка из дерева». Признак 16.5. в свою очередь соединен еще с 5 признаками слабыми связями: 2.2. «несколько погребенных в одной камере», 23.4. «чучело коня на деревянном перекрытии», 25.6. «ориентировка коня на юго-запад», с признаком 30.4 «наличие деталей сбруи» и с признаком 30.3. Признаки 2.2. и 25.6. соединены слабой связью с признаком 23.4. Признак 23.4. соединен слабой связью с признаком 30.1. «наличие удил», который так же находится в слабой связи с признаками 30.2. «наличие стремян» и 31.4. «наличие сабли и меча», все эти три признака слабо связаны с признаком 30.3. Данное ядро также характеризует огузский погребальный обряд: наличие деревянной подстилки, групповое захоронение, вертикальное соотношение чучела коня и погребенного, ориентировка коня в одном направлении с погребенным. Признаки, связанные с наличием предметов сбруи можно объяснить наличием в обряде коня. Признак 34.5. «наличие пуговиц», слабо связанный с признаками 23.4, 30.3 и 4.4. соединяет ядра 2, 4 и 5. Шестое ядро так же состоит из 11 признаков, в нем имеется 2 группы признаков, связанных между собой средней связью. 1) 27.7. «наличие черепа барана» и 28.6. «на дне могильной ямы слева от погребенного» 2) 27.2. «наличие задних конечностей животного» и 26.1. «загробная пища-баран» Данные группы соединены между собой посредством слабой связи признаков 28.6. и 27.2. Признаки 26.1., 27.2. и 28.6. в свою очередь слабо связаны с признаком 34.2. «наличие серег», который в свою очередь соединен слабыми связями с признаками 35.1. «наличие гончарной посуды» и 8.3. «тайник в стенке могильной ямы за головой погребенного». Признаки 27.7. и 28.6. имеют слабую связь с признаком 17.6. «ритуальное разрушение погребального инвентаря». Признак 17.6. в свою очередь слабо связан с признаком 27.6. «наличие крестца жертвенного животного», который слабо связан с признаком 28.8. «расположение загробной пищи в изголовье», связанным слабой связью с признаком 27.2. Признак 26.1. слабо связан с признаком 28.4. «расположение

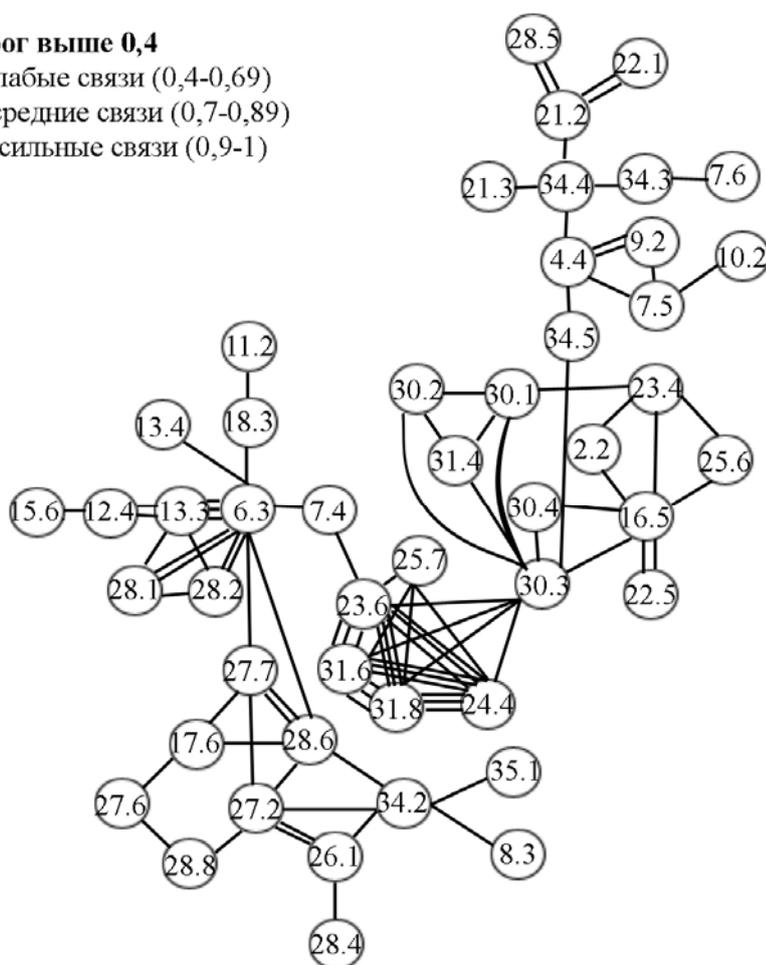
загробной пищи на дне могильной ямы». Следовательно, данное ядро описывает часть погребального ритуала, связанную с жертвенными животными. Как мы видим из вышеописанного, в погребениях, относящихся к данному комплексу могут присутствовать череп, задние конечности, крестец брана, расположенные на дне могильной ямы слева от погребенного, в изголовье или в тайнике, расположенном в стенке могильной ямы за головой погребенного. Так же в погребениях данного комплекса встречаются гончарные сосуды с заупокойной пищей, которые также могут располагаться в тайнике. Кроме того, обряд данного комплекса предусматривает наличие серег в погребении. Признаки, входящие в данное ядро характеризуют как огузский, так и болгарский погребальные обряды. Для болгарского погребального обряда характерной чертой является наличие в конструкции могильной ямы тайников, содержащих сосуды с заупокойной пищей. Кроме того, для болгарского погребального обряда так же как и для огузского свойственно ритуальное разрушение погребений. Вместе с тем участие частей туш барана также свойственно для кочевнических погребений огузского и болгарского круга.

Порог выше 0,4

/ - слабые связи (0,4-0,69)

// - средние связи (0,7-0,89)

/// - сильные связи (0,9-1)

КСП II объединяет 30 признаков, соединенных сильными, средними и слабыми связями. В данном комплексе между признаками преобладают слабые связи. В данном комплексе можно выделить 4 ядра. 1 ядро состоит из 7 признаков, 2 из которых имеют между собой среднюю связь: 26.3. «загробная

пища в могиле - лошадь» и 28.1. «расположение загробной пищи в засыпи могильной ямы». Признак 26.3. в свою очередь имеет слабые связи с признаками 13.1. «невозможно определить позу погребенного», 21.3. «наличие углей в могиле» и 31.5. «наличие элементов доспеха». Признак 13.1. в свою очередь слабо связан с признаком 11.2. «перезахоронение», который связан с признаком 12.9. «невозможно определить ориентировку погребения». В этом ядре взаимосвязаны признаки, описывающие захоронения, совершенные по обряду перезахоронения, вследствие чего становится невозможно определить ориентировку погребенного. 2 ядро состоит из 4 признаков. Основу ядра составляют признаки 15.5. «положение ног не определено» и 14.1. «положение рук не определено», соединенные средней связью. Оба этих признака имеют слабую связь с признаком 13.8. «целостность костяка была нарушена вследствие ограбления или из-за других факторов, не связанных с обрядом». Кроме того, признак 15.5. имеет слабую связь с признаком 18.1. «возраст погребенного на определен». Таким образом в данном ядре присутствуют признаки, описывающие погребения, которые были ограблены или разрушены в ходе хозяйственной деятельности. Следовательно, существует вероятность того, что поза и возраст погребенного могут не подлежать определению. 1 и 2 ядро соединяются посредством слабой связи признаков 26.3. и 15.5. с признаком 32.4. «пространственное положение монет не установлено», что можно объяснить тем, что в ограбленном погребении или погребении, совершенном путем перезахоронения инвентарь может быть смещен со своих первоначальных мест. Признак 32.4. также имеет слабую связь с признаком 11.3. «трупосожжение». Кроме того, признак 32.4. соединяет ядра 1 и 2 с ядром 3 посредством слабой связи с признаком 27.10. «невозможно определить расположение загробной пищи в могиле». Ядро 4 состоит из 4 признаков, соединенных слабыми связями. Признак 27.10. связан с признаками 32.2. «наличие монет у кистей рук», 26.7. «направление коня на запад» и 26.2. «направление коня на северо-восток». Признак 32.2. в свою очередь соединен с признаком 10.1. «могильная яма перекрыта камышом». Ядро 3 состоит из 12 признаков, соединенных между собой сильными, средними и слабыми связями. Основу ядра составляют 3 признака: признак 23.9. «скаковые конечности коня на дне могильной ямы» соединен сильной связью с признаком 34.9. «наличие птицевидных накладок», который в свою очередь соединен средней связью с признаком 25.3. «направление коня на восток», признак 25.3. имеет слабую связь с признаком 23.9. Признаки 23.9. и 34.9. соединены слабой связью с признаком 1.3. «погребение впущено в курган той же эпохи». Признак 1.3. в свою очередь слабо связан с признаком 13.5. «поза погребенного – на правом боку» и с признаком 15.4. «ноги согнуты коленями вверх». Ядро 3 и ядро 4 соединяются через слабые связи признаков 15.4. и 27.10. с признаком 28.10. «расположение загробной пищи в могиле не установлено». Признаки 23.9. и 1.3. относятся к печенежскому погребальному обряду. На первый взгляд связь этих признаков с признаком 34.9. «наличие птицевидных накладок» кажется странным. По мнению многих исследователей птицевидные накладки являются

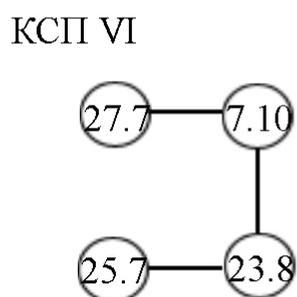
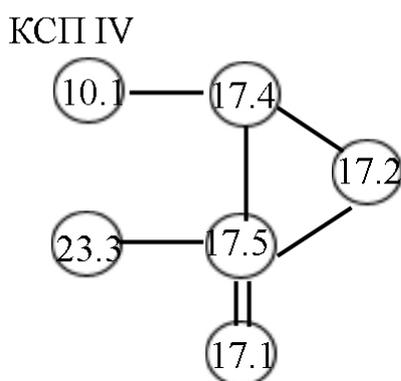
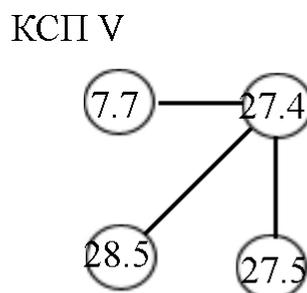
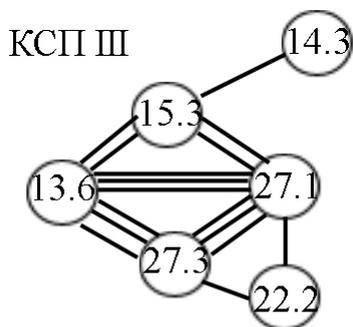
КСП IV состоит из 6 признаков, по преимуществу соединенных слабыми связями. В данном комплексе отсутствуют сильные связи. Признаки 17.5. «нарушен анатомический порядок грудной клетки» и 17.1. «отсутствие или повреждение черепа» имеют среднюю связь. Признак 17.5. имеет слабые связи с признаками 17.2. «нарушен анатомический порядок конечностей», 17.4. «Нарушен анатомический порядок позвоночника» и 23.3. «чучело коня в заполнении могильной ямы». Признак 17.4. имеет слабую связь с признаком 10.1. «могила перекрыта камышом». В данном комплексе содержатся признаки, описывающие погребения со следами ритуального разрушения человеческого и конского скелетов. Данный комплекс объединяет группу признаков, характерную для огузского погребального обряда: вертикальное соотношение коня и погребенного, наличие камышового перекрытия и следы обряда обезвреживания погребенного.

КСП V объединяет 4 слабо связанных между собой признака. Признак 27.4. «наличие позвонков жертвенного животного» связан с признаками 7.7. «могила с подбоем, дно входа и подбоя находятся на одном уровне», 27.5. «наличие ребер жертвенного животного» и 28.5. «жертвенное животное располагается на дне могильной ямы справа от погребенного».

КСП VI объединяет 4 признака, слабо связанных друг с другом по цепочке: признак 27.7. «наличие черепа жертвенного животного» связан с признаком 7.10. «подбой в южной стенке ямы», признак 7.10. связан с признаком 23.8. «чучело коня на дне могильной ямы слева или справа от погребенного», который связан с признаком 25.7. «конь ориентирован головой на запад». Признаки, объединенные в данный комплекс связаны с печенежским погребальным обрядом, для которого характерно расположение чучела коня на дне могильной ямы и ориентировка черепа коня в одну сторону с погребенным.

На основании проведенного статистического анализа погребальных памятников, удалось выявить 17 разных по составу и количеству элементов комплексов связанных признаков погребального обряда. Данные комплексы содержат признаки погребальных обрядов кыпчаков, болгар, огузов и печенегов, гуннов и хазар. Наиболее тесные связи были установлены между 3 группами кочевников: огузами, печенегами и болгарами. Связь огузских и болгарских погребальных обрядов не достаточно сильная, она проявляется через участие барана в погребальном ритуале и объясняется принадлежностью двух групп кочевников в тюркской этнической группе. Наиболее прочную связь мы наблюдаем в печенежском и огузском погребальном обрядах. Вследствие наличия прочной связи между признаками огузской и печенежской погребальной обрядности, мы считаем некорректным выделение 2 погребальных обрядов. На наш взгляд правильнее было бы говорить не об отдельных друг от друга погребальных обрядах, а об огузском и печенежском вариантах тюркского погребального обряда. Близкое сходство погребальных традиций можно объяснить общим происхождением, принадлежностью к одной этнической группе и длительными контактами. Кроме того, хотелось бы напомнить и то, что как племенной союз огузов, так и в племенной союз

печенегов могло входить несколько родов, и, возможно, как первое, так и второе объединения могли быть больше политическими, нежели этническими. Скорее всего, именно поэтому в огузском варианте погребального обряда можно выделить 2 дополнительные группы – с элементами мусульманской обрядности и с элементами салтовской обрядности.

© Жирова А. Г., 2010 г.

Игнашов А. В.

**На пути в Оренбург.
Пушкин и Самарская губерния.
Литературно-исторические аспекты изучения проблемы**

Был ли А.С. Пушкин в Самаре или нет? Десятки лет спорят об этом краеведы, литературоведы и историки. Казалось бы, архивные документы давно изучены, факты перепроверены. Но как притягательны мифы, легенды и мистификации! Известно, что в сентябре 1833 года великий русский поэт проезжал по территории Самарской губернии, направляясь из Симбирска в Оренбург. С кем он виделся в пути? С кем общался? О чем размышлял? Что записывал в свою дорожную тетрадь?..

Отправившись в Оренбург, Пушкин впервые видит необъятные просторы Средней Волги и завожских степей. В эту поездку он четыре раза переправляется через Волгу. Несмотря на то, что часть действия в «Капитанской дочке» происходит на Волге, в Симбирске и Казани, сама река

упоминается лишь однажды: «Зурин получил повеление переправиться через Волгу»¹.

Итак, семнадцатого августа 1833 года Пушкин выехал из Петербурга «в дальнейшее путешествие в Поволжье и на Южный Урал по пугачевским местам для сбора материалов для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». Это была первая долгая поездка поэта после женитьбы в 1831 году на горячо любимой женщине»². В письме, посланном из Оренбурга, Александр Сергеевич напишет жене: «Насилу доехал – дорога прескучная, погода холодная, завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дня три и отправлюсь в деревню через Саратов и Пензу. Мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе ни строчки не написав...»³.

Единственным самарцем, который встречался с Пушкиным, был уездный судья, первый самарский литератор и библиофил Иван Алексеевич Второв. Он познакомился с Пушкиным в доме Антона Дельвига двадцать шестого ноября 1827 года. Второв писал в дневнике, что был разочарован внешностью поэта и восхищен его речью, но не писал, говорил ли Пушкин о Самаре. Еще раз Второв встретился с Пушкиным девятого сентября 1833 года в Симбирске у губернатора. Пушкин тогда обмолвился, что едет в Оренбург. Второв советовал ему ехать левобережной скотопрогонной и торговой большой проезжей дорогой, по которой ездил сам. По этой дороге пятнадцатого сентября Пушкин и отправился из Симбирска в Оренбург. Но заезжал ли он в Самару? О Самаре в письмах поэта, воспоминаниях современников, в других документах не сказано ничего.

Из Симбирска в Оренбург можно было ехать тремя дорогами: почтовой дорогой через Сенгилей по правобережью с переправой через Волгу у Самары, губернской почтовой дорогой по правобережью на Сызрань, и левобережной большой проезжей скотопрогонной и торговой дорогой с переправой через Волгу у Симбирска.

В Симбирске Пушкин пробыл с девятого по пятнадцатое сентября. Он колебался в выборе пути. В ночь на тринадцатое сентября выехал по почтовой дороге, «но из Сенгилая вернулся обратно в Симбирск, забраковав эту дорогу»⁴. Ехал он в коляске, запряженной тройкой лошадей. На почтовых станциях не хватало ни лошадей, ни ямщиков. «Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее, – писал он жене. – На третьей станции стали закладывать мне лошадей – гляжу: нет ямщиков. Один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой...»⁵. О

¹ Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 19 т. М. 1994–1997. Т. 8. С. 364.

² Носков А. И. О стихотворении А.С. Пушкина «Когда б не смутное влеченье...» // Самарский земский сборник. 2008. №1 (17). С. 93.

³ Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников // Вересаев В.В. Собр. соч. В 4 т. М. 1990. Т. 3. С. 14.

⁴ Носков А. И. Путь А.С. Пушкина по самарскому краю // Носков А. И. Прикосновение к прошлому. Историко-литературные поиски и находки самарского краеведа / Авт. вступ. ст. А. Н. Завальный. Самара. 2006. С. 185.

⁵ Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников // Вересаев В.В. Собр. соч. В 4 т. М. 1990. Т. 3. С. 13.

вторичном отъезде Пушкина из Симбирска по другой дороге писал и М. А. Цявловский¹.

Пятнадцатого сентября Пушкин вновь выехал из Симбирска в Оренбург. Шестнадцатого сентября он написал в дорожной записной книжке: «Нынче калмыки так обрусели, что готовы с живого шкуру содрать. Слова мордвина»,² что говорит нам о том, что он ехал левобережной скотопрогонной дорогой и торговой дорогой (калмыки жили тогда лишь на левом берегу Волги, в Ставропольском и Самарском уездах). По территории современной Самарской области Пушкин проехал через Мусорку, Еремкино, Старую Бинарадку, Красный Яр, по проселочной дороге выехал на Смышляевку, а дальше – по почтовому тракту Самара-Оренбург. По мнению А. И. Носкова, Пушкин записал в дорожной записной книжке название села Смышляевка, чтобы не забыть – «Смышляевка не была указана в Почтовом дорожнике 1829 года и не была обозначена на дорожной карте»³.

В Оренбург поэт прибыл утром восемнадцатого сентября, проехав за три дня пятьсот восемьдесят верст. Он нигде подолгу не останавливался, возможно, ехал даже ночью. Кстати сказать, обратно он мог ехать через Саратов и Пензу, или по той же скотопрогонной дороге, что косвенно подтверждает запись, сделанная Пушкиным: «Проезжая мимо Языкова, я к нему заехал...»⁴.

Судя по архивным материалам, в Самару новость о поездке Пушкина привез встречавшийся с ним в Симбирске Иван Алексеевич Второв⁵. Семнадцатого сентября 1833 года из Самары в Оренбург выехали на два месяца самарцы Воронина и Шалашниковы. В письме из Оренбурга Воронина писала своей подруге: «Пушкина мы уже не застали здесь...»⁶.

На пути из Симбирска в Оренбург Пушкин начал сочинять стихотворение, пометив его в тетради так: «1833, дорога, сентябрь»:

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждающей души,
Я здесь остался б – наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал –
И все бы слушал этот лепет,
Все б эти ножки целовал⁷.

¹ Цявловский М. А. Хронологическая канва биографии // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 6 т. М.; Л., 1931. Т. 6, кн. 12: Путеводитель по Пушкину. С. 9–23.

² См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 19 т. М. 1994–1997. Т. 17. С. 294.

³ Носков А. И. О поволжских заметках А. С. Пушкина в дорожной записной книжке 1833 года // Носков А. И. Прикосновение к прошлому. Историко-литературные поиски и находки самарского краеведа. Самара. 2006. С. 159.

⁴ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 19 т. М. 1994–1997. Т. 15. С. 83.

⁵ См.: РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 17. Л. 250; Д. 122. Л. 71.

⁶ См.: Русский архив. 1902. №8. С. 647.

⁷ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 19 т. М. 1994–1997. Т. 3. С. 316.

Пушкин так и не опубликовал эти строки, видимо, не считая их законченными. Необходимо отметить, что в 1850 году император Николай Первый запретил публиковать это стихотворение «как совершенно пустое»¹, и все же, в 1857 году оно было опубликовано.

«Осеннее холодное утро 1833 года. Моросит дождь. Оставив село Рождествено, коляска потянулась по скверной дороге через водомоины и коряги к перевозу на тот берег. По широчайшей реке ходуном ходили желто-свинцовые волны с беляками. Предстояла далеко небезопасная переправа на дощанике, не внушавшем доверия. Сидящий в коляске путник с бедно-желтоватым лицом, обросшем бакенбардами, в застегнутой по горло байковой бекеше и таком же картузе с большим козырьком, поблескивая быстрыми глазами, хмуро глядит на галдящих у воды мужиков. Оборванных и явно нетрезвых...», – так начинает Александр Александрович Смирнов (Треплев) свой рассказ под названием «Пушкин в Самаре (На пути в Оренбург)»².

Вот как описывает «увиденную Пушкиным» Самару Смирнов (Треплев): «Выехали на Хлебную площадь, обильно унавоженную, с рядами лавчонок и «присутственными местами» – в соседстве с каланчою и острогом. По дороге не попало ни одной школы, ни одной книжной лавки, зато пять кабаков... И, спохватившись, подумал: надо бы к Второву... Ведь когда встретились в Симбирске у губернатора, я почти обещал Ивану Алексеевичу, ежели доведется быть в Самаре, непременно остановиться у него... Не приказать ли ехать к нему? Нет, засидишься, без обеда не отпустят. Будут уговаривать ночевать. Нет, дальше, в Оренбург!.. И захотелось как можно скорее покинуть противный городишко, добраться до цели поездки. И вообще поскорее покончить с нею. А без странствия тоже нельзя. Нужны материалы, и писать, писать! Нужны деньги, деньги!.. Теперь ведь он не холост...»³.

По мнению М. А. Перепелкина, своим литературным наброском Смирнов спровоцировал краеведов на поиски, дабы подтвердить, или опровергнуть факт пребывания поэта в Самаре: «Нога Пушкина ступала на землю самарской губернии. Самому Пушкину это ничего не дает, а Самаре дает многое. Существенно меняет глубину нашей исторической памяти...»⁴.

В апреле 1899 года Самарская Городская Дума приняла решение создать на пустыре между городским театром и Иверским женским монастырем сквер. Гласные члены Думы «предложили назвать этот сквер Пушкинским»⁵. Сквер сохранился до наших дней. Стоящий в нем памятник поэту – третий по счету.

¹ Пушкин. Исследования и материалы. Т. 12. Л. 1986. С. 342.

² Смирнов (Треплев) А. А. Пушкин в Самаре (На пути в Оренбург) // Смирнов (Треплев) А.А. Театр душ: Стихи. Критические этюды. Воспоминания. Письма / Сост., подгот. к публ., вступ. ст. и комментарии М. А. Перепелкина. Самара: Изд-во «Самарский университет». 2006. С. 402.

³ Смирнов (Треплев) А. А. Пушкин в Самаре (На пути в Оренбург) // Смирнов (Треплев) А.А. Театр душ: Стихи. Критические этюды. Воспоминания. Письма / Сост., вступ. ст. и комментарии М.А. Перепелкина. Самара; Изд-во «Самарский университет». 2006. С. 403.

⁴ Перепелкин М. А. То ли был в Самаре Пушкин, то ли не был... Историко-литературный миф и его автор // Самарские судьбы. № 2. 2008. С. 75.

⁵ Носков А. И. Увековечивание памяти А.С. Пушкина в самарском крае // Носков А. И. Прикосновение к прошлому. Историко-литературные поиски и находки самарского краеведа / Авт. вступ. ст. А.Н. Завальный. Самара. 2006. С. 240.

Решение о строительстве в Самаре Народного дома с театральным залом на шестьсот мест, библиотекой-читальней и чайной-столовой за счет средств Попечительства о народной трезвости было принято в 1898 году. На заседании Самарской Городской думы в июле 1899 года гласный Александр Александрович Смирнов предложил присвоить Народному Дому имя Пушкина в ознаменование 100-летия со дня рождения поэта. В декабре 1903 года Народный Дом был построен, освящен и открыт для посетителей, а в 1918 году отдан под Клуб железнодорожников, который с 1926 года стал называться Клубом имени Революции 1905 года. Здесь при входе на балконе установлен гипсовый бюст Пушкина работы самарского скульптора-любителя Вадима Рейтлингера.

В 1905 году копия с этого бюста была поставлена на двухметровый постамент в сквере имени Пушкина. Как долго просуществовал этот памятник, неизвестно. С 1949 по 1968 год Пушкинский сквер украшал бетонный бюст, созданный по модели московского скульптора Владимира Домогацкого. В 1985 году в сквере был открыт ныне существующий памятник, выполненный из металла самарским скульптором Игорем Федоровым с участием Виктора Фомина и Алексея Моргуна. В 1999 году памятник Пушкину был открыт в городе Новокуйбышевске, в парке «Дубки».

При написании в «Капитанской дочке» эпизода о том, как Савельич предъявляет счет Пугачеву, Пушкин, как известно, использовал подлинный реестр пропавшего имущества, представленный генерал-аншефу Бибикову в январе 1774 года надворным советником Иваном Буткевичем для возмещения убытков, нанесенных пугачевцами его имениям.

Существует предположение, что фамилия героя романа Гринев была взята Пушкиным от жившего в эпоху пугачевщины подполковника Гринева¹, который в начале января 1774 года прибыл с полевой командой в Самару, только что отбитую у мятежников и руководил боевыми действиями по разгрому мятежников под Красноярской крепостью.

В Самаре областное общество книголюбов проводит пушкинские конкурсы и викторины. Ежегодно шестого июня пушкинисты встретятся у памятника, читают стихи, вспоминают Александра Сергеевича. Кто сказал, что Пушкин не был в Самаре? Для этих людей он не просто был в Самаре, он навсегда остался здесь.

© Игнашов А. В., 2010 г.

¹ Савельзон В. Л. Пушкин и Оренбуржье. Над страницами «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева». Оренбург. 1998. С. 148.

**Фольклор как исторический источник
и выразитель системы ценностей в этнографии детства (на примере
башкирского традиционного общества)**

В каждом обществе, на каждом этапе его развития существуют разные стили и методы воспитания, допускающие многочисленные этнические, региональные, семейные и другие вариации, тесно связанные с национальными особенностями и традиционно-бытовой культурой. Изучение истории детства и взросления в традиционных обществах в силу их специфики невозможно без изучения фольклорных источников. Именно обрядовый фольклор и материалы башкирского народного творчества, являясь памятниками архаичных реалий, содержат уникальную и основную информацию о раннем периоде жизни человека в башкирском обществе.

Рождение ребенка всегда было радостным событием в башкирской семье. Однако рождение девочки в башкирской семье встречалось с меньшей радостью, чем рождение мальчика, отмечают многие исследователи. Впрочем, Н. Казанцев пишет, что всякий башкир лучше желает иметь у себя детей женского пола, нежели мужского, так как рассчитывает на получение выгоды при выдаче дочери в замужество¹. С этим созвучна башкирская пословица: дочь дороже красного золота. В предании «Буранбай» один бай, у которого не было детей и вовсе дал слово: «Если жена родит сына, пусть поступает с ним, как знает, а родит дочь – выдам за первого батыра страны»². Предпочтительное отношение к мальчику, вероятно, было связано, во-первых, исключительной ролью мужчины в продолжение рода, без него род пресекался. Во-вторых, родители видели в сыне будущую опору в старости. Дочь – только гостья, стрела в колчане, говорили в народе. В-третьих, с выходом дочери замуж, семья лишалась работницы, имеющей значительное приданое. Время и деньги, потраченные на дочь, считались выброшенными, поскольку замужество отрывало ее от родной семьи и прибавляло рабочие руки семье мужа: «Дочь растет – дому убыток, сын растет – дому прибыль»; «Взрослая дочь – ушедшая дочь». В-четвертых, наследование земли и земельных наделов происходило, за редким исключением, главным образом, по мужской линии. Полевые и этнографические материалы конца XIX – начала XX в. часто свидетельствуют о том, что отсутствие мужчин в семье могло лишить ее земли³. Кроме того, в пользу меньшего внимания дочери по сравнению с сыном, говорит и во много раз большее преобладание несчастных случаев с летальным исходом именно

¹ Казанцев Н. История башкир. СПб., 1866. С. 28.

² Башкирское народное творчество. Т. 7. Пословицы и поговорки. Приметы, загадки. Уфа, 1993. С. 100. Там же. Т. 2. Предания и легенды. Уфа, 1987. С. 312.

³ Записано в 2002 г. в дер. Ургинка Зианчуринского района от Султанбаева В.; Зарипова Фатиха Хафизовича (1924 г.р.); Моратов А. Указ. соч. № 7. С. 73; Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. ... Указ. соч. С. 14.

среди девочек¹. И.А. Стина также пишет, что приблизительно в 2-хлетнем возрасте девочка предоставляется сама себе².

До 5–7 лет девочки и мальчики играли вместе. Даже одежда детей обоего пола вначале не различалась; до 4 лет, как девочки, так и мальчики бегали в одинаковых длинных рубашонках с закрытым воротом, с широкими рукавами³. В этом возрасте воспитанием детей занимались матери, но дети часто оставались без присмотра в силу постоянной занятости их матерей, в результате часто случались несчастные случаи с детьми от 2 до 10 лет (в основном обжоги и утопления)⁴.

С 4–5 лет мальчики уже больше находятся около отца, который, прежде всего, научает их ездить верхом, каковое искусство они постигают весьма быстро, так что 7-летние карапузики нередко являются превосходными наездниками⁵. С 8 лет мальчик башкир уже являлся помощником отца – он рубил дрова, пас скот, убирал во дворе, выполнял другие хозяйственные работы. С этого времени девочки несколько отдалялись от мальчиков, они уже не могли играть вместе. В толпе мальчиков, – пишет М. А. Круковский, – никогда не увидишь ни одной девочки. Совместных игр, совместного детства здесь нет: мальчики особо, девочки – особо⁶. У девочек появлялись свои трудовые обязанности: с 8–9 лет девочек начинали обучать ткачеству, в 10–12 летнем возрасте их привлекали к присмотру за своим младшими братьями и сестрами, в 12 – 13 летнем возрасте они начинали таскать воду, обучаться вышиванию, шитью одежды, изготовлению войлочных изделий, приготовлению сложных блюд и т.д. Повседневно помогая матери, девочка постепенно осваивала навыки домашнего хозяйства.

В паремическом творчестве четко прослеживается строго дифференцированный подход к воспитанию по полу и отмечается, что для сына особенно важно было отцово воспитание, а дочери – материнское: «Глядя на отца, сын растет, глядя на мать, дочь растет»; «Дочь не будет дочку иметь, если не знает цену матери, сын не будет сына иметь, если не знает цену отца»; «Каков отец, таков и сын, какова мать, такова и дочь»; «Не унаследовавший дух отца сыном не станет, не унаследовавший прав матери дочерью не станет»⁷.

В условиях суровой полукочевой жизни детей в семье учили переносить трудности, лишения, в них воспитывали находчивость, смелость и мужество. В тех семьях, где отсутствовали мужчины, уход за конем выполняли девочки или молодые женщины. Многие девочки, девушки также стреляли из лука, занимались верховой ездой, охотой, всеми видами хозяйственных работ.

¹ ЦГИА РБ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 127/І. Л. 43 – 44 об., 92 – 93, 103 – 104, 105, 134 – 135, 154 – 155 об, 162 – 165; Д. 127/ІІ. Л. 274 – 275; Д. 129/ІІ. Л. 99. (но на листе написано 18).

² Стина И.А. Башкирка. М., 1924. С. 11 – 12.

³ Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 57.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 127/І. Л. 43 – 44 об., 92 – 93, 103 – 104, 105, 134 – 135, 154 – 155 об, 162 – 165; Д. 127/ІІ. Л. 274 – 275; Д. 129/ІІ. Л. 99. (но на листе написано 18).

⁵ Никольский Д.П. Указ. соч. С. 124.

⁶ Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909. С. 78.

⁷ БНТ. Т. 7. С. 98, 100, 101, 103.

Множество подобных примеров содержится в народном творчестве башкир. Например, в эпосе «Алдар и Зухра» говорится о красавице-батыре Зухре, в стрельбе из лука, езде на коне которой не было равных не только среди девушек, но и среди мужчин¹. Воспитание девушек в подобном духе было возможно в основном в состоятельных семьях, особенно если в семье не было наследников. Кроме того, у башкир сами по себе занятия верховой ездой, охотой, упражнения в стрельбе из лука никогда не были исключительно мужским занятием и были вызваны суровой необходимостью кочевого быта. К XIX в. упражнения в них девушек стало одним из способов проведения досуга, а также относилось к одному из традиционных элементов различных народных праздников. Поэтому относить их понятию работы, мужской и женской, было бы не правомерно и половая сегрегация труда с разделением на женскую и мужскую работу соблюдалась. Выполнение мальчиками, юношами, мужчинами женской работы считалось позором мусульманину. Основной целью воспитания девочек была подготовка из них жен, матерей.

Важнейшее моральное качество, которое прививалось детям – это уважение к родителям и старшим. В народе осуждалось неповиновение родителям: когда настанет конец света, отец и мать будут молчать, сын и дочь говорить; сын, который ударит мать, неудачлив будет. Между братьями и сестрами также действовал принцип старшинства: «Глядя на старшего брата, младший силу обретает, глядя на старшую сестру, младшая подрастает», «Кого возьмет старший брат – та мне сноха, за кого выйдет старшая сестра – тот мне зять»².

Правда И.А. Стина отмечает, например, что «мальчик башкир не должен был присматривать за детьми»³. Скорее всего, в семье царил дружба и равноправие между детьми, как мальчиками, так и девочками: брат и сестра – зеркала друг для друга⁴. Естественно, если это был, например, старший брат, то отношение к нему было уважительное как к старшему, и со стороны младших братьев, и сестер. Так Н.В. Бикбулатов обращает внимание на значительную роль старшего брата в причитаниях невесты при ее проводах. Часто к брату невеста обращается с теми же словами, что и к отцу. Нередко брат – тот же кормилец, тот же вершитель ее судьбы, что и отец. Объяснить это можно, во-первых, тем, что в семье с патриархальным укладом старший брат, уже взрослый мог играть почти такую же роль в делах семьи, что и отец, во-вторых, между ним и младшей сестрой могли сложиться более близкие и доверительные отношения, и уже в силу этого он должен был являться ее заступником и покровителем, в-третьих, это может свидетельствовать о существовании в далеком прошлом авункулатных обычаев в башкирском обществе, в силу которых по отношению к детям женщины значительно большими правами и

¹ БНТ. Т. 1. С. 356.

² Там же. С. 86, 98.

³ Стина И.А. Указ. соч. С. 11 – 12.

⁴ Там же. С. 97.

обязанностями пользовались ее братья и другие ее кровные родственники, а отец ее детей рассматривался как представитель другого рода¹.

Отец редко занимался воспитанием своих дочерей, они находились в основном на попечении матери и спрос за ее воспитание был, прежде всего, с нее. При этом отцовское воспитание по отношению к дочерям имело свои ограничения. В народе считалось, что дочь, которую бьет отец, будет несчастливой и напротив, сын, которого ударит отец, удачлив будет². Взрослые относились к девочкам и девушкам с большим уважением³. Мужчины – и молодые, и пожилые – обращались к ним «дорогая сестра»⁴.

По достижении брачного возраста девочки переходили в группу невест, девушек на выданье. Правда четко определить брачный возраст для девочек у башкир сложно, он мог варьироваться от 11 до 20 лет, хотя по шариату с девяти лет девочка признавалась совершеннолетней, то есть способной выйти замуж.

Достигнув брачного возраста девушка должна была все делать по дому и спокойно замещать свою мать в хозяйстве. Особенно много приходилось работать девушке, если она была единственной дочерью родителей или старшей в семье, либо из бедной семьи. «Гильмияза была единственным ребенком у родителей и выполняла дома любую тяжелую работу, которая с руки только мужчинам»⁵. Правда, если в семью приходила сноха, вся основная тяжесть работы падала на нее, поэтому если девушка была младшей, то девичья жизнь ее была относительно беззаботной.

Мать хотела видеть дочь, прежде всего, трудолюбивой, скромной, воспитанной. Недаром советовали в народе: «Хвали не красоту дочери, хвали ее трудолюбие»⁶, «От избалованной (невоспитанной) девушки пользы не будет»⁷. Трудолюбие девушки-невесты в народе считалось одним из главных ее достоинств: «Выбирай девушку не на посиделках, а на жатве», «Коня не выбирай в дождь, а девушку – на празднике», «Когда выбираешь девушку, пусть ночь будет темна», «Ленивую замуж не берут»⁸.

Разумеется, хотя, трудовые навыки девушки, ее трудолюбие и умение вести хозяйство были приоритетными и, прежде всего, брались в расчет, но не упускались из виду и ее красота, и физическое здоровье, так как именно здоровая женщина способна была родить физически здоровых детей, а это по понятиям башкир являлось главным назначением женщины. Здоровый цвет лица, розовые щеки, густые длинные волосы, физическая сила – неотъемлемые атрибуты девичьей красоты.

Башкирские дети, как и другие мусульманские дети, обучались в примечетских школах – мектебах и медресе (начало которым на Южном Урале было положено уже в XVI в.) или получали домашнее образование. К концу

¹ Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Указ. соч. С. 66 – 67.

² Там же. 107, 100.

³ Записано в 2003 г. в дер. Исламбай Бурзянского района от Бирдигуловой М.

⁴ Салимова Л. Народное воспитание. С. 68.

⁵ БНТ. Т. 2. С. 356.

⁶ БНТ. Т. 7. С. 109.

⁷ Мать. Пословицы и поговорки. Словарь (на баш. яз.). Под ред. Ахтямова М.Х. Уфа, 2002. С. 80.

⁸ БНТ. Т. 7. С. 11, 73.

XVIII в. школьное обучение детей у приуральских мусульман считалось нравственной обязанностью родителей. К началу XIX в. в Оренбургской губернии насчитывалось около 100 башкирских и татарских школ. К середине столетия их число утроилось¹. В 1865 г. в башкирских и татарских деревнях Южного Урала было свыше 600 мектебов и медресе с более чем 20 тыс. учащихся². В 50 – 60-е гг. XIX в. Н. Казанцев писал, что у башкир в каждом ауле есть мечеть и при ней медресе для обучения детей грамоте и первоначальным обрядам веры³.

Возраст учащихся в башкирских школах значительно колеблется, начиная с 6 до 20 лет, но, в общем, преобладает возраст от 8 – 13 лет.

Наряду с существованием мектебов в более широкой степени было развито домашнее обучение, особенно для девочек, так как шариат запрещал совместное их обучение с мальчиками в существующих мектебах и медресе. Башкирские и татарские девочки посещали дом муллы и обучались абыстаями (женами мулл). Учащиеся таких домашних мектебе были разного возраста и абыстай занималась с каждой из них в отдельности: спрашивала заданный урок, давала ей задание. Срок обучения в домашнем мектебе, естественно, не был определен. Учебный год начинался поздно осенью и кончался ранней весной. Девочки, достигшие определенного возраста, или вышедшие замуж, прекращали обучение.

Ученики занимались, главным образом, чтением и заучиванием стихов Корана – молитв, религиозной литературы. Обучение чтению велось по букво-слагательному методу на арабском алфавите, путем механического заучивания.

Основными книгами для изучения в мектебах, являлись: «Иманшарты» (Условия веры), «Афтияк» (Седьмая часть Корана) и «Мухаммадия» (жизнь и деятельность Магомета и других пророках)⁴.

В народном фольклоре очень уважительно относились к образованным людям, особенно девушкам: «Грамотная девушка – все равно, что с приданым»⁵. Судя по народному творчеству, грамотные девушки были не редкостью, особенно в среде богатых и духовенства, так в предании «Таштугай» говорится, что дочь бурзянского бая была образованной, начитанной для своего времени⁶. А в песне «Муллы дочка Галима» и «Зубайда» поется, что девушки разговаривают со своими женихами на арабском языке⁷. В песне «Ерян – Кашка», вероятно посвященной Отечественной войне 1812 г., парни просят своих милых отвечать на их письма⁸. Об этом же поется и в песне «Асылкай»: «Есть чернила, да вот ручки нету, мне пером гусиным, что ль

¹ Там же. С. 17 – 18; *Черемшанский В.М.* Указ. соч. С. 140.

² *Фархиятов М.Н.* Народное образование в 60-90 годы XIX в. С. 18; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8275. Л. 20; Ф. 295. Оп. 8. Д. 206. Л. 45 об. – 46.

³ *Казанцев Н.* Указ. соч. С. 22 – 23.

⁴ Там же. С. 187.

⁵ БНТ. Т. 7. С. 70.

⁶ Там же. Т. 2. С. 365.

⁷ Там же. Т. 8. 292, 268.

⁸ Там же. С. 67.

писать? ...»¹. По преданию, мать Салавата Юлаева (жила в XVIII в.) была грамотной женщиной, так как она была дочерью религиозного служителя, и она сама учила своих детей².

Но если судить по делам и прошениям Оренбургского магометанского духовного собрания, относившемся к первой половине XIX, большинство женщин, подавших прошение, были неграмотны, а если и умели читать по-татарски (тюркски) или арабски, то письма не знали и в качестве подписи ставили тамгу.

Только в 60-е гг. XIX в. начинается активное вовлечение, посредством правительственной русификаторской политики, башкирских детей к обучению русскому языку и другим наукам. Но в целом школа, как светская, так и религиозная, не стала реальностью вплоть до советской культурной революции для подавляющего большинства башкирских детей (это в полной мере относится и к подавляющему детскому населению края).

Таким образом, традиционная башкирская культура определяла статус семьи, исходя, прежде всего из факта наличия детей независимо от пола. И хотя рождение девочки встречалось менее радостно, чем мальчика, оно не проходило незамеченным. У башкир четко прослеживается строго дифференцированный подход к воспитанию по полу. Воспитанием девочек (как и малолетних мальчиков) занималась исключительно мать.

© Иликеева Ю. А., 2010 г.

Исхаков Р. Л.

Идея штата «Идель – Урал» как алгоритм решения проблемной ситуации

Татарский писатель и публицист Гаяз Исхаки (1878 – 1954) известен в истории как автор историко-публицистического очерка «Идель-Урал». Книга-очерк вышла в 1933 г. на татарском языке в Берлине, затем в Париже на русском и французском языках (1933), в Токио на японском (1934), в Варшаве на польском (1938), в Лондоне на русском (1988) языке. Это – одна из первых работ, дающих общее представление, логику и основные вехи политической истории татар. В 1992 г. впервые в постсоветское время очерк не только увидел свет в России, но и вышел отдельным изданием³.

Идея штата «Идель-Урал» в свое время прозвучала как мысль о необходимости восстановления в Поволжье и на Южном Урале утраченной в середине XVI века государственности. В 1919 году Гаяз Исхаки в качестве представителя штата «Идель-Урал» отправляется на Версальскую мирную

¹ Там же. С. 218.

² Там же. Т. 2. С. 258.

³ *Исхаки Гаяз*. Идель-Урал. Набережные Челны: Газетно-кн. изд-во «КАМАЗ», 1992. – 48 с. (На татар. яз.).

конференцию и больше не возвращается в Россию. В течение шести десятков лет само произведение замалчивалось и оголтело объявлялось националистическим. Почти всем деятелям татарской культуры, арестованным в 1930-х гг., инкриминировалась связь с Исхаки, по заданию которого они якобы «создавали антисоветское подполье». Когда в конце 1980-х годов начался процесс реабилитации имени Исхаки, в газете «Советская Татария» появилась статья «Гаяз Исхаки, он же Шольц», написанная одним из татарских партийных историков. Согласно данным автора получалось, что татарский писатель чуть ли не сотрудничал с фашистами под кличкой «Шольц». В статье говорилось, что якобы польская военная разведка, связанная с английской разведывательной службой «Интеллидженс сервис», финансировала Исхаки и направляла его в разные части света с заданиями антисоветского характера¹.

В своем очерке «Идель-Урал» Гаяз Исхаки размышляет о переломных моментах в развитии татарской нации: временах Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства, невзгодах после завоевания Казани Иваном Грозным, предреволюционных и послереволюционных годах, перспективах развития народа. Проблема «Идель-Урал», поднятая Гаязом Исхаки, актуальна и в сегодняшние дни. 2 августа 2008 г. в Казани произошло знаменательное историческое событие – под эгидой Всемирного Конгресса Татар был создан Координационный Совет Народов Идель-Урала². «...Никуда не деться татарам от Гаяза Исхаки: он не уходит, – пишет старший научный сотрудник Института Татарской энциклопедии АН Республики Татарстан Азат Ахунов. – И долго ещё не уйдёт»³. Поэтому сегодня требуется новое, современное прочтение публицистических смыслов очерка, его научного и идейно-политического содержания.

Штат «Идель-Урал» продолжал традицию государственности в Поволжье. В 1920-е гг. было предложено несколько проектов государства (известны три, все остались нереализованными). Судьба трех его авторов сложилась трагически. М. Вахитов был казнен противниками большевиков. М. Султан-Галиев после многих лет преследования был расстрелян в 1940 году в Москве. И. Алкин, после гражданской войны ставший крупным ученым-экономистом, картографом, казнен по приговору Верховного суда в 1937 г. 17 января 1918 года декретом Совнаркома при Наркомнаце был образован Комиссариат по делам мусульман Внутренней России. Во главе Комиссариата поставили депутата бывшего Учредительного собрания от Казанской губернии, председателя МСК Муллачура Вахитова. Его заместителями стали депутаты Учредительного собрания от Уфимской губернии Галимджан Ибрагимов и от

¹ Позже все эти домыслы были опровергнуты ныне покойным татарским литературоведом Ибрагимом Нуруллиным, которому не без труда удалось опубликовать свои статьи в газете «Вечерняя Казань». Изучением жизни и творчества Гаяза Исхаки и реабилитацией его имени занимались татарские учёные Хануз Махмутов (1933 – 1996) и Ибрагим Нуруллин (1923 – 1995). Х. Махмутов «перелопатил» всю татарскую дореволюционную прессу в поисках материалов об Исхаки.

² Финно-угры Идель-Урала заявляют о нарушении принципов равенства наций и федерализма в России [Электронный документ] URL <http://www.finugor.ru/?q=comment/reply/8368>

³ Ахунов Азат. Гаяз Исхаки «Кто он? Кто он, кто нашу нацию взрастил?» [Электронный документ] URL <http://kitap.net.ru/ahunov5.php>

Оренбургской губернии – Шариф Манатов. Центральное место в деятельности Мусульманского комиссариата занимал вопрос о национально-государственном самоопределении татарского и других мусульманских народов России. В Комиссариате разрабатывались проекты национальных автономий этих народов в составе РСФСР.

Комиссар Центрального мусульманского комиссариата, член коллегии по делам национальностей РСФСР, председатель Центральной мусульманской военной коллегии Мулланур Вахитов (1885 – 1918)¹ 22 марта 1918 г. вместе с И. В. Сталиным подписал «Положение о Татаро-башкирской советской республике». Военно-политический деятель, географ Ильяс Алкин (1895 – 1937) был председателем Коллегии по осуществлению Урало-Волжского Штата². Он выступал за создание Урало-Волжского Штата.

Проекты Татаро-Башкирской республики и Штата «Идель-Урал» можно рассматривать как формы реализации т.н. «Туранского государства», в который включались тюркоязычные республики Средней Азии, а также Татарская и Башкирская АССР. Проект «Туранского государства» был предложен М. Султан-Галиевым и группой политических деятелей национальных республик Востока в тексте «Соображения об основах социально-политического и культурного развития тюркских народов Азии и Европы»³. Отходя от идеи диктатуры пролетариата, М. Султан-Галиев, как сам выразился, выдвигал ей «противовес» в виде «другого положения», а именно «концепцию о том, что материальные предпосылки к социальному переустройству человечества могут быть созданы лишь установлением диктатуры колоний и полуколоний над метрополиями»⁴.

Материалы, связанные с реализацией идеи Штата «Идель-Урал», позволяют рассматривать ее как оставшийся нереализованным алгоритм решения проблемной ситуации (АРПС). Мы предлагаем ТРИЗное⁵ прочтение публицистики Гаяза Исхаки. Наш оптимизм основан на многолетнем опыте специалистов. «Не откладывайте в сторону книгу, увидев очередную проблему с «металлургическим уклоном», - предупреждает Марк Меерович⁶. ТРИЗ создавалась, чтобы заменить те интуитивные «озарения», которые приводят талантливых инженеров и ученых к выдающимся изобретениям и открытиям, с такой стратегией мышления, которая позволяла бы каждому хорошо подготовленному специалисту получить аналогичные результаты.

¹ *Нафигов Р. И.* М. Вахитов. Казань. 1975; *Хабутдинов А. Ю.* Легенды татарской истории: Мулланур Вахитов // Идель. 1997. № 10; *Ибрагимов Г.* Боек Октябрь революциясе һәм пролетариат диктатурасы. Казан. 1922. (На татар. яз.).

² Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М. 1993; *Султанбеков Б.* Ильяс Алкин: жизнь и судьба // Татарстан. 1994. № 9 – 10; Ильяс Алкин – общественный деятель, военачальник, ученый. Док. и материалы. Казань. 2002.

³ Полный текст приведен в журнале Гасырлар авазы – Эхо веков. 1995. № 1 (май).

⁴ *Султан-Галиев М.* Избранные труды. Казань, 1998. С. 525–526.

⁵ ТРИЗ – теория решения изобретательских задач, созданная Г.С. Альшуллером с 1946 по 1971 гг. Авторы разработали уникальную методику формирования творческого мышления как осознанного, целенаправленного и управляемого процесса.

⁶ *Меерович М.* Технология творческого мышления... С. 95

Сама суть ретропрогнозирования заключается в предположении, что у реального хода истории есть альтернативные варианты, которые могли воплотиться в жизнь, но не воплотились. Это направление исторического анализа начало развиваться еще в 1920-е гг., оно известно под многими названиями: альтернативная история, контрфактическая история, «экспериментальная» история, ретроальтернативистики и т.д.¹ Теория ретроальтернативистики зародилась сравнительно недавно². В 1999 г. появились первые публикации в научной периодике³. К сожалению, строго научные ретропрогнозные исследования в постсоветской науке остаются случайными и эпизодическими, хотя в научно-популярной литературе они представлены уже довольно широко. Исследователи задают себе вопрос: «нельзя ли инструментарий исследований будущего обратить в прошлое с целью расширить диапазон оценок в философии истории, сделать их более обоснованными?»⁴. На взгляд Ю. В. Латова, наиболее точно содержание этого направления исторических исследований передается термином «ретропрогнозирование», поскольку его цель – *давать прогнозы альтернативных вариантов развития тех или иных исторических событий и оценивать вероятности различных их исходов* (включая и тот вариант, который реально осуществился)⁵.

«Идя навстречу желаниям татаро-башкирских революционных масс и исходя из решения III съезда Советов, провозгласившего Россию Федерацией Советских Республик, – объявлял в газете «Правда» И. В. Сталин, – Народный комиссариат по делам национальностей, в согласии с указанием Совета Народных Комиссаров, выработал нижеследующее положение о Татаро-Башкирской Советской Республике Российской Советской Федерации». По его мнению, «Татаро-Башкирия является, кажется, единственной областью, революционные организации которой определенно начертили план федерирования с Советской Россией. Мы имеем в виду ту метко очерченную общую схему организации Татаро-Башкирской Советской Республики, о которой говорят теперь все и которую разработали влиятельнейшие советские организации татар и башкир»⁶.

В тот же день в ряде газет было опубликовано «Положение о Татаро-Башкирской Советской республике». Согласно этому положению, территория этой республики практически совпадала с намечаемой татарскими и

¹ См.: Хук С. «Если бы» в истории // THESIS. 1994. № 5. С. 206–215; Полетаев А. В. Клиометрика - новая экономическая история - историческая экономика // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М.: Экономика, 1989. С. 37–42; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 647–654.

² См. Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в истории философии // Вопросы философии. 1997, № 8 С. 112–122

³ Бестужев-Лада И. В. Не ходил бы Бонапарт на Россию // Поиск. 1999. № 47 (ноябрь).

⁴ Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в истории философии [Электронный документ] URL <http://alternatiwa.by.ru/variants/lada.html>

⁵ Латов Ю. В. Ретропрогнозирование (контрфактическая история) как разновидность исследований PATH DEPENDENCE И QWERTY-эффектов [Электронный документ] URL <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/210904.html>

⁶ Сталин И. В. О Татаро-Башкирской республике // Правда. 1918. 23 марта (№ 53).

башкирскими общественными деятелями между Волгой и Уралом независимой автономией «Идель-Урал штаты».

Впервые идея Татаро-Башкирской республики обсуждалась на конференции рабочих-мусульман, состоявшейся в Москве 8 – 28 марта 1918 года. Конференция высказалась за ее создание. 22 марта 1918 года в газете «Известия» было опубликовано разработанное Наркомнацем в соответствии с указанием Совнаркома РСФСР Положение о Татаро-Башкирской Советской Республике. Оно состояло всего из четырех пунктов. Во вводной части документа указывалось, что Положение о Татаро-Башкирской республике выработано исходя из принципа национального самоопределения трудовых масс и в согласии с Мусульманским комиссариатом. Предполагалось объявить территорию Южного Урала и Среднего Поволжья Татаро-Башкирской Советской республикой в составе РСФСР. Во втором пункте говорилось, что «при определении границ в основу кладется проект, разработанный башкирскими и татарскими революционными организациями». В эти границы включались Казанская и Уфимская губернии, башкирская часть Оренбургской губернии, за исключением чувашско-марийской части, прилегающие районы Пермской, Вятской, Симбирской и Самарской губерний. Фактически речь шла о территории, планировавшейся для Урало-Волжского штата. Но по советскому проекту предусматривалось, во избежание каких-либо ошибок, окончательное определение границ передать Учредительному съезду Татаро-Башкирской республики. Сопровождение по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской Республики состоялось в Москве 10 – 16 мая 1918 года под председательством И. В. Сталина. Присутствовали представители татар, башкир, чувашей и мари. Сопровождение избрало комиссию по созыву учредительного съезда Советов Татаро-Башкирии. Ввиду начавшейся гражданской войны съезд не состоялся.

Более подробно о целях и задачах создания Татаро-Башкирской республики И. В. Сталин говорит несколько дней спустя¹. Идея Татаро-Башкирской республики была поддержана и В. И. Лениным как противовес республике «Идель-Урал», поскольку последняя возникла без разрешения центра и была республикой не большевистской, а чисто национальной, общенародной. 10 мая 1918 года в Москве открылась конференция, посвященная созданию новой республики. Из выступлений участников конференции явствовало, что идея встречает повсеместно единодушное одобрение. Однако работа по созданию Татаро-Башкирской республики в 1918 году не была доведена до конца. Появились трудности и противоречия внутреннего порядка. Дело в том, что в конце 1917 – начале 1918 года наблюдался бурный всплеск национального движения, башкиры под руководством своего выдающегося лидера Ахмад-Заки Валидова (1890 – 1970) избрали свой Башкирский Совет – Шуру и провозгласили свою национальную автономию². Этот фактор стал

¹ Сталин И. В. Одна из очередных задач // Правда. 1918. 9 апреля.

² Подробнее об этом см.: Раимов Р. К истории образования Башкирской Социалистической Советской Республики // Вопросы истории. 1948. № 4. Апрель. С. 23–42. [Электронный документ] URL <http://dlib.eastview.com/browse/doc/7114104>

серьезным тормозом на пути реализации проекта единой и сильной Татаро-Башкирской республики. Однако решающее значение имел не внутренний – башкирский – фактор, а внешний фактор: летом 1918 года Поволжье и Приуралье оказались в центре мятежа чехословацкого корпуса, что в свою очередь дало начало широкомасштабной гражданской войне в России. 13 декабря 1919 года Политбюро Центрального комитета партии по предложению В. И. Ленина отменило прежнее Положение Наркомнаца о Татаро-Башкирской республике. И спустя всего месяц с небольшим, 26 января 1920 года то же Политбюро ЦК приняло решение об организации Татарской Автономной Советской Социалистической республики, а 27 мая 1920 года декрет об образовании ТАССР был подписан председателем Совнаркома В. И. Лениным, председателем Всероссийского Центрального Исполнительного комитета М. И. Калининым и секретарем ВЦИК А. С. Енукидзе.

Но идея Штата «Идель-Урал» продолжала жить. На Мукденском конгрессе татар Дальнего Востока (1935) был образован постоянно действовавший в 1935 – 1945 гг. «Национально-религиозный комитет Идель-Урал тюрко-татарских мусульман Дальнего Востока» (*Ерак Шәрәкь мөселманнарының дини-милли Идел-Урал мәркәзе*)¹. Комитет осуществлял руководство культурно-религиозной жизнью татар по трем направлениям: религия, просвещение, финансы, координировал контакты и взаимосвязи между землячествами.

Предлагаемый нами алгоритм решения проблемных ситуаций (АРПС) представляет собой модификацию АРИЗ (алгоритма решения изобретательских задач), основанную на объективных закономерностях развития искусственных систем и предназначенную для анализа проблемной ситуации и поиска наиболее эффективного ее решения. Алгоритм – это своеобразный инструмент для анализа и поиска решения проблем. Его цель – «заменить суету мыслей изобретателя на четкую по структуре и однозначную по результативности цепочку мыслительных операций, выводящую в зону сильных вариантов решения»².

Основоположник этой теории Г. Альтшуллер предположил, что самое эффективное решение проблемы – такое, которое достигается «само по себе», только за счёт уже имеющихся ресурсов. Таким образом, он пришёл к формулировке идеального конечного результата: «Некий элемент (X-элемент) системы или окружающей среды *сам* устраняет вредное воздействие, сохраняя способность выполнять полезное воздействие».

В этом нам видится как креативность современного прочтения идеи Штата «Идель-Урал», так и перспективность применения АРПС в историографических исследованиях.

© Исхаков Р. Л., 2010 г.

¹ Татарская энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, ответ. ред. Г. С. Сабирзянов. Т. 4. Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ. 2008. С. 386.

² *Меерович М.* Технология творческого мышления / Марк Меерович, Лариса Шрагина. М.: Альпина Бизнес Букс. 2008. С. 95.

Национальное образование в Оренбуржье 20-30 гг. XX века

Усилиями трудящихся всех национальностей, под руководством партийных организаций Оренбургская область из отсталой окраины превратилась за годы Советской власти в край мощной современной индустрии, в регион с высоким уровнем культурно - просветительной работы среди населения, с образовательной динамикой, в том числе среди нацменьшинств.

Все эти преобразования в крае способствовали расширению многонационального состава областной партийной организации. Интернационализация областной партийной организации стала итогом большой и кропотливой ее работы по воспитанию политической зрелости у трудящихся нерусского населения, находившихся на различных ступенях экономического и политического развития. Для работы с трудящимися нерусской национальности при агитпропотделе в начале 1918 года был создан подраздел, позже реорганизованный в секции нацменьшинств. Вовлечение представителей нерусских национальностей в активную созидательную деятельность способствовало развитию их политической активности, что находило свое проявление во вступлении в партию.¹

Проводимая секциями культурно – просветительная работа связывалась с политикой партии, главными задачами, которые решала страна в тот или иной период. Большое внимание в связи с этим уделялось подготовке кадров культпросвет работников, агитаторов, пропагандистов из представителей нерусских национальностей. В районах с киргизским населением открывались курсы для культпросвет работников. В мае 1921 года был произведен первый выпуск 627 курсантов – киргизов, пополнивших отряды культпросвет работников. Повсеместно проводился учет грамотных киргизов в возрасте от 16 до 50 лет для работы в волостных и аульных советских учреждениях.²

Считая дальнейшее развертывание просветительной работы среди нерусских народов делом первостепенной важности в культурном строительстве края, II Оренбургская городская партийная конференция в августе 1921 года обязала горком дополнительно открыть для нерусских национальностей школу рабочей молодежи, клубы, библиотеки, театр, кино. Такое решение имело исключительное значение в связи с переводом в конце 20-х годов всего делопроизводства в советских учреждениях национальных районов на родной язык. Оренбургским облисполкомом были разработаны меры по переподготовке кадров советских работников в связи с переходом на новую форму работы.

Развитие системы народного образования и ликвидация безграмотности в этих условиях становилось задачей первостепенной важности. Уже в 1918 году в стране были приняты такие важнейшие документы, как «Декларация о единой

¹ ЦДНИ ОО Ф.8021, О.1, Д.597, Л.124

² ЦДНИ ОО Ф.8021, О.1, Д.597, Л.123

трудоу школе» и «Положение о единой трудовой школе». В них провозглашались основные принципы советской образовательной системы - бесплатность, совместное обучение мальчиков и девочек, исключение из преподавания богословских дисциплин, отмена всех видов наказания, школьное самоуправление.

В структуре формируемой системы советской единой школы был выделен самостоятельный тип школ – *«национальная школа»*. Организационно и содержательно она являлась частью общей системы, но отличалась спецификой учебного плана – местом и ролью родного языка в качестве языка обучения (принцип «школа на родном языке»), использованием в содержании образования элементов национальной (этнической) культуры. Определяющим, тем не менее, было идеологическое единство содержания образования, задававшееся едиными принципами интернационализма, единством воспитательного идеала и целей обучения и обеспечивавшееся едиными принципами и критериями отбора дидактического материала из общего массива национальных культур.¹

Советская власть постепенно и последовательно формировала систему национальных школ как учебных заведений, где обучение велось на родном языке. Постановление Народного комиссариата просвещения от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств» конкретизировало основные положения, касающиеся школ указанного типа.

Начиная с 1925 г., наметилась устойчивая тенденция увеличения количества национальных общеобразовательных школ. Если в Оренбургской губернии к 1925 г. действовали 32 татарских школы I ступени и 1 школа II ступени, то к 1927 г. было уже 50 татарских школ I ступени и 4 школы II ступени. В начальной школе обучалось 4280 татарских детей, а в школах повышенного типа – 360 детей. У татарского населения в Оренбургской губернии отмечался и один из наибольших процентов охвата детей школьной сетью – 57%, при этом довольно высоким был процент обучения девочек – 45 %, в то время как в губернии в среднем обучалось 38% девочек.²

В 30-е годы вся система народного образования страны, а вместе с тем и развитие образования нерусских народностей, требовало прогрессирующего движения. Эти тенденции нашли выражение в ряде документов ЦК ВКП (б) о школе, принятых в этот период: «О всеобщем начальном обучении» (25. 07. 1930 г.), «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (25. 08. 1932 г.) и др.

Права национальных меньшинств обучать детей на родном языке не только закреплялись законодательно, но и воплощались на практике. Так, в Конституции СССР 1936 г. в статье 121 было записано, что граждане СССР имеют право на «обучение в школах на родном языке». Этой статьей не только было конституционно закреплено общее право на образование, но и

¹ ЦДНИ ОО Ф.8021, О.1, Д.597, Л.122

² Этнический фактор в многонациональном приграничном регионе: сб. / Под общ. Ред. В. В. Амелина. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2007. – С. 78.

конкретизировано для нерусских народностей. Конституция установила право для всех наций на получение всеобщего обязательного начального образования, тем самым юридически закрепив достижения в области образования. До середины 1930-х гг. приоритетной задачей советской школы (а в ее рамках национальной) оставалась реализация обязательного начального обучения. Это было необходимой предпосылкой и условием решения главной культурно-политической задачи – осуществления всеобщей грамотности населения, которая могла быть достигнута, прежде всего на родном языке.

В составе задач национальной школы особое место занимала функция интеграции учащихся разных национальностей в новую надэтническую социальную общность (советский народ) на базе моноидеологии, пролетарского интернационализма и общего (русского) языка. Но в силу постоянной смены приоритетов в ходе советской модернизации эта задача решалась крайне непоследовательно.

В 1934 – 1935 гг. в Оренбургской области действовала 2191 школа, часть из них - национальные: татарские, башкирские, мордовские, немецкие, казахские, чувашские. Сеть нерусских школ в основном размещалась в местах компактного проживания указанных этнических групп. Количественный состав таких школ и учащихся в них характеризует таблица

Состав школ	Начальные	Непол. сред.	Средние	Всего	Количество Учащихся
татарские	115	23	1	139	12102
башкирские	51	4	-	55	2812
мордовские	90	9	-	99	9313
немецкие	51	2	2	55	3062
казахские	96	4	-	100	4564
чувашские	16	3	-	19	1572

Рост национальных школ стал в области постоянным показателем: к 1936 году только казахских школ стало 124 с 5 тысячами учащихся в них; действовало 13 интернатов с количеством обучавшихся в 2 тысячи человек. Но самое большое количество национальных школ в Оренбургской области насчитывалось татарских школ, в основном это были сельские начальные. В самом Оренбурге было лишь 3 татарские школы.¹

Во второй половине 30-х годов перед страной встала задача осуществления всеобщего обязательного семилетнего обучения. В связи с этим наметилась тенденция к унификации образовательной системы в разных частях страны. Так, в 1938 году национальным школам вменяется задача обязательного обучения школьников русскому языку. При этом в целях ее упрощения была предпринята унификация графики – силовой перевод алфавитов родных языков, использовавших латинскую графику, на кириллицу.

Таким образом, процесс национального образования в Оренбургской области указанного периода выявил как положительные, так и негативные

¹ *Кораблева Г. В.* Осуществление общих условий права на образование в развитии национальной общеобразовательной школы Урала (1936 – 1993 г. г.). – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 1999. – С.75

стороны. К числу безусловных достижений советского периода следует отнести ликвидацию безграмотности, становление широкомасштабной системы народного образования. Однако ряд недостатков последней сказывается на развитии образования на национальных языках в полиэтничных регионах и на современном этапе.

© Казиева Г. Ж., 2010 г.

Камалеев Э. В.

Послесвадебный период свадебной обрядности татар Республики Башкортостан.

В традиционном делении свадебной обрядности татар Республики Башкортостан на предсвадебный, свадебный и послесвадебный периоды, на последний этап приходится переезд невесты в дом своего мужа, либо к его родителям. Для некоторых территориальных групп татар в дореволюционный период истории страны, переезд невесты в дом мужа совершался только после выплаты всей суммы калыма, что могло длиться несколько лет. Данная особенность была распространена у татар на северо-востоке Башкирии.

После проведения обряда Никах, а затем и собственно самой свадьбы, жених имел возможность навещать свою жену в специально оговоренные дни. “Этот период — *кияулэн йеру* по продолжительности был различным и, как правило, зависел от семейных обстоятельств, материального достатка той или другой стороны. Одни перевозили жену в свой дом после двух-трех визитов, другие через несколько месяцев. А у некоторых к тому времени уже рождался ребенок”¹. За то время что невеста находилась у своих родителей, жених имел возможность не только выплатить калым, но и построить дом для своей семьи. Поэтому переезд невесты становился самым ожидаемым и радостным событием для молодой семьи.

Обычно переезд невесты отмечался также ярко, как и сама свадьба. Начиналось все с того, что жених отправлял одну или несколько повозок к дому своей жены. В качестве кучера мог выступать сам жених, его друзья либо родственники. Шаймухаметова Райфа Шайдиановна 1927 г. р. заметила, что в их деревне жених сам отправлял тарантас с сундуком, куда невеста складывала свое приданое².

На одной повозке сидели жених и невеста, вслед за ними ехала повозка с родителями невесты, а также ее родственники, и отдельная карета отводилась для перевозки приданого (сундука) невесты, на котором сидел братишка или подруга невесты. Во время движения подводы прохожим разбрасывали конфеты, монеты.

¹ Уразманова Р. К. Современные обряды татарского народа. Казань: Татарское кн. Издательство, 1984. С. 78.

² Полевые материалы автора (далее ПМА). Сообщение Шаймухаметовой Райфы Шайдиановны 1937 г. р., с. Ахметово, Кушнаренковский р-н Респ. Башкортостан, 2008.

В доме у родителей жениха обычно собирались не только родственники жениха, но и все соседи из ближайших домов, а также жители деревни, чтобы рассмотреть и оценить хозяйственные качества невесты. В некоторых районах и деревнях при подъезде к дому жениха стреляли из ружья, отгоняя духов. Первым невесту встречала мама жениха. Спускаясь с подводы, невесты должна была встать на подушку. Затем свекровь подавала невестке ложку меда, в некоторых деревнях и ложку масла. После этого жених брал свою жену на руки и входил домой. В доме молодых сажали во главе стола, а в дореволюционный период свадебного обряда невеста начинала прислуживать за столом.

Отдельного внимания заслуживает приданое невесты, к которому уделялось особое внимание. Помимо того, что приданое составляло материальную основу любой молодой семьи, приданое является также показателем рукоделия, мастерства и хозяйственности невесты. Основу приданого невесты составляли тканые (*сугылган*) изделия – это два комплекта одежды для своего мужа (рубаша, штаны), платки, платочки, занавески, наволочки для подушек и т.д. Также в приданом невесты было много хозяйственных предметов, например, посуда, обязательно пара ведер. Шарипова Мунавара Мухаметхановна сообщила, что “с собой невеста должна была привести 2 ведра, но обязательно полные либо крупой, либо лапшой, из которой готовили свадебный суп (туй ашы)”¹. Эту же информацию подтвердила и Шаймухаметова Райфа Шайдиановна 1927 г. р.: “Нельзя было невесте привозить с собой пустые ведра, они должны быть наполнены крупой, либо лапшой”². Описанные выше приметы являются показателем распространения различных внутренних верований, возможно и страхов, которые особенно проявляются во время переезда невесты. Именно в этот период различного рода приметы и верования должны были защитить и предостеречь молодую семью, которая, по мнению многих, наиболее уязвима именно в данный период. Хотя молодая пара уже могла иметь детей на момент переезда, но у них по-сути не было опыта совместной жизни и все приметы призваны были защитить семью от ссор, принести богатство и процветание семье. Также Райфа Шайдиановна привела пример несчастливого действия примет, она вспомнила случай в их деревне, когда жениха долго не пускали в дом к невесте, требуя от него определенный выкуп. И когда он попытался перелезть через забор, то порвал пиджак. Все заметили, что это очень плохая примета. Так и случилось. Недолго прожив вместе, молодые развелись³.

Вслед за молодой семьей вносили сундук с приданым, который жених должен был выкупить у того, кто на нем сидел. В доме происходило развешивание приданого, чаще это делали родственницы жениха, а иногда и сама невеста. За предметы, которые извлекались из сундука, родственники жениха платили деньги, и чем красивее и ценнее были предметы, тем больше

¹ПМА. Сообщение Шариповой Мунавры Мухаметхановны 1941 г.р., с. Шарипово, Кушнаренковский район Респ. Башкортостан, 2008.

²ПМА. Сообщение Шаймухаметовой Райфы Шайдиановны 1927 г. р., с. Ахметово.

³ ПМА Сообщение Шаймухаметовой Райфы Шайдиановны 1927 г. р., с. Ахметово, Кушнаренковский р-н Респ. Башкортостан, 2008.

была сумма вырученных денег. Также происходит, например, и у марийцев: “Сейчас невеста изменяет интерьер дома жениха: она вешает новые шторы и занавески, на стол застилает новую скатерть и клеенку, вешает ковры на стену”¹. То есть, у большинства народов с переездом в дом жениха начинается бытовая жизнь, где невеста прислуживает во время обеда гостей и готовит, а также изменяет убранство комнаты и дома, за которым она будет в дальнейшем следить.

После того, как гости отобедают, невесте показывали путь к воде (*суюлы*). Когда невеста шла к воде выбирали путь таким образом, чтобы к воде она шла против течения, а возвращалась уже по течению. Данный обряд всегда проходил очень весело, люди шли под музыку гармонистов. Воду, которую невеста несла в ведрах, обычно продавали: “Эту воду покупали у невесты, кидая туда монеты, при этом приговаривали: “Какая вкусная вода!”. Собранные деньги невеста со словами: “Вот моя первая зарплата” – отдавала маме жениха”². Интересным примером служит сообщение Бахтиевой Флюзы Жиханетдиновой 1936 г.р.: “Только на следующий день после приезда пошла за водой, т.к. «первую», вкусную воду уже унесли, поэтому пошла на следующий день рано утром вместе с золовкой”³. Уже дома на принесенной невестой воде готовили суп с лапшой.

Заканчивалась свадьба через один–два дня, когда родители и родственники невесты разъезжались по домам. В Калтасинском районе Респ. Башкортостан, например, сигналом того, что пора уезжать становилась приготовленная каша с изюмом (*терткэ буткасы*), как это было принято у марийцев, живущие с местными татарами в тесном этническом и культурном взаимодействии. После отъезда родителей невеста оставалась жить в доме своего мужа.

© Камалеев Э. В. 2010 г.

Каримова (Ямилова) Р. Р.

Браслеты в системе убранства костюма кочевников Золотой Орды

Костюм, как категория культуры, является важнейшим историко-культурным источником, представляющим динамичную, развивающуюся систему, зависящую от многих факторов: мировоззрения, быта, экономики и др. Костюм – это совокупность одежды, головного убора, обуви, которые отражают его утилитарные функции, а также убранства, превращающее утилитарный

¹ Бабенко В. Я., Гимаев Р. Н., Ковязин С. А. Семейные праздники и обряды марийцев Башкирской АССР/ БНЦ УрО АН СССР. УФА, 1990. С. 26.

² ПМА. Сообщение Шариповой Мунавары Мухаметхановны 1941 г.р., с. Шарипово, Кушнаренковский район Респ. Башкортостан, 2008.

³ ПМА. Сообщение Бахтиевой Флюзы Жиханетдиновны 1936 г. р., с. Арлан, Нефтекамский р-н, Респ. Башкортостан, 2009.

комплекс в образно-семантическую систему¹. К убору костюма исследователи относят декорирование одежды аппликацией, вышивкой, нашивными металлическими бляшками и т.д., пояса, украшения из металлов, амулеты, оружие, косметику и прическу². Именно декоративный металл, представляющий различные категории убранства костюма и имеющий лучшую степень сохранности в погребениях, чем органические элементы костюма, обладает большим информационным потенциалом для выяснения социокультурного фона, объективированного в костюме. В данной работе в качестве объекта исследования выступают браслеты как элемент убранства костюма евразийских кочевников эпохи Золотой Орды, этнический состав которых был неоднороден.

В настоящее время мы располагаем данными (главным образом, опубликованными) по 467 кочевническим погребениям XIII-XIV вв. с элементами убранства (что составляет 37,4 % захоронений от всех рассмотренных золотоордынских погребений), расположенных на большей (основной) части Улуса Джучи, которые не были значительно нарушены природными и антропогенными факторами. Географически (хотя и с некоторой долей условности, но максимально приближенной к административно-территориальному делению Золотой Орды, установленному исследователями³), рассматриваемые памятники делятся на семь локальных (территориальных) групп, неравнозначных по количеству выявленных и исследованных погребений: Южное Приуралье (степные районы Челябинской, Оренбургской областей, Зауральская Башкирия, Актюбинская и Западно-Казахстанская области Казахстана) – 129 погребений (10,3 % от общего числа золотоордынских погребений), Нижнее (Астраханская область, Волгоградское Заволжье, Урдинский район Западно-Казахстанской области Казахстана) и Среднее (Саратовская, Самарская области, Республика Татарстан) Поволжье – соответственно, 72 (5,8 % погребений) и 99 погребений (7,9 % всех захоронений), Волго-Донское междуречье (включая Северный Кавказ) – 70 погребений (5,6 % захоронений), Подонье – 29 погребений (2,3 %), Левобережная Украина – 31 (2,5 %) погребение и Правобережная Украина (включая Приднестровскую Молдавскую Республику) – 37 погребений (3 %). Основная масса кочевнических погребальных комплексов золотоордынского периода выявлена в степях Волго-Уральского региона. Для получения ответов на отдельные вопросы к работе были привлечены материалы золотоордынских кладов, городов, случайных находок украшений, погребений кочевников северо-восточных районов Улуса Джучи, памятников золотоордынского круга (Новохарьковский и Таганский могильники) и Брик-Алгинского местонахождения в Башкортостане.

¹Доде З.В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности. К вопросу о методе исследования // Структурно-семиотические исследования в археологии. Том 2. Донецк, 2005. С. 306.

²Там же.

³Иванов В.А. Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологических материалах // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.)». Вып. 1. Казань, 2009. С. 16.

В настоящей работе браслеты, как категория убранства костюма, были описаны по схеме, состоящей из следующих элементов:

- типология;
- особенности распределения браслетов по локальным группам (в абсолютных, относительных показателях, вычисление частоты совокупности, нормы распределения и тенденции встречаемости);
- аналогии и семантика орнамента;
- социальный аспект. Характеристика особенностей использования браслетов в зависимости от:

а) половозрастного признака;

б) социально-имущественного положения погребенного по наличию или отсутствию в захоронении изделий из драгоценных (серебро, золото) металлов. Вычислялась тенденция встречаемости браслетов в погребениях с золотыми предметами и без них; анализировалась встречаемость браслетов с предметами, имеющими социально-ранговую атрибуцию;

- способы ношения.

В данном исследовании были выборочно использованы методы математической статистики, предложенные В.Ф. Генингом и его соавторами¹. При суммарной характеристике элементов убора данные были представлены в абсолютных и относительных показателях. При переводе абсолютных показателей в относительные за 100 % принималась сумма частоты встречаемости признака в совокупности. Так как мы имели дело с неравными по объему выборками, подсчет процентного распределения признака в совокупности как бы уравнивал выборки, так как каждая выборка принималась за 100 %. Затем вычислялась норма распределения путем деления суммы процентных показателей каждого признака на количество выборок, участвующих в суммарной характеристике. После, вычислялась тенденция встречаемости признака путем деления процентного содержания признака в каждой выборке на норму его распределения. «...Тенденция признака показывает, во сколько раз встречаемость признака в выборке отличается от нормы распределения... При нормальном распределении признака тенденция стремится к единице. Это значит, что количественный показатель признака близок к среднеарифметическому – норме распределения или, другими словами, распределение признака во всех выборках будет примерно одинаковым... тенденция признака позволяет оценить встречаемость признака в выборке по отношению ко всему массиву: пониженную – при показателях менее 1,0, нормальную – в пределах 1,0, повышенную – более 1,0»².

Браслеты (Рис. 1) в погребениях кочевников эпохи Золотой Орды встречаются редко. Поэтому они не являются определяющим признаком убранства костюма кочевников Золотой Орды.

¹Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990. С. 71-91.

²Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990. С. 85-87.

Типология браслетов.

Данная категория убранства рассмотрена на основе типологии, разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым¹, варианты браслетов выделены нами по орнаменту *. Из 467 погребений браслеты были обнаружены в 12 погребениях в количестве 15 экземпляров.

Тип I (3 экз.). Простой проволоочный, круглый или полукруглый в сечении, с незамкнутыми концами (Рис. 1 – 1). Браслеты данного типа обнаружены в трех погребениях кочевников Золотой Орды (Аткарск кург.23; Сукраковские-II кург.3; Мустаево-V (мавзолей) кург.6 погр.1; Рис. 1 – 1). Подобные браслеты широко распространены и территориально, и хронологически².

Тип IV (5 экз.). В виде простой узкой пластины с несомкнутыми концами.

Вариант а* (3 экз.). Пластинчатый, украшенный орнаментом из четырех продольных полос (Рис. 1 – 2-4). Изделия обнаружены в следующих памятниках: Козинка-I кург.6 (Рис. 1 – 3); Высокая гора кург.3 (Рис. 1 – 2); Песчаный остров погр.11 (Рис. 1 – 4). Три браслета данного типа были найдены в золотоордынском городе Укек³. По имеющимся аналогиям этот тип исследователи датируют XIII-XIV вв.⁴

Вариант б* (2 экз.). Пластинчатый, украшенный орнаментом из продольных полос, пальметкой в центральной части и львиными личинами на концах (Рис. 1 – 5). Два браслета были обнаружены в могильнике Олень-Колодезь (кург.9; Рис. 1 – 5). Аналогичные изделия были найдены в некрополе Бозок в Казахстане⁵ (Рис. 1 – 6), в золотоордынских памятниках Поволжья⁶, они были широко распространены от Днепра до Средней Азии⁷.

Браслеты, тип которых не представилось возможным определить, были обнаружены в следующих памятниках: Визенмиллер-III кург.5; Парканы кург.2, 3; Суклея кург.2; Каменно-Озерный курган.

Распределение браслетов по локальным группам.

Распределение браслетов в памятниках золотоордынских кочевников по локальным группам представлено в таблице 1 (в абсолютных и относительных показателях). При степени вероятности $R = 0,9-0,95$ мы можем считать, что браслеты не являются представительным признаком, характеризующим убранство костюма евразийских кочевников XIII-XIV вв. (Табл. 1). По мнению В.Ф. Генинга и его соавторов, выводы, сформулированные на основе

¹Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 41-42.

²Там же. С. 42.

³Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 41, 45, Рис. 7/25-27.

⁴Там же. С. 45.

⁵Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А. К вопросу о монгольских погребениях XIII-XIV вв. (по материалам некрополя Бозок) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана, 2008. С. 61, Рис. 4/24.

⁶Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 180, Рис. 62/2; Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 45, Рис. 7/22.

⁷Там же. С. 45.

непредставительных признаков, являются малодостоверными¹, поэтому результаты вычисления тенденции встречаемости браслетов по локальным группам также можно считать неубедительными. По результатам проведенного статистического анализа браслеты имеют повышенную тенденцию встречаемости на Дону и правобережной Украине (Табл. 1).

Аналогии и семантика браслетов.

В отличие от погребальных кочевнических памятников, в которых были обнаружены преимущественно простые, проволочные и пластинчатые браслеты, в кладах и городах Золотой Орды были найдены более разнообразные по оформлению и изготовлению украшения для рук. В этих памятниках были обнаружены браслеты плетеные²; плетеные с сердоликовыми вставками на концах³; пластинчатые звериноголовые, имеющие разнообразное орнаментальное оформление⁴; пластинчатые с расширенными, закругленными концами⁵; дровые без орнамента⁶; дровые с головками драконов на концах⁷. Несомкнутые пластинчатые браслеты с зооморфными изображениями, похожими на львиные личины, известны по материалам раскопок и кладов, происходящих с территории Волжской Булгарии, Прикамья, Крыма и Нижневолжских городов. Такие браслеты были обнаружены в составе Симферопольского клада. Есть они и в Крыму, Молдавии, Средней Азии. Исследователи относят данные украшения к кругу изделий, созданных золотоордынскими ювелирами. Изображение льва можно интерпретировать как символ благосостояния, плодородия, знатности и благопожелания женщине, носящей данный браслет. В Новохарьковском могильнике были обнаружены браслеты двух видов: витые с петлевидными концами (погр.38, 48; всего 5 экз.)⁸ и пластинчатые с каллиграфическим орнаментом (погр.31, 57; Рис. 1 – 7, 8)⁹. Аналогии первым – известны в древнерусских памятниках¹⁰; вторым – в Волжской Булгарии¹¹.

Особенности использования браслетов по половозрастному признаку.

Браслеты являлись элементами убранства женского костюма кочевников Золотой Орды (Табл. 2). Хотя в Новохарьковском могильнике, который

¹Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990. С. 79.

²Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 41, рис. 7/20; Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 181, Рис. 62/6.

³Космарова Е.К. Украшения руки народов Западного Поволжья в средние века (V-XIV вв.) // Материалы XXXVIII УПАСК. Астрахань, 2006. С. 149-151.

⁴Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 41, Рис. 7/23; Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 188.

⁵Гарустович Г.Н., Рязанов С. В., Яминов А.Ф. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в Башкирском Приуралье. Уфа, 2005. С. 112, Рис. 22/7.

⁶Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 41, Рис. 7/17.

⁷Сокровища Золотой Орды. СПб, 2000. С. 55.

⁸Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002. Рис. 6/41, 14/3-6.

⁹Там же. Рис. 6/31.

¹⁰Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 42.

¹¹Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 184, Рис. 63/6.

тщательно исследовался антропологами, был зафиксирован единственный случай обнаружения браслета в мужском погребении¹. В основном браслеты встречаются в рассмотренных нами погребениях женщин от 20 до 30 лет. В некрополе Бозок (Казахстан) пластинчатый браслет был найден в погребении женщины 40-50 лет. Таким образом, наибольшую встречаемость браслеты обнаруживают в погребениях женщин 20-50 лет. Следует отметить, что и в материалах могильников Ижорского плато золотоордынские пластинчатые браслеты были обнаружены в погребениях женщин от 20 до 50 лет². Однако, в захоронениях кочевников Улуса Джучи, в единичных случаях, браслеты были обнаружены в погребении ребенка (Аткарский погр.23) и женщины 16-18 лет (Песчаный остров погр.11).

Особенности использования браслетов по признаку социального положения индивида. Способы ношения.

Чрезвычайная редкость такой категории украшений как браслеты наводит на мысль, что они имели какое-либо статусное значение, а их владелец занимал определенное положение в обществе. Подвергнем нашу гипотезу статистическому анализу. Действительно, на основе сравнительного анализа тенденции встречаемости браслетов в погребениях с золотыми предметами, мы можем предположить, что браслеты, как категория убранства женского костюма кочевников Улуса Джучи, использовались представительницами высокого социального положения в обществе (Табл. 3). Браслеты обнаруживают высокую тенденцию встречаемости в погребениях с золотыми предметами (1,9) и пониженную – в погребениях без золота (0,1). Из 32 погребений с золотыми предметами браслеты были обнаружены в 6 захоронениях (Табл. 3; 4), причем, среди последних можно отметить погребения с шелковыми, парчовыми тканями и предметами, имеющими ранговую атрибуцию – казанами³ (Табл. 4). Из 106 погребений с серебряными предметами браслеты были зафиксированы в пяти погребальных комплексах. Таким образом, браслеты были обнаружены в большинстве случаев в погребениях, содержащих золотые, серебряные изделия и другие, социально значимые предметы. Следует отметить, что большая часть рассматриваемых браслетов была изготовлена из драгоценных металлов (53 %), реже встречались бронзовые и железные изделия (Табл. 5).

Кочевники Золотой Орды носили браслеты как на левой, так и на правой руке. Чаще браслеты носили в одном экземпляре, реже – в двух (Табл. 6).

Ни для одного случая нахождения браслетов в погребениях кочевников Золотой Орды, рассмотренных в опубликованных и неопубликованных источниках, не зафиксирована информация о сохранности на оборотной стороне отпечатков ткани. Поэтому, вопрос о способе ношения браслетов

¹Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002. С. 41, 37, 40, Рис. 14/18; 15/4.

²Павлова М.С. Женский костюм и структура традиционного общества: опыт построения модели // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб., 2008. С. 127-128.

³Кравец В.В. О критериях социально-ранговой характеристики кочевников Золотой Орды (по материалам лесостепного и северостепного Подонья) // Археологическое изучение Центральной России. Липецк, 2006. С. 328.

остается открытым, поскольку по археологическим данным мы не можем определить надевались браслеты на голую руку, либо поверх рукава.

Таким образом, можно отметить, что браслеты не являлись характерным элементом убранства костюма кочевников Золотой Орды. Их предпочитали носить женщины от 20 до 50 лет. Редкая встречаемость украшений для рук в погребениях евразийских кочевников XIII-XIV вв., по-видимому, связана с кочевым образом жизни и высоким социальным статусом индивида в обществе, что подтверждается высокой тенденцией встречаемости браслетов в погребениях с золотыми изделиями.

Таблица 1.

Статистический анализ распределения браслетов в погребениях золотоордынских кочевников по локальным группам (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатели	Локальная группа							Всего
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср.Волга	Волго-Донск. Межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина	
Погребения с браслетами	3	-	3	1	2(4)	-	3	12
Всего погребений в группе	129	72	99	70	29 (68)	31	37	467
% погр. с браслетами	2,3	0	3	1,4	6,9(5,9)	0	8	2,6
Порог значимости, %	3	5	4	5	12(6)	11	10	0,8
Норма распред.	3	3	3	3	3	3	3	
Тенденция встречаемости	0,7	0	1	0,4	2,3	0	2,7	

В скобках указаны данные по памятникам золотоордынского круга.

Таблица 2.

Распределение браслетов в погребениях кочевников Золотой Орды (по признаку пола)

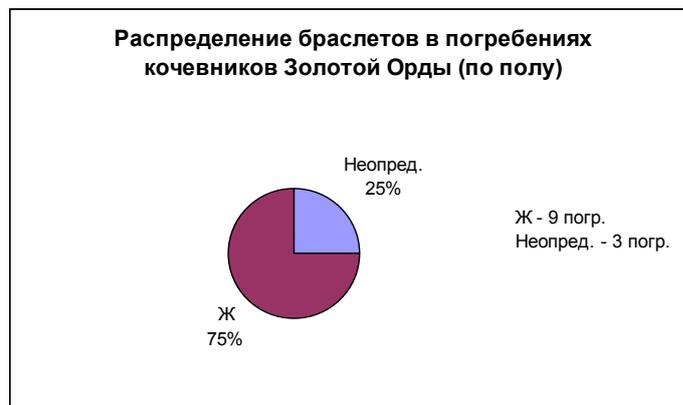

Таблица 3.

Статистический анализ встречаемости браслетов в погребениях с золотыми предметами (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатель	Наличие или отсутствие золотых предметов	Наличие или отсутствие браслетов	
		Есть	Нет
Количество	Погребения с золотом	6	26
	Погребения без золота	6	429
Частость совокупности	Погребения с золотом	18,75	81,3
	Погребения без золота	1,4	98,6
Норма распределения		10	89,95
Тенденция встречаемости	Погребения с золотом	1,9	0,9
	Погребения без золота	0,1	1,1

Таблица 4.

Характеристика погребений кочевников Золотой Орды с браслетами и золотыми предметами

Название памятника	Костяк коня или сбруя	Оружие	Пояс	Казан, чаши	Шелк, парча
Парканы кург.3	+	+	-	-	-
Высокая гора кург.3	-	-	+	В ногах - бронз. казан	+
Каменно-Озерный погр.1	+	+	-	На груди - серебряные чаши	+
Олень-Колодезь кург.9	+	-	-	В южном углу гробовища - медный кованый казан	+
Мустаево-V мавзолей кург.6 погр.1	-	+	-	-	-
Парканы кург.2	+	+	-	-	-

Таблица 5.

Количественное распределение браслетов, изготовленных из различных материалов

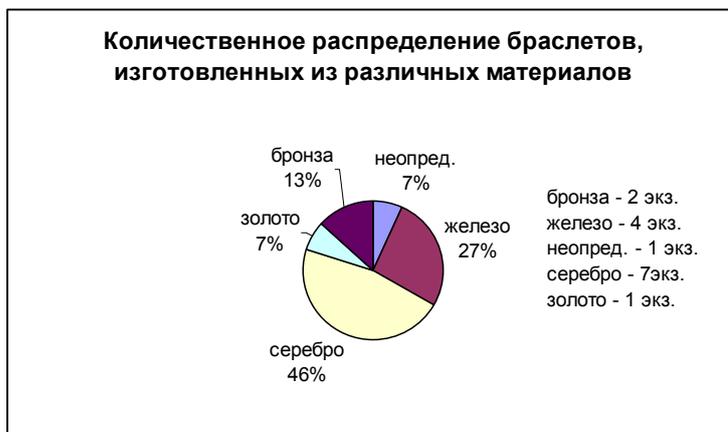

Таблица 6.

Количественное распределение браслетов в погребениях кочевников Золотой Орды

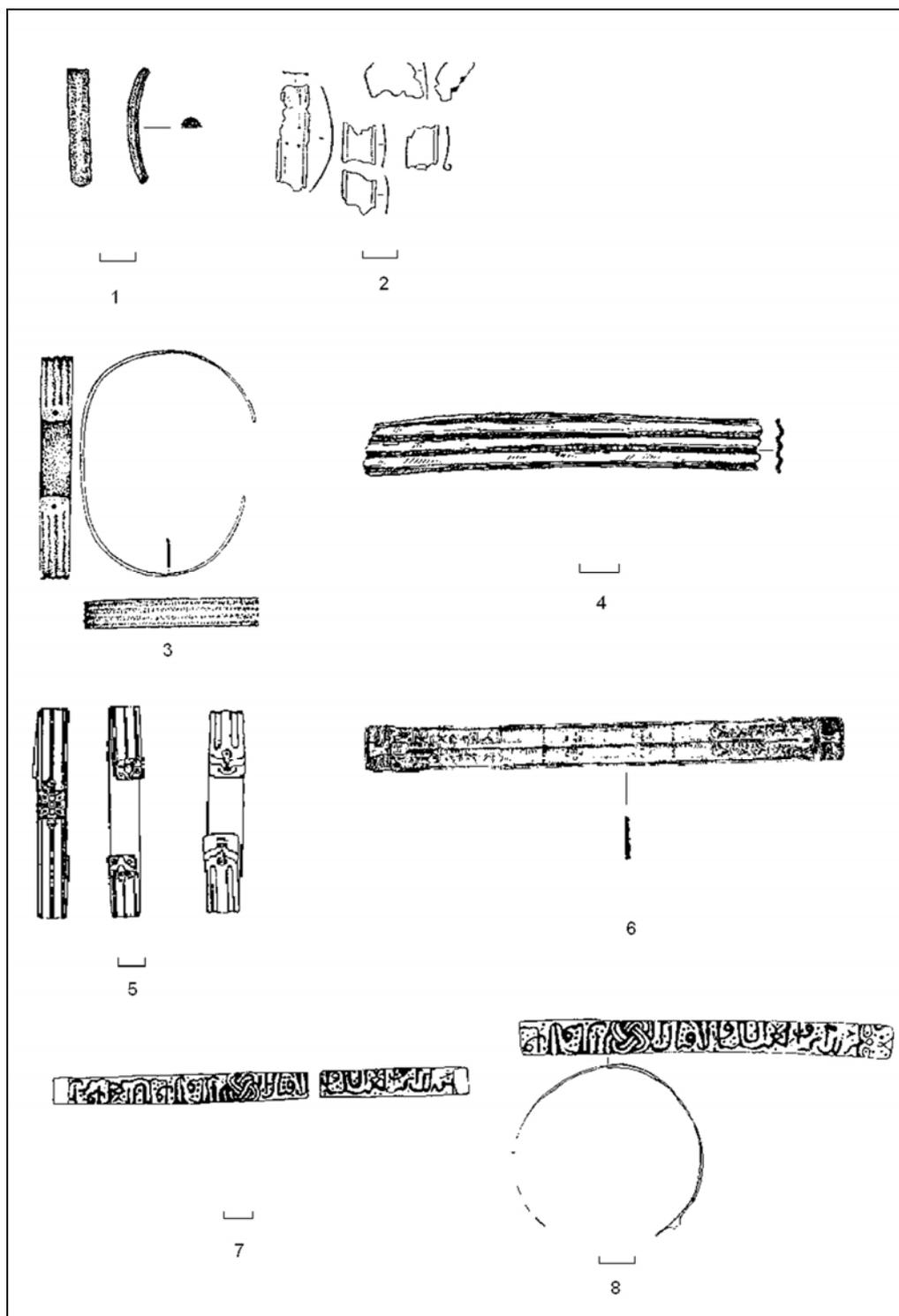

Рис. 1. Браслеты из погребений кочевников и Новохарьковского могильника

1 – Мустаево-V, кург.6 мавзолей (по Н.Л. Моргуновой, Л.А. Краевой, И.В. Матюшко);
 2 – Высокая гора, кург.3 (по В.В. Кравцу, В.Д. Березуцкому, А.А. Бойко); 3 – Козинка-I,
 кург.6 (по И.В. Белинскому, А.Н. Масловскому); 4 – Песчаный остров, погр.11 (по К.А.
 Руденко); 5 – Олень-Колодезь, кург.9 (по К.Ю. Ефимову); 6 – Бозок, раск.5, погр.2 (по К.А.
 Акишеву, Б.М. Хасеновой, Ю.А. Мотову); 7 – Новохарьковский, погр.57 (по А.З. Винникову,
 М.В. Цыбину); 8 – Новохарьковский, погр.31 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину).

1 – тип I; 2-4 – тип IV вариант а*; 5-6 – тип IV вариант б*. 1-3,5,6 – серебро; 4,7,8 –
 бронз.

© Каримова (Ямилова) Р. Р., 2010 г.

**Из истории религиозных общин Поволжья 1960–1980 гг.
(По материалам Пензенской области)¹**

Пензенская область, являясь типичной для средней полосы России, представляла собой «проблемный» регион с точки зрения повышенной религиозности населения, что объяснялось историческими традициями, преобладанием сельского населения, национальным составом края, активной деятельностью религиозных общин и т.п. В регионе функционировали православные, мусульманские, баптистские, иудейские и другие религиозные объединения.

Основной религией среди населения Пензенской области было православие, распространенное среди русских, мордвы, украинцев и других национальностей. В 1960–1980-х гг. на территории региона функционировало 27 православных церквей и молитвенных домов, в которых было зарегистрировано 42 служителя культа. Основная масса духовенства не имела законченного богословского образования, преобладали священники преклонного возраста. В дни больших религиозных праздников количество присутствовавших на молениях было весьма велико – от 10 до 50 тыс. чел. Причем, если численный состав молящихся оставался достаточно стабильным, то по некоторым другим параметрам наблюдались значительные изменения в данный период: среди верующих стали преобладать женщины более старшего возраста (от 50 лет) – около 95 %; мужчины составляли не более 5 %, и, как правило, преклонного возраста. Среди молящихся было зафиксировано определенное количество молодежи. Хотя, безусловно, в основной своей массе посещение молодыми людьми храмов, особенно в такие праздники, как Пасха, нельзя однозначно классифицировать как проявление истинной веры. Приход молодежи, скорее, вызывался не религиозными мотивами, а интересом к зрелищным мероприятиям. Во второй половине 1960-х гг. в церковных кругах начинается брожение снизу. Пензенские епископы постоянно получали анонимные письма, в которых резко осуждалось руководство Русской Православной церкви (1966 г. – письмо от верующих Кировской епархии Талантова Б.В., Халявина И.С. и др.; 1968 г. – письмо-молитва; 1969 г. – документы «Комитета восстановления прав церкви» и т.д.)².

Мусульманский культ отправлялся татарским населением Пензенской области. К началу 1960-х гг. в регионе было зафиксировано 13 зарегистрированных и 22 религиозных мусульманских общин, не имевших разрешения органов государственной власти; действовало 11 мечетей. Нерегулярно функционировали незарегистрированные группы мусульман в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Власть и Русская православная церковь в СССР во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. (по материалам Пензенской области)», проект № 10-01-28102а/В.

² Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 2392. Оп. 1. Д. 21. Л. 14–16; Д. 37. Л. 105; Д. 52. Л. 231–235.

селах Решетино, Тат-Кутеевка, Усть-Уза и т.д. В обычные дни мечети посещало не много верующих (до 44 чел.); по пятничным дням – до 850 чел.; в дни религиозных праздников «Ураза-Байрам» и «Курбан-Байрам» – до 4500. Даже в середине 1970-х гг. в дни религиозного поста «Уразы» закрывались в некоторых селах под различными предлогами столовые, пищеблоки на полевых станах, не работали клубы и библиотеки. На «Курбан-Байрам» в жертвоприношение верующими ежегодно забивалось около 200 овец. Основной состав верующих – мужчины и женщины пожилого возраста. С конца 1960-х г. в праздничных молениях стала участвовать молодежь. После молений верующие в религиозные праздники направлялись на кладбища для поминовения умерших родственников. Со второй половины 1960-х гг. практически прекратились случаи уклонения населения от выхода на работу по религиозным мотивам, в том числе и в дни религиозных праздников. Однако даже в 1962 г. уполномоченный Совета по Пензенской области отмечал, что во многих татарских селах области фактическим выходным днем признавалась пятница, и часть населения по пятницам и в дни религиозных праздников не выходила на работу в колхозах и совхозах. Женщины продолжали по религиозным убеждениям уклоняться от посещения клубов, кино, собраний, участия в художественной самодеятельности. Наиболее распространенными обрядами у пензенских мусульман являлись джаназа – отпевание, религиозное бракосочетание – никах, наречение имени – исим, обрезание – суннет. Главными проблемами мусульманского духовенства были преклонный возраст имамов, отсутствие мулл в некоторых селах, их недостаточный уровень образования¹.

Общины евангельских христиан-баптистов на территории Пензенской области действовали в Пензе и с. Ляча Нижне-Ломовского района. На обычные моления в этой общине сходилась до 150 чел. Отдельные верующие-баптисты проживали в селах Белинского, Городищенского, Иссинского, Кузнецкого, Лунинского, Никольского, Сердобского районов. Общая численность верующих евангельских христиан-баптистов по Пензенской области составляла 650 чел. Основной состав верующих ЕХБ представляли женщины преклонного возраста с начальным образованием. Если основная масса верующих православных и мусульман занималась общественно-полезным трудом, то евангельские христиане-баптисты не работали по старости, болезни и другим причинам. Ежегодный приток новых членов общин был небольшой, но сектантам удавалось восполнить ряды, поэтому численный состав верующих практически сохранялся на одном уровне. Основным источником воспроизводства являлись семьи последователей баптизма и их родственное окружение. Как и на территории бывшего СССР, в Пензенской области функционировала группа ЕХБ, поддерживавших «Совет церквей евангельских христиан-баптистов»².

¹ ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 102; Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 108–111; Ф. 2391. Оп. 1. Д. 5. Л. 130.

² ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 46. Л. 11-13; Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 104.

В 1960-х гг. в Пензенской области было зарегистрировано 1 иудейское объединение общей численностью 100 чел. Кроме того, по области было зафиксировано 12 незарегистрированных общин и групп старообрядцев; 9 незарегистрированных групп истинно-православных христиан; 2 незарегистрированные общины пятидесятников¹.

Итак, деятельность религиозных культов в Пензенской области протекала в целом спокойно и в рамках советского законодательства. Однако процессы, происходившие в деятельности религиозных объединений по стране в целом в определенной степени находили свое отражение в практике церковников Пензенской области. Религиозность населения Пензенского региона продолжала оставаться стабильной на протяжении 1960–1980-х гг. и достаточно высокой. В сельской местности уровень был гораздо выше, нежели в городской. Религиозные обряды совершались активной частью сельского населения, занятого общественно-полезным трудом, молодежным по возрасту, но имеющей в большинстве своем недостаточное образование. Наиболее высокий уровень религиозности отмечался среди незанятого общественно-полезным трудом населения: домохозяев, инвалидов, пенсионеров. Исходя из социальной принадлежности, максимальная религиозность наблюдалась среди колхозников и рабочих совхозов, затем среди рабочих промышленности и затем уже служащих. Подавляющее большинство верующего населения составляли женщины.

Православные организации области функционировали более активно в сравнении с другими религиозными культурами. Если мусульманский культ опирался, главным образом, на традиционно-патриархальные настроения – уважение к старшим, исполнение их требований и т.п., то в православии основной акцент ставился именно на деятельность самой церкви. В целом же лояльная политическая позиция церквей, их миротворческая деятельность, неизменность традиционно сложившейся структуры, наличие организованного и грамотного коллектива служителей культа, активная религиозная пропаганда с учетом требований современности способствовали укреплению авторитета духовенства и сохранению контингента верующих. Среди духовенства также наблюдались определенные изменения. Очевидна была тенденция к увеличению и омоложению служителей культа и повышению их уровня образования. Наличие значительной численности верующего населения создавало объективные условия для активной деятельности церквей. С другой стороны, церковь за длительный период своего существования создала стройную систему духовного воздействия на людей.

© Королева Л. А., 2010 г.

© Королев А. А., 2010 г.

© Артемова С. Ф., 2010 г.

¹ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 41. Л. 16-а; Ф. 2391. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.

Причины девиантного поведения жителей г. Уфы в конце XIX – начале XX вв.

История мировой социологии девиантного поведения излагается во множестве монографий, учебников, статей. Неизмеримо беднее отражена в литературе история отечественных социологических исследований девиантного поведения и его отдельных видов, а также формирования в России социологии девиантного поведения как специальной социологической теории. При отставании от мировой социологии лет на сорок оно еще не отрефлектировано в истории науки¹.

Сегодня изучением и анализом отдельных аспектов девиантного поведения, занимаются социологи, философы, культурологи, экономисты, политологи, психологи и др., которые выделяют свой предмет исследования различных видов социальной патологии: преступность, пьянство, проституция и самоубийства. Мы же попробуем изучить данную проблему в историческом аспекте. Только дав определение «девиантное поведение» можно будет перейти к его анализу.

Девиантное поведение (от лат. *deviatio* - отклонение) - поведение, нарушающее социальные нормы определенного общества. Выражается в поступках, поведении (действиях или бездействии) как отдельных индивидов, так и социальных групп, отступающих от установленных законодательно или сложившихся в конкретном социуме общепринятых норм, правил, принципов, образцов, обычаев, традиций. В отличие от криминологии, уголовного права и других правовых наук, рассматривающих девиантное поведение в ракурсе нарушения норм права, социология использует более широкое определение девиации как отступления от общепринятых ценностей и норм. Она относит к девиантному поведению не только преступления и иные правонарушения (гражданско-правовые деликты, административные правонарушения, дисциплинарные проступки и т. д.), но и алкоголизм, пьянство, наркоманию, бродяжничество, тунеядство, детскую беспризорность, аморальное поведение и т. п. Девиантное поведение как социальное явление имеет определенные исторические корни, характеризуется устойчивостью и массовостью. Разнообразие социальных норм, действующих в обществе, - нравственных, религиозных, эстетических, политических, правовых и др. - влечет за собой разнообразие девиаций (социальных отклонений). Поэтому социальная оценка отклонений должна осуществляться с исторических позиций и носить конкретный характер².

Конец XIX – начало XX века в истории города Уфы ознаменован многими значимыми событиями и потрясениями, повлиявшими на развитие и

¹ Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. -2-е изд., перераб. и дополн. - М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. – 722 с. С. 69.

² Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В.Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. - 1312 с.

состояние общества. Наиболее динамичным историческим периодом является конец XIX века, который связан с такими политическими и экономическими процессами, как отмена крепостного права (1861 г.), отмена системы кантонной управления в Башкирии (1863–1865 гг.), переселенческая политика царизма, указ «О применении положения о земских учреждениях к Уфимской губернии» (2 мая 1874 г.), городская реформа, судебная реформа, революция 1905–1907 гг., а также закон об усилении губернаторской власти в России от 22 июня 1866 г., который также повлиял на политическую и социальную стабильность городского населения.

Отмена системы кантонного управления в Башкирии явилась составной частью крестьянской реформы 1861 года. Башкирам и припущенникам ненужно было выкупать свои земли. Однако они были обложены денежными налогами. От платежа денежных сборов и натуральных повинностей освобождались только дворяне и действительные чиновники с их семействами и зауряд – чиновники. В ходе пореформенного землеустройства вотчинные и припущеннические земли стали объектом колониального грабежа со стороны русских дворян и пришлого населения.

Царское правительство, переводя башкир из военного в гражданское ведомство, уравнивая их с другими народами, стремилось покончить навсегда с их стремлением к самостоятельности. Вместе с тем, оно, переводя башкир, мишарей, тептярей и бобылей в податное сословие, решало свои фискальные дела – пополнение казны деньгами¹.

Такая политика тоже стала своего рода катализатором массовых выступлений со стороны владельцев вотчинных земель.

Отмена крепостного права вызвала необходимость и других реформ, в том числе земской (местного самоуправления). С проведением земской реформы, земствам предоставлялось право сбора налогов на содержание дорог, мостов, улиц, зданий (больниц, школ и т.д.). В земствах также было платное медицинское обслуживание, что для крестьян было не по карману. Обязанностью земств была этапно–арестанская повинность, поставка подвод для развозов гражданских и полицейских должностных лиц. Обременительными для крестьян были земские сборы на устройство и содержание почт. Для взыскания недоимок с неисправных налогоплательщиков земства прибегали к помощи полиции.

После отмены крепостного права возросла роль городов в политической, экономической, общественной и культурной жизни страны. 16 июня 1870 г. Александр II утвердил проект «Городового положения» – это своего рода основной законодательный документ, регулирующий жизнь городов.

В декабре 1870 г. в Уфе состоялись первые городские собрания для выборов городской управы. Городская управа отвечала в основном за хозяйственные дела. В его компетенцию входили вопросы здравоохранения, общественного призрения, местной торговли и промышленности. На

¹ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях / Сборник документов и материалов. Уфа, Китап, 1999. С. 412–413.

протяжении всего рассматриваемого периода города в Уфимской губернии не отличались устойчивым экономическим положением, совершенно не была развита промышленность, бюджет города, как правило, был скуден.

С 1905 по 1912 гг. в Уфимскую губернию переселилось 179000 человек. Следствием данной политики явилось обострение напряженности в деревне. Так, в Уфимской губернии в 1908–1912 гг. земскими начальниками и волостными судами было осуждено 116439 крестьян, в том числе за оскорбление полицейских и других стражей – 6003 человека, за выступления против «порядка управления и спокойствия» – 53497 человек, за «самовольное пользование чужим имуществом и повреждение его» – 8693 человека и за «самовольные лесные порубки» – 48246 человек¹. Переселенческая политика сама непосредственно повлияла на девиантное поведение людей.

В связи с реформированием судебной системы, в судопроизводстве судебные заседания проходили теперь только на русском языке. Это в свою очередь затрудняло возможность нерусского населения отстаивать свои интересы в суде. Их положение усугублялось тем, что по отношению к ним еще сохранялось физическое наказание.

У.И. Гибадатов в своей статье «Нравственные ценности и правовая реформа (история и современность)» ставит вопрос о суде присяжных в конце XIX в. – «Способно ли население Уфимской губернии к принятию нового суда присяжных заседателей?». Здесь автор статьи приводит уникальное исследование почетного мирового судьи, секретаря Уфимского губернского статистического комитета Н.А. Гурьвича.

По мнению Н.А. Гурьвича, в этом вопросе особого толкования требуют понятие «судебная правоспособность» населения и факторы, влияющие на это явление. Автор предполагает взглянуть на данную проблему, исходя из нравственного и цивилизованного уровня развития общества. И единственные, по его мнению, «критерии и реагенты содержатся в статистике народной нравственности». Среди всех показателей важными критериями являются «преступления, против частной собственности». При этом исследователь не убирает рубрики «убийство и грабежи». Н.А. Гурьвич делает вывод о невозможности в обществе «с неокрепшим и несозревшим» нравственным сознанием введения суда присяжных².

Девиантное поведение зависит от экономических, социальных, демографических, культурологических факторов. Когда устоявшиеся способы деятельности не приносят желаемых результатов, рассогласование между ожидаемым и реальностью повышает напряженность в обществе и готовность человека изменить модель своего поведения, выйти за пределы сложившейся нормы. В условиях острой социально-экономической ситуации существенные

¹ Обзоры Уфимской губернии за 1908–1912 гг.

² Гибадатов У.И. Нравственные ценности и правовая реформа (история и современность) // Культура народов Башкортостана: история и современность: Материалы региональной научной конференции «Культурное наследие народов Башкортостана», посвященной памяти Д.Ж.Валева (Уфа, 18 апреля 2003 года). – Уфа: РИО БашГУ, 2003. С. 262.

изменения претерпевают и сами нормы. Зачастую отключаются культурные ограничители, ослабевает вся система социального контроля.

Конец XIX в. ознаменовался изменением политики царского правительства в отношении института губернаторства, в связи с обострением революционных настроений среди населения края.

Р.И. Кантимирова исследуя социокультурный облик уфимских губернаторов во второй пол. XIX – нач. XX вв. указывает, что губернатор обязан был «предупреждать преступления, выступать против мотовства, распутства, запрещенных игр и вообще всяких «порочных наклонностей и привычек»¹.

Одной из причин девиантного поведения в городе Уфе послужили события в городе Санкт–Петербурге под названием «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., которое и стало началом первой революции 1905–1907 гг. В Уфе прошли митинги протеста, в результате чего были удовлетворены основные требования рабочих: 8 часовой рабочий день и повышение зарплаты. В октябре 1905 г. поводом для забастовок рабочих и служащих 32 предприятий и учреждений послужил Манифест 17 октября 1905 г. Возникшие Советы рабочих депутатов, призывали народ к вооруженному восстанию.

Как указывает М.А. Валеев, в городе Уфе в 1906–1907 гг. происходит ряд громких нападений на поезда, склады и многочисленные государственные учреждения. В результате обилие добытых денежных средств привело к тому, что боевые организации революционных партий вышли из под контроля комитетов и трансформировались в уголовные банды. Широкий размах получили теперь экспроприации не только казенных, но и частных средств. Население Уфы в это время сталкивается с невиданным ранее всплеском преступлений. Пойманные преступники обычно заявляли, что совершили грабеж или убийство во имя революции, и являются революционерами. Жители Уфы получали письма с угрозами и требованием пожертвовать деньги на нужды революционных организаций. У неплательщика могли поджечь дом или пристрелить его на улице. Пресса начала века сообщала о росте преступности и многочисленных случаях нападения на представителей власти и обычных граждан².

Царское правительство, учитывая конкретно сложившуюся ситуацию в Уфимской губернии, принимает и другие указы административно–управленческого характера. Они отражают характер, особенности своего времени, а именно обострение классовых противоречий в обществе и приближение революционных событий. Отсюда: ужесточение политики государства и принятие указов по Уфимской губернии, направленных на

¹ Кантимирова Р.И. Социокультурный облик уфимских губернаторов во второй половине XIX – начале XX вв. // Национально–государственные образования в истории и политической практике Российского федерализма: Материалы Всероссийской научно–практической конференции/ АП РБ, ГОУ ВПО «БАГСУ при Президенте РБ»: Уфа, Мир печати, 2009. С. 333.

² Валеев М.А. Революция 1905–1907 гг. в Уфе // Россия и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы: Материалы Международной научно–практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России (Уфа, 5–6 июня 2007г.). – Уфа: Гилем, 2007. С. 61.

усиление силовых структур, строительство тюрем, а в 1904–1909 гг. – на введение чрезвычайного положения.

Приведем в качестве примера законы, указы и выдержки из них из сборника документов и материалов «Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях»¹, а именно:

1. Указ «Об усилении полиции в Уфимской губернии. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета» от 11 ноября 1898 г.

Учредить в составе Уфимской городской полиции новые должности: помощника полицмейстера, одного полицейского пристава второго разряда и двух помощников пристава на основаниях, определенных Высочайше утвержденными, 25 декабря 1862 года, штатами полиции в губерниях, по общему учреждению управляемых....

2. Указ «Об усилении Уфимской городской полиции. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета» от 19 января 1904 г.

3. Указ «О продлении срока действия введенного в Уфимской и Костромской губерниях положения усиленной охраны. Именной Высочайший указ, данный Сенату» 18 февраля 1909 г.

В нем говорится о продлении введенного положения усиленной охраны в Уфимской губернии по 28 февраля 1910 г.

4. Закон «Об усилении состава и средств Кронштадтской и Уфимской городских полиций. Высочайше утвержденный Государственным Советом и Государственной Думой закон» от 22 июня 1909 г.

Установить с 1 июля 1909 года по 1 января 1911 года, взамен действующих, приложенные при сем временные штаты Кронштадтского и Уфимского городских полицейских управлений.

Начавшаяся в 1914 году первая мировая война еще больше ухудшила положение народа. Мобилизация мужчин на фронт, реквизиция лошадей и хлеба, принудительные повинности подорвали производительные силы. На предприятиях удлинялся рабочий день, задерживалась зарплата, вводилась система сверхурочных работ. Цены на продукты питания и предметы массового потребления выросли в 2–3 раза. Резкое ухудшение материального положения населения привели к росту общего недовольства политикой царизма в крае².

Таким образом, эти и другие аспекты не могли не сказаться на общей социальной стабильности населения города Уфы в конце XIX – начале XX в. Экономические и политические процессы, проводимые государством без учета интересов граждан, могут вызвать нарушение социального равновесия в обществе, что в итоге может стать причинами девиантного поведения городского населения. Обращение к изучению данной темы весьма актуально. Этот процесс требует взвешенного и объективного освещения, что делает эту тематику научно значимой и актуальной. Современные социальные проблемы нельзя признать новыми. Поэтому каждое новое исследование обогащает наше

¹ Законы Российской империи... С. 417.

² Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996. 672 с.

представление о девиантном поведении людей в городской среде и о его специфических чертах. В современной историографии региональные исследования приобретают особое значение в связи с регионализацией общественной жизни.

© Кучуков Р. Р., 2010 г.

Легостаев А. С.

Распространение христовщины в Оренбургской епархии в XIX веке

Вопрос о генезисе христовщины (хлысты, белоризцы, трясуны, квасники, Люди Божьи, субботники, общество духовных братьев и сестер, и т. д.) до сих пор окончательно не решен в отечественном сектоведении. Так, П. И. Мельников видел истоки христовщины в богомильской ереси, однако не сумел привести убедительных доказательств своей точки зрения¹. А. П. Шапов считал, что христовщина во многом сложилась в результате этнокультурных контактов славян с финно-угорскими народами². Видный историк П. Н. Милюков причины возникновения сектантства усматривал в условиях народно-психологического развития³. Но, думается, что более правомерной является концепция А. А. Панченко, который полагает, что «христовщина зародилась на русской почве и исходит из традиционных религиозных практик русских крестьян и горожан XVII века»⁴.

Впервые в источниках о христовщине упоминается в сочинении Святого Дмитрия Ростовского «Розыск о раскольниках брынской веры». Христовщиной называлась секта, потому что «в среде ее постоянно являлись люди, слывшие за одаренных высшими дарами благодати, которых они считали христами»⁵. Основателями хлыстовщины считаются крестьянине Данила Филиппович, Иван Тимофеевич Суслов, бывшие учениками старца-раскольника Капитона Даниловского. Исследователи не подвергают сомнению реалистичность Данилы Филипповича и Ивана Тимофеевича Сулова, но полагают, что не они были первыми учителями христовщины. Дело в том, что по своей социальной организации ранняя хлыстовщина была полицентричной. Важно отметить, что мистическое сектантство тесно связано с принципом харизматического учительства, где исключительную роль играл лидер, считавшийся «христом» или «пророком» и окружавший себя учениками. Таких лидеров в истории христовщины будет много. Распространяться данное учение начало путем странничества, которое вели учителя христовщины. А. А. Панченко

¹ Мельников П. И. Тайные секты. // Мельников П. И. Сочинения. В 8 т. М.: «Правда», 1976. Т. 8. С. 66.

² Шапов А. П. Умственные направления русского раскола. // Шапов А. П. Сочинения. В 3 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 591.

³ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. СПб., 1905. С. 96.

⁴ Панченко А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: «ОГИ», 2004. С. 105.

⁵ Мельников П. И. Указ. соч. С. 66.

справедливо пишет: «Впоследствии, когда хлыстовское учение получило достаточное распространение, сектантские «христы», «богородицы» и «пророки» становились оседлыми горожанами, крестьянами или иноками. В одних общинах фигуры «первых учителей» играли важную идеологическую роль: они становились персонажами радельных песен, преданий и легендарных циклов. В других наиболее существенным становилось поклонение «действующим» живым учителям. Такой представляется ситуация в XIX веке, такой она могла быть и столетием раньше»¹.

Вторым «христом» после Сулова стал Прокопий Лупкин. Его биография известна исследователям достаточно подробно, так как он был главным фигурантом дела о христовщине, производившегося в Угличе в 1717 году. Прокопий Лупкин был из стрельцов. В 1689 году, после стрелецкого бунта был сослан в Нижний Новгород, где стал заниматься торговлей. Там он стал проповедовать среди своих работников, а также крестьян и посадских людей. Другим активным проповедником учения Лупкина был крестьянин Никита Антонов Сахарников, который привлек в общину Еремея Бурдаева.

Учение и обряды последователей Лупкина близки к традициям хлыстовщины более позднего периода. Здесь впервые фигурирует специфическая хлыстовская аскетика, подразумевающая запреты на употребление алкогольных напитков, матерную брань и сексуальные отношения с женами. Последнее обстоятельство особенно обращает на себя внимание и дает основание говорить о связи хлыстовщины с радикальным учением старообрядцев-беспоповцев. А. А. Панченко указывает на связь между учением Лупкина и выговской общины беспоповцев². Взаимосвязь религиозной практики секты Лупкина со старообрядческой традицией подтверждается также тем, что сектантская обрядность подразумевала двуперстное сложение, а также дониконовский вариант Иисусовой молитвы.

Рост числа последователей секты вызвало опасение у властей, и как следствие хлыстовские общины подверглись гонениям. В XVIII веке состоялись два крупных процесса по делу о хлыстах в 1733 – 1739 и в 1745 – 1756 гг.

В XIX веке христовщина начинает активно распространяться на территории Российской империи. Известный историк С. А. Зеньковский связывает это с политикой императора Александра I. «В начале XIX века, когда при Александре I высшее русское общество начало увлекаться мистицизмом, хлыстовщина, или христовщина, очень окрепла в Петербурге. Там ее главной руководительницей была Е. Ф. Татаринова, урожденная Буксгевден, жена бывшего директора рязанской гимназии, которая начала устраивать собрания в том же Михайловском замке, в котором руками гвардейцев был убит несчастный император Павел I. «Божьи люди», как часто себя называли последователи христовской секты, распространились по всей России»³.

¹ Панченко А. А. Указ. соч. С. 125.

² Панченко А. А. Указ. соч. С. 128.

³ Зеньковский С. А. Русское Старообрядчество // www.cedmica.ru.

В Оренбургской Епархии до второй половины XIX века о христовщине знали крайне немного. Оренбургские исследователи полагали, что христовщина появилась в Оренбургской Епархии в конце 40-х годов XIX века. Первой хлыстовской сектой в Оренбургском крае, документально зафиксированной, было общество казака Александровского отряда Оренбургского казачьего войска Михея Ильина Онисимова, действовавшее с 1848 года¹. Распространению секты способствовала бушевавшая в Оренбургском крае эпидемия холеры, которая создала благоприятную ситуацию для распространения эсхатологических настроений среди населения, чем эффективно сумел воспользоваться Михей Онисимов. В связи с нехваткой священников именно он, как человек, хорошо знавший Священное Писание, отпевал мертвых, а затем начал собирать людей для богомолья в своей избе. Онисимов вел с приходившими к нему людьми богословские беседы: «Участники бесед ощущали чувство такого умиления духовного восторга и неземной радости, какого раньше никогда не испытывали»². Читая Новый Завет, он проповедовал отказ от материальных ценностей, ссылаясь на положение в Евангелии от Матфея о том, что «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие (Матфей 19:25)». Популярность Онисимова росла; зажиточное казачество щедро его финансировало. Именно он, а не представители православной церкви, молился за усопших родственников казачьей верхушки. «Общество Онисимова» просуществовало 30 лет вплоть до смерти «учителя»³.

Самой крупной хлыстовской общиной на территории Оренбургской Епархии было «Общество духовных братьев и сестер» казака Василия Балабанова. В его общине состояло порядка 400 человек.

Василий Балабанов был сыном казака Каменно-Озерной станицы. Родители его были очень набожны и в религиозном духе воспитывали своего сына. Религия оказала огромное влияние на мировоззрение Василия Балабанова. Уже с самого раннего детства у него были видения на религиозную тематику. Вот как Балабанов описывает сон, якобы предопределивший его судьбу: «И вот однажды видел я знаменательный для меня сон: находился я будто бы в каком-то прекрасном месте, как бы на обширном поле, где стояли в два длинные ряда священнослужители, облеченные в священнические одежды, в правом ряду со священниками стоял и я. Вдруг подошел ко мне один из священников со святыми христовыми тайнами и приобщил меня; я думал, что все будут приобщаться, но он унес чашу со Святыми Дарами и с тем я проснулся. Думается мне, что приобщение это означало благодать Святого Духа»⁴. Уже в юности Балабанов начинает осознавать свою «избранность». Далее следует его женитьба и участие в Крымской войне, где он проявил себя с

¹ Головкин М. Очерки оренбургской хлыстовщины // Оренбургские Епархиальные Ведомости. – 1897. – № 21. С. 776.

² Головкин М. Очерки оренбургской хлыстовщины // Оренбургские Епархиальные Ведомости. – 1897. – № 21. С. 777 – 778.

³ Там же. С. 780.

⁴ ГАОО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 15 а. Л. 193 об.

самой лучшей стороны и получил за отвагу бронзовую медаль. Но служба его была недолгой, так как Балабанов страдал эпилепсией, из-за чего и вышел в отставку. Выйдя в отставку, он принялся усердно изучать Священное Писание, вести богословские беседы со священниками и бродячими богомольцами. Но поистине судьбоносной для Балабанова стала встреча с отставным урядником П. Ф. Лосевым. В Оренбурге Лосев был личностью легендарной. Верующие наделяли его сверхъестественными способностями. Например, он исцелял больных и изгонял из человека «нечистую силу». Вот как описывает данную процедуру М. Головкин: «...Лосев сначала употреблял продолжительную молитву, затем торжественно, громко и важно произносил заклинания именем Божиим. Когда не действовало ни то, ни другое, Лосев начинал бить бесноватых железными прутьями. Это средство было самое успешное»¹. Жил Лосев на кладбище. Зимой и летом ходил босиком. Ходили слухи, что его рукоположил сам патриарх Иерусалимский, однако у него при этом была жена. Слава «чудотворца» Лосева быстро распространилась не только в Оренбургском крае, но и за его пределами. Василий Балабанов следующим образом описывает свое знакомство с Лосевым: «При первом моем свидании с ним он принял меня с особливым вниманием и ласкою называл избранником от мира, начал делать мне наставления, что нужно мне поститься и молиться для спасения души и проводить духовную жизнь»². Балабанов несколько раз посетил религиозные собрания Лосева, а в 1859 году по его совету отправился в паломничество в Киев. По пути он встретился с бродячими богомольцами, которые также наставляли его в «истинной вере».

Вернувшись из Киева Балабанов начал проповедовать и вскоре у него появилось множество учеников. «Он построил себе келью в доме отца, его ученики снабдили его 18 пудами пшеницы»³. Секта Балабанова получила название «Общество духовных братьев и сестер». Организация отстаивала идеалы аскетизма, а сам Балабанов, чтобы спасти свою душу, перестал жить с женой. Места сборов сектантов были различны. Священники доносили, что «они собираются в доме урядника Ярославцева: читают сперва акафисты, потом Евангелия, Псалтырь и поют различные стихи»⁴.

«Общество духовных братьев и сестер» было раскрыто в 1861 году. Распространение секты вызвало беспокойство как духовных, так и светских властей. В марте 1861 года создан секретный комитет, в который вошли Преосвященный Антоний, генерал-губернатор Безак и наказной атаман Оренбургского казачьего войска граф Толстой. Следствие было поручено полковнику Глухову и священнику Виноградову. На лидера секты Василия Балабанова было заведено в 1863 году дело по обвинению «в частовременной

¹ Головкин М. Очерки оренбургской хлыстовщины // Оренбургские Епархиальные Ведомости. – 1897. № 23. С. 892.

² ГАОО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 15 а. Л. 197.

³ ГАОО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 15 а. Л. 30 об.

⁴ ГАОО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 15 а. Л. 25 об.

отлучке с места жительства и распространением вредного для православия и противную правилам христианской нравственности ереси»¹.

Дело продолжалось до 1871 года. По приговору Оренбургской Судебной палаты от 9 января 1871 года «казака Василия Балабанова, виновного в распространении вредной для православия и противной правилам христианской нравственности ереси, относящейся к унижению брачного союза, и за совращением других лиц, приписыванием себе дара прозорливости и чудотворения, – лишить всех прав состояния и выслать в Закавказский край»². В ссылку должен был отправиться только Балабанов (в 1866 году бежал в Пантелеимоновский монастырь), а его последователи были переданы в ведение духовных властей, то есть серьезного наказания не последовало. Это позволило устоять «Обществу духовных братьев и сестер», которое возглавил казак Матвей Косарев и Осип Дурманов. На секту в станице Нижнеозерной вновь обратили внимание в 1876 году гражданские власти. Был сделан запрос в Оренбургскую Духовную Консисторию о причастности к секте Косарева и Дурманова. Из консистории пришел ответ, что «почти все поименованные лица вместе с Балабановым были подвержены преследованию в 60-е годы по сообщению Оренбургского Епархиального начальства о принадлежности их к секте «людей божьих» и распространению этой секты, но осужден был лишь Балабанов и что названные лица, несмотря на убеждения приходских священников, продолжают оставаться при своих заблуждениях»³. Дело длилось 6 лет. В итоге доказать наличие секты хлыстов властям не удалось. Священник Нижнеозерной станицы Гумилевский сообщил: «В нашей Нижнеозерной станице твердо установившийся определенной секты указать невозможно, но есть только нечто в виде секты, последователи которой напоминают собою секту странническую»⁴.

Несмотря на то, что хлыстовские общины были разделены на несколько «кораблей», которыми руководили «пророки» Балабанов, Онисимов, Косарев, Ярославцев, все-таки они представляли собой единую, монолитную организацию, которой, судя по всему, руководил П. Ф. Лосев.

© Легостаев А. С., 2010 г.

Маннанов М. М.

К вопросу о зоотехнических работах в Зилаирском кантоне БАССР накануне переселения башкир Самарской губернии (1926 – 1928 гг.)

Переселение башкир Имелеевской и Кузябаевского волостей Пугачевского уезда Самарской губернии (1926 – 1928 гг.) в Зилаирский кантон

¹ ГАОО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 15 а. Л. 17–17 об.

² ГАОО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 15 а. Л. 170 об.

³ ГАОО. Ф. 55. Оп. 3. Д. 212. Л. 75–75 об.

⁴ ГАОО. Ф. 55. Оп. 3. Д. 212. Л. 89.

Башкирской республики выдвинуло перед правительством задачи, от выполнения которых зависела судьба башкир-переселенцев – это ознакомление с экономическим положением самих переселяемых в районе выхода, планомерное исследование природно-климатических условий в районе водворения и выявление земель, пригодных для сельскохозяйственных работ, подготовка земельного фонда к заселению в Зилаирском кантоне. Только при наличии подготовленного земельного фонда правительство могло рассчитывать на достижение целей переселения, призванного вернуть самарских башкир на родину предков и приобщить к башкирской национальной культуре.

Переселение башкир Пугачевского уезда Самарской губернии на юго-восток Башкирской республики выдвинуло перед правительством еще дополнительную задачу – организацию зоотехнической помощи переселенцам, так как они обзаводились скотом на месте водворения, но в некоторых случаях этот скот был больным и не удовлетворял потребности населения.

Согласно пятилетнему перспективному плану по улучшению коневодства и с целью выявления зоотехнической структуры коневодства в районах водворения были обследованы волости – Темясовская и Таналыкская Зилаирского кантона.

В ходе изучения было определено, что на одно башкирское хозяйство приходится определенное количество угодий¹:

	удобной земли	сенокоса	выгона
Темясовская волость	49,2	7,55	19,72
Таналыкская волость	53,5	16,5	14,42

Таблица 1.

Распространение лошадей в данном районе по полу и возрасту следующее:

Зилаирский кантон	Всего лошадей	из них 4-х лет и старше	распространение по полу		
			маток	жеребцов и меринов	молодняк
Таналыкская	3961	2549	1544	1005	1412
Темясовская	4575	3113	1925	1188	1462

В этот период были приняты меры по ликвидации безлошадности местного и переселяемого населения, то есть допускался их переход к земледелию, также давалась возможность на получение более высокой оплаты труда при работе на промышленных предприятиях и кустарных промыслах. Снабжение тягловой силой безлошадных хозяйств переселенцев планировалось путем выдачи долгосрочной ссуды на покупку рабочего скота. Основную массу лошадей в районе водворения составляли лошади башкирской породы, имевшие, по мнению специалистов, такие качества как выносливость, непотребность к корму и уходу, приспособленность к местным условиям и большую работоспособность.

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.2. Д.511. Л.82.

В районе водворения проводились меры по улучшению лошадей башкирской породы, а в Темясовской и Тангаурской волости Зилаирского кантона частично проводили случку лошадей башкирской породы с орловским рысаком и англо-донцом. Для этих целей проводили мероприятия по организации случных пунктов с хорошими производителями существующих пород. Случные пункты были организованы в государственных и кооперативных случных пунктах, а также путем привлечения к общественной случке лучших жеребцов местного населения:

Таблица 2.

Количество жеребцов и маток в Зилаирском, Тамьян-Катайском и Стерлитамакском кантонах.

кантон	маток		при нагрузке 15 маток на 1 жеребца потребуется племенных жеребцов
	количество	% ко всем лошадям	
Зилаирский			
Бурзянская волость	341	33 %	4
Кананикольская волость	901	33 %	60
Темясовская волость	2396	36 %	160
Таналыкская волость	1738	32 %	116
Тамьян-Катайский			
Катайская волость	707	34 %	48
Усмангалинская волость	757	32 %	50
Узянская волость	1672	32 %	112
Тамьян-Тангаурская волость	1452	36 %	96
Стерлитамакский			
Петровская волость	1341	32 %	88
По району:	11305	34 %	756

Процент маток лошадей по Таналыкской волости понизился из-за того, что население на приисках для работ содержало преимущественно мерин.

В 1926 – 1927 гг. средства на проведение таких мероприятий были получены из государственного бюджета. Укомплектование племенными жеребцами в случных пунктах проводилось путем поступления жеребцов из башкирского рассадника «Макан», а также путем закупки редких экземпляров в косяках башкирского населения¹. Необходимо отметить, что конный завод «Макан» в Хайбуллинской волости появился в 1925 г., а принят в государственный бюджет как самостоятельное учреждение в 1926 – 1927 гг. Его главной задачей была выдача племенного материала англо-донской и башкирской пород для улучшения местной башкирской породы. Путем такого соответствующего подбора, воспитания и кормления конезавод «Макан» выращивал таких жеребцов улучшенной башкирской породы².

Частые эпизоотии сибирской язвы, ящура, бешенства, рожи, чесотки причиняли огромный ущерб хозяйству населения Зилаирского кантона. В 1925 – 1926 гг. работа по ликвидации эпизоотических очагов показала, что первое

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-629. Д.550. Л.57-60.

² ЦГИА РБ. Ф.Р-629. Д.1100. Л.243-243 об.

место занимает сап, который имел стационарный и заносный характер. В этот период было зарегистрировано 105 зараженных лошадей, из которых к выздоровлению не подлежали и были подвержены умерщвлению 101, погибли – 2 и выздоровели – 2. На второе место вышло воспаление легких КРС: зарегистрировано 128 коров, убиты – 57, на карантине – 22, осуществлена вакцинация 3100 голов КРС, зафиксирован отход после прививок – 33 головы. Бешенство появилось в ноябре 1925 г. и к январю 1926 г. охватило весь кантон. Объясняется это тем, что население после голода и бандитизма для борьбы с волками начали разводить собак, которые быстро расплодились и многие из них оказались беспризорными, в результате чего поедали падаль и тем самым заражались бешенством, инфицируя друг друга, в т.ч. животных и человека. Всего было истреблено свыше 600 собак, зарегистрировано – 29 голов КРС, из них убиты – 15, пали – 14; собак – 29 и 5; свиней – 2 и 2; овец – 1 и 1; 3 лошади и все пали. Заподозрены в заражении 22 человека. Помимо этого, отмечено 67 случаев заболевания чумой свиньями, 37 – бацеллярной рожи, 15 – симптоматического карбункула, 10 – энфлюэнции, 64 – мыта, 3 случая септицемии свиней, 6 – менингита лошадей, 7 – актиномикоза коров, 2 – столбняка лошадей, 4 – катаральной горячки коровы 2 – чумы собак и 410 – чесотки лошадей. Ветеринары за уничтоженный и павший от прививок скот выплатили хозяевам 5083 рублей 30 копеек¹.

В 1927 – 1928 гг. самой распространенной в Зилаирском кантоне эпизоотией оказался ящур, охвативший тогда все волости. По данным ветеринарной статистики было зарегистрированы 9784 голов зараженного скота, из которого выздоровели 9564 голов. Причиной появления ящура стал больной скот, переселяемый из Сибири. Второй по размаху и первой по вредности для сельского хозяйства была эпизоотия повального воспаления легких КРС – убиты 122 голов, пали – 23, выздоровели – 10. Третье место по степени и распространения, но первое по опасности для здоровья человека занимал эпизоотия сапа. С началом специального ветеринарного осмотра конского поголовья в кантоне, случаев заражения сапа не наблюдалось. Зарегистрированы были всего 69 лошадей. Сап был обнаружен в Темясовской, Хайбуллинской и Усерганской волостях Зилаирского кантона. Следующее место по количеству больных занимал мыт, были зарегистрированы 148 зараженных лошадей. Серьезное напряжение вызвала вспышка сибирской язвы в Хайбуллинской волости, которая поставила под угрозу племхоз «Макан» по разведению чистокровных лошадей и дергаишского крупного рогатого скота. Своевременно были приняты предохранительные и вынужденные прививки на 5292 голов всех родов животных. В указанный период ветеринары Таналыкской, Кипчакской и Сабыровской волостей получили 3 дезокамеры².

Таким образом, на местах водворения проводились работы для будущей зоотехнической помощи башкирам-переселенцам из Самарской губернии.

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-834. Д.143. Л.19-21 об.

² ЦГИА РБ. Ф.Р-834. Д.324. Л.100, 119.

Несмотря на приток финансовых средств из государственного бюджета ветеринарные службы с трудом справлялись с частыми эпизоотиями.

© Маннапов М. М., 2010 г.

Матюшин П. Н.

Формирование лексикона «Большого террора» (по материалам периодической печати Чувашской АССР)

Изучение политических процессов в СССР 1930-х гг. все больше превращается в анализ различных аспектов взаимодействия власти и сознания людей, формирования морально-психологической атмосферы советского общества с помощью различных средств, в том числе и визуальных. В этом контексте «Большой террор», например, рассматривается уже не столько как чистка политической, военной, экономической и интеллектуальной элиты страны, сколько как радикальное завершение масштабной кампании, направленной на окончательную ликвидацию отклонений, «беспорядков», «социально опасных элементов», маргиналов, которым не было больше места в новом социалистическом обществе. В результате целенаправленной культурной политики против этих социальных слоев общества возник специфический «визуальный» лексикон эпохи, воплощенный в изобразительном искусстве, образном строе и стилистике киноязыка, плаката, газетной статьи.

Особенностью формирования данного лексикона явилось сопоставление дуализма внешнего Я и его скрытой реальности, что вело к попыткам обнаружить и искоренить эту внутреннюю инаковость. Личное в этом случае становилось политически неблагонадежным и подлежало выявлению и контролю. Потребителям пропагандистского зрелища (а таковым являлось подавляющее большинство публичных визуальных продуктов в СССР) предлагалось стать со-участниками коллективного процесса рассматривания, в ходе которого формировались устойчивые модели правильного мировосприятия свидетельств успехов и прогресса, воплощенных в кодах индустриального прогресса и социальных достижений¹.

После выступления И. Сталина на февральско-мартовском Пленуме партии, где врагами советского государства были объявлены троцкисты, которые, по мнению «вождя народов», превратились «в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов»², враги все чаще квалифицировались как «резервуар контрреволюции» в контексте растущей международной напряженности, как потенциальные участники «пятой колонны

¹ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. «Глазной советский человек»: правила (подо)зрения // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М., 2009. С. 9.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. Март 1934 – 1940. М., 1997. С. 164.

диверсантов и вредителей», действующих в контакте с японскими, немецкими или польскими секретными службами¹.

Центральное место в лексиконе политической культуры советской повседневности второй половины 1930-х гг. стал занимать термин «враг народа». На смену помещикам и капиталистам приходили нэпманы и кулаки, «вредители» и «диверсанты», «космополиты» и тунеядцы. Особенно претерпел интерпретацию этот термин в период обострения политических репрессий в СССР в 1937 – 1938 гг.

В лексикон прочно начинают входить синонимы термина образа «врага» индивидуального плана: «бухаринцы», «рыковцы», «троцкисты» и т.д. Особое место в этой череде имеет слово «троцкизм», которое стало в арсенале сталинской пропаганды синонимом абсолютного зла (как и ставшее нарицательным имя «Троцкий»). Выдвижение этого термина на первый план было обусловлено развитием идеолого-пропагандистского лексикона в 1930-е гг. Актуальный в 1920 – первой половине 1930-х гг. «меньшевизм» перестал быть «знаменем» внутривластной борьбы и востребовался в специальной литературе². После политических процессов против Л. Д. Троцкого это слово прочно заняло свое место в обывательском лексиконе как ругательное, а впоследствии – как общественно-политическое. Такой синтез стал возможен благодаря пропаганде СССР в 1930-е гг. Это подтверждается и тем, что именно «троцкисты», как авангард «контрреволюционных сил», фигурируют в выступлениях первых лиц государства на собраниях, пленумах, съездах. Так, в своей речи на февральском пленуме партии В.М. Молотов, формируя образ «контрреволюционного лагеря», упоминает «троцкистских и иных врагов народа», которых надо «выкорчевать до конца»³. Еще дальше пошла центральная партийная пресса, используя всевозможные формулировки в заголовках газетных публикаций, посвященных «московским судебным процессам» (см. рисунок 1).

Термин «враг» в словосочетании «враг народа» являлся определяющим, так как он наиболее точно, нежели его синонимы, отражал восприятие противника или неприятеля и концентрировал в себе большую эмоциональную, отрицательно заряженную составляющую. В образе «врага» могли сочетаться самые разные составляющие, например, «враг народа», «враг революции», «враждебный элемент» и т. д. Эти составляющие могли пересекаться между собой, дополнять друг друга, взаимно усиливая совокупный образ «врага». «Враг народа» в этом списке – наиболее четко выраженная конструкция, универсальный обвинительный штамп.

В материалах центральной периодической печати становилось нормой постоянное присутствие обвинений, призывов к противостоянию, насилию,

¹ *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Пер. с фр. А.И. Пигалева. М., 2010. С. 246.

² *Беленкин Б.И.* Репрессированные троцкисты – организованная политическая группа левого сопротивления сталинскому режиму (1927 – 1938): борьба как норма жизни. На материалах следственных дел Г.Я. Яковина // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Международной науч. конф. Краснодар, 2010. С. 352.

³ *Молотов В.М.* Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов. М., 1937. С. 61.

расправе, кампаний по дискредитации и т. д. Власть через систему массовой пропаганды добивалась исступленно-злобного фанатичного настроения людей. В соответствии с этой целью приверженцы оппозиционных настроений именовались в печати «империалистическими гадинами», «бандой наемных убийц, диверсантов и шпионов», «прямой агентурой фашистских охранок», «отъявленными контрреволюционерами» и т. д. Возбуждение народного гнева против «изменников и предателей» естественным образом приводило к развитию тезиса о «всемирной бдительности», которая служила гарантией против «вражеской деятельности»¹.

Несколько по-иному выстраивался образ «врага народа» в местной печати. Поиски «врагов народа» в партийных, комсомольских организациях и отраслях народного хозяйства в регионах СССР стали откликом проведенных судебных процессов в Москве, поэтому имели запоздалую, а отсюда и более взвешенную окраску в формировании внутреннего образа врага. К примеру, в статьях июня – августа 1937 г., опубликованных в «Красной Чувашии» (печатный орган Чувашского Обкома ВКП(б)), связанных с обличением «врагов народа» полностью отсутствуют фамилии. Наряду с призывами повысить революционную бдительность упоминаются «враги народа», «агенты», «шпионы» и «диверсанты», которые «окопались» для ведения подрывной деятельности². В октябре 1937 г. общее количество статей о политических «извращениях» на страницах местной периодической печати увеличилось в несколько раз (за период с сентября по ноябрь 1937 г. их насчитывалось более 40, что в 2 раза превышало общее количество статей данной тематики за весь 1937 г.). Объяснение можно найти в стремлении центральных органов управления отобразить результаты реализации решений февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) по борьбе с внутренней оппозицией.

В статьях, посвященных борьбе с «врагами народа», опубликованных в «Красной Чувашии» за период с октября по декабрь 1937 г., намечается постепенный переход от стереотипного к персонифицированному образу. К тому моменту все «укрыватели» и «пособники» Зиновьева, Троцкого и других ключевых представителей внутрипартийной оппозиции были «разоблачены» и процессы над «троцкистскими и зиновьевскими шпионами» стали неотъемлемой составляющей жизни советского общества в регионе. Облеченные в националистические и шовинистические «одежды» данные процессы весьма скудно освещались в региональных периодических изданиях. Статьи в «Красной Чувашии» условно можно разделить на информационные (т.е. освещающие события) и разоблачительные (появлявшиеся вслед за освещением и имевшие более эмоциональную окраску). Характерным примером тесной связи этих групп статей можно назвать серию публикаций, связанных с разбором дела «правых капитулянтов», по которому «врагами народа» было объявлено почти всё партийное руководство Чувашского Обкома

¹ Арнаут Н.Б. Использование образа «врага народа» в периодической печати Западной Сибири в период «большого террора» // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2007. С. 202.

² По-большевистски выполнить решение областной конференции комсомола // Красная Чувашия. 1937. 9 октября. С. 1; Почему грубо нарушалась революционная законность // Красная Чувашия. 1937. 22 июля. С. 2.

ВКП(б)¹. Это свидетельствовало о стремлении доказать заговорщическую составляющую подрывной деятельности организации.

Язык в газетных статьях любого уровня был пропитан милитаризмом, духом непримиримости, нетерпимости и предельно унифицирован. Газетно-языковая универсализация характеризовалась усилением стандартизации и тем самым способствовала появлению газетных штампов.

Параллельно с интерпретацией образа «врага народа» интерпретировалось и содержание борьбы с ними. Изначально делая ставку на физическое уничтожение, советское правительство быстро расширяло формы и методы «разоблачения врагов народа» в различных отраслях народного хозяйства. Появление основных терминов-форм «вредительства» (например, «прорыв», «перегиб»), позволило определить целый набор методов борьбы с ними.

Формирование образа «врага народа» было тесно связано с трансформацией термина «борьба с ним», как неотъемлемой части внутривнутриполитической жизни страны в условиях развития социализма. «Борьба» с внутренним врагом отныне включала не только физическое уничтожение (как это было в годы Гражданской войны), советское правительство требовало от граждан «большевистской бдительности», усиления «критики и самокритики» в деле «выкорчевывания последствий вредительства». Все эти фразы должны были, в первую очередь, усилить борьбу с «социально опасными элементами», которые не входили в группу «социально чуждых». Такое деление четко определяется в материалах уголовно-следственных дел.

При этом яростной борьбой должны были отличаться как «контрреволюционные силы», которые имели широкую программу форм и методов по развалу «завоеваний социализма», так и «революционные силы». Борьба должна была происходить во всех сферах общественной жизни в различных ее проявлениях: борьба за урожай в сельскохозяйственном секторе, за выполнение производственных показателей в промышленности, за культурное отставание в сфере образования и культуры. Все эти формы «борьбы» приводили к достижению визуальной мысли каждого человека о значимости его труда в деле развития целой страны. Отклонение этой мысли приводило к общественному порицанию или тюремному заключению. Классический «уголовный бандитизм» сопровождается развитием «политического» и «социального бандитизма». Под этими терминами стали выступать все «социально опасные элементы», по мнению правительства, «подрывающие устои развития социалистического общества в СССР». Сам Сталин на февральско-мартовском Пленуме призвал «в борьбе с современным троцкизмом» применять «не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома»².

¹ Щербаков С. В. И.Д. Кузнецов и «платформа капитулянтов и правых националистов в Чувашии» (Современный взгляд на события 1937 года по материалам уголовного дела) // И. Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30 – 40-х годов XX века: Сб. ст. Всероссийской науч. конф. историков (Чебоксары, 15 – 16 июня 2006 г.). М., 2006. С. 79–94.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. Март 1934 – 1940. М., 1997. С. 164.

Таким образом, лексикон общественной жизни 1937 – 1938 гг. был тесно связан с понятием «врага народа». Партийная и периодическая печать 1930-х годов в регионах стала одним из основных механизмов формирования образа «врага народа», контролируемых органами политической пропаганды и агитации, с одной стороны, и органами НКВД – с другой. Обилие на страницах местной периодической печати информации о «контрреволюционных террористических и националистических» организациях являлись регулятором общественного мнения, в том числе и для руководящих центральных органов. Подобная ситуация, сложившаяся в стране во второй половине 1930-х гг., создавала благоприятные условия для отображения образа «врага народа» в различных формах наглядной агитации, прежде всего, в карикатуре, шарже, плакате.

Наряду с многочисленными газетными публикациями с обвинениями в «троцкизме» ведущих советских и партийных деятелей страны, не меньшую значимость в формировании «правильного» образа «врага народа» стала играть политическая карикатура. Творения Б. Ефимова, В. Н. Дени и Д. С. Моора, группы «Кукрыниксы» стали расцветом этого жанра. Их карикатуры с изображением внутривластных врагов в центральной и местной партийной и периодической печати стали продолжением лексического ряда в описании «врагов народа».

Быстрое восприятие и вхождение в обывательский обиход данных выражений стало возможным благодаря не столько продуманной идеологической кампании советского правительства, сколько отсутствия точных и четких формулировок, выражавших бы внутривластное состояние в стране. Отсюда стремление использовать клише и штампы, данные сверху, во избежание попадания в лагерь «контрреволюционеров».

© Матюшин П. Н., 2010 г.

Медведев В. В.

Особенности типологии и планировки чувашских поселений Башкортостана (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Поселения чувашей в Башкирии возникали на протяжении нескольких столетий, однако они имеют ряд только им присущих черт. По мнению Г.Б. Матвеева для деревень Приуралья характерны приречный, долинный тип заселения, кучевая и рядовая планировки, которые впоследствии сменила уличная, ориентировка домов на солнце, открытый двор, расположение построек по периметру усадьбы¹.

Основными типами чувашских поселений являются села и деревни, объединяющиеся под общим названием – *ял*, также выделяются небольшие

¹ Матвеев Г.Б. Чувашское народное зодчество. Чебоксары, 2005. С. 214.

деревушки (*пёчĕк ял*). Отдельного названия для села в чувашском языке не существует, селом называли крупное поселение, где располагалась церковь и волостная администрация¹. Отметим, что в Чувашии селами являлись не всегда самые крупные поселения (с. Чувашская Сорма, с. Шихазаны и др.)².

В большинстве случаев деревни исторически возникли очень рано. Со временем от них отделялись околотки, выселки, починки и т.д. Происходило изменение не только способа ведения хозяйства и размеров деревень, но и проходили определенные стадии в развитии её социального строя. Так, с периодом существования семейно-родственных групп (патронимий) связано бытовавшее в прошлом мнение, что брачного партнера следует искать вне своей деревни. На последующем этапе общественный строй деревни вступил в стадию соседской территориальной общины, поскольку деревни состояли из отдельных околотков, гнезд, концов³.

Другие типы поселений – поселки (*наçуллка*), хутор (*хуттăр*), выселки (*выçăлĕкĕ*) появились среди чувашей сравнительно поздно, в начале XX в., что было связано со столыпинской реформой. Деревни, как и в южной Чувашии на территории Башкирии, располагались вблизи от воды, по склонам оврагов и долинам рек⁴.

Расположение поселений чувашей поблизости от водоемов отражено в фольклоре. Так, со слов Сантиметровой Е.В. (1921 г.р., РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш) записан отрывок песни (авторская орфография сохранена):

*Сърма пузензе вĕрман херензе В начале реки рядом с лесом
Еп сюралнытзя весь ялензе Я родилась в чувашском селе
Еп сюралнытзя чăваш ялензе (перевод наш – В.М.)⁵*

Водораздельные поселения на территории Поволжья и Южного Урала появились в середине XIX в. и получили развитие во второй его половине, но доминирующим среди различных этносов оставалось приречное заселение. Так, деревни закамских удмуртов, располагались по берегам небольших рек. Материалы первой народной ревизии, проведенной в 1723 г., по Уфимскому уезду в качестве географических ориентиров удмуртских деревень называют реки, на которых они расположены: деревня Савалеево, что на речке Уарзи; деревня Калмиябаш, что на реке Калмие и т.д.⁶

Приречное расположение было характерно и для марийских поселений. Преобладание деревень марийцев возле рек, ручьев, оврагов и т.д. отразилось в названиях поселений содержащих в себе гидронимы. К примеру, Юльял (деревня на Волге), Шемпамаш (черный ключ), Какшансола (деревня на

¹ Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 1. Чебоксары, 1956. С. 165.

² Матвеев Г.Б. Сельские поселения чувашей во второй половине XIX – начале XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Этнография чувашского крестьянства. Чебоксары, 1987. С. 36.

³ Там же.

⁴ Петров И.Г. Чуваши Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры). Уфа, 1994. С. 19.

⁵ Полевой материал автора (ПМА) – 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш).

⁶ Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001. С. 31.

Кокшаге), Важнӑнгыр (развилистая речка), Элнеттӑр (возле Илети), Когояр (большое озеро)¹.

Подобные названия встречаются в топонимии и чувашских поселений: Суук-Чишма, Кош-Елга, Улу-Елга, Бердяш и т.д. В названии чувашских населенных пунктов могли отражаться как географические ориентиры, так и личные имена (основателей селения либо бывших владельцев земли).

По мнению Р.Р. Садикова стремление этносов обосноваться вблизи рек, обусловлено особенностями их хозяйственной деятельности. Речные долины привлекали плодородными почвами под пашню; обширными лугами для сенокосов; лесами для охоты, сбора дикорастущих трав, заготовки дров; реки использовались для водопоя скота и т.д. Кроме того, вода являлась удобным путем сообщения, здесь же располагались водяные мельницы².

Речную воду использовали для различных целей, в том числе для питья и приготовления пищи. В настоящее время воду из водоемов используют для хозяйственных целей. Основными источниками питьевой воды являются водопровод и колодцы, имеющиеся во многих дворах³.

В ряде чувашских обрядов сохранилась традиция набирания воды в вёдра из рек, родников, общественных колодцев. Так, после брачной ночи молодая становилась *сӗнӗ сын* – “новый человек”, т.е. новый член семьи – и должна принести воду, причем не из домашнего колодца, а из ближайшей реки либо ключа⁴. В настоящее время воду из родника, колодца либо ключа набирают в рождественские праздники.

Традиционным для поселений чувашей являлось расселение родовыми группами. В основе планировки также были семейные взаимоотношения. Как отмечалось, чувашские деревни состояли из околотков (скоплений домов, удаленных на значительное расстояние друг от друга), каждый из которых был представлен одной, либо несколькими усадьбами. Внутри околотка расселялись родственники (потомки первопоселенца) со временем заполняя усадьбу, что способствовало возникновению усложненной планировки деревни с кучно расположенными усадьбами. Улицы прокладывались между отдельными группами родственных дворов, которые обязательно отделялись друг от друга⁵.

Существуют различные точки зрения исследователей на проблему формирования околотков в поселениях чувашей. К примеру, А.А. Фукс, В.А. Сбоев, А.И. Артемьев считают, что каждый околоток состоял из одной либо нескольких усадеб, внутри которых хаотично расселялись потомки. А.Ф. Ритгих пишет, что усадьба родоначальника являлась центром околотка, расположение других усадеб происходило “по кругу”, в результате околоток

¹ Сенева Г.А. Особенности типологии и планировки марийских поселений // Поселения и жилища Марийского края. Йошкар-Ола, 1982. С. 164-166.

² Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001. С. 31.

³ ПМА–2008 (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат); ПМА–2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш, с. Ивано-Кувалат).

⁴ Салмин А.К. Религиозно-обрядовая система чувашей. Чебоксары, 1993. С. 131.

⁵ Мазур Л.Н. Сёла и деревни среднего Урала в XX веке: статистико-этнографическое описание. Екатеринбург, 2003. С. 96.

приобретал форму неправильного овала. Н.А. Спасский и Н.В. Никольский отмечали, что заселение усадьбы происходило от жилища родоначальника по радиусам. В обоих случаях усадьба основателя располагалась в центре. Для въезда устраивались тупики либо узкие кривые переулки. Указанные авторы считали, что первоначально потомки ставили определенным образом по отношению к родоначальнику только жилища, а усадьбы появились позднее, когда была разделена усадьба основателя¹.

По мнению Н.В. Никольского беспорядочное расположение жилищ и усадеб было небезопасно в пожарном отношении. Поэтому администрация проводит ряд мер по борьбе “с чувашским расположением построек”. По указу от 27 октября 1830 г.: “Улицы должны быть прямыми; ширина не менее 10-ти сажень”. С 1850 г. в поселениях происходит застройка улиц с правильной планировкой. К 1870 г. большинство “беспорядочной чувашской застройки” было ликвидировано. Каждое новое строение воздвигалось по определенному плану².

Отметим, что поселения с беспорядочной планировкой первоначально были характерны для различных этносов (чувашей, марийцев, удмуртов) расселившихся в Среднем Поволжье и мигрировавших в другие регионы.

Д.Г. Коровушкин, рассматривая селения этнотерриториальной группы чувашей Сибири, выделяет, что практически все деревни принадлежат к типу поселения низовых чувашей. Поселения имеют линейное расположение, что объясняется их поздним (сравнительно северо-западных районов Чувашии) возникновением. Если количество улиц более одной, то вторая располагается под углом к первой, чтобы не сокращать площади огородов. Часть поселений принадлежит к кучевой форме застройки³. На примере с. Ивано-Кувалат и с. Бердяш Зилаирского района РБ можно утверждать, что данное расположение улиц характерно и для современных чувашских поселений Башкирии⁴.

Следует также выделить, что полевые исследования почти не освещают проблему планировки чувашских поселений второй половины XIX – начала XX вв. Архивные материалы частично освещают данный вопрос. К примеру, ссылаясь на план д. Асавбашевой Стерлитамакского уезда за 1799 г. можно высказать предположение, что часть чувашских деревень имела правильную улично-квартальную планировку. Деревня также относится к поселениям с водораздельным типом заселения, состоит из двух улиц расположенных параллельно к реке, пересеченных одной улицей⁵. На плане д. Косяковка Стерлитамакского уезда 1874 г. показано селение с однорядной застройкой, с начинавшейся оформляться улицей⁶. На плане Верхне-Меселинской дачи

¹ Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 1. Чебоксары, 1956. С. 171.

² Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928. С. 51.

³ Коровушкин Д.Г. Чуваши в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск, 2009. С. 24-26.

⁴ ПМА–2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш, с. Ивано-Кувалат).

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-351. Оп. 1.Т. 3. Д. 7221. Л. 1.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 8052. Л. 1.

Стерлитамакского уезда за 1864 г. изображено с. Верхние Месели, имеющее правильную уличную застройку¹.

Таким образом, ряд чувашских поселений на территории Башкирии во второй половине XIX в. имеет правильную уличную планировку. Возможно, данный факт объясняется поздним возникновением или административными мерами, которые ликвидировали беспорядочную планировку поселений.

Н.И. Воробьев, рассматривая поселения различных этносов Среднего Поволжья, отмечал, что сложная планировка деревень и сел объясняется историей их возникновения. В период образования, усадьбы, составляющие поселение, размещались стихийно, без какого-либо плана в зависимости от вкусов и потребностей владельцев. Затем семейные усадьбы разделялись на индивидуальные, превратившись в кварталы, внутри которых появились узкие улицы, переулки, тупики. Основные улицы – проезды между прежними семейными усадьбами, вследствие непланового размещения хозяйств стали в большинстве случаев кривыми².

Полевые материалы свидетельствуют о том, что многие современные поселения чувашей в Башкортостане, имеют одноуличную, многоуличную, улично-квартальную формы. Значительная часть поселений, по сообщению информаторов, в прошлом состояла всего из одной улицы. Как правило, в настоящее время такие улицы носят название – *Большая* (с. Ивано-Кувалат), *Центральная* (с. Бердяш) и т.д. Улицы, имеющие второстепенное значение, могут именоваться в зависимости от расположения – *Набережная* (берег реки), *Кузнечная* (вела на кузницу), либо от их направления по отношению к другим поселениям: *Байгульская*, *Еровчинская*, *Сосновская*, *Касмарская* (с. Бердяш)³. Распространены такие названия улиц, как *Школьная*, *Садовая*, *Молодежная*, *Новая* и т.д.

Л.А. Иванов отмечает, что на территории Чувашии значительная доля поселений первоначально так же, как в Башкирии, имела только одну улицу. В результате перепланировки из кучевых поселений возникли двурядные деревни-улицы, которые на втором этапе обрастали переулками, концами и правильными по форме двурядными и однорядными улицами⁴.

Одной из особенностей характерных для поселений чувашей Среднего Поволжья является искусственное озеленение. Данной традиции, по мнению Л.А. Иванова, в селениях чувашей Южного Урала и Прикамского Поволжья не отмечалось. Исторически это объясняется тем, что переселенцы, возводя свои жилища и хозяйственные строения на освобожденных от леса участках, уничтожали на территории будущего поселения все деревья⁵. Г.Б. Матвеев пишет, что в Приуралье поселения мало озеленены. Изредка встречаются

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 7670. Л. 1.

² Воробьев Н.И. К истории сельского жилища у народов Среднего Поволжья // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Вып. 25. М., 1956. С. 5-6.

³ ПМА–2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш, с. Ивано-Кувалат).

⁴ Иванов Л.А. Современный быт и культура сельского чувашского населения. Чебоксары, 1973. С. 25-26.

⁵ Там же. С. 28.

деревни с лесонасаждением, к примеру, д. Косяковка Стерлитамакского района (признак верховых чувашей)¹.

Характерной чертой для селений чувашей являлось наличие полевой изгороди (*хирён карта*) вокруг деревни и установка полевых ворот (*хирён хапха*). Н.В. Никольский писал: “В деревню ведут ворота. Около них, по народному верованию, стоит *пирёшти* – ангел”². Около ворот, ведущих в деревню с поля, выстраивался четырехугольный сруб с плоской крышей. Здесь находился караульщик, следивший за тем, чтобы животные не заходили на поле. Летом караульщик жил в постройке, внутри располагалась скамья, у двери находился очаг, к полю было обращено окно³.

Как отмечает Р.Р. Садиков, своеобразный вид деревням закамских удмуртов придавали полевые изгороди (*бусы кенер*) и полевые ворота (*бусы капка*), призванные защитить посевы от скота. Ссылаясь на информаторов, он пишет, что концы каждой улицы огораживались и для въезда-выезда устраивались ворота⁴. Подобные изгороди (*ял йыр пече*) и полевые ворота (*пасу капка*) были характерны и для марийцев. Также как и у других этносов, их наличие было обусловлено вольным выпасом скота⁵.

Р.Р. Садиков приводит описание полевых ворот (*бусы капка*) закамских удмуртов. Ворота изготовлялись из жердей, которые были прикреплены к двум вертикальным брусам. Данная конструкция крепилась при помощи обручей к столбу. Под вертикальный брус, который был также прикреплен к столбу, подкладывали дубовую подставку с небольшим углублением, чтобы способствовать легкому движению ворот. С другого конца также вкапывали столб, к которому крепилось устройство для закрывания ворот. Полевые ворота среди закамских удмуртов просуществовали в отдельных поселениях до 1960–1970 гг.⁶.

В работе исследователя Н.В. Никольского “Краткий курс этнографии чуваш” приведено изображение полевых ворот и полевой изгороди. Данное изображение соответствует описанию полевых ворот закамских удмуртов. Показаны два вертикальных бруса, к которым прикреплены четыре жерди. В свою очередь, они крепились к П-образной конструкции⁷.

В настоящее время наличие полевых ворот у чувашей Башкирии нами не было зафиксировано. Отметим, что по конструкции полевые ворота были схожи с воротами в виде прясла из жердей *вёрлэк хапха*. Данный тип ворот вышел из широкого употребления, но сохраняется в отдельных поселениях. Так, в с. Бердяш нами был зафиксирован указанный тип ворот. Информаторы сообщили,

¹ Матвеев Г.Б. Чувашское народное зодчество. Чебоксары, 2005. С. 228.

² Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. I. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004. С. 62.

³ Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928. С. 34.

⁴ Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001. С. 47.

⁵ Сенева Г.А. Особенности типологии и планировки марийских поселений // Поселения и жилища Марийского края. Йошкар-Ола, 1982. С. 164-166.

⁶ Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001. С. 47-48.

⁷ Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928. С. 34.

что для обозначения таких ворот употребляется термин *сильханхи*. Ворота бывают как одностворчатые, так и двустворчатые¹.

Выдвинем предположение, что полевые ворота и полевая изгородь у чувашей выполняли не только хозяйственную функцию (защищали поле от скота), но играли и сакральную роль – оберегали и предохраняли поселение и его жителей от всевозможных болезней, падежа скота и т.д.

Основной единицей застройки в XIX – начале XX вв. в поселениях чувашей являлась усадьба с жилым домом и хозяйственными строениями. Центральное место занимало жилище – *нурт*. Дом устраивался фасадной частью на улицу. Хозяйственные постройки на усадьбе соединялись, как правило, Г-образно либо П-образно. Жилая изба при этом в связь не входила и располагалась обычно в противоположном углу². Г.Б. Матвеев отмечает, что жилищам и постройкам чувашей юго-запада Башкирии и Оренбургской области и самарским чувашам были присущи общие черты³.

Итак, подводя итоги описания особенностей типологии и планировки чувашских поселений в Башкортостане, выделим следующее:

во-первых, все поселения чувашей в указанном регионе относятся к категории сельских;

во-вторых, сельские поселения чувашей Башкирии подразделяются на села, деревни (*ял*), поселки (*насуллка*), хутора (*хуттӑр*), выселки (*высӑлкӑ*);

в-третьих, для поселений был характерен приречный и долинный тип заселения;

в-четвертых, в поселениях был распространен кучевой и рядовой тип планировки, который сменил уличный; в поселениях сравнительно позднего происхождения устраивалась уличная планировка, причем, если улиц было более одной, то они располагались под углом к первой, чтобы не сокращать площади огородов (характерно для этнотерриториальной группы чувашей Западной Сибири);

в-пятых, искусственное озеленение поселений, распространенное в Чувашии, не получило широкого развития в регионе;

в-шестых, в селениях чувашей Башкирии на раннем этапе сохранялись традиционные представления об организации жизненного пространства, что обусловлено наличием полевых ворот (*хирён ханха*), изгороди (*хирён карта*) и представлений связанных с ними.

© Медведев В.В., 2010 г.

¹ ПМА–2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш).

² Петров И.Г. Чувашаи Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры). Уфа, 1994. С. 19.

³ Матвеев Г.Б. Чувашское народное зодчество. Чебоксары, 2005. С. 229.

Этнография в фотографиях фототеки отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН

В фототеке отдела этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (ИИЯЛ УНЦ РАН) на хранении находятся уникальные фотоматериалы (фотографии, слайды и негативы), собранные башкирскими этнографами Р.Г. Кузеевым, Н.В. Бикбулатовым, С.Н. Шитовой, М.Г. Муллагуловым, М.В. Мурзабулатовым, Ф.Ф. Илимбетовым, Л.И. Нагаевой, Ф.Ф. Фатыховой, Р.М. Юсуповым и др., а также профессиональными фотографами Н.А. Черзор, Т.К. Суриной в ходе этнографических экспедиций, организованных в 50-80-е гг. XX в. в различные районы республики Башкортостан, а также в Челябинскую, Оренбургскую, Пермскую, Курганскую, Свердловскую, Самарскую (Куйбышевскую), Саратовскую области, республику Татарстан, Алтай и более отдаленные регионы – Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан.

Большая заслуга в организации фототеки отдела этнологии принадлежит известным этнографам - к.и.н. Н.В. Бикбулатову, С.Н. Шитовой. В конце 50-х годов двадцатого столетия ими была разработана идея и структура фотоархива, а также предложен способ хранения фотографий на специальных карточках-паспортах, с указанием объекта, изображенного на фото и его описанием, ссылкой на дату, место и источник получения фотографии, фамилией собирателя, фотографа, а также со справкой о том, в каких работах использовалась фотография.

Материал фототеки классифицирован по следующим темам: «Письменные и эпиграфические памятники», «Хозяйство» (с разделами: «Скотоводство и животноводство», «Земледелие», «Сенокосение, заготовка кормов», «Бортничество, пчеловодство», «Рыбная ловля», «Охота», «Лесные промыслы», «Домашние производства и ремесла»), «Транспорт», «Поселения и жилища», «Народная одежда», «Традиционная пища и утварь», «Семейный быт и обряды», «Общественный быт и празднества», «Культовые сооружения, предметы культа», «Музыкальная культура, фольклор», «Декоративно-прикладное искусство» (с разделами: «Тканые предметы», «Вышивки», «Ювелирные изделия», «Резные и раскрашенные деревянные предметы», «Войлоки и кошмы. Аппликации»), «Работа в экспедициях».

Большинство фотографий архива отражает традиционную культуру башкирского народа. Имеется также информативный материал по хозяйству и быту других народов Башкортостана (татар, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов, украинцев, белорусов и др.). С.Н. Шитовой собран материал по этнографии узбеков и таджиков; Н.В. Бикбулатовым – алтайцев и туркменов. На хранении также находятся фотокопии, снятые с редких фотографий из архива А.С. Бежковича – участника экспедиций конца 20-х годов XX в.,

организованных АН СССР. Всего в фототеке на хранении находится несколько тысяч уникальных фотографий, слайдов и негативов.

Материалы фототеки являлись и являются источниковой базой для этнографического изучения башкир и других народов. В качестве иллюстративного материала они были использованы во многих фундаментальных монографиях, альбомах, многотомном издании «Археология и этнография Башкирии», сборниках статей, выпущенных в разные годы этнографами ИИЯЛ. По мнению ученых «их ценность возрастает год от года, по мере осознания современниками значения культурного наследия для полного раскрытия национальных традиций»¹.

К большому сожалению, с конца 1980-х годов фонды фототеки отдела этнологии перестали пополняться. Фотографии, собранные в ходе командировочных и экспедиционных выездов теперь хранятся в личных архивах исследователей. В настоящее время фототека отдела этнологии временно законсервирована, ведется работа по переводу фотографий и негативов в цифровой формат и на электронные носители, что, безусловно, облегчит их использование при проведении тех или иных этнологических исследований.

© Мигранова Э.В., 2010 г.

Мухаметзянова-Дуггал Р.М.

Государство и ислам: регулирование хаджа в Республике Башкортостан (Россия) и штате Уттар-Прадеш (Индия)

Россия и Индия – страны светской государственности, однако понятие светскости государства или секуляризма различное, что, безусловно, накладывает серьезный отпечаток на взаимоотношения государственных институтов и религиозных общин. Институт светскости государства в России состоит из двух главных элементов - отделение религиозных объединений от государства и недопустимость установления общегосударственной религии. В Индии понятие «секуляризм» не нашло ни четкого определения, ни законодательного закрепления. Чаще всего оно толкуется как равное покровительственное отношение государства ко всем религиям и общинам.

Государственные институты, регулирующие хадж. В настоящее время главными задачами структур, осуществляющих организацию паломничества российских мусульман в святые места Саудовской Аравии, являются: формирование хадж-делегации для переговоров с Министерством по делам хаджа Королевства Саудовская Аравия (КСА) по вопросам определения квоты для российских мусульман, условий их пребывания, транспортировки,

¹ Этнографические и антропологические исследования в ИИЯЛ / отв. ред. Р.М. Юсупов, С.Н. Шитова. Уфа, 1999.

проживания, питания, оплаты пошлин и сборов; формирование и направление хадж-миссии в составе специалистов и представителей духовных управлений мусульман; своевременное определение туристических фирм, обеспечивающих паломничество и согласование их деятельности с посольством КСА; взаимодействие с органами власти в РФ; обмен информацией между духовными управлениями. Решением всех этих задач занимается координационный орган духовных управлений мусульман - Совет по хаджу при Правительстве Российской Федерации, созданный в 2002 г. На сегодняшний день статус Совета - незарегистрированное общественное объединение. Он включает в себя представителей крупнейших ДУМ России, где все решения принимаются большинством голосов.

Во время подготовки к сезону хаджа ежегодно формируется хадж-миссия, включающая около 200 человек из числа представителей туристических компаний и духовных управлений мусульман, финансируемых из их бюджета. Помимо этого, в состав хадж-миссии входят 10 наиболее опытных членов оперативного штаба хадж-миссии, на которых и приходится основная нагрузка при решении вопросов в местах пересечения границ, аэропортах, а также с представителями Министерства по делам хаджа Саудовской Аравии.

В Индии все необходимые мероприятия, связанные с подготовкой к отправке паломников в хадж осуществляет государственное учреждение Индийский комитет по хаджу (Haj Committee of India). Его история неразрывно связана с «западными воротами» страны г. Бомбеем (ныне – Мумбай). Еще до установления Британского правления мусульмане, отправляющиеся в хадж морским путем, начинали свое путешествие к святым местам именно с этого портового города.

Глобальной тенденцией 1990-х гг. стало уменьшение пассажирских перевозок морскими судами и увеличение числа желающих путешествовать воздушным транспортом, в том числе паломников. По данным Индийского комитета по хаджу, в Индии до 1994 г. около 5 тыс. индийских паломников отправлялись в хадж морскими судами и приблизительно 19 тыс. паломников предпочитали путешествовать авиатранспортом. С 1995 г. доставка паломников морским путем из Индии в Саудовскую Аравию была полностью прекращена, и все желающие совершить хадж стали путешествовать воздушным путем, в связи с этим отпала необходимость для паломников добираться до г. Бомбея.

Изменились и формы управления хаджем. С 2002 г. в Индийском комитете по хаджу введено представительство от всех регионов страны. Помимо Центрального комитета по хаджу в штатах и союзных территориях Индии созданы и действуют штатовские комитеты по хаджу. Комитет по хаджу штата Уттар-прадеш был создан в июле 2004 г., согласно принятому в 2002 г. Закону о Комитете по хаджу. В августе 2007 г. состав Комитета был изменен, т.к. члены штатовских комитетов по хаджу назначаются сроком на 3 года. Комитет по хаджу Уттар-прадеш состоит из 16 членов, назначаемых правительством штата. В него входят:

1) три члена парламента штата, законодательного собрания штата и законодательного совета из числа мусульман;

2) три члена, представляющих местные органы власти в штате из числа мусульман;

3) три члена, имеющих знания в области мусульманского богословия и шариата, при этом один из них должен быть мусульманином-шиитом;

4) пять членов, представляющих мусульманские добровольческие организации, работающие в областях государственного управления, финансов, образования, культуры или в сфере социальных проблем;

5) председатель вакфного совета штата; и

6) исполнительный секретарь штатовского комитета, который по должности должен быть членом комитета штата¹.

В обязанности Комитета по хаджу штата Уттар-прадеш входят: осуществление политики Комитета в интересах паломников, отправляющихся в хадж; оказание помощи паломникам, отправляющимся в хадж, включая дела связанные с их транспортировкой от дома до пункта отправки из Индии, а также подготовка транзитных помещений в пунктах отправки и др. Как правило, заседания Комитета проходят дважды в год: перед началом хаджа и после того, как он завершен.

Практика отправки индийских мусульман на родину пророка, выглядит следующим образом – подавляющее большинство паломников уезжают через Индийский комитет по хаджу. Часть желающих отправиться в хадж пользуются услугами частных туристических агентств.

Проблема квот на хадж. Квота на хадж, выделяемая для каждого государства различна. Саудовская Аравия по согласованию с Организацией Исламская Конференция установила для всех стран мира квоту: по одному паломнику от каждой тысячи проживающих в стране мусульман. Так как самая распространенная упоминаемая численность мусульман в России – 20 млн. человек, то квота для российской Уммы составляет 20 – 20,5 тысячи паломников. Количество паломников из Северного Кавказа в последние годы постоянно росло и превышало число желающих посетить Мекку из Центральной части России. Поэтому квоты для республик Северного Кавказа были увеличены: в 2009 году Дагестан получил квоту на 6 тысяч человек, в этом году - на 8 тысяч. Татарстану на 2010 год была предоставлена квота на 2 тысячи паломников.

Наиболее острой проблемой для Совета по хаджу является распределение общероссийской квоты на паломничество внутри страны. Следует отметить, что квоты выделяются не для регионов, а для духовных управлений мусульман регионов. ДУМы, в свою очередь, передают эту квоту туристическим компаниям. В 2009 г. российские духовные управления мусульман аккредитовали 8 таких компаний: «Наджм-тур», «Салям-тур», «Баракат», «Арафат», «ИРС групп», «Идель-хадж», «Вокруг света», «Лаббайк-тур».

¹ State HajCommittees Act // Сайт Комитета по хаджу штата Уттар-прадеш URL: http://uphajcommittee.com/theact_2.htm

**Распределение квоты на хадж среди российских ДУМ
(2009-2010 гг.)**

№ п/п	Духовное управление мусульман	Квота (чел.)	
		2009 г.	2010 г.
1.	Совет муфтиев России и Духовное управление мусульман европейской части России	3 750	3 000
2.	ДУМ Республики Дагестан	6 000	8 000
3.	ДУМ Чеченской Республики	3 000	3 000
4.	ДУМ Республики Татарстан	3 000	2 000
5.	ЦДУМ	2 000	2 000
6.	ДУМ Республики Ингушетия	1 500	1 500
7.	Координационного центра мусульман Северного Кавказа	1 250	1 000
	ИТОГО:	20 500	20 500

Квота на хадж для индийских мусульман устанавливается центральным правительством страны по согласованию с Министерством по хаджу КСА. Распределение квоты между штатами и союзными территориями осуществляется пропорционально проживающему в них мусульманскому населению на основе данных последней переписи населения. В случае если в Комитеты по хаджу штатов подано заявлений сверх квоты, то тогда места между желающими совершить хадж распределяются путем жеребьевки. Если в комитет по хаджу какого-либо штата подано заявок меньше выделенной квоты, то свободные места отдаются в распоряжение Центрального комитета, который перераспределяет их в штаты, где число желающих совершить хадж превышает квоту. В Индии существует практика сдерживания желающих совершить хадж повторно.

Финансовая сторона вопроса. Расходы, связанные с совершением хаджа в 2010 г. для жителей Башкортостана, как и для всех российских мусульман, в зависимости от программы составляют от 2300 долларов США до 5600. Для того, чтобы совершить умру (малое паломничество) паломникам необходимо приготовить сумму от 1750 долларов до 3500. Для населения Башкирии это значительная сумма. Некоторые желающие совершить хадж из малоимущих слоев населения пользуются помощью, которую им оказывают зарубежные благотворительные фонды, в частности посольства некоторых арабских стран (в первую очередь – Саудовской Аравии).

Расходы на хадж индийских мусульман зависят от того, каким образом они отправятся в паломничество. Если через Индийский комитет по хаджу, то их отправка субсидируется государством, которое частично оплачивает авиаперелет. Если они воспользуются услугами частных туристических агентств, то должны оплатить рыночную стоимость поездки.

Таким образом, в России продолжают оставаться актуальными проблемы отсутствия официально зарегистрированного рабочего объединения, занимающегося организацией паломничества, сращивание бизнес-интересов у

большинства ДУМ. В Индии, в отличие от России, создан широкий ряд государственных институтов, регулирующих и координирующих организацию хаджа, как на национальном, так и на региональном уровне. Помимо Индийского комитета по хаджу здесь действуют Министерство по делам меньшинств, Национальная комиссия по меньшинствам и др., с созданием которых завершилась институционализация защиты прав религиозных меньшинств, в том числе мусульман.

© Мухаметзянова-Дуггал Р.М., 2010

Назмутдинова О.Р., Масалимов Р.Н.

Клиометрия в региональных исследованиях. На примере истории г. Бирска

В широком смысле, клиометрия – это способ исторического исследования, использующий моделирование исторических процессов при помощи математических методов. Клиометрия (англ. Cliometrics) представляет собой систематическое применение математических методов в исторических исследованиях¹.

В узком смысле, клиометрия, или эконометрическая история – это раздел науки, в рамках которого при помощи использования методов экономической теории и эконометрии изучаются аспекты экономической истории.

В 1993 г. впервые в истории Нобелевская премия была присуждена в области исторических исследований, как положено, в номинации экономических исследований, – американским учёным Р. Фогелю и Д. Нортю за цикл работ по истории американского рабства. Секрет такого чрезвычайного успеха прост: применение количественных методов исследования истории. В их работах используются, т.н., контрафактические модели, позволяющие выявить и определить сравнительную роль альтернативных, не развившихся в обществе, социальных явлений.

Их предшественники рассматривали экономическую историю как разновидность исторических исследований, описывающих хозяйственную жизнь прошлого. Однако на основе такого подхода почти невозможно было изучать тенденции эволюции хозяйственных систем. Поэтому в конце XX в. всё большую значимость приобретали исследования в области клиометрии. Сторонники этого направления с помощью самых современных методов исследуют траектории экономических процессов прошлого, чтобы оценить настоящее и прогнозировать будущее.

Проиллюстрируем возможности клиометрии в региональных исследованиях отечественной истории (на примере уездного города Бирска Оренбургской губернии, а позже – Уфимской губернии), в которой

¹ Масалимов Р.Н., Назмутдинова О.Г. Клиометрия в исторических исследованиях: Сб. науч. трудов. Бирск. С. 181-186.

используемые методики и модели особенно заметно отличаются от соответствующего инструментария в социологии и новейшей истории. При применении статистики в истории очевидны ограниченные возможности экстраполяции результатов выборочного анализа на другие сведения, не подвергшиеся статистической обработке. Дело в том, что все сведения, сохранившиеся на протяжении длительного периода — это естественно образовавшаяся выборка, т.е. часть сведений по отношению к большему числу соответствующих сведений, существовавших в ту отдалённую изучаемую эпоху, но утраченных к нашему времени. Но это не означает, что утраченные сведения были однородны со сведениями, сохранившимися и обработанными статистически. В прошлом общие социально-экономические тенденции прослеживались слабо. Отношения и тенденции сильно различались по общинам, вотчинам, городам, регионам, где они регламентировались местным обычаем.

В конце XVIII – первой половины XIX вв. наблюдался рост количества купеческих капиталов по г. Бирску, который сопровождался увеличением численности купеческого сословия и удельного веса купцов в числе городских жителей.

Таблица 1.

Сословный состав населения г. Бирска в конце XVIII – первой половине XIX вв.

год	Численность жителей города по сословиям ¹ (кол-во человек; ниже указан процент к общему числу жителей)							Всего жителей
	1	2	3	4	5	6	7	
1784 г.	-	-	1095 67 %	Нет данных	514 31,5 %	Нет данных	25 1,5 %	1634
1795 г.	41 2 %	83 4 %	886 43 %		938 45,5 %		110 5,5 %	2058
1800 г.*	10 0,9 %	84 3,9 %	920 43,6 %		1024 48,5 %		63 3 %	2111
1825 г.*	22 2,1 %	Нет данных					2077	
1838 г.	170 8,4 %	317 15,6 %	545 27 %	222 11 %	650 32,1 %	97 4,8 %	22 1,1 %	2023
1842 г.	180 9,2 %	387 19,7 %	Нет данных			114 5,8 %	24 1,2 %	1963**
1845 г.	197 8,6 %	409 17,8 %	1000 43,4 %	279 12 %	87 4 %	184 8 %	144 6,3 %	2300
1848 г.	154 7 %	443 20,1 %	965 44 %	312 14,7 %	90 4 %	174 8 %	59 2,2 %	2197
1852 г.	290 9,8 %	753 25,6 %	1188 40,4 %	226 7,7 %	62 2,1 %	240 8,2 %	184 6,2 %	2943
1855 г.	236 9,3 %	753 29,8 %	Нет данных				2528	
1865 г.	139 4,5 %	1028 33 %	937 30,1 %	448 14,4 %	Нет данных	292 9,4 %	268 8,6 %	3112

¹ Значение цифровых обозначений в заголовке таблицы: 1. купцы; 2. мещане; 3. крестьяне; 4. военные; 5. отставные солдаты; 6. дворяне и чиновники; 7. другие категории: священно- и церковнослужители, почтальоны, дворовые люди, крепостные крестьяне.

Таблица составлена по данным: ЦГИА РБ Ф. И-284. Оп. 1. Д. 20. Л. 128 об. 129; Западные башкиры по переписям 1795-1917 гг. / Составитель и отв. ред. Асфандияров А.З. Уфа, 2001. С. 52; Материалы по истории БАССР / Под ред. Усманова А. Н. М., 1956. Т. 5. С. 386-387; Статистическое изображение городов и посадов Российской Империи по 1825 г. Л. 3 об.; ЦГИА РБ. Ф. И-110. Оп. 1. Д. 42. Л. 25; Сахратуллин С. Ф. Бирская старина. Город Бирск. Кн. 2. Уфа, 2001. С. 130; Статистические таблицы о состоянии городов Российской Империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского, составленные в Статистическом Отделении Совета Министров Внутренних Дел. СПб., 1842. С. 24-25; ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2109. Л. 48; Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии. Т. XIV. Ч. 2. СПб., 1848: Приложение. С. 6; ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 409. Лл. 74. об.-75; Ф. И-6. Оп. 1. Д. 436. Л. 13 об.; Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губернии, собранных и разработанных в течение 1866 и 1867 гг. Уфа, 1868. С. 51.

* За 1800 г., за 1825 г. в источнике приводится количество душ только м.п., поэтому при подсчёте процентного отношения количества купцов к общей численности жителей Бирска указанные данные были увеличены в 2 раза, т. к. число купцов м.п. и ж.п. были приняты за равные величины. В силу этого конечный результат приблизителен, но, на наш взгляд, погрешность в данном случае невелика, т.к. для первой половины XIX в. для городских жителей характерно практически равное число представителей мужского и женского пола: в 1865 г., например, в Бирске на 100 мужчин приходилось 103,7 женщин.

** Небольшая численность жителей Бирска в 1842 г. объясняется отсутствием данных по одним из наиболее многочисленных социальных групп – крестьянам и военным.

Согласно данным таблицы за период 1795-1865 гг. удельный вес купечества среди горожан увеличился более чем в 2 раза (с 2% до 4,5%), при этом численность купцов возросла в 3,4 раза; такие же темпы роста показателей характерны для категории дворян и чиновников. Максимальный «рывок» в изменении численности наблюдается у мещан: с 1795 г. по 1865 г. удельный вес этой категории в среде горожан вырос в 8,25 раза, а численность в 12,4 раза. При видимом сокращении удельного веса крестьян и отставных солдат, а также купцов можно предположить, что высокие темпы роста численности мещан обеспечивались именно за счёт этих категорий. Если сравнить изменение показателей в период 1800-1848 гг. в группах «крестьяне», «отставные солдаты», «мещане», «купцы», то можно отметить следующее: в 1800-1838 гг. наблюдается резкий рост численности купцов и мещан при одновременном значительном сокращении числа отставных солдат и крестьян, в 1838-1848 гг. увеличение численности крестьян и мещан при сокращении числа отставных солдат и купцов. Изменение численности различных категорий горожан в первый период вполне может объясняться приращением естественным путём, но с уверенностью можно утверждать, что за десятилетие с 1838 г. по 1848 г. численность крестьян пополнялась за счёт отставных солдат¹. В изменении численности купцов и мещан правомерно рассматривать как естественный, так и искусственный способы прироста населения: рост численности мещан в этот период мог происходить естественным способом, так как ежегодный прирост

¹ Населённые пункты Башкортостана. Ч. I: Уфимская губерния, 1877. Уфа, 2002. С. 86-87.

составлял 12,6 чел. в год, но нельзя исключать и возможного пополнения категории мещан за счёт купцов и отставных солдат.

Сословный состав населения Бирска свидетельствует о том, что процесс отделения города от деревни шёл достаточно медленно: доля городских сословий (купцы, мещане, разночинцы) в конце XVIII – первой четверти XIX вв. не была существенной. Подавляющее число жителей Бирска являлись представителями военного и крестьянского сословий (в среднем 43,2 % крестьян и 29,8 % военных за период 1795-1838 гг.).

Эконометрические исследования позволяют установить, что хозяйственные условия развития региона являлись одним из важнейших факторов, оказывавших непосредственное влияние на процесс накопления купеческих капиталов. Одним из важных источников по истории социально-экономического развития региона являются отчеты губернаторов об управлении краем. Основываясь на материалах этого вида источников, можно выделить специфические особенности развития региона.

Губернаторы, управлявшие Оренбургской провинцией в период 1770-х – 1850-х гг., отмечают «знатнейшую выгодность положения губернии», изобилие «богатств природы, с избытком обеспечивающие средства к жизни», но также указывают и на те недостатки, по причине которых «самые преизряднейшие провинции...ни государству, ни человечеству надлежащей пользы еще не приносят»¹. Одна из главных причин, определявшая медленное экономическое развитие края – слабая заселённость губернии. Так, губернатор И.А. Рейнсдорп в 1770 г. в отчёте писал: «первый и главнейший недостаток губернии состоит в том, что губерния сия подобна великому полю...и все к содержанию и обогащению людей преизобильно находится, но по причине недостатка в жителях надлежит почесть её ныне по всей Российской империи за беднейшую»². И хотя в период 1800-1850 гг. отмечалась массовая колонизация региона, темпы которой почти в 2 раза превышали среднероссийские показатели, всё же, в середине 20-х гг. XIX в. Оренбургская губерния по плотности населения оставалась 41-й из 50 российской губерний³, а в конце 40-х гг. по этому же показателю занимала 43-е место из 49⁴. В отчёте губернатора за 1856 г. указывается, что «дело русской колонизации, наиболее полезное для развития края в будущем», встречает «значительные затруднение в неопределенности прав на землю» и хотя постоянно пребывают новые поселенцы...но в весьма незначительном количестве, в виду чего число народа, обитающего в губернии далеко еще не соответствует тому, какое может поселиться здесь»⁵. Наглядно изменение плотности населения в течение первой

¹ Доклад Оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа императрице Екатерине II о недостатках Оренбургской губернии в способах управления ею // Материалы по истории БАССР. Т. IV. Ч. 2, М., 1956. С. 473; ГАОО Ф. 6. Оп. 8. Д. 13. Л. 31; Оп. 6. Д. 13483. Л. 44.

² Доклад Оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа императрице Екатерине II о недостатках Оренбургской губернии в способах управления ею // Материалы по истории БАССР. Т. IV. Ч. 2, М., 1956. С. 473

³ Статистические изображения городов и посадов Российской империи по 1825 г. СПб, 1829 (Приложение. Таблица II).

⁴ Банникова Е.В. Купечество Южного Урала в первой половине XIX в. СПб, 2004. С. 24.

⁵ ГАОО Ф. 6. Оп. 6. Д. 13486/3. Л. 44.

половины XIX в. по Бирскому уезду и по губернии в целом можно рассмотреть на основе данных таблицы 2.

Если учитывать, что «нормальная» плотность населения определялась 2,5 – 3 тыс. чел. на 1 квадратную милю, то наглядно видно, насколько малолюдной была губерния, в которой за 21 год плотность населения увеличилась с 256,8 до 308 чел. на кв. милю, т.е. на 19,9 %. В 1838 г. этот показатель в 9,7 раза был меньше нижней границы «нормы», в 1859 г. меньше в 8,1 раза. Правда, если при его вычислении учитывать лишь площадь, пригодную для поселения, исключив территории, занятые лесом, степью, неудобными для хозяйства почвами, то плотность населения по губернии составит 1420 чел./кв. миля в 1838 г. и 1704 чел./кв. миля в 1859 г., что также практически в 1,5 раза ниже нормы¹. Отдельно по уездам показатель плотности населения с учётом этого фактора изменяется несущественно. Например, в 1849 г. Мензелинском, Бугурусланском, Бугульминском, Бузулукском, Бирском и Уфимском он составляет 884, 692, 691,5, 569, 529 и 507,5 чел./кв. милю соответственно.

Таким образом, в исследовании локальных процессов в историческом прошлом можно широко применять статистические и количественные методы, т.е. клиометрию, что позволяет показать наиболее объективную картину прошлого в регионе или городе за конкретный период истории.

Таблица 2.

Изменение плотности населения по уездам Оренбургской губернии. 1838-1865 гг.

Название территории	Плотность населения (количество человек на 1 квадратную милю)								
	1782 г.	1790-1800 гг.	1838 г.	1844 г.	1845 г.	1849 г.	1852 г.	1859 г.	1865 г.
Белебеевский уезд	122	371				369,8			623,6
Бирский уезд	192,5	184,8		410,0		498,2		652,6	668,4
Бугульминский уезд		231			436,2	611,7			
Бугурусланский уезд		311,9				586,3		634,3	
Бузулукский уезд		363,6				485,9		544,5	
Верхнеуральский уезд		77,2			136,7	138,4			
Мензелинский уезд	301,3	-			424,3	728,6			1121,3
Оренбургский уезд		68,7				169,2			
Стерлитамакский уезд	128,3	276							491,1
Троицкий уезд		30,0				131,2			
Уфимский уезд	125,1	393				466,7		491,8	475,7
Челябинский уезд		103,4			209,2	242,0			
Оренбургская губерния		-	256,8	289,7			301	308	

¹ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 262 и др.

Таблица составлена по данным: Материалы по истории БАССР. М., 1960. Т. 5. С. 456-462, 462-477, 381-382, 385; Отчет Оренбургского гражданского губернатора за 1849-1851 гг. // ЦГИА РБ Ф. И-6. Оп. 2. Д. 63. Л. 211; Статистические сведения по представлению городских и земских полиций за 1844 г. // ЦГИА РБ Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2109. Л. 48; Статистические сведения о состоянии уездов Оренбургской губернии (1845 г.) // ЦГИА РБ Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2108. ЛЛ. 2-3, 5 об., 8 об.-9, 15, 18 об., 51 об., 56 об., 64 об. Штукенберг И.Ф. Статистические труды И.Ф. Штукенберга, издаваемые сыном автора, Антоном Штукенбергом. Статья 2. Описание Оренбургской губернии с Уральско-Оренбургской линией. СПб, 1857. С. 8, 9, 10; Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 117, 262, 264; Населённые пункты Башкортостана. Ч. I. Уфимская губерния, 1877. Уфа, 2002. С. 81-82..

© Назмутдинова О. Р., 2010 г.

© Масалимов Р. Н., 2010 г.

Насибуллина Э. М.

**Образование и просвещение молодёжи в нашем крае
в период капиталистической модернизации
(до 1917 г.)**

Великие реформы 1860-х-1870-х гг. в России привели к уничтожению особого униженного статуса «инородцев». Отмена лашманской повинности и статуса государственных крестьян в Поволжье, кантонной системы в Башкирии, ликвидация особого статуса государственных крестьян в Поволжье и на Урале, кантонной системы в Башкирии, ликвидация особого статуса мусульманских городских общин обозначали переход нерусских народов в сферу действия общероссийского законодательства. Так, в Казани и Каргале (Оренбургская губерния) были ликвидированы татарские ратуши. Каргала (иначе Сеитовский посад) потерял свою роль экономического центра. Со строительством железных дорог, соединяющих европейскую Россию с Сибирью и Средней Азией, Уфа и Оренбург превратились в самостоятельные центры, где к концу 1880-х гг. появились медресе полного цикла. Города и крупные посёлки Южного Урала – Оренбург, Уфа, Стерлитамак, Троицк и др. превращаются в центры национальной культуры и образования.

На 1 января 1895 г. в Уфимской губернии было открыто 388 русских школ, 133 русско-башкирских и русско-татарских, 62 - других национальностей, 5 русских классов при медресе – Стерлитамакском, Балыклинском, Бузовьязовском, Стерлибашевском, Сарайлинском. В них обучалось 26341 русский, 1145 башкир и татар и 1240 представителей других национальностей. В Оренбургской губернии на тот же период появилось 851 русская школа, 21 русско-башкирская, 4 школы других национальностей, 2 русских класса при медресе. Из общего числа учеников русских было 46494 человека, башкир и татар - 1460, других национальностей - 158.

Русские народные школы были одно- и двухлетние. Русско-башкирские и русско-татарские - двух- и четырёхлетние. За учебно-воспитательной работой народных школ наблюдали уездные и губернские училищные советы, а за благонадёжностью учителей учрежденная в 1876 г. дирекция народных училищ. Надзор за национальными школами осуществляли Уфимский и Оренбургский губернаторы и специально образованная в 1874 г. окружная инспекция.

Средняя общеобразовательная школа была представлена двумя гимназиями – женской и мужской в Оренбурге и Уфе, мужской гимназии в Троицке, Оренбургским реальным училищем, а так же Бирской, Мензелинской, Оренбургской и Челябинской женскими прогимназиями. Обучение в них было платным и его стоимость во второй половине XIX в. немного повысилось. В гимназиях плата за обучение колебалась от 20 рублей в 60-х гг. XIX в. до 80 руб. в 1897 г., в прогимназиях – с 5 руб. в 70-х гг. до 20 р. в 80-х гг. XIX в. Вполне естественно, что это затрудняло доступ в средние учебные заведения выходцам из мало обеспеченных слоев. Так, в 1895 г. в Уфимской женской гимназии дети дворян и чиновников составляли 61,3%, городских сословий - 31%, крестьян - 3,4%, прочих сословий - 4,3%. В Оренбургской женской гимназии в том же году дети дворян и чиновников составляли 52,6%, городских сословий - 22,8%, казаков - 18,5%, крестьян - 1,3%, прочих сословий - 4,8%. Социальный состав мужских гимназий в 1895 г. немногим отличался от женских. В Оренбургской гимназии дети дворян и чиновников составляли 56,7%, городских сословий - 17,4%, казаков - 5,3%, крестьян - 3%, прочих сословий - 17,6%; в Уфимской гимназии дети дворян и чиновников составляли 65%, городских сословий - 22,1%, крестьян - 4%, прочих сословий - 8,9%, в Троицкой гимназии дети дворян и чиновников составляли 56,8%, городских сословий - 11,8%, крестьян - 9,9%, казаков - 9,2%, прочих сословий - 12%.

Следует отметить, что в среднем образовании края не наблюдался провозглашённый Уставом 1846 г. принцип национального равенства среди учащихся. В период с 1875 по 1899 год среди учащихся Оренбургской гимназии русские составляли 79,9%, башкиры, татары и казаки - 8,5%, другие национальности - 11,6%. В Уфимской гимназии за тот же период русских было 86,4%, башкир и татар - 4,8%, других национальностей - 8,8%. В Троицкой гимназии русских обучалось 87,5%, башкир, казаков и татар - 3,9%, других национальностей - 9,6%.

Помимо общеобразовательных средних школ в Оренбурге находились средние военные учебные заведения: два кадетских корпуса и казачье юнкерское училище. В кадетских корпусах в 1895 г. дети дворян и чиновников составляли 75,5%, казаков - 21,7%, прочих сословий - 2,8%. Из 625 учащихся кадетских корпусов русских было 603, башкир, татар и казаков - 21, армянин - 1. В юнкерском училище в 1895 г. обучались в основном русские, и при этом представители состоятельных привилегированных сословий: дворян, чиновников и казачества.

Имеющихся учебных заведений было явно недостаточно для того, чтобы удовлетворить запросы населения, проживающего на обширной территории Башкортостана, в грамотности. Отрицательную роль так же сыграло проводимая правительством русификаторская политика, когда занятия во всех школах велись не на родном, а исключительно на русском языке. Учреждая национальные и смешанные учебные заведения, правительство в большинстве случаев заботилось не столько о распространении грамотности среди населения не русских народов, сколько об их обращении в христианскую веру. Об этом достаточно откровенно заявил министр народного просвещения Д.А. Толстой, посетивший Уфимскую губернию с инспекторской проверкой в 1876 г. «...Постепенное просвещение инородцев, их сближение с русским духом и с Россией составляет задачу величайшей политической важности в будущем и на этот путь следует направить деятельность как православного духовенства, так заботы училищного начальства ведомства Министерства народного просвещения».

Серьёзный поворот к светскому образованию наметился в конце XIX в. и был связан с джадидистским, реформаторским, движением среди башкир и татар, зарождению и развитию которого способствовало рост национального торгово-промышленного капитала, требовавшего использования европейской техники и сближения с европейской наукой и культурой. Джадидисты выступали за реформу ислама, приспособление его богатого духовного и интеллектуального потенциала к требованиям времени и реформу традиционалистской, кадимистской школы, включение в её программы светских предметов и изменение методов преподавания.

Джадидисты нашего края разделились на два лагеря: «националисты» («миллетчиляр») и «тюркисты» («тюркчиляр»). Первые выступали за введение в школах родных (национальных) языков. Так, часть джадидистов стремилась ввести в школы башкирский язык, татарский язык, казахский язык и т.д. и была последовательницей идей видных просветителей Каюма Насыри и Мухаметсалима Уметбаева, ратовавших за родные языки (татарский и башкирский). «Тюркисты» были последователями Исмаила Гаспринского (Гаспралы) и выступали за единый тюркский язык для всех тюркских народов (пантюркизм). Эти разногласия просуществовали практически до Февральской революции 1917 г., хотя некоторые исследователи считают, что они «разрешились в пользу джадидизма с татарским уклоном».

В целом джадидизм был связан с общим демократическим движением и подъёмом самосознания мусульманских народов, находящихся в России в неравноправном положении. Он явил собой повышение светского образования, развитие общественной мысли и национального самосознания. В крае формировались все признаки подъёма и развития народов: формирование национального литературного языка, образованных кругов буржуазии. Так, джадидизм как общественное движение и движение за реформу образования был важным этапом в развитии самосознания народов и прогресса.

Сильный толчок в развитии образования наблюдался после царского манифеста 17 октября 1905 г. Как уже было сказано, система образования была реформирована по новому методу. Благодаря усилиям джадидистов уровень грамотности башкир и татар значительно повысился. Движение джадидизма не было чисто религиозным или светским, хотя имело различные течения. Оно было синтетическим, захватывающим не только систему образования, но и общественно-философской мысли, этических норм. Движение джадидизма относительно органично утверждало связь ислама с просвещением и наукой, а в политической сфере пыталось «помирить» ислам с демократическими и даже социалистическими идеями.

К началу XX в. в целом можно говорить о достижении основных целей просветительского этапа джадидизма. В ходе него были созданы новометодные мектебы и медресе, обеспеченные учебной литературой, издаваемой в ряде новых мусульманских типографий. Мусульманская элита начала в массовом порядке получать знание русского языка и русскоязычное образование. В крупнейших городских центрах возникли благотворительные общества как культурно-просветительные центры общин. Таким образом, сформировались институты общенационального образования, и вопрос стоял уже об их расширении и повышении уровня просвещения.

© Насибуллина Э. М., 2010 г.

Петров Н. А., Ефимов Д. И.

Общины и обычно-правовые традиции в дохристианских верованиях чувашского народа.

Религиозные верования с древнейших времен являются важным компонентом в жизни народа и его сознания. Религия – это отражение взглядов того или иного народа, определение ими своей роли в этой жизни; несомненно и то, что религия и право взаимосвязаны, ведь все нормы обычного права совпадают с нормами морали, от случайного поступка людей сдерживает страх перед богом, осуждением общества. Слово «грех» приравнивалось к нарушению норм общественного поведения, за которое могло последовать общественное порицание и осуждение. Люди были убеждены, что наказание Божие не минуемо. Таким образом, нужно отметить, что религия выступала в качестве гаранта нормы общественного поведения.

Зачастую религия могла перерасти в религиозное право, нормы которого восходили к божественным предписаниям и распространялись, как правило, лишь на носителей того или иного вероисповедания, не включая иноверцев. В среде чувашского народа религиозное право так же играло важную роль в регулировании общественных отношений. Опираясь на это,

автор счел необходимым более детально изучить данное направление обычного права.

Современная историческая наука переживает переломный момент. На стыках исторических эпох появляется необходимость переосмысления не только настоящего, но и прошлого. В этой связи рассмотрение общины и обычно-правовых традиций в дохристианских верованиях чувашского народа, представляется актуальным. К тому же чувашская языческая религия, сохранившаяся в той или иной степени, чаще на уровне индивидуальной обрядности в среде самого народа, не может оставаться без должного внимания.

Цель изучения данной темы была ссужена до обычно-правовых традиций в дохристианских религиозных верованиях чувашского народа на примере культа киреметь.

В работе рассматриваются обычно-правовые аспекты чувашского язычества, религиозного влияния на этноправовое поведение чувашского народа, степень влияния культа киреметь на структуры общины и общественного строя, анализируются реализации традиционных норм посредством молений киреметь, клятвенные заверения, заговоры, жеребьевки, и иные обычаи и обряды.

Авторами, на базе материалов Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН), опубликованных работ Н.В. Никольского, И.Я. Яковлева, Н.И. Ашмарина, опираясь на исследования Н.П. Денисова, А.К. Салмина, Ю.Н. Сушковой, приводятся конкретные примеры из обычно-правовой практики чувашей, подтверждающие значимость религиозных воззрений в регулировании общественных отношений.

Оценивая степень религиозного влияния культа киреметь на обычное право чуваш, нужно привести слова К. Фукс, «чуваша изобрели себе особенную религию, которая для сих детей природы есть самая натуральная, и, без сомнения, древнейшая»¹, так же примечательно высказывание Я. Марра: «О силе, устойчивости и высоте древнейшего культурного уровня чувашского национального самоопределения можно судить уже по одному факту длительного сохранения чувашами родной языческой религии и ее хозяйственно-общественного бытования»².

Из высказываний К. Фукс и Я. Марра можно сделать следующий вывод: чуваша, являясь глубоко верующими, старались придерживаться всех канонів религиозно-правового поведения, не выполнением которого, по их мнению, наказывалось Тора (Тура) или же киреметь. Тем самым религия выступает в роли и судьбы и закона.

Рассматривая роль киреметь в жизни чувашского народа нужно отметить, что оно было неоднозначно во многих вопросах. К примеру, этим же именем с прибавлением местных качественных эпитетов, называется и все неисчисляемое злобное потомство киреметь, обитающее в деревьях и оврагах;

¹ Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб, 2007. С.21.

² Там же. С.21.

также название в переносном значении духа употребляется в обращении к добрым духам – ыра киреметсем – добрые киремети. Наконец этим же самым словом называется и сами места поклонения и жертвоприношения» киреметь¹.

По определению А. Альквиста, В.А. Сбоева и Н.И. Золотницкого, киреметь есть высшее существо в царстве злых божеств и составляет оппозицию божеству Тура. По мнению К.С. Мильковича, Х. Паасонна, Т.С. Пассек и Б.А. Латынина, данное божество злое, коварное и гневное, как объяснял В.А. Сбоев, киреметь по происхождению был добрым, но сделался злым из-за стечения различных обстоятельств. В марийской мифологии он – божество зла, брат и противник демиурга Кугу-юма. Видимо, близок к истине М. Васильев: марийцы с принятием христианства испытали сильное влияние русских и на многие свои верования, в том числе и на киреметей, стали смотреть глазами русских, т.е. как на злых божеств. Аналогично обстоит дело у удмуртов. Здесь он выступает как источник зла и противостоит своему добродетельному брату Инмару. И чувашаи, и марийцы, и удмурты молятся киреметь, приносят ему жертвы, стараются ублажить. Если Тура просят, то киреметь следует угодать. В этом главное отличие в ритуальном обращении к главным божествам.

В принципе, киреметь амбивалентен, т.е. добрый и злой одновременно. Соответственно, он в одном лице бывает и свирепым, и смирным². Тем самым киреметь может и защищать, и наказывать. Все зависело от поведения самого человека, которое должно было соответствовать нормам общественного поведения.

Одним из наиболее тяжких преступлений в среде чувашского народа считалось воровство у самой киреметь или же нанесение ему, какого-то ни было урона.

Воровство собственности киреметь, по мнению народа, строго осуждалось и наказывалось болезнями, различными несчастьями. В таких случаях воры натыкались на «гнев злого духа», которого уже ничем нельзя было умиловить³. Ответственным за сохранность имущества киремети назначался один из жителей деревни «киремет-кетÿсё» (пастух, «сберегатель керемети»). Кроме наблюдениями за сохранностью, он следил и за тем, чтобы жители не рубили деревья, не косили траву и не ловили рыбу. Как бы не нуждался чуваш в деньгах, он скорее решался умереть с голоду, чем воспользоваться жертвой киремети. Если крестьянам в поле попадались гусь, утка, либо курица, они не только не забирали этих домашних птиц себе, но и обходили данное место за две версты. Чувашаи, кроме страха перед

¹ *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. С.1.

² *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб, 2007. С.405-406.

³ Некоторые обряды и обыкновения Чебоксарского уезда. II. Кереметь // НА ЧГИГН Отд. II. Ед. хр. 124. Инв. № 273. Л. 241-242

киремель, сдерживались от кражи его собственности из «опасения быть за то побитыми узнавшими об этом однодеревенцами».¹

В своих воспоминаниях великий просветитель чувашского этноса И. Я. Яковлев писал, что возле старых деревьев в д. Кошки Буинского уезда за много лет скопилась целая груда серебряных и медных монет, принесенных в жертву злым и добрым духам, которых никто не смел трогать.

Нужно отметить, что страх наказания, заставлял чувашей не только обходить место расположения киреметь, но охранять «всем миром» киремтище от посягательства на него других людей. Считалось, что потревоженная киреметь будет непременно мстить, тем самым чувашаи всячески старались не навлечь на себя гнев киреметь.

К примеру, в 1910 г. крестьянин д. Вотлан Ядринского уезда Порфирий Ятманов арендовал около д. Тенеево землю, на которой в прошлом совершались жертвоприношения киреметь. Земля эта принадлежала крестьянам д. Куганары Ядринского уезда. Весной при попытке распахать арендованную землю жители д. Озерное Тенеево, боясь мести киреметь, вышли с дубинками и не допустили Ятманова. Между тем, арендатор рассчитывал на получение от этой земли зерновых культур в 10 десятин, а также на находку старинных монет, оставленных в жертву киреметь². Так же крестьяне не рубили старые деревья, потому что в прежние времена возле них совершали жертвоприношения³. Считалось, что если кто-либо срубил жертвенное дерево, то умирал срубивший или его родственник⁴.

Как уже упоминалось ранее, одной из основных функций киреметь, является наказание за нарушение принятых в общине правил поведения. К примеру, хотелось бы отметить, что в 1884 г. в чувашской деревне Синьялы Норусовского прихода Ядринского уезда случилось 8 пожаров один за другим, пострадала почти вся деревня. Распространился слух, что накануне каждого пожара сзади сгоревших зданий появлялась какая-то женщина, которая определенно что-то высматривала. Эту женщину видели многие жители деревни. Появлялась она перед закатом солнца, потом куда-то исчезала. Чтобы выяснить все обстоятельства дела, крестьяне пригласили трех авторитетных йомзей. Те потребовали чашку с водой, посмотрели в нее и объявили: «Под корнем вяза, росшего близ деревни, несколько лет тому назад была скрыта одной матерью незаконнорожденная ею девочка. Эта девочка достигла брачного совершеннолетия, она-то по вечерам и ходит позади строений жителей, высматривая себе жениха. Навещать деревню она будет до тех пор, пока в деревне не останется целых только 8 домов; в

¹ Яковлев И.Я. Воспоминания. Чебоксары, 1983. С. 31.

² НА ЧТИГН Отд. I. Ед. хр. 287. С. 371-372.

³ Там же. Ед. хр. 285. Л. 476

⁴ Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. С. 47-48.

одном из них она и найдет себе жениха.»¹. Чувашский священник с. Малые Яуши М.Д. Дмитриев сообщил В.К. Магницкому, что в крестьянской среде действительно шли названные слухи, но также добавил, что вяз срубил общество, чтобы сварить мирское пиво для моления киремети, в том же году и начались пожары. По его словам следует, что виновником пожаров был «дух-киремель», мстивший жителям деревни за вырубку вяза, его места обитания. Согласно официальной версии случившегося, поджогами мстили новожила деревни, которых хотели изгнать старожила. Конфликт дошел до судебного разбирательства. Решение суда было принято не в пользу новых жильцов, которые были вынуждены навсегда покинуть деревню. По словам Т.С. Семенова, марийцы Уржумского уезда перед пожарами также видели «таинственных огненных женщин»².

В среде чувашского народа так же налагался запрет на сквернословие и ругательство, за что киремель так же наказывал. Если чуваша ссорились во время жертвоприношения, то, согласно их традиционным верованиям, должен был умереть человек³. Если чуваша ругались на киремети, то Богу, по словам крестьянина д. Юськасы Цивильского уезда Василия Разумова, нужно было принести в жертву барана, а киремети гуся⁴. Крестьяне отмечали возможные заболевания в зависимости от обстоятельств ссоры. Так, виновниками желтухи могли быть ссорившиеся у воды, особые болезни приписывали ссорам между солдатами, людьми разных вероисповеданий и т. д. Иногда достаточно было пройти мимо ссорящихся или одного взгляда участника ссоры, чтобы заболеть «аншартом»⁵. Особенно опасной была эта болезнь для беременных женщин и детей, находившихся в материнской утробе⁶.

Наказывая же виновных, киремель выступает в качестве защитника. К нему возводилась следующая молитва: «Ах, киремель, такой-то человек отнял у меня чуть ли не половину земли пропахал. Ой, киремель! Заступись, накажи его, я тебе когда-нибудь совершу чўк». Обиженный человек надеялся, что его враг все равно будет наказан. Киремель и Тура одинаково воспринимались чувашами заступниками незаслуженно обиженных⁷.

Так же в качестве одного из защитников незаслуженно обиженных выступает Хаяр киремель, который поражает всех, кто находится поблизости этой киремети, в том числе и обидчика. При этом у пораженного этой киреметью поднимается жар, он находится в состоянии между жизнью и смертью. А для того, чтобы избавиться от болезни вызванной киреметью,

¹ Магницкий В.К. Из быта чуваш Казанской губернии: (Ирихи. Киремети. Браки) // Этногр. обозрение. Кн. 18. № 3. М., 1893. С. 135-136.

² Магницкий В.К. Из быта чуваш Казанской губернии... С. 136; НА ЧГИГН Отд. I. Ед. хр. 517. Л. 234-235.

³ НА ЧГИГН Отд. I. Ед. хр. 207. Л. 42.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 204. С. 138.

⁵ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. IV. С. 53.

⁶ Денисова Н.П. Человек в традиционных религиозно-мифологических представлениях... С. 54.

⁷ Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб, 2007. С.372

необходимо принести в жертву либо черную лошадь, либо черного быка, либо черную овцу¹.

Еще одной из функций киреметь, направленной на правовое регулирования общественной жизни является оформление клятвенных заверений и испытаний. Для примера можно привести слова П.С. Палласа: «Есть ли кто должен клястися, того приводят в Керемет и там принужден, по многократном заклинании, есть обыкновенное у Татар и Чуваш кушание, состоящее в голушках с коровьим маслом в воде вареных, что у них салма называется. Но для испытания ложной клятвы поят ответчика соленую водою; и естли он при том будет кашлять, то признавают его виноватым»².

В случае кражи, например, если подозрение падало на кого-нибудь из соседей, в Чебоксарском уезде бытовал обычай печь хлеб из кислого ржаного теста, замешанного на воде «от семи киреметь». Созвав соседей, а иногда весь околоток деревни, каждого заставляли съесть кусок такого хлеба. По верованиям чувашей, «вор съесть этот хлеб не решится, а если съест, то его заломает так, что он от смерти ничем не отделается»³.

В.А. Сбоев: «Если чувашенина подозревали в каком-либо проступке, в каком он, однако, же не осознавался, то его заставляли перешагнуть через сухую, зажженную с обоих концов лутошку (согласно словарю В.И. Даля, «лутошка» (лутоха) – очищенная от коры липовая палка⁴), которая нарочно для этой цели киреметь-пахаканом (смотрителем киреметь) должна быть вырублена с киремети. Переступая через лутошку, он должен сказать: «да буду я также сух, как эта палка, если говорю неправду», и потом, припав к земле, выпить поставленный подле лутошки стакан вина или соленой воды, поцеловать землю и съесть с конца ножа круто посоленный кусок хлеба»⁵. Названная церемония совершалась на мирском сходе, вне села или же у киреметь, но всегда в присутствии многих свидетелей.

В исследовании В.К. Магницкого данному ритуалу посвящена специальная глава «Присяга» (Причак). К присяге чувашей приводили по желанию потерпевшего или по предложению мирской сходки (халӑх), как правило, с целью обнаружения виновников кражи. Ссылаясь на слова сельского учителя Андрея Егорова, Магницкий отмечал, что для проведения обряда в д. Маслово Чебоксарского уезда сельский староста созывал всех мужчин и женщин от 7 до 70 лет в поле, где находилась киреметь. Потерпевший выносил стол с караваем хлеба, с солью и ножом. Перед ним на землю он клал липовую лутошку, а в горбушку хлеба втыкал

¹ Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856. С.113.

² Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям... С. 145.

³ Смелов В.Я. Нечто у чувашских языческих верованиях и обычаях // Известия по Казанской епархии. № 20. Казань 1880. С. 539.

⁴ Даль В.И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. С. 134.

⁵ Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856. С. 73.

конец ножа и, обмакнув в солонку, часть откусывал, говоря: «Ком ман ябалазане вурланы, она киреметь кордыр, косьне соккыр тудыр, алла-сыр, оразыр тудыр, сиймазыр, сызаймазыр вильдэр!» («Кто украл мои вещи, тому киреметь пусть отомстит, да сделает его слепым, безруким, безногим, пусть тот умрет от невозможности есть и испражняться!»). После этого пострадавший умывался водой из ведра со словами: «Сяк шыва сырь съотны бек, вурра сыр съоттыр!» («Как поглотила эту воду земля, так да пожрет земля вора!»). Наконец, перешагнув через лутошку, говорил: «Сяк патак пек хордыр!» («Пусть высохнет (вор) подобно сухой лутошке»). Вслед за обокраденным тоже самое повторяли и остальные. Если же кто-нибудь наступал на эту лутошку во время перешагивания, то его признавали вором, заставляли налить миру вино. Вместе с тем, такие промахи из-за болезненности глаз у большинства чувашей, по словам А. Егорова, были нередки¹.

В целом, испытания, связанные с употреблением специально приготовленной пищи, с целью выявления виновного проходили довольно часто. Они были направлены на то, чтобы виновный мучился от боли, либо же умер. Но, как правило, дело не доходило до употребления этих «даров киремети». Религиозные чуваша в страхе перед карой киремети, признавали сами. Можно полагать, что если даже и были случаи со смертельным исходами в процессе испытаний, то они были вызваны ничем иным, как психологическим отношением испытуемого.

Подводя итоги нужно отметить, что культ киремети играл существенное значение в жизни чуваш-язычников. Киреметь, внушая страх, приобрел и некоторые сакральные функции, которые утверждали его на второе по значимости место после Туря. Внушая страх, он регулировал процесс выполнения норм обычного права, карая за непослушание и недостойное поведение, защищая обиженных и наказывая виновных.

Вера людей была основана на справедливости киреметь, а решение киреметь они уже пытались узнать по-своему, проводя обвиняемого через испытания, которые непременно были связаны с употреблением специально приготовленной пищи.

Несмотря на то, что как такого поклонения киреметь в современности не наблюдается, и почитания сохраняется только в виде индивидуальной обрядности. Но даже поныне, место расположения одинокого дерева киреметь, либо оврагов, где, по преданию, раньше проводились моления киреметь многие стараются и до сих пор обходить стороной, «от греха подальше».

© Петров Н. А., 2010 г.

© Ефимов Д. И., 2010 г.

¹ *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. С.120-121.

Система выплаты стипендий земским и городским служащим Уфимской губернии

Практические задачи государственного и общественного развития современной России обусловили значительный интерес к истории отечественного института местного самоуправления. Вместе с тем, широта обозначенной темы до сих пор не позволила исследователям остановиться на целом ряде проблем. К числу малоизученных аспектов, без сомнения, следует отнести такое направление работы органов местной власти, как назначение стипендий земским и городским служащим.

Уфимское губернское земство в процессе своей деятельности выработало четыре формы предоставления материальной помощи на получение образования. Заметной строкой земского бюджета были *безличные безвозвратные стипендии*, выплачивавшиеся на постоянной основе. Списки претендентов составлялись училищными советами средних и профессиональных учебных заведений с учетом успеваемости, поведения и материального положения учащихся. Окончательное решение по каждой кандидатуре принималось земскими гласными. Самое большое количество стипендий (24) традиционно выделялось для кузницы педагогических кадров – Благовещенской учительской семинарии. На определенную помощь могли рассчитывать 10-12 лучших гимназистов и гимназисток губернского центра. Общая сумма ассигнований по данной статье в отдельные годы достигала 13-15 тысяч рублей.

Ко второму виду относились *личные безвозвратные стипендии*, направлявшиеся, как правило, на поддержку учащихся гимназий и реальных училищ. Основанием для перечисления денежных средств в этом случае являлось ходатайство заинтересованного лица, одобренное управой, а затем земским собранием. Вместо стипендии Уфимское земство могло назначить единовременное *безвозвратное пособие*, нацеленное на поддержку семьи в трудной жизненной ситуации, но не предполагавшее возмещения всех затрат просителя на образование. Относительно небольшую долю расходов поглощали *личные возвратные стипендии*, выдававшиеся на условиях отработки или возврата всей выданной суммы после окончания учебы.

Первая попытка обобщения земской практики выдачи материальной помощи была предпринята в рамках сводного сборника постановлений Уфимского губернского собрания, составленного по материалам 35 очередных и 42 чрезвычайных сессий. Из 507 жителей губернии, внесенных в «алфавитный указатель лиц, ходатайствовавших о назначении стипендий и пособий за 1875-1909 годы», «какое-либо отношение к земству» имели 197 человек. Чуть менее половины (94) из них ждали помощи на продолжение или завершение образования. В числе предполагаемых стипендиатов находились

как сами служащие, так и их иждивенцы (дети, младшие братья и сестры, воспитанники).

Следует отметить значительную неравномерность распределения ходатайств по времени. За первые 25 лет деятельности Уфимского земства (с 1875 по 1899 годы) попросить пособие на образование осмелились только 12 служащих. С 1900 по 1904 год в губернскую управу поступило уже около 30 обращений, половина из которых была удовлетворена. Характерно, что в тот период представители третьего элемента предпочитали поднимать вопрос о повышении собственного образовательного уровня. Ходатайства о пособиях на обучение детей оказались в большинстве в 1905-1908 годах – одновременно с резким увеличением общего числа прошений. Удельный вес удовлетворенных ходатайств при этом понизился до 40%, однако совокупные затраты земства по данной статье расходов заметно увеличились.

Размер выдаваемых стипендий (пособий) колебался от 30 до 400 рублей в год. Поддержка гимназиста или гимназистки обходилась земству в 75-120 рублей, стипендия в высшем учебном заведении, как правило, составляла 200-360 рублей. Для нескольких семей помощь органов местного самоуправления стала определяющей. Ольге Вихровой, дочери умершего в 1904 году управляющего Белебеевской сельскохозяйственной школой, земская стипендия дала возможность окончить Уфимскую гимназию, а затем поступить в фельдшерско-акушерскую школу. М.Н. Зайцева и Ф.П. Маричев пользовались пособием на образование детей с 1904 по 1909 годы. Члены семей двоих служащих (К. Худяков и А. Шамраевский) получали земскую стипендию в течение всего срока обучения в мужской гимназии¹. Помимо адресной помощи дети служащих могли рассчитывать на получение безличной стипендии. Так, в 1908 году на средства Уфимского земства при Казанском университете была учреждена стипендия имени доктора Я. Каплана, трагически погибшего от руки душевнобольного пациента. Стипендия предназначалась для детей врачей-психиатров, служивших в Уфимской губернии².

Постоянное увеличение стипендиального фонда, происходившее в начале XX века, не осталось незамеченным земскими гласными. В декабре 1908 года губернская управа выступила с обширным докладом, освещавшим все виды земских стипендий и пособий на обучение. Предвидя неизбежную дискуссию, авторы доклада подробно остановились на методике рассмотрения поданных ходатайств. Положительное или отрицательное решение зависело от выслуги, размера жалования служащего, состава семьи, наличия недвижимости. По представлению управы сотрудница земского книжного склада Е.А. Данилова получила 75 рублей на образование двух сыновей – учащихся частной мужской гимназии. Во внимание были приняты четырехлетний земский стаж просительницы, а также ее скромный оклад (20 рублей в месяц).

¹ Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875-1909 гг. (учредительная, 1-35 очередные и 1-42 чрезвычайные сессии) в трех томах. Том III-й. Составил П.Н. Григорьев. Уфа, 1915. С. 793-814.

² Медико-хозяйственный обзор деятельности психиатрической больницы Уфимского губернского земства в период 1901-1910 г. Ордinatorа Л.И. Айхенвальд. Уфа, 1912. С. 30.

Ходатайство помощницы надзирательницы психиатрической больницы А.И. Дмитриевой было отклонено после скрупулезного подсчета ее доходов: 20 рублей жалования плюс 10 рублей квартирных плюс 6 рублей столовых. Не в пользу Дмитриевой сказалась и «удовлетворительная» учеба ее дочери Софьи. Блестящие успехи другой Софьи – дочери ветеринарного врача Лазаря Шапиро – наоборот, послужили основанием для назначения ей возвратной стипендии в медицинский институт. Вместе с тем, процедура выбора земских стипендиатов не могла претендовать на абсолютную прозрачность. Ветеринарному фельдшеру Г.Т. Матвееву, воспитывавшему пятерых маленьких детей, удалось воспользоваться пособием на обучение старшей дочери. Другому служащему, на попечении которого находилось четверо братьев и сестер, в помощи было отказано.

Подобная непоследовательность стала объектом критики со стороны земского собрания. Гласный А.П. Мельгунов предложил постепенно упорядочить данный вопрос, сделав основными принципами назначения стипендий связь кандидата с Уфимским губернским земством, бедность просителя, а также возвратность выданной суммы. Мельгунову возразил С.А. Братцев, высказавшийся за резкое сокращение числа стипендиатов. Указывая на тяжесть земского сбора, гласный отмечал, что «нельзя давать одному дворец, отнимая у другого лапоть». В частности, Братцев счел нецелесообразной выдачу стипендии Софье Шапиро, поскольку девушка могла «через год-два выйти замуж». Итогом дискуссии стало поручение управе пересмотреть правила назначения стипендий, поскольку гласные собирались вернуться к обсуждению этой темы¹.

В течение следующей сессии 1909 года преобладающей стала тактика глухой обороны: из 16 служащих, впервые ходатайствовавших о пособии на образование, успех ждал только троих². Поводом для возобновления прений в январе 1911 года послужило обращение за стипендией вдовы служащего Левицкой. Представитель Белебеевского уезда В.И. Бунин счел своим долгом отметить, что прежде стипендии назначались «просто бедным, желающим получить образование», однако постепенно такая форма поддержки стала незаслуженной привилегией сотрудников губернского земства. В защиту Левицкой выступил П.Ф. Коропачинский, который, тем не менее, согласился с необходимостью упорядочения процедуры выдачи стипендий. Во время закрытой баллотировки гласные разделились на два лагеря: 13 против 13-ти. Голос председателя собрания дал перевес в сторону удовлетворения просьбы Левицкой, все остальные ходатайства подобного рода были отклонены.

Еще более шумная дискуссия сопровождала доклад губернской управы о выплате служащим пособий на обучение детей. Настаивая на термине «пособия», управа подчеркивала, что они даются единовременно (в отличие от

¹ Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIV очередной и XLI чрезвычайной сессий 1908 и 1909 годов. Уфа, 1909. С. 79-81, 533-556.

² Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875-1909 гг. (учредительная, 1-35 очередные и 1-42 чрезвычайные сессии) в трех томах. Том III-й. Составил П.Н. Григорьев. Уфа, 1915. С. 793-814.

стипендий, рассчитанных на весь срок обучения). Не согласившись с подменой понятий, С.А. Братцев немедленно заявил, что «уничтожив стипендии для земских плательщиков, управа не хочет сокращать стипендии для своих служащих и выдает их под видом пособий». Кроме того, Братцев высказался против «всякой помощи врачам и ветеринарам», материальное положение которых являлось достаточно стабильным. Политика поддержки малооплачиваемых категорий служащих также нашла своих противников. По убеждению гласного Пономарева, выдавая сторожу управы пособие на обучение детей в размере половины оклада, земство «искусственно увеличивает ему жалование»¹.

Выработать единую позицию по стипендиальному вопросу уфимским земцам удалось только к декабрю 1911 года. В соответствии с постановлением собрания, все ходатайства о назначении личных стипендий следовало возвращать просителям, «за исключением только ходатайств лиц, имеющих то или иное отношение к службе в губернском земстве, причем прошения этой группы лиц должны были обсуждаться не с точки зрения просветительской, а с точки зрения оказания пособий земским служащим». Стремление избежать термина «стипендия» и связанных с ним многолетних – на весь срок обучения просителя – финансовых обязательств еще больше запутали систему социальной поддержки третьего элемента. Пособием могли именоваться средства, выплачиваемые как на образование, так и на лечение, пенсионное обеспечение, погребение, воспитание сирот... Уже упоминавшееся земское собрание 1911 года удовлетворило 17 из 18 ходатайств о пособиях, поданных лицами, находившимися на земской службе, а также 12 из 15 прошений бывших служащих или членов их семей.

Вдова земского врача Цветкова обратилась за стипендией для своего сына – студента одного из медицинских университетов. Открывая прения по данному вопросу, князь В.А. Кугушев напомнил присутствующим, что доктор Цветков потерял связь с земством 20 лет назад. Оказание помощи его сыну грозило стать опасным прецедентом. Однако гласные не могли не прислушаться к мнению Общества врачей, также ходатайствовавшего о стипендии «для очень талантливого молодого человека». Необходимые для продолжения обучения в 1912 году 200 рублей были ассигнованы, но в ежегодной стипендии Цветкову-младшему отказали².

Список тех, кто получал возвратные стипендии Уфимского губернского земства, оставался неизменным в течение 1911-1913 годов. Виктор Шиманский, стипендия которому была назначена за 35-летнюю земскую службу его отца – ветеринара И.П. Шиманского³, учился на медицинском факультете Казанского университета. Софья Шапиро заканчивала Харьковский женский медицинский институт, Усман Токумбетов – юрфак Петербургского университета. В смету

¹ Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXVI очередной сессии 1910 года. Уфа, 1911. С. 41, 188-189.

² Журналы Уфимского губернского земского собрания 37-й очередной сессии 1911 года. Уфа, 1912. С. 131-134.

³ Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXVI очередной сессии 1910 года. Уфа, 1911.

1914 года было также внесено 400 рублей, предназначенных для выплаты возвратной стипендии сотруднику бухгалтерского отдела управы Я.В. Котельникову.

Условия ассигнования оставались прежними: возврат всей выданной суммы после окончания обучения (Котельников поступал на счетоводческие курсы) или обязательная служба в Уфимском земстве «вдвое дольше, чем [стипендиат] будет пользоваться пособием»¹. Характерно, что назначение возвратных стипендий вошло в практику Уфимского губернского земства только на рубеже XIX-XX веков. В первые годы работы органов земского самоуправления гласные, как правило, отклоняли ходатайства, податели которых обещали в будущем пополнить ряды земских служащих².

Помимо губернских гласных, ходатайства о пособиях на обучение рассматривали уездные земские собрания. Причем стипендиальная практика уездной «периферии» подчас отличалась достаточной продуманностью и взвешенностью. В спорных случаях решению о назначении пособия предшествовало «обследование экономического положения» просителя. В расчет принималось количество нетрудоспособных членов семьи, оценочная стоимость жилища, размер земельного надела. В ряде уездов списки стипендиатов рассматривались «особой коллегией служащих, которой были ближе известны нужды и права» сотрудников. В трудные военные годы уездные земства старались прийти на помощь прежде всего малооплачиваемым категориям служащих. Учителя земских школ и фельдшеры без труда получали небольшие пособия на обучение детей в реальных и высших начальных училищах. Вместе с тем, в 1915-1916 годах гласные крайне редко решались на финансирование обучения в высших учебных заведениях. Белебеевское уездное собрание 1915 года согласилось назначить стипендию для обучения в университете только одному из многочисленных просителей – сыну уполномоченного по хозяйственной части земских школ А.И. Вильгельмова³.

Органы городского самоуправления, в силу относительной немногочисленности своего третьего элемента, долгое время не имели четкой политики в данной сфере. Кроме того, городские управы не столь остро ощущали необходимость повышения образовательного уровня сотрудников. Дети ряда служащих попадали в число городских стипендиатов автоматически – как одни из лучших учащихся своей гимназии или реального училища. Превращению стипендий в форму социальной поддержки служащих способствовала Первая мировая война.

В марте 1916 года гласные губернского центра постановили считать «все ходатайства о выдаче новых личных стипендий подлежащими отклонению,

¹ Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIX очередной сессии 1913 года (1-20 декабря 1913 года). Уфа, 1914. С. 116, 169-170.

² Вестник Уфимского земства. 1879 год. Год 1-й, выпуск 5-й. Уфа, 1879. С. 9-10; Вестник Уфимского земства. 1879 год. Год 1-й, выпуск 2-й. Уфа, 1879. С. 4 и др.

³ Журналы Уфимского уездного земского собрания 42-й очередной сессии 1916 года. Уфа, 1917. С. 84-87; Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания по народному образованию. 41-е очередное собрание 1915 года. Белебей, 1916. С. 353-365; Сборник постановлений Стерлитамакского уездного земского собрания 41-й очередной сессии 1915 года. Стерлитамак, 1915. С. 28-30.

оставив по смете лишь стипендии, выданные раньше». Удовлетворению подлежали только «наличные ходатайства служащих городского управления и учащихся городских училищ о назначении пособия на обучение и воспитание». Размер городского стипендиального фонда был заметно меньше соответствующих земских расходов: в итоговом списке служащих, дети которых учились за счет муниципального бюджета, находилось всего 14 фамилий¹.

В целом, выплата стипендий представителям третьего элемента стала самостоятельным направлением деятельности, прежде всего, органов земского самоуправления. Фактически уже в начале XX века личные безвозвратные стипендии и пособия на образование «составили неотъемлемую принадлежность» земских служащих и членов их семей. Вместе с тем, анализ процедуры рассмотрения ходатайств позволяет признать назначение стипендий инструментом не образовательной, а кадровой политики Уфимского земства. Оказывая помощь детям врачей, ветеринаров, инженеров, гласные демонстрировали свое уважение к труду и заслугам третьего элемента. В то же время для малооплачиваемых категорий сотрудников пособия на образование могли выполнять роль социального лифта или, по крайней мере, компенсировать нехватку жалования.

© Полянина О. А., 2010 г.

Русских Т. Н.

Стратегии самоопределения молодежи Удмуртии в трудовой сфере (на примере учащихся профессиональных училищ г. Ижевска)

Рынок труда молодежи можно рассматривать как самостоятельную часть общего рынка труда, выделяемую на основе функционирования в обществе молодежи как особой социально-демографической группы, обладающей присущими ей потребностями и интересами и занимающей специфическое место в воспроизводстве трудовых отношений. Именно в его рамках реализуются стратегии жизненного самоопределения современной молодежи, их адаптация к взрослой жизни.

Проследить специфику самоопределения молодежи в трудовой сфере, зависимость ее от национальной принадлежности было одной из целей нашего исследования. Данную тему мы рассматриваем в рамках другой проблемы, которая является на сегодняшний день одной из актуальных в Удмуртии, – обеспеченность республики рабочими кадрами. На рынке труда города Ижевска сохраняется несоответствие спроса и предложения рабочей силы. В составе зарегистрированных безработных преобладают специалисты и служащие, а

¹ Систематическая сводка постановлений по народному образованию Уфимской городской думы за 1913-1916 годы. Уфа, 1917. С. 53.

устойчивый спрос остается на рабочие профессии: штукатур-маляр, облицовщик-плиточник, машинист, продавец, слесарь, станочник, наладчик производственного оборудования и т. д.¹ В рамках сложившейся ситуации встает вопрос о том, куда же деваются выпускники начально-профессиональных образовательных учреждений?

Данные проблемы автор попытался проследить на примере ГОУ НПО "Механический лицей № 9" и АОУ СПО "Ижевский промышленно-экономический колледж", готовящих рабочие кадры для крупнейших промышленных предприятий г. Ижевска: ФГУП "Ижевский механический завод" и ОАО "Ижсталь". Исследование проводилось в рамках Проекта молодых ученых Президиума Уральского отделения РАН "Уровень и качество жизни индустриальных рабочих г. Ижевска: историко-социологическое исследование". В ходе социологического опроса было проведено анкетирование 117 человек (из них 66,6 % русских, 20,5 % удмуртов, 6,8 % татар и др. – 5,9 %). Все они являются учащимися последнего года обучения.

Большинство опрошенных юношей и девушек связывают свой жизненный успех с интересной работой, которая обязательно должна принести материальное благополучие. Следует отметить, что это характерно для большинства молодежи Удмуртской Республики, что подтверждается другими исследованиями².

Учащиеся, поступая в начально-профессиональные образовательные учреждения, делают это осознанно, стремясь получить выбранную специальность, кроме того, их привлекает простая процедура при поступлении и возможность дальнейшего обучения в высших учебных заведениях. Наибольшую осознанность при поступлении проявляют удмурты. Нашими респондентами-удмуртами было отмечено, что это их наиболее вероятный шанс выйти из деревни и осесть в городе". Что касается татар и русских, то в их среде больше городских жителей, а потому при выборе профессии они обращали внимание не только на профессию, но и руководствовались простотой процедуры вступительных испытаний. Большинство русских респондентов обратили внимание и на перспективу – увеличение шансов после получения начально-профессионального образования продолжить образование в высших учебных заведениях (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Что побудило Вас выбрать данное учебное заведение?»

Варианты ответов	Данные по всем опрошенным (%)	Русские (%)	Удмурты (%)	Татары (%)
хочу получить здесь выбранную	40,1	39,7	54,1	37,5

¹ Социально-экономическое положение Удмуртской Республики в 2009 году. // Удмуртская правда. 2010. № 14. С. 3.

² См. подробнее: Государственный доклад о положении молодежи в Удмуртской Республике в 2007 году / Государственный комитет Удмуртской Республики по делам молодежи. Ижевск, 2008.

специальность				
это желание родителей	7,6	8,9	8,3	0
мне сюда было проще поступить, чем в другие учебные заведения	12,8	14,1	8,3	25,0
есть возможность дальнейшего обучения	12,8	16,6	8,3	0
затрудняюсь	19,6	23,0	12,5	25,0

Что касается обоснованности выбора той или иной профессии, то тут мы можем отчетливо проследить ценностные ориентиры современной молодежи Удмуртии. На первом месте, в качестве основного показателя успешности выступает материальная обеспеченность. Именно этот показатель поставили на первое место респонденты всех национальностей. На втором месте – это возможность реализовать себя в той сфере, которая полностью соответствует интересам учащихся. И опять-таки наибольшую осознанность, обоснованность своего выбора профессии проявляют учащиеся-удмурты. Интересно, что при выборе своей профессии современная молодежь не сбрасывает со счетов и опыт предыдущих поколений, выбирают профессию, следуя примеру своих родителей. Это говорит о том, что родители являются для них иногда определяющим фактором, ориентиром при построении и выборе жизненной стратегии. Но если у удмуртов авторитет родителей стоит высоко, то для русских важнее все-таки социальный престиж, а для татар – пример друзей и одноклассников (см. табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос:
«Чем обоснован выбор Вашей будущей профессии?» (в %)**

Варианты ответов	Данные по всем опрошенным (%)	Русские (%)	Удмурты (%)	Татары (%)
чтоб материально себя обеспечить в будущем	45,2	48,7	54,1	25,0
у неё высокий социальный престиж и значимость	6,8	8,9	4,1	0
следую примеру родителей	6,8	5,1	12,5	12,5
по примеру друзей, одноклассников	4,2	3,8	0	25,0
мне нравится будущая профессия	13,6	11,5	25,0	12,5
затрудняюсь ответить	18,8	24,3	4,1	25,0

Самый важный вопрос для любого выпускника – это вопрос о его дальнейшем трудоустройстве. Здесь прослеживаются две тенденции. Первая тенденция – трудоустройство на завод. Большую часть последнего года обучения учащиеся проводят на практике. Здесь они непосредственно

соприкасаются с тем, что им придется делать на заводе уже после прохождения выпускных квалификационных испытаний: это и работа по получаемой специальности, трудовой коллектив и небольшая заработная плата в качестве поощрения. После практики большая часть наших респондентов отмечает: "Работа не сложная, все знакомо, коллектив хороший, потому и вернуться обратно хочется". Вторая тенденция – встать на биржу труда, с целью поиска новой более высоко оплачиваемой работы. Этой точки зрения придерживается та часть наших респондентов, которых не совсем устроили условия работы на заводе: "Работы много, устаешь сильно, да и грязно как-то на заводе". Именно эта тенденция начинает преобладать после нескольких месяцев работы на заводе. Главная причина – низкая заработная плата. Невысокие разряды, присвоенные им по итогам сдачи квалификационных экзаменов, отсутствие стажа не позволяют молодым работникам зарабатывать деньги. Третье по популярности место занимает ответ "пойду в армию". Действительно, большинство выпускников, достигших призывного возраста, пополняют ряды вооруженных сил. Но и здесь заводы не бросают своих питомцев. После завершения службы они получают не только возможность трудоустройства на завод по полученной им специальности, но и на получение подъемных. Но, начав трудовую деятельность и столкнувшись с низкой заработной платой, они вновь задумываются о поиске новой работы. Часть учащихся мечтает о создании своего бизнеса, мотивируя это тем, что "работать надо, прежде всего, на себя, а не горбатится на кого-то другого, зарабатывая деньги его в карман". Особенно часто о создании своего бизнеса задумываются те, чьи родители уже открыли свое дело. В данном случае это респонденты-русские. Учащиеся-удмурты, говоря о создании своего бизнеса, часто задумываются о возможных трудностях, с которыми им придется столкнуться, а потому, их больше привлекает работа на заводе или поиск работы через биржу труда (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Что Вы намерены делать после окончания учебы?»

Варианты ответов	Данные по всем опрошенным (%)	Русские (%)	Удмурты (%)	Татары (%)
работать на заводе	25,6	28,2	29,1	12,5
работать в частном секторе	2,5	2,5	4,1	0
пойду в армию	22,2	23,0	20,8	37,5
буду сидеть дома	0	0	0	0
продолжу свое обучение в вузе	1,7	2,5	0	0
встану на биржу труда	29,0	28,2	29,1	50,0
не задумывался еще	1,7	0	8,3	0

над этим				
буду искать работу – не важно где	2,5	2,5	4,1	0
создам свой бизнес	5,1	6,4	4,1	0
затрудняюсь ответить	6,8	5,1	16,6	0

Таким образом, говоря о современной молодежи и о специфике ее самоопределения в трудовой сфере, стоит отметить, что она в большей степени ориентируется на прагматические ценности, а потому образование рассматривает в перспективе как один из способов улучшения качества жизни, завоевания более высокого социально-экономического статуса.

Она ничем не ограничена в выборе своей жизненной стратегии, а потому ситуацию на молодежном рынке труда можно охарактеризовать как многовариантность, отсутствует явный социальный образец, это в свою очередь способствует состоянию постоянной неопределенности. В связи с этим следует отметить двойственный характер трудового самоопределения учащихся: с одной стороны присутствуют идеальные намерения, основанные на интересе к выбранной специальности – освоить ее, реализовать свою профессиональную подготовку, найти соответствующую работу и т. д. Но поскольку реализация такого плана, как правило, затруднительна (в том числе обусловлена и низкой заработной платой), выпускники рассматривают в качестве возможного варианта менее привлекательный для них, но реальный – найти любую работу, не обязательно по специальности, но высоко оплачиваемую. Вся социальная опасность этой ситуации налицо – недостаток рабочих профессий на рынке труда в Удмуртии.

Выбираемая и реализуемая стратегия во многом зависит от представлений каждого индивида об успехе, путях его достижения, о своем предназначении в будущем. Так большая часть респондентов, приехавших из сельской местности, рассматривает получение образования в городе как шанс выбраться из деревни, а, следовательно, шанс повысить свой социальный статус и улучшить свое материальное положение.

© Русских Т. Н., 2010 г.

Салимьянов Р. Ф.

Рудопромышленник Мухаметрахим Тасимов

Берг-привилегия 1719 г., положившая начало деятельности Берг - коллегии, стала законодательной основой как рудоискательства, так и рудопромышленности. Сущность частного рудного промысла состояла в том, что местные жители отыскивали рудные месторождения, добывались их отвода на свое имя, после чего, пользуясь наемным трудом, добывали руду, которую поставляли на казенные и частные заводы по указанной цене. Впоследствии по мере развития данной деятельности сложились особые социальные отношения

и реалии, а люди, вовлеченные в эту сферу, в скором времени выделились в отдельную категорию населения.

Если до 1734 г. вся деятельность башкир ограничивалась поисками и объявлениями руды, то с весны этого года отдельные рудоискатели стали просить позволения самим добывать и поставлять руду на Ягошихинский медеплавильный завод по указной цене.

Выявленные местным населением месторождения медной руды, количество которых постоянно росло, позволили казне расширить медеплавильное производство в Кунгурском уезде. В 30-х гг. здесь появляются Висимский, Юговские (Верхний и Нижний) и Мотовилихинский заводы. Строительство Юговского завода началось в 1734 г. одновременно с Висимским. Оба предприятия были «приведены в совершенство» в 1736 г.¹

Гайнинские башкиры, в частности жители д. Кояново, не дожидаясь достройки Юговского завода, просили учинить отвод найденным ими месторождениям для поставки медной руды на строящееся предприятие. Так, 26 июля 1735 г. башкиры д. Кояново Акбаш Бекбулатов, Дмитрий Юсупкулов, Тимофей Алтынбаев обыскали месторождение медной руды в Кунгурском уезде по речке Бырме, и объявили в Юговскую заводскую контору, что желают ставить эту руду на Юговский завод².

9 августа 1735 г. в Канцелярию Главного правления заводов с просьбой учинить отвод месторождения обратился Тасим Маметев – основатель династии знаменитых башкирских рудопромышленников. Этот прииск Тасим Маметев обыскал еще в мае 1735 г. неподалеку от заброшенного рудника Егошихинского завода в двух местах по речке Бырме. Близость расположения вновь найденного месторождения от старого казенного рудника стала причиной первоначального отказа одного из руководителей Пермского горного начальства Ю. Берглина в разрешении Тасиму Маметеву добывать и поставлять руду на новостроящийся Юговский завод. Запрещение со стороны местных горных властей вынудило рудоискателя написать челобитную самой императрице Анне Иоанновне с просьбой отвести им данное месторождение³. По указу Канцелярии главного заводского правления было велено учинить отвод Тасиму Маметеву, которой был сделан 25 октября 1736 г.⁴

В горнорудное дело были вовлечены все сыновья Тасима Маметева, в том числе и младший Мухаметрахим (Михаил) Тасимов. Опыт работы он набирал у своего отца и у своих старших братьев, участвуя вместе с ними в поисках, добыче и поставке руды. 25 мая 1752 г. Мухаметрахим Тасимов в Пермском горном начальстве представил медную руду, месторождение которой приискал вместе с товарищами в Троицком приказе по речке Васильевке. По пробе из центнера этой руды вышел 1 фунт черной меди. Определением Пермского горного начальства от 16 июня было велено в течение 2-х месяцев производить

¹ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. Промышленная политика и управление. М, 1953. С. 74.

² ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 1346. Л. 48.

³ «Горная власть» и башкиры в XVIII веке. Уфа, 2005. С. 131.

⁴ ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 1346. Л. 57 об.

на этом руднике разведочную разработку¹. 5 сентября 1771 г. он в Пермском горном начальстве сообщил о находке медного рудника «едучи из деревни Кояновы на Юговские казенные заводы проезжий дороги на правой стороне по речке Сухому Таману»².

Мухаметрахим Тасимов, также как его брат Исмагил Тасимов, стоял на страже интересов односельчан и своего семейного дела. В фонде «Пермского горного начальства» Государственного архива Свердловской области нами был обнаружен интересный документ, проливающий свет на один из интересных аспектов горнорудного хозяйства рудопромышленников д. Кояново. Из содержания этого документа становится известно, что с началом занятия добычей и поставкой руды на казенные медеплавильные заводы, Тасимовы организовали у себя в деревне кожевенное производство. Продукция этого предприятия шла на изготовление различных снастей, использующихся в горнорудном деле. 29 января 1781 г. в дом Мухаметрахима Тасимова для осмотра кожевенного предприятия явились люди от капитана Литвинова, исполнявшего должность смотрителя за кожевенным делом в Кунгурском уезде, кунгурский мещанин Никита Шаравьев и выборной старшина кожевенного цеха Осип Гурылев. В их рапорте, поданном в Кунгурском провинциальном магистрате, они жаловались на Мухаметрахима Тасимова, что «во время приходу их в дом к нему для осмотра по той инструкции кожевенного промыслу, он до того их не допустил, а войдя за то в большую азартность старшину Гурылева зашиб рукою в щоку и с товарищем Шаравьевым выбив кулаками из горницы в шею с крыльца столкал и кричал, что он не Кунгурского, а Уфимского уезду и рудопромышленник, и никакому де здесь присудственному месту неподсудим, а поезжай де проси на меня в Оренбурге, а против частного смотрителя Литвинова требовал ружья и пистолеты и намерен был ево с командою пристрелять, да и старосте той деревни Кояновой чрез посланных от себя приказывал из деревни собрать башкирцов с ружьями и пистолетами к своему дому»³.

Кунгурский провинциальный магистрат потребовал у рудопромышленника объяснений по поводу случившегося у него дома инцидента. В защиту своего кожевенного предприятия Мухаметрахим Тасимов дал несколько аргументированных ответов. Во-первых, наличие кожевенного цеха он объяснил необходимостью обеспечения рудников, как собственных, так и принадлежащих другим жителям этой деревни, соответствующими материалами: «мехами бергледерами и протчими вещами». Во-вторых, приезд в его дом указанных выше «алдерманов» и их требование уничтожить кожевенное производство Мухаметрахим считал не законным, объясняя это тем, что д. Кояново в административном отношении относилась к Оренбургской, а не Пермской губернии. Поэтому, заявлял он, капитан Литвинов и его люди не имели права запрещать ему производить кожу. В-

¹ ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 1346. Л. 271.

² ГАПК Ф. 544. Оп. 2. Д. 4. Л. 145 об.

³ ГАСО Ф. 116. Оп. 1. Д. 177. Л. 1-1 об.

третьих, он указывал, что собирается в этом году (1781 г.) во время церемонии торжественного открытия Пермского наместничества записаться в купечество г. Перми и «потому нестолко здешнему купечеству и мещанству, но и никому нималеишева препядствия в том кожевном и других касающихся для купечества промыслах ему чинит уже не можно»¹. По силе указов Камер-коллегии от 12 сентября 1745 г. и торгового от 1 декабря 1755 г. заводить кожевенные предприятия разрешалось только цеховым мещанам и купечеству. Мухаметрахимов Тасимов прекрасно разбирался в законах того времени и не упустил возможность воспользоваться этим в нужное время.

Пермская провинциальная канцелярия, несмотря на обоснованные аргументы рудопромышленника, промеморией требовала у Пермского горного начальства запретить далее Мухаметрахиму Тасимову заниматься кожевным промыслом. 8 июня это дело рассматривалось в Пермском горном начальстве, где было решено владельца кожевного производства пригласить и взять у него письменное подтверждение о ликвидации кожевного предприятия. После этого его с представителем от Пермского начальства должны были направить в Пермскую провинциальную канцелярию для разбирательства по делу об избиении алдерманов.

Уведомление о явке на разборку Мухаметрахим Тасимов получил 17 июня, а 22 июня уже рапортовал обратно, что со второго числа июня болеет «так что и с постели едва на короткое время вставать» не может. Относительно кожевного предприятия он писал, что оно заведено не для продажи, а для изготовления необходимых при горнорудном деле снастей. Кроме того, он убеждал горных властей в том, что в случае прекращения работы может последовать в «рудном промысле большая...остановка и по заключенному нами рудопромышленниками в Правительствующем Сенате контракту недоставка на казенные Юговские заводы в положенную в годовую препорцию число руд, следовательно потому и выплавке меди последует уменьшение, чрез что постаю я под ответом»². Тем не менее, в конце своего письма Мухаметрахим Тасимов заверил горные власти, что до записи в купечество никаких новых работ производить не будет, и как только выздоровеет, незамедлительно явится в Пермское горное начальство.

30 июня Пермское горное начальство, рассмотрев указанное выше доношение Мухаметрахима Тасимова, определило позволить просителю возобновить работу на кожевном предприятии, и известило о своем решении Пермскую провинциальную канцелярию.

Кунгурский провинциальный магистрат, видимо, не удовлетворенный решением Пермского горного начальства, продолжал чинить рудопромышленникам препятствия и запрещения, что заставило сына Мухаметрахима Тасимова Захара обратиться к самому губернатору вновь учрежденного Пермского наместничества генерал-майору Ивану Варфоломеевичу Ламбу. Предложением в Кунгурский провинциальный

¹ ГАСО Ф. 116. Оп. 1. Д. 177. Л. 1-1 об.

² ГАСО Ф. 116. Оп. 1. Д. 177. Л. 9-9 об.

магистрат от 8 июля губернатор велел «просителю Тасимову, так и отцу его в кожевном промысле помещательства ни под каким видом не делать и приготовленной им для продажи юфтевый товар не конфисковать, а позволить самим им употреблять в продажу»¹. 12 июля заверенную копию этого документа Захар представил в Пермском горном начальстве, попросив последнего отправить копию в Пермскую провинциальную канцелярию. В этот же день Пермское горное начальство определило «Пермскую провинциальную канцелярию сообщить промеморием и требовать дабы она реченному рудопромышленнику Захару и отцу его Михаилу Тасимовым в производстве кожевнного промысла в силу того его превосходительства повеления запрещения ни под каким видом чинить не благоволила, о чем и частному смотрителю капитану Литвинову благоволил же учинить от себя подтверждение»².

Последний документ, где фигурирует Мухаметрахим Тасимов, относится к 1821 году. В 1820 г. Пермское горное правление обратилось к министру финансов с предложением переселить башкир деревень Кояново и Башкултаево в пределы Оренбургской губернии, чтобы на их земли заселить заводских крестьян. Министр финансов поддержал инициативу горного начальства и обратился к Оренбургскому генерал-губернатору П.К. Эссену с просьбой разъяснить: с какого времени и на каком юридическом основании башкиры деревень Кояново и Башкултаево владеют означенными землями. Генерал-губернатор в свою очередь запросил Пермское губернское правление разобраться в этом скандальном вопросе. В своем рапорте от 22 декабря 1820 г. Пермское губернское правление докладывало Эссену о проверенных мерах по выяснению поставленных задач³.

Уполномоченным от башкир д. Кояново в защиту своих вотчинных земель выступил Мухаметрахим Тасимов. В своем прошении от 3 марта 1821 г. в адрес императора Александра I он сообщает, что их пращуры и деды жили в бассейне р. Мулла до вхождения гайнинских башкир в состав России, а вотчинное право на их владение было закреплено указом Петра Алексеевича в 1701 г.

Во время нападения строгановских крестьян на д. Кояново и Култаево в 1736 г. не только было «немалое количество башкирцов побито насмерть, скот угнали, имения разорили и деревни выжгли», но были также утеряны жалованные и оберегательные грамоты царей, выданные гайнинским башкирам на их вотчинные владения. Однако Мухаметрахим Тасимов утверждает, что «в Оренбургской губернии в г. Уфе, равно в фондах Правительствующего Сената таковые грамоты находятся»⁴.

В защиту вотчинных прав башкир на землю уполномоченный кояновцев приводит много доводов. В частности, в прошении опровергается попытка генерал-прокурора Правительствующего Сената лишить кояновских

¹ ГАСО Ф. 116. Оп. 1. Д. 177. Л. 14.

² ГАСО Ф. 116. Оп. 1. Д. 177. Л. 16.

³ ЦГИА РБ Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1398. Л. 4-4 об.

⁴ ЦГИА РБ Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1398. Л. 5.

рудопромышленников земельных владений, оставив им только право на рудники. В ответ на это Мухаметрахим Тасимов ссылается на копию указа Петра Алексеевича 1701 г., указ Берг-коллегии 1745 г., манифест Екатерины Алексеевны от 28 июня 1782 г., 3-й пункт именного указа Екатерины от 13 октября 1796 г. и 4-й пункт указа Правительствующего Сената от 16 ноября 1792 г., где подтверждается вотчинное право башкирских рудопромышленников д. Кояново на землю и освобождение от различных повинностей в пользу их деятельности по рудодобыче. Для убедительности в прошении подчеркиваются внушительные масштабы их рудопромышленного предпринимательства: с 1735 по 1807 г.г. ими было добыто и доставлено на казенные медеплавильные заводы 12 016 033 пуда руды¹. Учитывая минимальное содержание меди в медистых песчаниках Пермского края равным 2% получается всего из этой руды было выплавлено более 240 320 пудов меди (3845 т.).какого времени и на каком юридическом основании башкиры деревень Кояново и Башкултаево владеют означенными землями. Генерал-губернатор в свою очередь запросил Пермское губернское правление разобраться в этом скандальном вопросе. В своем рапорте от 22 декабря 1820 г. Пермское губернское правление докладывало Эссену о проверенных мерах по выяснению поставленных задач².

Уполномоченным от башкир д. Кояново в защиту своих вотчинных земель выступил Мухаметрахим Тасимов. В своем прошение от 3 марта 1821 г. в адрес императора Александра I он сообщает, что их пращур и деда жили в бассейне р. Мулла до вхождения гайнинских башкир в состав России, а вотчинное право на их владение было закреплено указом Петра Алексеевича в 1701 г.

Во время нападения строгановских крестьян на д. Кояново и Култаево в 1736 г. не только было «немалое количество башкирцов побито насмерть, скот угнали, имения разорили и деревни выжгли», но были также утеряны жалованные и оберегательные грамоты царей, выданные гайнинским башкирам на их вотчинные владения. Однако Мухаметрахим Тасимов утверждает, что «в Оренбургской губернии в г. Уфе, равно в фондах Правительствующего Сената таковые грамоты находятся»³.

В защиту вотчинных прав башкир на землю уполномоченный кояновцев приводит много доводов. В частности, в прошении опровергается попытка генерал-прокурора Правительствующего Сената лишить кояновских рудопромышленников земельных владений, оставив им только право на рудники. В ответ на это Мухаметрахим Тасимов ссылается на копию указа Петра Алексеевича 1701 г., указ Берг-коллегии 1745 г., манифест Екатерины Алексеевны от 28 июня 1782 г., 3-й пункт именного указа Екатерины от 13 октября 1796 г. и 4-й пункт указа Правительствующего Сената от 16 ноября 1792 г., где подтверждается вотчинное право башкирских

¹ ЦГИА РБ Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1398. Л. 5 об.-6.

² ЦГИА РБ Ф. И 2. Оп. 1. Д. 1398. Л. 4-4 об.

³ ЦГИА РБ Ф. И 2. Оп. 1. Д. 1398. Л. 5.

рудопромышленников д. Кояново на землю и освобождение от различных повинностей в пользу их деятельности по рудодобыче. Для убедительности в прошении подчеркиваются внушительные масштабы их рудопромышленного предпринимательства: с 1735 по 1807 г. ими было добыто и доставлено на казенные медеплавильные заводы 12 016 033 пуда руды¹. Учитывая минимальное содержание меди в медистых песчаниках Пермского края равным 2% получается всего из этой руды было выплавлено более 240 320 пудов меди (3845 т.).

© Салимьянов Р. Ф., 2010 г.

Самситдинов И. З.

Жилищно-бытовые и социальные вопросы эвакуированного населения в малых городах Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

Перемещение в тыловые районы огромных масс населения стало одной из важнейших задач, вставших перед руководством Советского государства в первые месяцы Великой Отечественной войны. Это означало не только спасение значительной части наших граждан от физического истребления и фашистского рабства, но и быстрое их размещение на новых местах, и эффективное использование взрослого населения в интересах экономики и фронта. Проведенная в СССР массовая эвакуация была беспрецедентной в истории стран и народов по своим масштабам, срокам и тяжелейшим условиям².

В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня 1941 г. были определены главные задачи и первоочередные объекты эвакуации. Перемещению на Восток в первую очередь подлежали детские учреждения, квалифицированные кадры рабочих и служащих, люди пожилого возраста, женщины с детьми, промышленное оборудование, станки и машины, цветные металлы, горючее, хлеб и другие, материальные и культурные ценности, имеющие государственное значение³.

По представленным данным Центрального справочного бюро, действовавшего при Совете по эвакуации, предварительным результатам переписи эвакуанного населения, из угрожаемой зоны удалось переместить в тыловые районы различными видами транспорта примерно 17 млн. чел.⁴ Эта очень большая цифра, но размещение их на новой территории требовало еще больше сил и ответственности.

¹ ЦГИА РБ Ф. И 2. Оп. 1. Д. 1398. Л. 5 об.- 6.

² Население России в XX веке: Исторические очерки. 1940-1959 гг. М., 2001. Т. 2. С. 60.

³ Там же. С. 65.

⁴ *Куманев Г.А.* Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери // Людские потери СССР в период второй мировой войны. СПб., 1995. С. 144.

За годы войны наша страна приобрела уникальный опыт проведения массовой эвакуации гражданского населения. Анализируя данные учета эвакуанаселения на Урале, следует отметить, что эвакуация проходила в два этапа. Первый - летом и осенью 1941 г., второй - летом и осенью 1942 г. Свердловская область (наряду с Челябинской и Пермской) приняла на себя большую часть эвакуированного населения уральского региона, особенно в первые годы войны. На 15 января 1942 г. численность эвакуированного населения составила максимальную за годы войны величину - 719,0 тыс. чел.¹ К осени 1942 г. в городских поселениях Татарской АССР, в основном в Казани, было размещено 154,1 тыс. чел. эвакуированного населения². Башкирия и Татария в количественном отношении отставали от Свердловской области по числу эвакуированных граждан.

Первый этап эвакуации характеризуется с прибытием людей на Урал из центральных областей России, в том числе из Москвы, северо-западных районов страны, из Ленинграда, из Украины (Киевской, Днепропетровской и Сталинской областей), Белоруссии, Крымской АССР и с районов Прибалтики. На втором этапе значительную долю составляли эвакуированные из Ленинграда, Краснодарского и Ставропольского краев, автономных республик Северного Кавказа, а также из Воронежской и Сталинградской областей³.

С началом Великой Отечественной войны Башкирская АССР превратилась в один из основных тыловых регионов на Урале. В первые же месяцы войны сюда прибывало эвакуированное население из западных и центральных районов страны. К концу 1941 г. на территории республики было размещено 278 тыс. чел., из них 104 тыс. в городах. Все это привело к резкому увеличению контингента городского населения: с 604 тыс. в начале 1941 г. до 811 тыс. - в начале 1943 г.⁴ Основную долю эвакуированных граждан составляло русскоязычное население. Следует отметить, что проводимая руководством СССР экономическая политика, а также массовые репрессивные мероприятия в отношении своего народа существенно повлияла на мобильность населения, способствовала увеличению некоторых народов в тех или иных регионах страны, в том числе и в Башкирии. В эти годы в республику было депортировано много немцев из ликвидированной АССР немцев Поволжья, греков - из Крымской АССР, поляков - с Западной Украины и Западной Белоруссии⁵. Значительную часть рабочих мест во вновь развернутых промышленных производствах заняла и сельская молодежь, активизировавшая

¹ Кругликов В.В. Городское население Свердловской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939-1945): Автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 15.

² Сакаев В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: Историко-демографические процессы. Автореф. дис. канд. ист. наук. Казань, 2008. С. 27.

³ Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. С. 98.

⁴ Сулейманова Р.Н. Демографическая обстановка в Башкирии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Башкортостан в стратегии Великой Отечественной войны: взгляд через 60 лет: Материалы республиканской научно-практической конференции посвященной 60-летию Победы. Уфа, 2004. С. 89.

⁵ Асылгужин Р., Мурзабулатов М., Хилажева Г. Демографические и урбанизационные процессы в Башкортостане // Ватандаш. 2009. № 10. С. 12.

миграцию в города¹. Все это дало большой импульс росту в малых городах полиэтничному населению.

Первоочередной для принимающих областей и республик задачей было расселение прибывавших людей. Это было чрезвычайно сложной проблемой в силу двух причин: во-первых, во время войны резко сократились объемы жилищного строительства; во-вторых, дефицит жилья в уральском регионе наблюдался еще в довоенный период. Средняя обеспеченность жилой площадью в 1940 г. составляла здесь 4,9 кв. метров на чел., в то время как по стране даже в расчете на одного городского жителя приходилось 6,5 кв. м. В сельской местности эта цифра была выше².

Жилищная проблема остро стояла и в нашей республике. По данным отдела хозустройства эвакуированного населения на 1 января 1942 г. в Башкирии насчитывалось 278171 чел., а на 20 апреля 1942 г. осталось 207675 чел.³ Из-за нехватки жилых помещений Совет Народных Комиссаров Башкирской АССР в своем распоряжении № 518 от 17 ноября 1941 г. обязало исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся исходить в своей работе из следующих положений:

1. Вся жилищная площадь в домах, принадлежащих местным советам и предприятиям, учреждениям, организациям, личным собственникам и застройщикам могущая быть освобожденной путем уплотнения пользователей этой площади должна быть взята на учет жилищными управлениями городских и районных коммунальных хозяйств местных Советов, для предоставления ее по ордерам в пользование эвакуированных.

2. Ордер может быть выдан как на отдельную комнату, так и на определенную площадь в общей комнате на право совместного пользования. В ордере обязательно должно быть указано число лиц, которым предоставляется площадь и размер предоставляемой площади.

3. Лица, занявшие жилплощадь без ордера РЖУ, признаются не имеющими самостоятельного права на площадь и при определении размера жилплощади, подлежащей заселению в порядке уплотнения эвакуированными - в расчет не принимаются. Если проживание этих лиц препятствует вселению по ордеру РЖУ, то эти лица могут быть выселены из взятой РЖУ на учет жилплощади, как занимающие ее самоуправно⁴.

5. Выявление жилплощади, подлежащей освобождению в ведомственном доме для заселения эвакуированными, производится РЖУ совместно с руководителями предприятия (или учреждения), которому принадлежит дом.

6. Рабочие и служащие эвакуированных предприятий или учреждений, вселенные в порядке уплотнения по ордерам РЖУ, признаются получившими

¹ Галин Р.А., Галина Л.Л. Население Республики Башкортостан: динамика и особенности формирования. Уфа, 1996. С. 8.

² Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002. С. 89.

³ ЦГИА РБ. Р-1684. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

⁴ ЦГИА РБ. Р-1684. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

жилплощадь от этих предприятий и учреждений и в случае утраты трудовой связи с ними подлежат выселению из занимаемых помещений по основаниям ст. 31 постановления ЦИК и СНК СССР от 17.10.1937 г. и, в надлежащих случаях, по ст. 32 того же постановления.

7. Местным Советом устанавливалась ставка квартплаты. В домах, предоставленных отдельным гражданам на правах застройки и на правах собственности, или в домах арендованных ими у местных Советов разрешается взимать надбавки¹.

Таким образом, прежде всего, выявлялась любая пригодная для жилья площадь. Происходило переселение ряда организаций и учреждений из городов в села или перевод их в меньшие по площади помещения. Причем, если предприятие или учреждение переселялось из города, работники должны были выехать вместе с ним. Уклоняющихся предлагалось привлекать к судебной ответственности. Приспосабливались под жилье ранее нежилые дома и помещения, принадлежавшие некоторым культурно-просветительным учреждениям. Так, уже к августу 1941 г. в Башкирии под размещение эвакуированных было занято 82 школьных помещения².

15 апреля 1942 г. Совет Народных Комиссаров БАССР и обком ВКП(б) приняли постановление «Об оказании материальной помощи населению, пострадавшему от немецких оккупантов», согласно которому обязали исполкомы городских и районных Советов, горкомы и райкомы ВКП(б) организовать сбор семян, продовольственного зерна, скота и денег для помощи населению, пострадавшему от немецких оккупантов. Вышеуказанные товары принимались на заготовительных организациях. В отделениях банков были открыты специальные счета, за ходом исполнения которых было поручено вести управляющему Башкантирой госбанка Нижегородову³. Основной контроль вел председатель СНК БАССР С. Вагапов и секретарь Башобкома ВКП(б) А. Симонов.

СНК Башкирской АССР 2 мая 1942 г. проводил расширенное заседание, в котором обсуждались следующие вопросы: о состоянии, размещении, трудовом устройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения в республике. На заседании было отмечено, что вполне удовлетворительном состоянии находятся детские учреждения. Не уделялось достаточного внимания со стороны некоторых городских и районных исполкомов по улучшению жилищно-бытовых условий и трудоустройству прибывшего населения. Более того, в некоторых местах многочисленные жалобы и просьбы эвакуированных остались неразрешенными, а в ряде случаев даже не рассмотренными⁴. Конечно же Совет Народных Комиссаров Башкирской АССР принимал ряд решений, связанные с жилищно-бытовыми и другими вопросами, но тем самым не успевал контролировать за ходом событий, поскольку помимо этих задач в республике назревали все более новые проблемы.

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.

² Потемкина М.Н. Указ. соч. С. 89-90.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

Из всех малых городов Башкирии, принявшими большую часть эвакуированного населения в первые годы Великой Отечественной войны, являлись Стерлитамак и Ишимбай.

Таблица 1.

Рост населения городов Стерлитамака и Ишимбая в 1941-1942 гг.¹

месяц	Стерлитамак		Ишимбай	
	1941	1942	1941	1942
январь	46431	58028	35731	40521
февраль	-	58769	36156	40410
март	-	58951	-	40062
апрель	-	58941	36522	40311
май	-	59008	36533	40588
июнь	-	58787	36950	41188
июль	-	58660	37520	41629
август	-	58357	38083	42042
сентябрь	-	58422	38396	42152
октябрь	-	57936	39025	42458
ноябрь	-	57919	-	42872
декабрь	-	57830	-	43526

Как показывают данные таблицы № 1, г. Стерлитамак явился центром притяжения эвакуированного населения. На 16 января 1942 г. в городе уже проживало 58028 чел.² Это был громадный рост населения. С июня по декабрь идет постепенное уменьшение населения. За счет эвакуированных граждан увеличилось и население г. Ишимбая. К концу 1942 г. здесь проживало 43526 чел. Стерлитамак и Ишимбай являлись основными центрами, принявшими большую часть эвакуированного населения, поскольку именно здесь имелась производственная база, на которой были расположены эвакуированные предприятия, сформировавшаяся социальная инфраструктура, необходимый человеческий потенциал.

В городах и районах Башкирии были утверждены должности по хозяйственному устройству эвакуированного населения. Количество инспекторов в городах утверждалось в зависимости от прибывшего населения: в Белебее - 766 чел., Бирске - 953 чел., Давлеканово - 935 чел., Стерлитамаке - 2188 человек³. Инспектора параллельно обслуживали и свои районы. Отделы по хозустройству эвакуанаселения в основном работали по следующим направлениям: руководство и контроль за деятельностью местных органов власти по расселению, хозяйственно-бытовому обслуживанию и устройству на работу эвакуированных, руководство делом переселения, наблюдение за продвижением эвакуэшелонов и обслуживанием эвакуированных в пути. Сюда же входили следующие сектора: перевозок, трудоустройства и бытового

¹ Составлено по: ЦГИА РБ. Ф. 4443. Оп. 1. Д. 3. Л. 2-4; ЦГИА РБ. Ф. 4496. Оп. 1. Д. 8. Л. 124-124 об., 160.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 2. Л. 38-38 об.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.

обслуживания, переселения колхозников, учетно-статистическое бюро, канцелярия и хозяйственная часть¹.

Со стороны местных властей эвакуированному населению не уделялось особого внимания в г. Стерлитамаке. Так, в городе из 3493 чел. трудоспособных, по неполным данным, не были нетрудоустроены 1317 чел. Среди них были педагоги, инженеры-химики и другие². Большинство эвакуированных семей размещались в частновладельческих домах совместно с хозяевами, занимали только угол или кухню, немногим предоставлялась отдельная комната. Многие семьи рабочих жили в подвалах и сырых помещениях. Дровами в зимний период обеспечивались совершенно недостаточно. Со стороны ряда домохозяев проявлялось издевательское отношение к эвакуированным, они стремились всеми мерами выселить из занимаемой квартиры, запрещали пользоваться кухней и часто не открывали двери когда те возвращались с работы.

Более удовлетворительно были устроены рабочие и служащие Ишимбайского машиностроительного завода им. Сталина эвакуированного из г. Баку. 271 чел. этого завода расквартировывались в домах трестов «Ишимбайнефть», «Башнефтегазстрой» и «Башнефтестрой». Рабочие часто требовали у дирекции завода оплатить коммунальные услуги за счет заводоуправления. Этот вопрос так же был поставлен перед Наркоматом нефтяной промышленности и долгое время не решался³. Неблагополучно обстояло дело с закреплением кадров по тресту «Азнефтеразведка» прибывшего из Баку в г. Стерлитамак. Настроение выехать в прежнее местожительство было не только у беспартийных рабочих, но и у отдельных членов партии. Аналогичные случаи дезертирства имелись и на заводе «Красный пролетарий». За время пребывания этого завода убежало 25 чел. и обратно было отправлено в Баку 15 семейств. В целом, из прибывших в г. Стерлитамак 1172 бакинца на март месяц 1942 г. дезертировало 221 чел., среди них 14 коммунистов⁴. Партийные и хозяйственные руководители эвакуированных предприятий ограничились только формальным разъяснением постановления Совнаркома СССР от 17 февраля 1942 г. Многие из них не знали жилищно-бытовые условия рабочих и служащих, не принимали реальных мер по устройству и закреплению их на новом местожительстве. Причиной упорного нежелания оставаться рабочих и служащих в городах было отсутствие квартир, топлива, холодная зима и плохое снабжение продуктами питания.

Из-за плохой обеспеченности продуктами питания, Советы малых городов обязаны были изыскивать дополнительные ресурсы для снабжения населения. Горсоветы отводили земельные участки под посадки картофеля и других овощей, обеспечивали население продовольствием путем развития коллективного и индивидуального огородничества. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. «О выделении

¹ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 7. Л. 1-2.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 2. Л. 19-21.

⁴ Там же. Л. 21-22.

земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих», они обязаны были выделять под огороды пустующие земельные участки в городах, свободные земли государственного фонда вокруг городов Баймак, Белебей, Белорецк, Бирск, Благовещенск, Стерлитамак и Ишимбай. Для решения вопросов, связанных с развитием индивидуального огородничества и созданием подсобных хозяйств, при горисполкомах были созданы земельные отделы. Отдельным направлением работы горсоветов Башкирии в годы войны были вопросы снабжения семей начальствующего состава военнослужащих и инвалидов Великой Отечественной войны. На 1 сентября 1942 г. на территории республики проживало около 18 тыс. эвакуированных семей начсостава Красной Армии, из которых 8 тыс. были размещены в городах. Они обеспечивались продовольствием через торговую сеть военторга. Семьи военнослужащих, которые не имели денежных аттестатов, были прикреплены к столовым военторга. В 1942 г. торгующими организациями было реализовано товаров среди эвакуированного населения на сумму в 6,5 млн. рублей¹.

В течение 1942 г. эвакуированные граждане прибывали непрерывно. Они в основном размещались в городах: Стерлитамак, Благовещенск, Белорецк и Ишимбай. На 16 января 1942 г. в Стерлитамак прибыло 12337 чел. (из них 536 ленинградских и 5 семей партизан), в Белорецк - 3464, в Ишимбай - 3180 (29 ленинградских и 1 семья партизан), в Благовещенск - 1890 чел.² На 11 июля 1942 г. в Стерлитамаке количество эвакуированных было учтено - 9111 чел., в Белорецке - 1593, в Ишимбае - 1702 (25 ленинградских) и в Благовещенске - 1890 чел. Со стороны городских властей эвакуированным гражданам было выделено 1000 руб., а в Стерлитамаке 3000 руб. денег в виде материальной помощи³.

Несмотря на массу огромных трудностей, возникших при вывозе гражданского населения и детей из западных, центральных и южных районов СССР, эвакуационная кампания 1941-1942 гг. прошла организованно, и людские потери в ходе ее составили сравнительно небольшой процент⁴. В малых городах Башкирии при размещении эвакуированного населения местные власти старались создать минимальные условия, хотя им это не всегда удавалось. В первую очередь остро стояли проблемы связанные с жилищно-бытовыми условиями и продуктами питания.

© Самситдинов И. З., 2010 г.

¹ *Шаяхметова И.З.* Мероприятия городских советов БАССР по снабжению населения и торговле в предвоенные десятилетия и в годы Великой Отечественной войны // Этнос и культуры урало-поволжья: история и современность. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2009. С. 307-308.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 18. Л. 5-5 об.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 2. Л. 38-38 об.

⁴ Население России в XX веке: Исторические очерки. 1940-1959 гг. М., 2001. Т. 2. С. 80.

Концепт «печаль» в русской и башкирской языковых картинах мира

Термин «концепт» является одним из базовых понятий самых различных научных направлений: философии, логики, психологии, социологии, культурологии, в том числе и лингвистики. Несмотря на столь широкое распространение, до сих пор нет однозначного толкования данного понятия. Только в рамках науки о языке можно выделить два подхода к исследованию концепта: в рамках когнитивного и лингвокультурологического направлений.

Согласно когнитивному подходу (Кубрякова Е.С., Бабушкин А.П., Стернин И.А., Попова З.Д. и др.) концепт определяется как «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике»¹.

Лингвокультурологи (Арутюнова Н.Д., Вежбицкая А., Воркачев С.Г., Карасик В.И., Степанов Ю.С. и др.) рассматривают концепт в качестве не столько ментального образования, сколько «первичного культурного образования, являющегося выражением объективного содержания слов, имеющего смысл и поэтому транслируемого в различные сферы бытия человека»². Таким образом, здесь подчеркивается социальная и культурная значимость данного понятия.

Концепт приближен к ментальному миру человека, а значит и к его культуре и истории. Он отражает духовную жизнь народа и выступает как его культурное наследие. Концепт представляет собой такой универсальный феномен, который помогает установить национальные особенности картины мира.

В последнее время множество работ посвящено изучению концептов, затрагивающих чувственно-эмоциональную природу человека. Эмоции занимают важное место в нашей жизни. В многочисленных лингвистических трудах, предметом исследования которых является язык эмоций, как правило, речь идет об изучении собственно языкового механизма обозначения психических переживаний. Вне поля зрения ученых остаются многочисленные и очень важные экстралингвистические факторы, оказывающие воздействие на эмоциональную сферу жизнедеятельности человека, как, например, особенности менталитета того или иного этноса. Такой ограниченный подход к описанию языковых механизмов вербализации эмоций недостаточен для

¹ Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 93.

² Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С.102.

глубокого осмысления сущности психических переживаний, столь характерных для всякой культуры.

Объектом данного исследования является один из ключевых эмоциональных концептов – концепт «печаль», рассматриваемый в системе русской и башкирской языковых картин мира. В качестве ядерных компонентов концепта «печаль» выступают абстрактные существительные: рус. *печаль* и башк. *кайгы*.

Анализ словарных дефиниций существительных *печаль* и *кайгы* позволяет выявить базовые представления о передаваемом ими явлении, т.е. ядро концепта «печаль». В толковых словарях русского языка рассматриваемый концепт определяется следующим образом:

Печаль – 1. Чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи. 2. То же, что забота (устар. и прост.)¹.

Печаль – 1. а) Чувство грусти, скорби, тоски; состояние душевной горечи. б) Грустное, скорбное выражение (глаз, лица, уст и т.п.). 2. То, что вызывает, обуславливает чувство скорби, тоски; беда, несчастье. 3. То, что является предметом беспокойства, заботы².

Печаль – 1. Скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство. 2. То, что внушает (внушало) такое чувство, является (являлось) источником, причиной его (книж.). 3. Забота, огорчение (разг.)³.

Из этих дефиниций видно, что *печаль* характеризуется следующими признаками:

- грустное, нерадостное настроение, чувство;
- состояние душевной горечи;
- источник грусти, скорби, невеселья;
- безрадостное выражение лица, глаз;
- беспокойство, забота.

Башкирское слово *кайгы* определяется в толковом словаре следующим образом:

Кайгы– 1. Күңелде ғазаплағыс, йәнде әрнеткес ауыр тойғо; хәсрәт. 2. Күңелгә ауыр ғазап, йәнгә әрнеү һала торған хәл, вакиға һ.б. 3. Низелер хәстәрләгән тынышыз уй; хәстәрлек, мәшәкәт⁴.

В приведенных выше определениях можно выделить такие признаки, как:

- чувство, терзающее душу, горе;
- тяжесть переживаний;
- источник горестного душевного состояния;
- беспокойные мысли, думы о приготовлении чего-то;
- хлопоты, заботы.

В результате компонентного анализа можно заметить, что базовые представления о печали в русском и башкирском языках имеют как ряд сходств,

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2008. С.516.

² Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М., 2006. 976 с.

³ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М., 2000. 1248 с.

⁴ Агшиев И.М., Бишиев А.Г. Словарь башкирского языка: В 2-х томах. Т.1. М., 1993. С. 607.

так и ряд отличий. Так, носителями обоих языков печаль воспринимается как скорбное, горестное чувство, душевное состояние. Данный признак является центральным в понятийном содержании концепта. Более того, как печаль определяется источник переживания, обстоятельства ее вызывающие. Однако, примечательно, что при этом не ясно, какие именно причины могут ее породить.

В русскоязычном сознании печаль трактуется как состояние душевной горечи. Как мы знаем, это чувство является следствием неудач, обид и разочарований. Данный факт на лексическом уровне показывает, что перенесенные оскорбления, огорчения и неуспех повергают русского человека в уныние, а то и затяжную депрессию. Печаль также связывается с различными беспокойствами и заботой. Представитель русской культуры обычно печалится по всякому поводу, и все эти переживания «написаны» у него на лице: мрачность и отсутствие улыбки неоднократно подчеркивались иностранцами как специфическая черта русского человека.

В башкирском языке ядром данного концепта является представление о печали как о необычайно сильном переживании. Подчеркивается глубина и тяжесть этого чувства: оно терзает душу и заставляет щемить сердце. Интенсивность испытываемых чувств может быть объяснена менталитетом башкирского народа, воспитанием в исламских традициях, где не принято показывать свои отрицательные эмоции, а следует быть всегда в хорошем расположении духа, улыбчивым и приветливым.

Концепт «печаль» также актуализируется в башкирском языке в лексемах *кайгы-зар*, *кайгы-хэсрэт*, *моң-зар*, *аһ-зар*. Данная группа слов не имеет эквивалентов в другом языке и транслируется на другой язык описательными средствами. Такая лексика обозначается как национально-маркированная, что говорит о ярко выраженной этноспецифичности концепта печали в башкирской лингвокультуре.

Как мы видим, русский концепт тесно связан с понятиями неуспешности, разочарования и огорчений, что можно выделить как фактор, обуславливающий возникновение данной эмоции. К тому же в русской лингвокультуре чувство печали имеет внешнее проявление в выражении лица, глаз, уст. Башкирский же язык больше ориентирован на описание внутреннего состояния субъекта эмоции и его сильной душевной боли, и присутствие в нем ярких примеров национально-маркированной лексики еще раз подтверждает это.

© Сафина Э.Ф., 2010 г.

О функциональном назначении некоторых элементов конского снаряжения у ранних кочевников Южного Урала

Конская амуниция, применяемая ранними кочевниками Южного Урала, всегда вызывала особый интерес у исследователей¹. Археологические изыскания последних лет регулярно пополняют коллекцию образцов данного снаряжения, что заметно расширяет наши представления о возможных вариантах савромато-сарматской узды и её эволюции. Богатый в этом отношении материал предоставляют элитные памятники региона, интерес к которым в последнее время только возрастает. Исследователями уже отмечался довольно высокий процент встречаемости элементов конского снаряжения в южно-уральских памятниках по сравнению с некоторыми соседними регионами². Тем не менее, данная категория инвентаря является далеко не массовой. Довольно редкими считаются находки полных уздечных наборов, со всеми необходимыми элементами.

Для наиболее полной реконструкции комплекса конского снаряжения nomadов Южного Урала необходимо понимание особенностей функционирования как отдельно взятых предметов данной узды, так и её узлов, будь то удильный аппарат, ремни оголовья, поводья или вспомогательные элементы, что в совокупности составляет цельный механизм управления лошадью. К сожалению, воссоздание работы данного механизма, не всегда возможно только лишь на основе археологических материалов. Это часто осложняется особенностями погребального обряда, ограблением погребений, либо неудовлетворительной сохранностью элементов снаряжения (особенно ремней). Поэтому, для прояснения некоторых функциональных особенностей, закономерным будет обращение к сведениям письменных и изобразительных источников, данным этнографии, а также работа с современными специалистами в области коневодства и конного спорта.

В данной статье производится попытка выявления функциональных особенностей некоторых элементов узды южно-уральских ранних кочевников, опираясь на сравнение с современным конским снаряжением³.

Удила и псалии, составляя единый удильный аппарат, являются ключевым звеном всего уздечного набора. Поэтому особых проблем с определением их назначения нет⁴. Однако необходимо отметить ряд

¹ *Стародубцев М.В.* Конское снаряжение ранних кочевников Южного Урала по материалам исследования могильника Переволочан в 2007 году // IV Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2009. С. 99.

² *Očir-Gorjaeva M.A.* Pferdegeschirr aus Chošeutovo. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2005. С. 131.

³ Автор настоящей статьи выражает благодарность главному ветеринарному врачу ипподрома «Акбузат» Кильдегушеву Халису Миннихатовичу, а также наезднику первой категории **Белик Елене Михайловне** за компетентную консультацию по вопросам конского снаряжения.

⁴ *Тишкин А.А., Горбунова Т.Г.* Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья: учебно-методическое пособие. – Барнаул, 2004. С. 25 – 29.

особенностей, характерных для удил применяемых рассматриваемыми кочевниками.

Функциональным признаком любых удил будет являться их толщина. И чем толще удила, тем менее болезненно они воздействуют на лошадь. Соответственно современные тонкие удила считаются более строгими¹. Толщина удил из наборов ранних кочевников региона варьируется, однако большинство из них будет являться строгими, что может указывать на довольно жёсткое управление лошастью, либо на применение тугоуздых лошадей. В любом случае, вариабельность толщины и длины удил у рассматриваемых номадов свидетельствует о детальном и индивидуальном подборе узды под каждую лошадь.

Характерной особенностью некоторых удил из комплексов ранних кочевников региона является асимметричность их звеньев². Узда с такими удилами могла иметь особенную функциональную нагрузку по сравнению со стандартным набором. В современном конском снаряжении нередко применяются удила с асимметричными частями грызла³, например, для коррекции некоторых физиологических особенностей либо дефектов у лошади. Такой особенностью может являться наличие неподдающейся стороны у лошади, о которой упоминает ещё Ксенофонт⁴. Более длинное звено, используемое наездником как рычаг, будет воздействовать на лошадь болезненнее, чем короткое. Это может использоваться при тренинге молодых и укрощении строптивых лошадей⁵, также это актуально при какой-либо специальной системе управления.

Особый интерес вызывает система крепления повода к удилам и псалиям. Тем более, если она расходится с общепринятой схемой⁶. Так, при исследовании одиночного кургана Яковлевка II в 2009 году были обнаружены остатки трёх уздечных наборов, где повод крепился к концевой петле от удил через специальное кольцо, либо проволочную петлю⁷. Вероятно, такая система крепления повода препятствовала его износу в месте соединения с удильным аппаратом.

Довольно редкими в погребениях ранних кочевников Южного Урала являются находки металлических строгачей, имеющих дуговидную форму и зубчатую кромку по внутренней стороне⁸. Нет сомнения, что данные предметы использовались как дополнение к стандартному уздечному набору для

¹ Карлсен Г.Г. Тренинг и испытание рысаков. – М., 1978. С. 178 – 179.

² Савельев Н.С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тыс. до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». – Оренбург, 2008. – С. 125.

³ Карлсен Г.Г. Тренинг и испытание рысаков. – М., 1978. С. 184. Рис. 33.

⁴ Ксенофонт. О коннице. Перевод: Г.А. Янчевецкий. – Гл. 3, 5.

⁵ Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Е1-36. Л., 1973. Рис. 56.

⁶ Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. – М.: Наука, 1961. – С. 140. Рис. 44.

⁷ Сиротин С.В. Отчёт об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2009 г. (в 2-х тт.). – Стерлитамак, 2010. – Рис. 40, 172, 294.

⁸ Стародубцев М.В. Комплекс конского снаряжения Переволочанского курганного могильника (по материалам раскопок 2007 года) // Вестник ЧелГУ, № 32. – Челябинск, 2009. С. 32.

устроения управления. Об этом, например, свидетельствует находка полного уздечного набора в погребении № 4 одиночного кургана Яковлевка II¹, где строгач и стандартные удила с псалиями являются частями одного комплекта. Строгач мог функционировать как приспособление для фиксации головы лошади в требуемом положении, и легко мог сочетаться с мартингалом. Приспособления с подобной функциональной нагрузкой легко можно встретить при современном тренинге рысаков². Примечательно, что в некоторых случаях, в одном комплекте снаряжения вместе со строгачом встречается конский налобник в форме крюка или петли. Не исключено, что оба эти элемента снаряжения могут функционировать как детали одного дополнительного механизма к стандартному удильному аппарату.

Несомненно, многие положения, высказанные в настоящей статье, следует рассматривать как предположения, которые необходимо неоднократно проверить, а в каких-то моментах пересмотреть. Однако, более широкий подход к рассмотрению вопросов конского снаряжения только расширяет наши возможности для реконструкции конского снаряжения.

© Стародубцев М.В., 2010 г.

Султанов Р. Р.

Население предгорий Южного Приуралья в начале I тыс. н. э.: вопросы хронологии и культурной атрибуции

Во второй половине XX в. разными исследователями был выявлен и исследован ряд памятников, находящихся на правом берегу р. Белой, ее притоках Сим и Зилим.

М.Х. Садыковой в 1957 г. исследовался объект на лесоучастке Убалар в предгорьях Южного Урала. Памятник представлял собой своеобразные бугры, которые М.Х. Садыкова интерпретировала как жертвенный комплекс «уфимской культуры» VI-IV вв. до н.э.³. Г.И. Матвеева, после работ на этом же памятнике в 1968 г., опровергает данное утверждение и говорит о поселенческом характере памятника⁴. В ходе долгой полемики в научной среде, Убалар и схожие по различным характеристикам ему памятники, было решено выделить в отдельный «убаларский тип», датирующийся II в. до н.э. – II в. н.э. Так же частично, благодаря исследованиям А.Х. Пшеничнюка, были решены вопросы происхождения этого населения, а генетическим предком был определен «гафурийский тип»⁵.

¹ *Сиротин С.В.* Отчёт об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2009 г. (в 2-х тт.). – Стерлитамак, 2010. – Рис. 294.

² *Карлсен Г.Г.* Тренинг и испытание рысаков. – М., 1978. С. 185.

³ *Обыденнов М.Ф., Кантемирова Э.Ф., Тух А.В., Банников А.Л.* Археологические исследования Башкирского государственного университета (1957-1997 гг.). Уфа, 1997. С. 17.

⁴ *Матвеева Г.И.* Памятники железного века в бассейне р. Зилим // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973. С. 237.

⁵ *Обыденнов М.Ф., Кантемирова Э.Ф., Тух А.В., Банников А.Л.* ... С. 20.

Одновременно с убаларским населением, севернее, вплоть до Уфимского полуострова и на его территории, проживает население, оставившее Шиповские и Охлебининские могильники и городища¹. Дальнейшие исследования позволили восполнить некоторые проблемы в сложении убаларского типа, выявить области взаимодействия с населением, населявшим данный регион (кара-абызская культура).

Таким образом, ко времени прихода позднесарматских племен на территорию предгорной лесостепи Южного Приуралья, здесь проживало несколько групп, среди которых фиксируется население, оставившее памятники убаларского типа. Это подтверждается материалами исследованных Шиповского и Охлебининского могильников, I Магашского и Убаларского селищ и других памятников начала I тыс. н.э. правобережья р. Белой. Там же найдены подтверждения близкой связи убаларского и позднекара-абызского населения.

С началом проникновения нового кочевого населения, вероятно с юга или востока, появляются новые памятники погребального типа – Ахмеровские, Салиховские и Дербеневские курганы. Обряд погребения был определен как характерный для позднесарматских племен². Но в то же время, в сопроводительном инвентаре обнаружены вещи, характерные для местного населения³. Одновременно со временем возникновения этих некрополей, на территории предгорий Южного Урала формируется новое население, возникшее на убаларской основе. Оставленные данным населением памятники группируются на сравнительно обширной территории по правому берегу р. Белой – от р. Нугуш на юге и до Уфимского полуострова и даже далее – на севере.

Первый памятник, относящийся к данному кругу, исследовался в 1956 г. Г.В. Юсуповым. Работы на нем с перерывами продолжались до 1989 г. разными исследователями (Г.И. Матвеева, А.Н. Султанова)⁴. Это Имендяшевское городище на р. Зилим в Гафурийском районе БАССР, в последующем давшее название имендяшевскому типу. Следом за ним были обнаружены и исследованы другие памятники, содержавшие сходный материал (Ташастинское I, Селеукское, Устиновское, Беисовское, Кумырлинское селища, городище Уфа II, Акбердинские курганы и поселения и т.д.).

В ходе исследований возникли проблемы датирования памятников имендяшевского типа. К.В. Сальников, опираясь на присутствии имендяшевской керамики в Салиховских курганах позднесарматского времени, предложил датировать имендяшевские древности II-IV вв. н.э.⁵ Н.А. Мажитов

¹ Овсянников В.В. Характер взаимодействия носителей кара-абызской культуры с соседним населением во II-IV вв. н.э. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск, 2006. С. 91.

² Васюткин С.М., Горбунов В.С. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР в 1972 году. Уфа, 1973 // Архив ИА РАН. С. 3-4.

³ Там же. С. 23.

⁴ Матвеева Г.И. Памятники железного века в бассейне р. Зилим // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973. С. 244.

⁵ Васюткин С.М., Горбунов В.С. ... С. 3-4.

предложил датировать их второй половиной I тыс. н.э.¹. В работах Г.И. Матвеевой, исследовавшей Имендяшевское городище и ряд сходных памятников, предложена была дата III-V вв. н.э.². С этой датой согласились В.Ф. Генинг и С.М. Васюткин³. Также С.М. Васюткин в своих работах часто затрагивал проблемы происхождения, существования и дальнейшего развития населения – носителей имендяшевского типа⁴, при этом последнее являлось одним из главных направлений исследований.

В научной литературе господствует мнение, что в V в. н.э., с приходом нового населения на правобережье Белой, имендяшевский тип прекращает свое существование, либо ассимилируется, утрачивая свои характерные черты. Другое отражено в работах В.В. Овсянникова, где выражено мнение, что имендяшевский тип, тесно сосуществуя с новым населением, образует новый этнос, оставивший турбаслинскую культуру⁵. Такой вывод вполне закономерен, учитывая наличие памятников, оставленных смешанным имендяшевско-турбаслинским населением. Встречаемость сосудов сходных с турбаслинскими, и имендяшевских на одних могильниках, датируемых IV-V вв. н.э. (по другому мнению – V-VII вв. н.э.), доказывает их сосуществование, в ходе которого происходит трансформация обеих групп населения и слияние в единую. Это же доказывают новые исследования на Акбердинском поселении (Иглинский р-н РБ) в 2009 г.

Таким образом, в отношении населения предгорий Южного Приуралья давно был поставлен и остается до сих пор нерешенным ряд вопросов. Один из первых – хронологические рамки существования памятников имендяшевского типа. Другой – степень тесноты отношений носителей имендяшевского типа с соседними местными и пришлыми группами населения, и каким образом это отражается в материальной культуре. Немаловажен также вопрос о внутреннем единстве населения – носителей имендяшевского типа, поскольку керамика на южных и северных территориях их ареала имеет значительные различия. И один из ключевых вопросов – дальнейшая судьба имендяшевского населения. В совокупности, напрашивается вывод о крайне слабой изученности памятников, оставленных населением, проживавшим на территории Южного Приуралья в начале I тыс. н.э., что требует своего разрешения.

© Султанов Р. Р., 2010 г.

¹ Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977. Рис. 8; Васюткин С.М. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР в 1980 году. Элиста, 1981 // Архив ИА РАН. С. 111.

² Матвеева Г.И. Памятники железного века в бассейне р. Зилим // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973. С. 244-252.

³ Васюткин С.М. Поселения I тыс. н.э. правобережья средней Белой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С. 110.

⁴ Васюткин С.М. История изучения археологических памятников юго-западного Приуралья I тысячелетия нашей эры // Вестник МГУ. № 1. 1968. С. 66-83; Он же. Поселения I тыс. н.э. правобережья средней Белой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С. 104-113.

⁵ Овсянников В.В. К характеристике этно-культурных контактов в лесостепном Приуралье в позднесарматскую эпоху // XIV УАС. Челябинск, 1999. С. 179.

Реформа местного самоуправления и этническое представительство в муниципальных образованиях Удмуртской Республики

В становлении демократического правового государства в России одно из ведущих мест занимает институт местного самоуправления. В соответствии с федеральным законодательством, местное самоуправление – «форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, - законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций»¹. В юридической науке давно и прочно утвердилось мнение, согласно которому «местное самоуправление – это первичный уровень власти в государстве, наиболее приближенный к населению. Именно на местном, муниципальном уровне право граждан участвовать в управлении может быть осуществлено наиболее непосредственно»². В преамбуле Европейской хартии местного самоуправления, ратифицированной Россией в 1998 г.³, отмечается, «что органы местного самоуправления составляют одну из главных основ любого демократического строя ... что наличие облеченных реальной ответственностью органов местного самоуправления может обеспечить эффективное и, одновременно, приближенное к гражданину управление»⁴. Таким образом, местное самоуправление на современном этапе становится ключевым институтом формирования гражданского общества. Необходимо отметить, что именно на местном уровне происходит наиболее тесное взаимодействие власти и общества, в результате которого вырабатываются определенные установки и стереотипы в отношении к публичной власти в целом, происходит оценка ее эффективности.

Становление системы местного самоуправления в Удмуртской Республике с момента создания соответствующей правовой основы на уровне РСФСР было обусловлено рядом социокультурных факторов, которые до настоящего времени продолжают оказывать влияние на правовой характер проводимой в России и Удмуртии муниципальной реформы. После принятия 12 декабря 1993 года Конституции РФ и 7 декабря 1994 года Конституции УР

¹ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями от 27 июля 2010 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 21.09.2010.

² Кутафин, О.Е. Муниципальное право Российской Федерации: учеб. / О.Е. Кутафин, В.И. Фадеев. - 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 5.

³ Федеральный закон от 11 апреля 1998 г. №55-ФЗ «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления» // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 21.09.2010.

⁴ Европейская хартия местного самоуправления ETS №122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.) // Собрание законодательства РФ от 7 сентября 1998 г., N 36, ст. 4466.

были созданы все предпосылки для становления системы муниципальной власти в республике. Конституция РФ закрепила важнейшие положения, предопределившие развитие местного самоуправления в России: во-первых, местное самоуправление является одной из форм реализации народом своей власти и основой конституционного строя Российской Федерации и, во-вторых, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти¹. Конституция УР вслед за Конституцией РФ закрепила в ст. 3 и 10 аналогичные положения о местном самоуправлении в Удмуртской Республике².

Важное значение для становления местного самоуправления в Удмуртской Республике сыграли указы Президента РФ: от 9 октября 1993 г. №1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации», от 26 октября 1993 г. №1760 «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» и от 22 декабря 1993 г. №2265 «О гарантиях местного самоуправления», а также Закон УР от 27 января 1994 г. № 574-ХІІ «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике», который конкретизировал право населения 5 городов и 25 районов Удмуртии на самостоятельное и под свою ответственность решение вопросов местного значения.

Следует отметить, что после выборов в органы местного самоуправления, состоявшиеся в апреле 1994 г., начался трудный и противоречивый период взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления Удмуртской Республики. Во многом данное противостояние было обусловлено преобладающими в тот период представлениями об эффективности прежних административно-командных методов взаимодействия между разнородными уровнями единой публичной власти. Логическим продолжением этого стало принятие Закона УР от 17 апреля 1996 г. № 186-І «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике», которое привело к кризису местного самоуправления в Удмуртии и последовавшему за этим судебному разбирательству в Конституционном Суде РФ по делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»³. Конституционный Суд при рассмотрении данного дела занял такую правовую позицию, которая позволяла противоборствующим сторонам считать, что решение было вынесено в их пользу. Вероятно поэтому решающую роль в

¹ См. ст. 3, 12 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. (с поправками от 30 декабря 2008 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 21.09.2010; Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. №15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области» // Собрание законодательства РФ. 2000. №50. Ст. 4943.

² Конституция УР от 7 декабря 1994 г. (с поправками от 4 мая 2010 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 21.09.2010.

³ Более подробно см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. №1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 февраля 1997 г. № 5 ст. 708; Закон УР от 17 апреля 1996 г. №186-І «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» (утратил силу) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 21.09.2010.

разрешении этого, политического по своей сути, конфликта сыграл Президент РФ Б.Н. Ельцин, который изначально занял позицию сформированных в республике органов местного самоуправления. После вынесения решения Конституционным Судом РФ, были приняты два указа Президента РФ: от 10 марта 1997 г. № 193 «О мерах по реализации постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. № 1-п по делу о проверке конституционности Закона удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» и от 22 декабря 1997 г. № 1353 «О мерах по совершенствованию взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в Удмуртской Республике», направленные на устранение негативных последствий для местного самоуправления в Удмуртии. Фактически данными указами была восстановлена существовавшая до принятия система местного самоуправления на уровне городов Удмуртской Республики. Примечательно, что «по итогам трех избирательных кампаний в составе представительных органов местного самоуправления в городах УР удельный вес русских составил 77 %, татар – 9 %, удмуртов – 8 %. При этом существовала неравномерность распределения татар и удмуртов по городам. Из общей численности депутатов, являвшихся по национальности удмуртами, большая часть была избрана в Можге (44 %) и Глазове (41 %). Более половины депутатов, являвшихся по национальности татарами, было избрано в Можге (52 %)»¹.

Новый этап в становлении местного самоуправления в Удмуртской Республике начинается после принятия в 2003 г. федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»². В рамках его реализации на территории Удмуртской Республики образовано 341 муниципальное образование, в том числе, - 5 городских округов и 25 муниципальных районов, в составе которых вновь образовано 2 городских и 309 сельских поселения³. Во всех вновь созданных муниципальных образованиях на протяжении 2005-2008 гг. были избраны представительные органы местного самоуправления⁴. В соответствии с вновь принятыми уставами муниципальных образований, общее количество депутатов представительных органов местного самоуправления Удмуртской Республики стало составлять 3871 человек (в том числе 146 депутатов представительных органов городских округов, 742 депутата представительных органов муниципальных районов, 30 депутатов представительных органов городских поселений и 2953 депутата представительных органов сельских поселений)⁵.

¹ Зубкова, О.Г. Местное самоуправление в городах Удмуртской Республики в период 1994–2003 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008. С. 10.

² Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 21.09.2010.

³ <http://udmurt.ru/region/district/sveden/>

⁴ Информационный сборник. Выборы в Удмуртской Республике. 2005-2008 гг. (Справочное пособие для организаторов выборов и референдумов) / Под общ. ред. В.А. Пономарева. Ижевск: ГУП УР «Ижевский полиграфический комбинат», 2008. С. 12

⁵ <http://udmurt.ru/region/district/sveden/>

Таким образом, в переходный период, длившийся до 1 января 2009 г., было завершено оформление системы местного самоуправления в Удмуртской Республике и созданы представительные органы, занимающие ведущее место среди органов местного самоуправления. Именно в этом контексте большое практическое значение имеет обращение внимания на этническое представительство на муниципальном уровне.

В соответствии с законодательством Удмуртской Республики, регулирующем организационные основы местного самоуправления, население республики имеет возможность непосредственно формировать только представительные органы местного самоуправления (в городских округах – Городские думы, в муниципальных районах и поселениях – Советы депутатов)¹. Должности глав муниципальных образований и глав исполнительно-распорядительных органов (местной администрации) в настоящее время замещаются косвенно, без участия населения, несмотря на наличие законодательной базы, предусматривающей такую возможность².

По справедливому замечанию В.В. Амелина «одной из важнейших проблем любой многонациональной страны, а именно такой является Россия – является распределение власти, проблема равного к ней доступа различных этнических групп. Неравный доступ к власти может стать одной из главных причин, способствующих возникновению межнациональных противоречий в субъектах Российской Федерации, а также, между Центром и регионами страны»³. В Удмуртской Республике проблемы представительства в органах публичной власти традиционно и уже на протяжении длительного времени вызывают полемику в научных кругах, поскольку в органах государственной власти представители титульного этноса представлены не пропорционально их численности. По материалам переписи 2002 г. удельный вес основных этнических групп в УР распределился следующим образом: русские 60,1%, удмурты 29,5%, татары 7,0%. Примечательно, что 55,7% удмуртов являются сельскими жителями. Показательна динамика этнического представительства в Государственном Совете Удмуртской Республики. В 1995 г. в его состав было

¹ Закон УР от 13 июля 2005 г. №42-ПЗ «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике» (с изменениями от 20 марта 2008 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 21.09.2010; Закон УР от 22 декабря 2009 г. №70-ПЗ «О выборах депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов в Удмуртской Республике» (с изменениями от 15 июня 2010 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 21.09.2010; Закон УР от 27 июня 2006 г. №30-ПЗ «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Удмуртской Республике» (с изменениями от 8 апреля 2010 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 21.09.2010.

² См.: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями от 27 июля 2010 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 21.09.2010; Закон УР от 13 июля 2005 г. №42-ПЗ «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике» (с изменениями от 20 марта 2008 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 21.09.2010; Закон УР от 6 июля 2006 г. №36-ПЗ «О выборах глав муниципальных образований в Удмуртской Республике» (с изменениями 8 апреля 2010 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 21.09.2010.

³ Амелин, В.В. Роль этнического фактора в многонациональных регионах в становлении российского федерализма // <http://federalmcart.ksu.ru/conference/konfer2/amelin.htm>

избрано 16%, то в 1999 г. – 11%, а в 2003 г. – только 6%¹, следует отметить, что после выборов 2007 года их количество увеличилось до 12% (русские в Государственном Совете созыва 2007 г. составляют 73%, а татары – 6%). Ситуация с этническим представительством в органах исполнительной и судебной власти, которые формируются без участия населения, не может быть адекватно изучена из-за закрытости информации. Необходимо при этом отметить, что по данным 2004 г. в органах исполнительной власти Удмуртии русские составляли 77,4% среди руководителей министерств и ведомств (удмурты – 15,1%) и 74,3% среди работников министерств и ведомств (удмурты – 14,6%)². В настоящее время ситуация, возможно, изменилась. Например, по данным А. Сидоренко этнизация Правительства УР составляет 43%, при этом автор указывает, что его подсчеты основаны на анализе биографий членов республиканского правительства³. Однако согласиться с приводимыми данными сложно в силу двух обстоятельств. Во-первых, состав Правительства определяется Президентом УР⁴. Оно включает в себя 26 человек⁵. Т.е. по данным А. Сидоренко как минимум 11 человек в Правительстве УР должны быть удмуртами, однако это не соответствует действительности. Во-вторых, на официальном сайте Удмуртской Республики в биографиях членов Правительства УР данные об их национальной принадлежности отсутствуют, что затрудняет возможность выявления его этнического состава⁶.

Совершенно иначе выглядит ситуация с этническим представительством на муниципальном уровне. В приведенных ниже таблицах, составленных с учетом типов этнической среды сельских районов и поселений Удмуртской Республики, отражено этническое представительство⁷, сложившееся в ходе выборов в местные органы власти в 2006-2008 гг. При этом следует оговориться, что о паритетном этническом представительстве можно вести речь только при характеристике муниципальных районов и сельских поселений (в городских округах (Ижевск, Воткинск, Глазов, Можга, Сарапул) количество депутатов-удмуртов составляет в общей сложности 6,85%), в представительных органах которых доля удмуртов адекватна численности их в составе населения.

Таблица 1

Этнический состав представительных органов муниципальных районов Удмуртской Республики

¹ Информация по национальному составу Государственного Совета УР по: Съезд Советов. Верховный Совет Удмуртской АССР. Государственный Совет Удмуртской Республики. Из истории представительных органов власти в Удмуртии. Ижевск: Удмуртия, 2005.

² Об этнополитической и этносоциальной ситуации в УР. Ижевск, 2004. С. 18.

³ Сидоренко, А. Политическая власть в этнических регионах // Федерализм и этническое разнообразие в России: Сб. ст. / Под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюдера. М., 2010. С. 101.

⁴ Указ Президента УР от 26 марта 2009 г. № 61 «О составе Правительства Удмуртской Республики»// Справочная правовая система «ГАРАНТ-СтройМаксимум. Практика ФАС округов». Версия от 21.09.2010.

⁵ О лицах, входящих по должности в состав Правительства УР см.: Указ Президента УР от 26 марта 2009 г. № 61 «О составе Правительства Удмуртской Республики»// Справочная правовая система «ГАРАНТ-СтройМаксимум. Практика ФАС округов». Версия от 21.09.2010.

⁶ См. официальный сайт Удмуртской Республики: <http://udmurt.ru/about/ministry/>

⁷ По данным текущего Архива Центральной избирательной комиссии Удмуртской Республики.

Район	Общая численность депутатов представительного органа муниципального района	Русские		Удмурты		Татары	
		Численность	Процентный состав	Численность	Процентный состав	Численность	Процентный состав
1. Преимущественно удмуртская этносреда							
Алнашский	28	6	21,34	22	78,57		
Глазовский	25	11	44	12	48	2	8
Дебесский	30	4	13,3	26	86,7		
Малопургинский	30	10	33,3	17	56,7	2	7
Шарканский	33	12	36,36	21	63,64		
Средние показатели			29,68		66,72		3
2. Удмуртско-русская этносреда							
Балезинский	35	16	45,71	12	34,28	5	14,28
Вавожский	33	18	54,55	15	45,45		
Игринский	30	12	40	13	43,33	3	10
Кезский	35	13	37,14	21	60		
Можгинский	20	9	45	9	45	2	10
Селтинский	31	18	58,06	12	38,7		
Якшур-Бодьинский	30	10	33,33	13	43,33	5	16,67
Ярский	30	10	33,33	17	56,66	2	6,67
Средние показатели			43,39		45,84		7,2
3. Смешанная этносреда							
Завьяловский	46	19	41,3	21	45,62	5	10,87
Кизнерский	35	17	48,57	11	31,43	5	14,28
Увинский	33	19	57,58	9	27,28	4	12,12
Средние показатели			49,15		34,77		12,42
4. Русско-удмуртская этносреда							
Граховский	25	9	36	5	20	4	16
Киясовский	23	12	52,17	9	39,13	2	8,7
Красногорский	31	25	80,64	5	16,13		
Сюмсинский	25	13	52	9	36	2	8
Средние показатели			55,2		27,81		8,17
5. Преимущественно русская этносреда							
Воткинский	25	20	80	5	20		
Камбарский	30	23	76,66	1	3,33	5	16,67
Каракулинский	25	19	76	1	4	2	8
Сарапульский	32	21	65,62	3	9,37	5	15,62
Средние показатели			74,57		9,17		10,07
6. Удмуртско-татарская этносреда							
Юкаменский	22	5	22,73	10	45,45	7	31,82

При анализе ситуации с этническим представительством в Советах депутатов муниципальных районов очевидно, что оно практически полностью отражает этнический баланс населения в сельских районах республики. В преимущественно удмуртской этносреде доля депутатов-удмуртов достигает 66,72 %, а русских – 29,68 %; при этом пропорции постепенно меняются в зависимости от типа этносреды, составляя в преимущественно русской этносреде 9,17 % и 74,57% соответственно. При этом в смешанной этносреде доминируют депутаты-русские: их доля достигает 49,15 %, а удмуртов – 34,77 %. Высок уровень представительства татар (в удмуртско-татарской – 31,82 %, смешанной – 12,42 %, русской – 10,07 %, удмуртско-русской – 7,2 %), доля которых среди сельского населения традиционно не велика, за исключением Юкаменского района.

В сельских поселениях этническое представительство выражается в следующем:

Таблица 2

Этнический состав представительных органов сельских поселений, входящих в состав муниципальных районов Удмуртской Республики

Район	Общая численность депутатов представительных органов сельских поселений	Русские		Удмурты		Татары	
		Численность	Процентный состав	Численность	Процентный состав	Численность	Процентный состав
1. Преимущественно удмуртская этносреда							
Алнашский	134	18	13,43	112	83,58	2	1,49
Глазовский	121	27	22,31	87	71,9	4	3,3
Дебесский	91	17	18,68	73	80,21		
Малопургинский	163	18	11,04	133	81,59		
Шарканский	141	12	8,5	128	90,78		
Средние показатели			14,79		81,61		0,95
2. Удмуртско-русская этносреда							
Балезинский	167	45	26,95	103	61,68	18	10,78
Вавожский	100	30	30	70	70		
Игринский	149	92	61,74	55	36,91	2	1,34
Кезский	134	48	35,82	83	61,94	2	1,49
Можгинский	172	40	23,25	125	72,67	5	2,9
Селгинский	85	34	40	51	60		
Якшур-Бодьинский	126	38	30,15	83	65,87	1	0,7
Ярский	90	26	28,89	62	68,89	2	2,22
Средние показатели			34,52		62,24		2,43
3. Смешанная этносреда							

Завьяловский	200	67	33,5	121	60,5	12	6
Кизнерский	118	36	30,5	74	62,71	7	5,9
Увинский	163	65	39,87	92	56,44	3	1,84
Средние показатели			34,62		59,88		4,58
4. Русско-удмуртская этносреда							
Граховский	76	39	51,31	29	38,15	1	1,31
Киясовский	70	32	45,71	30	42,86	6	8,6
Красногорский	88	62	70,45	24	27,27	2	2,27
Сюмсинский	71	36	50,7	34	47,89	1	1,4
Средние показатели			54,54		39,15		3,39
5. Преимущественно русская этносреда							
Воткинский	126	81	64,28	39	30,95	6	4,76
Камбарский	78	61	78,2	5	6,4	10	12,8
Каракулинский	94	63	67,02	5	5,3	8	8,5
Сарапульский	153	122	79,73	20	13,07	6	3,92
Средние показатели			72,3		13,93		7,4
6. Удмуртско-татарская этносреда							
Юкаменский	73	7	9,6	54	73,97	12	16,43

Как следует из материалов сравнительной таблицы, этническое представительство удмуртов достигает своего максимума в представительных органах сельских поселений. При этом рост численности депутатов-удмуртов отмечается во всех без исключениях типах этносреды. Например, в преимущественно русской этносреде их доля увеличивается с 9,17 до 13,93 %, а в русско-удмуртской – с 27,81 до 39,15 %. Даже в смешанной этносреде ситуация изменяется кардинально: доля удмуртов достигает 59,88 % (в муниципальном районе – 34,77 %), а русских сокращается до 34,62 % (соответственно 49,15 %). Кроме того, на уровне сельских поселений резко сокращается представительство татар (в удмуртско-татарской этносреде – до 16,43 %, смешанной – 4,58 %, русской – 7,4 %, удмуртско-русской – 2,43 %).

По данным представленных выше таблиц можно сделать ряд выводов. Во-первых, по мере приближения власти непосредственно к населению повышается доля удмуртов в представительных органах местного самоуправления. В частности, в составе Советов депутатов муниципальных районов с преимущественно удмуртской этносредой доля удмуртов составляет 66,72 %, а в представительных органах сельских поселений в этих районах она в среднем увеличивается уже до 81,61%, в то время как численность русских сокращается с 29,68 до 14,97 %, а татар – с 3 до 0,95 %. Эта ситуация в целом характерна для всех без исключения типов этносреды, даже для преимущественно русской. Во-вторых, ситуация на муниципальном уровне власти может свидетельствовать и об отсутствии интереса представителей русского и татарского этносов к этой сфере публично-властной деятельности. Как правило, подавляющее большинство муниципальных образований сталкиваются с серьезными финансово-экономическими проблемами, которые

преодолеваются за счет предоставления межбюджетных трансфертов. В-третьих, расширенное представительство удмуртов может говорить о вынужденном представительстве, поскольку местное самоуправление осуществляется самостоятельно и под свою ответственность либо о том, что при отсутствии жесткой конкуренции удмурты активно включаются в систему властеотношений и, следовательно, могут и способны нести ответственность за решение вопросов местного значения, которые связаны с непосредственным обеспечением жизнедеятельности местного сообщества. В-четвертых, в настоящее время политический потенциал удмуртов наибольшее воплощение находит на селе, ситуация в городах республики качественно отличается от приведенной выше статистики по сельским районам и поселениям.

Таким образом, в Удмуртской Республике на муниципальном уровне этническое представительство в полной мере реализовано в сельских районах и поселениях, что само по себе создает важные предпосылки и условия для постепенного повышения политической культуры населения через участие в управлении местными делами, роста чувства ответственности за результаты своей деятельности.

© Тенсин М. В., 2010 г.

Тюняев А. А.

Древние торговые пути Урало-Поволжья по комплексным данным археологии, антропологии, генетики и мифологии

Географически Урало-Поволжский регион находится на западе Русской плиты архейского времени, где она через складчатость гор Урала соприкасается со столь же древней Сибирской плитой. Это две самые древние плиты проявились обилием жизненных форм и высочайшими объёмами биомассы, что из прошлого выражается в ископаемых углях, а в настоящем – особенными формами течения антропогенеза. На Русской равнине обнаружены самые древние стоянки неантропа¹. Развитие, преемственность и непрерывный характер археологических культур региона прослежены в работе². В ней же впервые проведён статистический анализ археологических памятников региона, показавший наличие многочисленного населения.

В работе³ рассмотрены соответствия между ископаемым населением центра Русской равнины и носителями некоторых гаплогрупп Y-хромосомы и сделан вывод: «Старейшей гаплогруппой Русской равнины является

¹ *Аникович М.В.* Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между средним и верхним палеолитом // *Stratum plus*, 2001-2002. № 1. С. 266-290.

² *Тюняев А.А.* Динамика памятников Русской равнины: количественный подход // *Человек: его биологическая и социальная история: Труды Международной конференции, посвящённой 80-летию академика РАН В.П. Алексеева (Четвёртые Алексеевские чтения)* / (отв. Ред. Н.А. Дубова). 2010. Т. 1. С. 242.

³ *Клёсов А.А., Тюняев А.А.* Гипотеза о появлении гаплогруппы I на Русской равнине 52 – 47 тысяч лет назад // Доклад на Международной научно-практической конференции «Проблемы комплексного изучения древнего и современных популяций человека». Минск: Институт истории Национальной академии наук Республики Беларусь. 23-25 июня 2010 года.

гаплогруппа I (возраст 52 – 47 тысяч лет). Её дочерняя подгруппа I2, распространённая среди этнических русских, имеет возраст 10525 ± 1090 лет и, скорее всего, соответствует иеневской археологической культуре Волго-Окского региона. А другая дочерняя подгруппа – I1 – имеет возраст 3650 ± 800 лет и, предположительно, соответствует волосовской археологической культуре того же региона. Общий предок гаплогрупп I1 и I2 жил ранее 20 тысяч лет назад и вполне отчётливо соотносим с авдеево-зарайской археологической культурой Волго-Окского региона, а также с ориньякским кругом археологических культур Европы. Сейчас количество потомков гаплогруппы I среди русского населения составляет около 15-ти процентов».

Обоснование появления на Русской равнине второй гаплогруппы, присущей коренному населению, – R (субклады R1a1 и R1b; в совокупности до 80% населения Центральной России) – приведено в работе¹. Временем появления носителей гаплогруппы R1a1 является 20-е тысячелетие до новой эры, а известная преемственность археологических культур в исследуемом Волго-Уральском регионе (то есть в западной части Русской равнины) распространяется в направлении с запада на восток. Такое движение древнего населения, исключительно европеоидного, сохранялось в течение всего верхнего палеолита, мезолита, неолита и бронзы. Персонификации событий через систему мифологических данных находим в работах трёх академиков РАН: археолог Б.А. Рыбаков², филолог В.Н. Топоров и лингвист В.В. Иванов³.

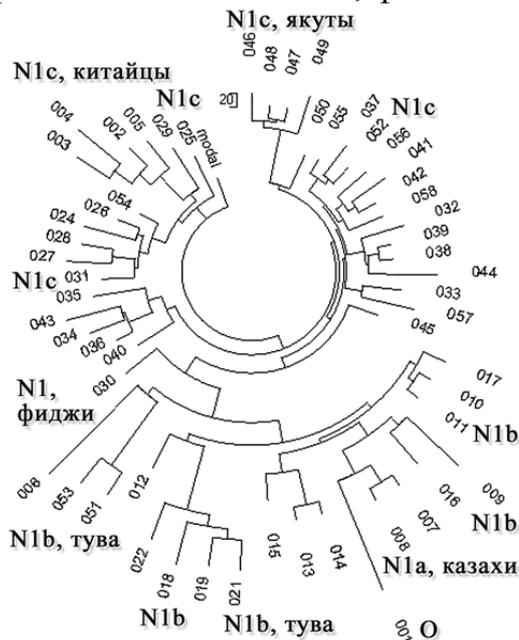

Рис. 1.

Дерево 17-маркерных гаплотипов «сибирских» народов и их «родственников» по гаплогруппам O (алтаец 001), N1 (китайцы и фиджи 002, 003, 004, 005, 006), N1a (казахи 007, 008), N1b (009 – 023), N1c (024 – 058). В выборке – 56 гаплотипов

Позже в железном веке исследуемого района достигли первые отряды монголоидных переселенцев с Северного Китая. Это были носители «финно-угорской» гаплогруппы N, дерево 17-маркерных гаплотипов которых приведено на Рис. 1.

¹ Клёсов А.А., Тюняев А.А. Происхождение человека по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии. Бостон – М., 2010.

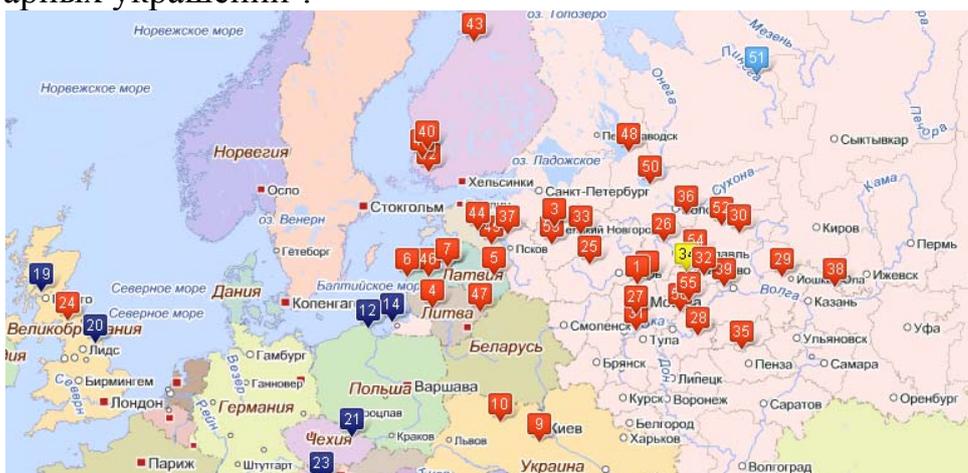
² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1980.

³ Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987-1988 гг.

Два встречных, разных в антропологическом плане потока свидетельствуют о существовании в древности мощных путей сообщения, действовавших между Русской равниной и Европой на западе и Средней Азией и Китаем – на востоке. Это были торговые пути, и Волго-Уральский регион лежал в средней части этих путей, о чём свидетельствует обилие археологических памятников. Следует отметить, что работами археологов в последние десятилетия добыто множество достоверных данных о существовании таких путей.

Наиболее ранним торговым путём является «лазуритовый» путь. Согласно археологическим данным, он функционировал уже с 4-го тыс. до н.э. По этому пути полудрагоценный камень лазурит перевозился из Афганистана (Бадахшан), России (Южное Прибайкалье), Таджикистана (Памир) на запад и на юг, до стран Ближнего Междуречья (Ур, Лагаш) и Индии (Хараппа, Мохенджо-Даро). Наиболее ранняя находка лазуритовых бус связана с хвалынско-среднепестовской общностью (Нальчикский могильник, первая половина 5-го тыс. до н.э.). В одном из курганов майкопско-новосвободненской общности (4 – начало 3-го тыс. до н.э.) в Кабардино-Балкарии, среди погребального инвентаря которого найдены бусы из бадахшанского лазурита¹. «Лазуритовый» торговый путь свидетельствует о «связях Кавказа с миром шумерской цивилизации в Урукский период (вторая половина 4 – 3-е тысячелетие до н.э.)»².

В 3 – 2-м тысячелетии до н.э. основным объектом торговых отношений в исследуемом регионе стал янтарь и изделия из него. Причём, «вывоз «северного золота» и изделий из него в страны Средиземноморья начался, как полагают исследователи, ещё во времена египетских фараонов (34 – 24 вв. до н.э.)»³. На территории Русской равнины находки янтаря связаны с волосовской культурой (4 – 2-е тыс. до н.э.): примерно в 250 могилах собрано в общей сложности около 11700 янтарных украшений⁴.

¹ Брилева О. Новые загадки эпохи энеолита и раннего бронзового века Кавказа // Наука и жизнь. 2009. №9.

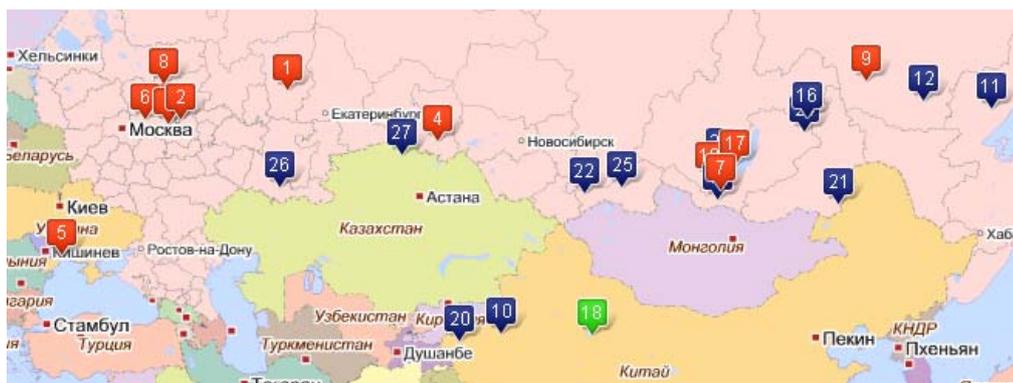
² Там же.

³ Фацук Д.Я. Морской ладан // Химия и жизнь. 2005. № 3. С. 54.

⁴ Алексеева Т.И., Денисова Р.Я., Козловская М.В., Костылева Е.Л., Крайнов Д.А., Лебединская Г.В., Уткин А.В., Федосова В.Н. Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок. М., 1997.

Карта 1.
Находки изделий из янтаря, датированных в пределах
3 – 2-го тыс. до н.э.

Несомое волосовской культурой распространение украшений из янтаря покрывало территорию от Прибалтики до Камы и от Вологды до Пензы. «Янтарный» торговый путь связывал население Урало-Поволжья как со странами Европы, так и со странами Средиземноморья. В частности, «в Греции янтарные бусинки находим на всем протяжении микенского периода, начиная от ранних групп шахтных могил в Микенах».

Карта 2.
Находки изделий из нефрита, датированных
3 – 2-м тыс. до н.э.

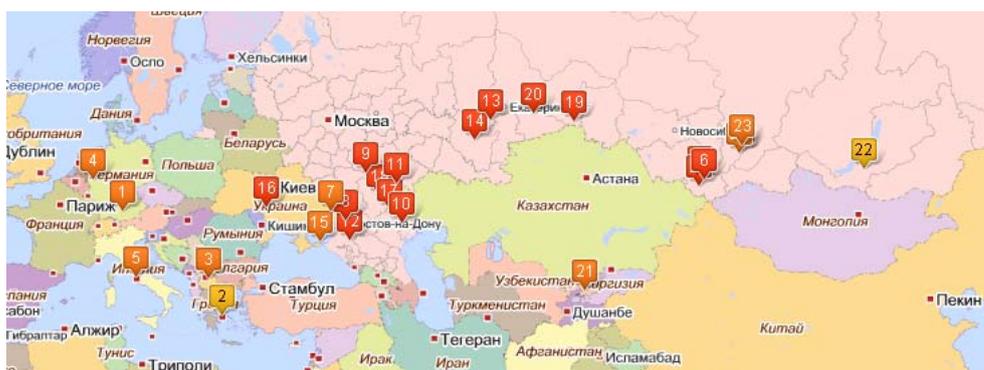
В 3 – 2-м тыс. до н.э. пространства до Енисея, Рудного Алтая и Восточного Туркестана были освоены европеоидными скотоводческими племенами андроновской культурной общности, носителями гаплогруппы R1a1. В эпоху поздней бронзы, на рубеже 2-го и 1-го тыс. до н.э. эти европеоиды продвинулись до Забайкалья, Восточной Монголии и Ордоса, сформировав «нефритовый» путь. Он протянулся из Зауралья (добыча), через южное Прибайкалье, через Омск, на Пермь, далее – на Вологду, Иваново, Ярославль и на Москву. Заканчивался путь в Киеве. По этому пути осуществлялась торговля (обмен) изделиями из нефрита. Одним своим крылом «нефритовый» путь доходил до района Куньлунь на территории современного Синьцзян-Уйгурского района (Китай).

Для «нефритового» пути характерно распространение среди культур развитого бронзового века, расположенных в зоне степей и северных лесов, шлифованных украшений из нефрита в соединении с бронзовыми фигурами. После открытия белонепфритовых колец в Прибайкалье (глазковская культура) и на Урале (сейминская общность), а также прибайкальских месторождений белого нефрита. Таким образом, «впервые в истории нефритовый путь связал Дальний Восток с Европой». Он соединял глазковскую культуру Прибайкалья с сейминско-турбинской культурой Волго-Камья. В Турбинском могильнике, расположенном в пределах города Пермь, обнаружено 36 нефритовых колец¹.

¹ Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.

Во времена скифов, то есть в 1-м тыс. до н.э. по «нефритовому» пути стали перевозиться изделия из шёлка. Причём, в Китае шёлк стал повсеместно известным к 6 – 5 вв. до н.э. В то же время «в скифских курганах Алтая 6 – 5 вв. до н.э. встречаются китайские и индийские шелка»¹. И в западных землях скифов по имеющимся на сегодня археологическим данным, шёлковые ткани появляются с середины 1-го тыс. до н. э.: в Баварии (6 – 5 вв. до н.э.); в Македонии (первая половина 4-го в. до н.э.); Кёльн (4 в. до н.э.). Этот, самый ранний, Северный Шёлковый путь начинался в западных землях скифов-русов – Северном Причерноморье. Далее шёл через Дон и Воронежские земли, через Нижнее и Среднее Поволжье, огибал Каспий с северной стороны, через Южное Приуралье и Среднюю Азию заканчивался в восточных землях скифов².

Помимо шёлка известны находки зеркал типа «итицзы» с надписями (в Китае изготавливались в эпоху ранней Хань со второй половины 2-го в. до н.э., производились они и в 1-м в. до н.э.). Зеркала обнаружены у хутора Виноградный (на Нижнем Дону), у села Старая Полтавка (в Нижнем Поволжье), на Кубани (у станицы Казанской), в селе Кондинское Шатровского района Курганской области, в кургане 27 могильника Кайрагач (Западная Фергана, конец 1-го – начало 2-го в. н.э.³). Эти находки позволили более уверенно говорить о существовании Северного шёлкового пути⁴.

Карта 3.
Находки шёлковых тканей (6 – 1 вв. до н.э.) и зеркал
(2 в. до н.э. – 3 в. н.э.)

Очевидно, это были первые носители монголоидной (китайской) гаплогруппы N. Ханьские зеркала являются наиболее массовыми ранними находками китайских вещей в урало-волго-донском регионе начала н.э. Это, в частности, зеркала из курганов у села Лебедевка Уральской области и

¹ Глушкова Т.Н. Археологический текстиль как источник по реконструкции древнего ткачества Западной Сибири. Автореферат. 2004.

² Скрипкин А.С. Великий шёлковый путь в истории Юга России (Ч. 1), 1994.

³ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 102-104. Табл. 25-1.

⁴ Гугуев В., Раевич И., Трейстер М. Ханьские зеркала и их реплики на территории Юго-Восточной Европы // Бюллетень музея металла. Вып. 16 (на английском языке). Япония, 1991; Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.: Наука, 1988. С. 351-391.

Темясовских курганов Башкортостана (позднесарматская культура, 2 – 3 вв. н.э.¹).

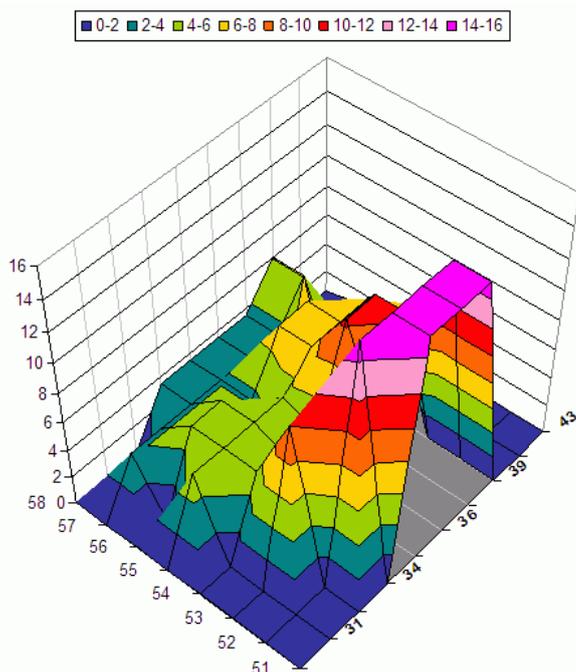

График 1. Плотность археологических памятников в раннем железном веке центральных областей Русской равнины (ближний пик соответствует Курской и другим южным областям; средний пик – Рязанской и части Московской; дальний пик – Ярославской области)².

Как видно из графика 1, Северный шёлковый путь проходил по наиболее густо населённым местам Древней Руси. Известный исследователь Е.И. Лубо-Лесниченко делает вывод, что на раннем этапе связей Востока с Западом северный путь имел более важное значение, чем южный. Активное его функционирование относится уже к 1-му в. до н.э.³

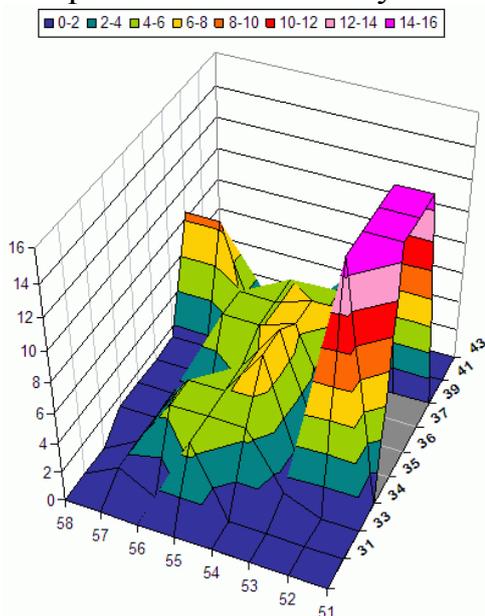

График 2. Плотность археологических памятников в раннем средневековье центральных областей Русской равнины⁴

В дохристианский период раннего средневековья наблюдается увеличение плотности археологических памятников в южном направлении

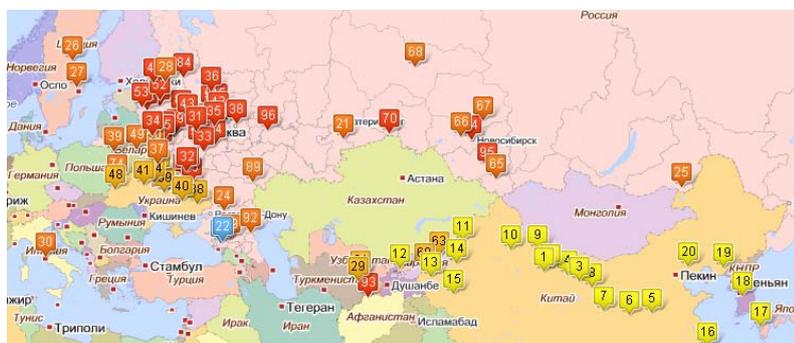
¹ Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 136, 140; Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КС И А. 1982. Вып. 180. С. 80-87.

² Тюняев А.А. Динамика памятников Русской равнины: количественный подход... 2010. Т. 1. С. 242.

³ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.: Наука, 1988. С. 351-391, 371.

⁴ Тюняев А.А. Динамика памятников Русской равнины: количественный подход... 2010. Т. 1. С. 242.

(Курская область). Однако обширный центральный район, на востоке уходящий в Урало-Поволжский регион, а также Ярославская область проявляют свою доминантную позицию. В это время находки шёлковых тканей обильны. Они тяготеют к Московскому региону и территориям, расположенным северо-западнее от него. Но также находки шёлка встречаются вдоль всего Северного шёлкового пути. Помимо Северного шёлкового пути действует и Южный шёлковый путь.

Карта 4.
Находки шёлка в раннем средневековье

Выводы

1. Коренное население Урало-Поволжского региона сформировано европеоидными носителями гаплогруппы R1a1, местом образования которых является центр Русской равнины.

2. Распространяясь на восток, эти европеоиды сформировали несколько последовательно действовавших торговых путей, самый ранний из которых, «лазуриновый» путь, датирован 4-мы тыс. до н.э.

3. Продолжительные связи востока и запада, поддерживавшиеся последующими торговыми путями – «янтарным», «нефритовым» и «северным шёлковым», – функционировали на протяжении четырёх тысяч лет и определяли экономические, демографические и цивилизационные параметры развития в этот период.

4. Обратный поток монголоидных носителей гаплогруппы N из Китая на Русскую равнину положил начало формированию финно-угорских этносов в Уральском Поволжье. Эти же этносы, возможно, явились разрушителями устоявшегося торгового пути. По крайней мере, после появления финно-угров в Поволжье связи Руси с восточными землями оказываются потерянными, а земли Поволжья заняты восточными каганатами.

© Тюняев А. А., 2010 г.

Тенденции этнодемографического и этноязыкового развития в городах западного региона Башкортостана

Анализ этнодемографического и этноязыкового развития в городах западного региона Башкортостана за последние две переписи советского периода (1979-1989 гг.) и данные Всероссийской переписи населения 2002 г. показывает, что с 1979-го по 2002-е гг. в данном регионе наблюдается тенденция увеличения башкирского населения.

За межпереписной период с 1979-го по 1989-е гг. в городах западного региона численность башкирского населения увеличилась в г. Белебей и г. Октябрьском - в 1,2 раза, в г. Туймазы – 1,3 раза и в г. Дюртюли -1,4 раза. При численном росте увеличилась и доля башкир в общей структуре населения этих городов. Если рост доли городского населения в г. Белебей и г. Октябрьском составил всего лишь 0,5 % , то в г. Дюртюли 2,3 %. В одном только г. Туймазы доля башкир при численном их росте сократилась на 0,2 % [См. табл. 1].

Однако Всероссийская перепись населения 2002 г. зафиксировала весьма заметное увеличение башкир в городах западного региона. Например, в г. Туймазы и Туймазинском горсовете численность башкир с 1989-го (12 748 чел.) по 2002 г. (24 894 чел.) увеличилась почти в 2 раза. При этом их доля увеличилась на 10,9 %, составив в общей доле населения Туймазинского горсовета 25,3 %. Численность башкир с 1979-го по 2002 гг. в г. Дюртюли увеличилась 1,6 раза, в г. Октябрьском 1,8 раза, в населенных пунктах Белебеевского горсовета 2,8 раза [См. табл. 1]. При этом доля башкир в указанных городах западного региона также заметно возросла.

Несмотря на «татарское окружение» г. Белебея и населенных пунктов, административно входящих в Белебеевский горсовет, доля татарского населения увеличилась всего лишь на 0,2 %, тогда как башкирского на 0,3%. В трех городах западного региона Дюртюли, Белебей и Октябрьском наблюдался существенный рост татарского населения, присущий и в предшествующие годы. Например, в г. Дюртюли численность татар выросла на 4 227 чел., в г. Белебей на 2 256 чел., в г. Октябрьском на 1 706 чел., при общем росте их доли соответственно на 4,5 %, 0,3 % и 1,2 %¹.

Численность татар в населенных пунктах, административно входящих в Туймазинский горсовет уменьшилась на 1 388 чел., при значительном сокращении ее доли с 47,1 % в 1989 г. до 40,8 % в 2002 г., т.е. на 6,3 %².

Почти аналогичную тенденцию можно наблюдать относительно динамики русского населения, доля которого при численном росте на 2 817 чел. сократилась на 2,7 % . В других городах западного региона численность русского населения не претерпела особых изменений, но его доля в общей

¹ Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990; Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Статистический сборник. Башкортостанстат. Уфа, 2006.

² Там же. – С. 65-69.

структуре горожан заметно снизилась. В населенных пунктах, входящих в Белебеевский горсовет доля русских с 1979-го по 2002 гг. снизилась на 6,7 %, в г. Дюртюли на 6 %, в г. Октябрьский – 6,5 %, в Туймазинском горсовете на 8%¹.

Среди русского населения признание родным язык своей национальности остается весьма высоким. Однако Всероссийская перепись 2002 г. зафиксировала небольшие отклонения в этноязыковой идентичности среди русского населения. Наибольшие потери родного языка среди русских отмечены в г. Дюртюли, где 87 % составляют родственные тюркоязычные татары и башкиры, язык которых очень близкий и схожий. Поэтому неудивительно, что небольшая часть русского населения в татаро-башкирском окружении в качестве родного отметила язык другой (нерусской) национальности, при этом признав усвоение языка большинства населения, в данном случае татарского.

Таблица 1.

Динамика численности башкир, в том числе с родным языком своей национальности, в городах западного Башкортостана*

* Таблица составлена по: Национальный состав населения Башкирской

Города	В 1979 г.		В 1989 г.		В 2002 г.	
	Всего башкир	Из них с родным башк-м	Всего башкир	Из них с родным башк-м	Всего башкир	Из них с родным башк-м
1.Белебеевск.гор-т в %	3 344 5,0	2 228 66,6	4 155 5,5	2 622 63,1	9 427 11,0	нет сведений
2.г.Давлеканово в %	2 874 14,1	нет сведений	3 145 14,8	нет сведений	5 255 22,0	нет сведений
3.г.Дюртюли в %	4 317 22,3	нет сведений	6 211 24,6	нет сведений	6 715 22,4	нет сведений
4.г.Октябрьский в %	7 883 8,9	4 817 61,1	9 822 9,4	4 665 47,5	14 235 13,1	нет сведений
5. Туймазинск.гор-т в %	10 134 14,6	3 048 30,1	12 748 14,4	3 660 28,7	24 894 25,3	нет сведений
6.г.Туймазы в %	5 643 12,9	нет сведений	7 666 13,1	нет сведений	15 315 23,0	нет сведений

АССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. Уфа, 1981; Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990; Текущий архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

В других городах западного региона среди башкирского населения также наблюдается низкий уровень признания родным язык своей национальности. Если в 1979 г. из всех башкир Белебеевского горсовета лишь 66, 6 % признали родным язык своей национальности, то в 1989 г. данный показатель снизился до 63,1 %, а в 2002 г. до 55, 9 %².

¹ Там же. – С.65-71.

² Национальный состав населения Башкирской АССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. Уфа, 1981; Текущий архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Аналогичная тенденция наблюдается и в г. Октябрьский, в котором доля башкир, признавших родным язык своей национальности в 1979 г. составляла 61,1 %, в 1989 г. она снизилась до 47,5 %, а в 2002 г. в качестве родного башкирский язык отметили всего лишь 38,7 %. В отличие от башкир г. Октябрьский татарская часть населения сохранила более высокие показатели этноязыковой идентичности (84,2 %). Хотя, доля признания родным язык своей национальности у татар имела тенденцию постепенного сокращения на 4,0 % в г. Белебей и до 10,4 % г. Дюртюли¹.

Анализ естественного прироста населения в городах республики показывает, что в ряде из них он происходит не за счет высокой рождаемости и низкой смертности, а за счет миграции сельского населения в близлежащие города. Эти процессы в разные периоды носили разный характер проявления. Например, с 1979-го по 1989 гг. увеличение городского населения происходило не только за счет естественного прироста, а преобладающим фактором являлась миграция сельского населения из близлежащих районов в города. А с 1989-го по 2002 гг. наряду с миграцией из села значительное влияние на увеличение численности населения, в том числе и городского, оказывала миграция беженцев и вынужденных переселенцев, в основном из стран Ближнего Зарубежья. Значительную часть вынужденных переселенцев и беженцев составляли татары – 44 %, башкиры – 18 %, русские – 23 % и представители других национальностей – 15 %².

Таким образом, анализ этнодемографического и этноязыкового состава населения городов западного региона показывает, что, несмотря на утверждения ряда компетентных этнодемографов республики о том, что «в перспективе вряд ли можно ожидать заметного увеличения башкирского населения хотя бы потому, что при переписи 1989 г. лишь 28,7 % туймазинских башкир-горожан назвали родным языком башкирский язык, 63,2 % - татарский»³, Всероссийская перепись 2002 г. показала почти двухкратное увеличение башкирского населения в г. Туймазы. (См. табл.1). Столь резкое колебание изменения этнической идентичности вряд ли можно объяснять столь внезапным высоким ростом этнического самосознания жителей г. Туймазы в пользу башкирской идентичности.

Такое весьма незначительное увеличение численности и доли башкирского населения в городах западного региона Башкортостана, видимо, невозможно понять, без сопоставительного анализа этнодемографических показателей других регионов республики.

Анализ численности и доли этнического состава городов юго-восточного региона показывает весьма значительное увеличение башкирского населения, как в абсолютной, так и в удельной величине. Например в г. Мелеуз численность башкир увеличилась с 1979-го по 1989 гг. более чем в 2 раза, при

¹ Текущий архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

² Хуснутдинова Л.Г. Этносоциальные аспекты адаптации беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Башкортостан (1992 – 2007 гг.) Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008. – С. 80.

³ Мурзабулатов М.В. Западный регион Республики Башкортостан. Историко-этнографический очерк. – Уфа: Китап, 2001. – С. 31.

росте ее доли на 6,3 %. С 1979-го по 2002 гг. в 3,3 раза, а ее доля в общегородской структуре населения выросла за этот период на 13, 8%. В г. Ишимбай доля башкир выросла на 4,3 %, в г. Белорецк – 3,4%, в г. Сибай – 4,2 %, а в г. Учалы она выросла с 33,4 % до 40,3 %, т.е. рост составлял 6,9 %¹. Таких резких колебаний роста башкирского населения в городах западного региона не наблюдается.

Даже в г. Стерлитамак с 1979-го по 1989 гг. при численном росте татарского населения на 8 872 чел. доля татар увеличилась всего лишь на 1,0%, в г. Салават осталась на том же уровне, а в гг. Сибай и Белорецк – наблюдалось сокращение, соответственно на 0,5 и 0,2 %².

Таким образом, за рассматриваемый период с 1979-го по 2002 гг., в этнодемографическом развитии двух регионов наблюдается значительное увеличение городского населения. Если особенностью городов юго-восточного региона является то, что в них рост городского населения идет за счет увеличения численности и доли башкир, то в городах западного региона за счет татар. Иными словами, урбанизационные процессы в регионах осуществляется в основном за счет миграции сельского населения в близлежащие города.

Анализ этнодемографического развития регионов и численного состава этносов в Российской Федерации показывает, что самый высокий прирост населения наблюдался среди чеченцев и башкир в одноименных республиках. Такой резкий вектор естественного движения трудно вписывается в общие закономерности и тенденции этнодемографических процессов. Видимо, их изучение требует дополнительных исследований, с привлечением новых методов и методик расчета.

© Фатхутдинова А. И., 2010 г.

Хабибуллина З. Р.

Раскол ДУМЕС: обновление состава мусульманского духовенства Башкортостана

Одним из малоизученных аспектов современного развития мусульманской уммы в Урало-Поволжье является исламское духовенство. Период политических перемен, вызванных распадом СССР и крушением атеистической идеологии, существенно повлиял на активность мусульман различных регионов страны. За короткое время существенно возросло количество мечетей, исламских учебных заведений, появились многочисленные мусульманские средства массовой информации. Мусульмане получили

¹ Национальный состав населения Башкирской АССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. Уфа, 1981; Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Статистический сборник. Башкортостанстат. Уфа, 2006.

² Национальный состав населения Башкирской АССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. Уфа, 1981; Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990.

возможность свободно исповедовать свою веру, обучаться за рубежом, выезжать в хадж.

Становление мусульманского духовенства как социальной прослойки, сопровождаемое качественным изменением его роли и численности, исследователи относят ко второй половине 1990-х гг. На протяжении исторического процесса отмечается неоднократная трансформация этого сословия. До 1917 г. мусульманское духовенство представляло важнейшую группу элиты, обладало культурным и символическим капиталом. Политика советских властей, направленная на прекращение основной деятельности духовных лиц, привела к снижению догматического и общекультурного уровня священнослужителей, превратив их в отправителей культов, не обладающих достаточными знаниями и образованием. С 1930-х гг. духовенство в России не рассматривается как группа элиты. После многолетних гонений и утраты своего статуса, ему приходится искать новые пути для укрепления положения в обществе. Процесс возрождения института мусульманского духовенства ознаменован расколом духовных управлений мусульман (ДУМ), приведший к появлению десятков враждующих между собой муфтиятов. Россия вышла на первое место в мире по количеству высших лидеров суннитского ислама – муфтиев¹.

Мусульманское сообщество СССР контролировалось четырьмя муфтиятами, выделенными по национально-географическому признаку: Среднеазиатским духовным управлением мусульман (САДУМ), Духовным управлением мусульман Закавказья (ДУМЗАК), Духовным управлением мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) и Духовным управлением мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС). В зоне юрисдикции ДУМЕС находилась вся территория РСФСР, за исключением республик Северного Кавказа и все европейские республики СССР. Это было наиболее крупным объединением, просуществовавшим дольше всех. Распад ДУМЕС начался с выхода из его состава общин новых независимых государств, образованных после распада СССР. Далее процесс спровоцировал указ президиума от 15 января 1991 г. о восстановлении территориальных образований среднего звена – мухтасибатных округов для повышения эффективности управления общинами. Были созданы 25 мухтасибатов (Астраханский, Бугульминский, Зеленодольский, Куйбышевский, Нижегородский, Казанский, Чистопольский, Омский, Ленинградский, Октябрьский, Сибайский, Пермский, Пензенский, Крымский, Уфимский, Свердловский, Тюменский, Московский, Саратовский, Ростовский, Набережночелнинский, Прибалтийский, Ульяновский, Оренбургский и Стерлитамакский). С 1991 по 1994 гг. из ДУМЕС выходят большинство мухтасибатов, на базе которых организуются независимые духовные управления. В 1994 г. по новому уставу ДУМЕС меняет название на Центральное духовное управление мусульман России и Европейских стран СНГ (ЦДУМ). Во главе каждого управления стоит свой муфтий, а председатель

¹ Силантьев Р.А. Новейшая история ислама в России. М, 2007. С. 5.

бывшего ДУМЕС Талгат Таджуддин стал именоваться Верховным муфтием ЦДУМ.

В настоящее время исламские религиозные организации России объединены в ДУМы. ДУМ осуществляют идеологическое и финансовое управление общинами и мусульманскими учебными заведениями (университетами, медресе, школами). Классическое ДУМ возглавляется муфтием и подразделяется на несколько мухтасибатов, а каждый мухтасибат во главе с имамом-мухтасибом объединяет несколько приходов, возглавляемых имамом-хатыбом (если есть мечеть) или председателем общины (если мечети нет). Муфтиев (руководителей ДУМ) избирает съезд ДУМ, председателей местных общин и мухтасибов также избирают верующие, но фактически они назначаются и снимаются с должности муфтиями. В России также действуют ассоциации, объединяющие несколько ДУМ, каждое из которых самостоятельно: Совет муфтиев России (СМР) во главе с Равилем Гайнутдином, Координационный центр ДУМ Северного Кавказа (КЦ СК), ассоциация «Казанский муфтият». Следует отметить, что нынешние муфтияты территориально соответствуют прежним мухтасибатам, функции их также совпадают.

К началу 1990-х гг. мусульманские общины Башкортостана находились в составе ДУМЕС. После раскола до 1997 г. в республике продолжалось деление духовных управлений и борьба за приходы. Официально функционировало четыре организации: ЦДУМ, Региональное ДУМ Республики Башкортостан (РДУМ РБ) в составе ЦДУМ, ДУМ Среднего и Южного Урала также в составе ЦДУМ, ДУМ Республики Башкортостан (ДУМ РБ). По данным регистрации мусульманских приходов Башкортостана в 1995 г. в ведении ЦДУМ находилось 139 приходов, ДУМ РБ – 219¹. Позиции ЦДУМ наиболее сильны в северных и северо-западных и центральных районах Башкортостана, в то время как на ДУМ РБ ориентируются преимущественно общины южных и восточных районов. Обеспеченность общин мечетями высокая². В 1998 г. в Башкирии было зарегистрировано 507 мусульманских приходов. Из них 301 – в ведении ДУМ РБ, 189 – в ведении ЦДУМ, 16 – не определившихся и 1 приход был зарегистрирован как независимый. К 2006 г. продолжали действовать все прежние и появились новые. По данным на 1 января 2006 г., 259 мечетей было зарегистрировано в составе ДУМ РБ, 211 – в составе ЦДУМ, около 20 мечетей посчитали себя независимыми³. В 2009 г. численное соотношение между общинами ДУМ РБ и общинами ЦДУМ сохранилось и составило приблизительно 3:2⁴.

Период с 1992-2000 гг. в республике, сопряженный с противоборством духовных управлений, можно обозначить периодом институционализации ислама, сопровождавшийся становлением мусульманских общин, открытием

¹ Текущий архив ДУМ РБ; Текущий архив ЦДУМ.

² Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1998. С. 291.

³ Текущий архив ДУМ РБ; Текущий архив ЦДУМ.

⁴ Юнусова А.Б. Ислам и мусульмане в общественном и бытовом пространстве Республики Башкортостан // Россия и ислам: межцивилизационный диалог. Сб. науч. статей. С. 122-123.

первых мусульманских учебных заведений, возрождением института мусульманского духовенства. Духовенство формировалось как особая социальная прослойка без особых мировоззренческих установок и поведенческих стереотипов. В основном этот процесс шел по пути превращения неофициальных и необразованных сельских мулл в официально зарегистрированное духовенство.

Одной из самых острых проблем институционализации ислама в Башкортостане является обеспечение мусульманских общин образованными имамами, хорошо знающими каноны религиозного культа. Мусульманские учебные заведения являются структурными подразделениями ЦДУМ и ДУМ РБ. Сегодня в республике действуют 5 мусульманских учебных заведений, в которых ведется подготовка религиозных деятелей, адаптированных к местным условиям, знающих многовековые традиции мусульман Урало-Поволжья, способных организовать работу на местах в рамках традиционного для татар и башкир ханафитского мазхаба. Многие молодые выпускники медресе не работают по специальности по причине отсутствия достаточных средств к существованию. Если дореволюционные махалля могли сами содержать мечети и своих имамов, то современные делать это не в состоянии. Хотя они и получили государственную регистрацию, но еще не стали самостоятельной ячейкой мусульманского сообщества.

Данные исследования кадрового состава религиозных деятелей свидетельствуют, что они наполовину престарелого возраста, без специальности, самостоятельно обучавшихся канонам ислама и по своему социальному происхождению и положению мало чем отличаются от основной массы сельского населения. Примерно 30 % имамов – это лица в возрасте 26-40 лет, имеющие религиозное образование от среднего специального до высшего¹. Большое значение имеет социальный статус имама, который перестал быть духовным наставником, примером высокой нравственности, а превратился в отправителя культов и обрядов.

Основными источниками формирования современного мусульманского духовенства в Башкирии стали: 1. Специально обученные имамы, получившие среднее или высшее религиозное образование; 2. Уважаемые люди сельской местности, избранные односельчанами в качестве руководителей общин, в основном бывшие председатели сельсоветов, колхозов, директора школ, отставные офицеры Советской армии; 3. Мигранты из среднеазиатских республик; 4. Самоучки, не имеющие элементарного религиозного образования и выполняющие функции мулл из-за отсутствия более подготовленных кадров².

© Хабибуллина З.Р., 2010 г.

¹ Полевые материалы автора (ПМА). 2009.

² ПМА. 2005-2009.

Традиционный способ изготовления домотканой шали у горно-лесных башкир (на примере Белорецкого района РБ)

Домашние ремесла, связанные у башкир с изготовлением тканей, на протяжении многих веков развивались на базе животного и растительного сырья. Существовали развитые навыки изготовления пряжи из овечьей, верблюжьей шерсти, козьего пуха, а также из растительных волокон – крапивы, конопли, позже льна.

В XVIII-XIX вв. и ранее в южных и юго-восточных скотоводческих районах Башкортостана ткачество в значительной мере основывалось на использовании естественного в скотоводческом быту продукта – шерсти. Ткани различались в зависимости от наличия и качества сырья, а также от предназначения. Из шерсти ткали материал для чекменей, верхних мужских штанов, кушаков, шарфов, чалмы, намазлыков, подстилок, торбы, паласов, покрывал; изготавливали тесьму для юрт и другие предметы.

Навыки обработки шерсти и подготовки пряжи совершенствовались веками. Трудовые процессы были типичны для евразийских скотоводов, имевших в структуре хозяйства овцеводство¹.

Главным сырьем у башкир, являлась, прежде всего, овечья шерсть. С овец на пряжу шла длинноволокнистая шерсть весенней стрижки (ябыҒа, яҙғы йөн). Находило применение светлое и темное руно. Определенные виды изделий (праздничную верхнюю одежду, головные уборы, свадебные черпаки и др.) предпочитали изготавливать белого цвета.

Полевые материалы, собранные автором в Белорецком районе Башкортостана, показали, что до сих пор шаль из овечьей шерсти изготавливается традиционным способом². Для получения качественной шерсти из овец их с осени хорошо кормят, держат в чистоте. Во второй половине апреля стригут овец. Для работы берут только мягкую и белую шерсть, так как шаль изготавливается только из белой шерсти. Черная и серая шерсть идет на вязание носков, варежек, свитеров для мужчин. Белый цвет шерсти считается женским, даже валенки для девочек и женщин катают из него.

Взрослых овец и баранов стригут два раза в год (взрослыми считаются овцы после 6 месяцев). Осенняя стрижка осуществляется в конце августа, весенняя – во второй половине апреля. Ягнят стригут один раз, когда отцветет черемуха (в конце мая). Осенняя шерсть и шерсть ягнят идут на изготовление валенок, войлока³.

Для стрижки выбирают сухую погоду. Стригут в понедельник или в пятницу после обеда. В этот день с утра овец не кормят и закрывают в сарай,

¹ Шитова С.Н. Народное искусство: войлоки, ковры и ткани у южных башкир: Этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. С.85.

² Статья написана по полевым материалам автора, собранным в 2009-2010 гг. в д. Шигаево и Узьянбаш Белорецкого района РБ.

³ ПМА. Записано от Абсалямовой В.М. 1950 г.р. в д. Шигаево Белорецкого района РБ.

приготавливают специальный широкий стол с низкими ножками (40-50 см), удобный для работы. Стол ставят в тень: если смола шерсти нагревается, то она плохо стрижется. Готовят жерди для сушки шерсти. Точат специальные ножницы (кырккы), используемые только для стрижки овец, готовят хлопчатобумажные веревки.

По словам информаторов, до Великой Отечественной войны овец стригли в основном мужчины, в настоящее время это считается уже женской работой, тем не менее, мужчины принимают в ней активное участие.

После подготовки инструментов хозяин выбирает самую крупную овцу и приводит ее, затем кладет животное на стол головой на юг (направляя голову в сторону Мекки (строго соблюдая киблу), читая при этом молитву «Бисмилләһи – ррахмаани – ррахиим»). После этого хозяйка привязывает ноги животного веревкой крестиком, оставляя не связанной заднюю правую ногу (поскольку, придерживая ее удобнее стричь шерсть на животе и между ногами). Стрижка начинается с головы по направлению к хвосту. После снятия шерсти с правой стороны, овцу осторожно переворачивают на другой бок. Ноги и низ живота стригут в последнюю очередь.

После окончания стрижки хозяйка развязывает веревку, при этом приговаривая:

Кырмаҗканан өйөр ал, От муравья бери табун,
Элгәһәктән май ал, От бурундука бери жир,
Ябалактан йөн ал, От летучей мыши бери пух,
Бурҙан тотторма, Ворам не попадайся,
Бүренән тотторма, Волкам не попадайся,
Кара түнгәктән өрк. Пугайся черного пня.

Остальных овец стригут по такому же принципу¹.

Если в хозяйстве много овец (больше 20), то устраивают Өмә (обряд помочи), приглашая опытных мастериц. Их хорошо угощают и каждой женщине дарят шерсть одной овцы. Полученную шерсть вешают на приготовленные жерди, размещенные под навесом, и сушат в течение суток. После сушки сортируют, отделяют самую качественную шерсть на шаль².

Заготовленную шерсть перебирают руками, освобождая от колючек и грязи, разбивая лучковым инструментом, иногда пропуская через вертикально поставленный железный или деревянный гребень (тарақ).

После этого шерсть сворачивают в рулоны, затем привязывают ее к прялке. Прядут, сидя на дощечке, с помощью простой или корневой прялки с гладким столбиком (колға). В Белорецком районе применяют корневую прялку (см. рис.1), с помощью хорошо отточенного, без пряслица, веретена (орсоқ).

¹ ПМА. Записано от Абсалямовой Ф.А. 1928 г.р. в Шигаево Белорецкого района РБ.

² ПМА. Записано от Хафизовой Р.И. 1930 г.р. в д. Узьянбаш Белорецкого района РБ.

У мастериц существуют разные типы веретена, которые отличаются по размеру и назначению. Большое веретено используется для ссучивания вдвое ниток из шерсти (сиратыр өсөн) (46-45 см). Веретено потолще (40-39 см) и поменьше применяют для прядения шерсти. Маленькие и легкие веретена (27 см) применяют для изготовления пуха (см. рис.2.).

Работа требует от прядильщицы мастерства, терпения и много времени: пряжа должна быть тонкая, ровная и мягкая. После окончания работы шерсть с веретена свертывается в клубочки. После мытья нити сматываются в клубки и с помощью большого веретена ссучиваются вдвое (катыу). Такую пряжу применяют для вязания варежек, носочков и т.д. Для тканья шали применяют одинарную пряжу. На шарфы, шали и портянки шла пряжа слабо скученная; переплетение нитей оставалось редким, отчего вещи получались объемными и мягкими.

При изготовлении домотканой шали берут самую качественную пряжу, иногда с добавлением козьего пуха (дебет). Полотно ткют на ткацком станке. Для горных башкир (как и юго-восточных башкир) были характерны безрамные ткацкие станки. Получилось полотно шириной в 37-40 см. Далее от него отрезали несколько кусков и сшивали их большой иглой (таяк энэһе) так, чтобы получился квадрат. При этом в иглу вдевали остаток пряжи. После этого к краям пришивали узорные кисти, выполненные из того же материала. Готовую шаль стирают в теплой воде¹.

Натканная шерстяная шаль – очень теплая и долговечная, и в отличие от пуховой, ее можно стирать. Шаль для горных башкир выполняла функцию верхней теплой одежды. До сих пор пожилые люди Белорецкого района РБ сверху одежды укрываются домотканой шалью (см. рис.3.).

Таким образом, как показали полевые материалы, до сих пор среди горных башкир сохранились традиции предков по обработке шерсти и изготовлению из нее шалей и других предметов одежды и домашнего обихода – паласов, носок, варежек и т.д. Не смотря на то, что домашнее производство требует времени, сноровки и опыта, изделия из шерсти, выполненные своими руками, благодаря своим качествам сохранять тепло, защищать от холода и даже лечить людей, остаются вне конкуренции с фабричными.

¹ ПМА. Записано от Абсалямовой Ф.А. 1928 г.р. в Шигаево Белорецкого района РБ.

Рис.1. Прядение шерсти с помощью прялки с донцем. Д. Шигаево, Белорецкий район РБ. Фото автора. 2009.

Рис.2. Виды веретена. Д. Шигаево, Белорецкий район РБ. Фото автора. 2009.

Рис.3. Абсалямова Ф. А. (1928 г.р.) в домотканой шали собственного изготовления. Д. Шигаево, Белорецкий район РБ. Фото автора. 2010.

© Хасанова З.Ф., 2010 г.

Хусаинов А.С.

Демографические последствия гражданской войны

К концу гражданской войны Россия буквально лежала в руинах. От бывшей Российской империи отошли территории Польши, Финляндии, Латвии,

Эстонии, Литвы, Западной Украины, Белоруссии, Карской области (в Армении) и Бессарабии. По подсчётам специалистов, численность населения на оставшихся территориях едва достигала 135 млн. человек. Потери на данных территориях в результате войн, эпидемий, эмиграции, сокращения рождаемости составили с 1914 г. не менее 25 млн. человек. Во время военных действий особенно пострадали Донбасс, Бакинский нефтяной район, Поволжье, Урал и Сибирь, были разрушены многие шахты и рудники. Из-за нехватки топлива и сырья останавливались заводы и предприятия. В результате рабочие были вынуждены покидать города и уезжать в деревню. В целом, уровень промышленности сократился в 5 раз. Прекратилось обновление промышленного оборудования, металлургия производила столько металла, сколько его выплавляли при Петре I. Острая проблема возникла с нехваткой продуктов питания из-за резкого сокращения (на 40 %) посевных площадей и поголовья скота. Значительная часть Российской интеллигенции была уничтожена, оставшиеся в срочном порядке эмигрировали, чтобы избежать этой участи¹. Ущерб народному хозяйству составил около 50 млрд. золотых руб., промышленное производство упало до 4—20 % от уровня 1913г.²

Многие слои населения, насильственно втянутые в войну противоборствующими сторонами, стали ее невинными жертвами. В ходе гражданской войны от голода, болезней, террора и в результате боев погибло (по различным данным) от 8 до 13 млн. человек. Эмигрировало из страны до 2 млн. человек. После окончания Первой мировой и гражданской войны резко возросло число беспризорных детей. В 1921 г. в России насчитывалось около 5 млн. беспризорников, а в 1922 г. их стало уже 7 млн.³

Общие потери в ходе гражданской войны (таблица) в целом по стране примерно выглядит следующим образом:

Категория потерь	Численность (тыс. чел.) ⁴
Всего убито и умерло от ран	2500
Красная армия	950
белая и национальные армии	650
партизанские отряды	900
Погибло в результате террора	2000
от красного террора	1200
от белого террора	300
от партизанского террора	500
Умерло от голода и эпидемий	6000
Всего погибло	10 500
Эмигрировало	2000

¹Материалы «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков». Лондон, 1992. С. 37.

²История России. М.: Проспект, 2010. С. 481.

³Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории, 2000. № 11. С. 134.

⁴Эрлихман В. В. «Потери народонаселения в XX веке». Справочник. М.: Русская панорама, 2004. С. 20.

Боевые потери красных и белых оцениваются авторами различными цифрами. Например, по М. Веллеру и А. Буровскому: красных погибло от 663 до 702 тысяч, белых - от 127 до 229¹. Под белыми понимаются, как правило, все некоммунистические силы. Убитые крестьянские повстанцы с трудом могут быть отделены от мирного населения, поэтому их учитывают, как жертв террора. В число военных потерь включены погибшие солдаты национальных армий. Дело в том, что многие из них воевали и с белыми и с красными отрядами. Таким образом, эти потери можно оценить только приблизительно, опираясь на сведения различных авторов.

Характерной особенностью гражданской войны была готовность всех её участников широко использовать насилие, так называемый «красный и белый террор», для достижения своих военных и политических целей.

Число жертв красного террора 1918 – 1921 гг. трудно оценить с точностью: количество пострадавших не подвергается детальной оценке в виду их многочисленности. Общее количество погибших от рук большевиков в исторической литературе сегодня оценивается, как «не менее 2 миллионов».

Вызывает интерес таблица, опубликованная в эдинбургской газете «The Scotsman» от 7 ноября 1923. Ее источник не указан, возможно, что это данные британской разведки (население неоднократно обращалось в британские представительства с жалобами на большевиков).

Жертвы красного террора 1918 – 1922 гг. по британским данным²:

Епископов	28 (тыс.чел.)
Священников	1 219
профессоров и преподавателей	6 000
Врачей	9 000
землевладельцев	12 950
Офицеров	54 000
Полицейских	70 000
Рабочих	193 290
Солдат	260 000
Различных работников умственного труда, служащих	355 260
Крестьян	815 000
Итого	1 776 747

В списке не хватает казаков (если они не скрыты в числе офицеров и солдат) и членов их семей, неполно охвачены и другие массовые убийства. Но итог близок к оценке деникинской «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков» (1 миллион 700 тысяч человек)¹.

Примечателен тот факт, что авторы правильно акцентировали внимание на то, что в списках нет сведений о потерях среди башкирского населения и некоторых других сведений. В итоге они делают вывод, что в этой таблице данные явно неполны². К цифрам боевых потерь и числу жертв террора

¹ Веллер М., Буровский А. Гражданская история безумной войны. М.: Издательство АСТ, 2007. С. 511.

² Веллер М., Буровский А. Указ. соч. С.514.

необходимо внести число убитых петлюровцами, махновцами, более мелкими бандами и безыдейными уголовниками.

А жертвы страшного голода сельского населения 1921 г., тифа, «испанки» - по разным оценкам до 5,5 млн. человек, безусловно, требует отдельного детального изучения. В итоге, как было сказано выше, получаем колоссальные цифры потерь населения России к 1922 г. – от 8 до 13 млн. человек.

Что касается демографического положения башкир к концу гражданской войны, то оно, безусловно, было катастрофическим. Если учитывать, что к 1917 г. численность башкир составляла по разным данным от 1 млн. 050 тыс.³ до 1 млн. 500 тыс.⁴, то уже к 1920 г. едва доходила до 1 млн. человек⁵. Таким образом, потери населения за годы гражданской войны составляли 400-500 тыс. человек.

Основным театром боевых действий Восточного фронта являлась территория Башкортостана и очевидным остается то, что именно коренное население, объявленное к тому же контрреволюционным, подверглось невиданным разорениям и физическому уничтожению со стороны противоборствующих сторон, главным образом – частей Красной Армии.

Тема геноцида башкирского населения многие историки обходили стороной, несмотря на это, данный вопрос все же поднимался и рассматривается по сегодняшний день⁶. Этнолог Ю.Г. Кульчик отрицает массовую гибель башкир в результате красного и белого террора в ходе гражданской войны и мотивирует это тем, что «историческая память нации не сохранила все эти события в форме понятия геноцид»⁷.

Резолюция ООН принятая в 1948 г., придерживаясь довольно узкого определения*, предлагает считать геноцидом «действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую», а к действиям этим относит «убийство членов такой группы; причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы», а также «предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее»⁸.

¹ Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. London: Overseas publications interchange Ltd, 1992.

² Веллер М., Буровский А. Указ. соч. С.514.

³ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 251; Раимов Р.М. Образование Башкирской АССР. М., 1952. С. 24. По данным Раимова Р.М. – 1 млн. 186 тыс. Раимов Р.М. Указ. соч. С. 24.

⁴ Кульчик Ю.Г. Этнополитические процессы в Башкортостане (Информационно-аналитический обзор). М., 1992. С.11.; Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926. С. 8. По его подсчетам – 1305563;

⁵ Кульшарипов М.М. Трагическая демография. Уфа, 2002. С. 10.; Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 250.

⁶ Кульшарипов М.М. Указ. соч. С. 10,12,13; Он же. Башкирское национальное движение (1917-1921 гг.). Уфа, 2000. С. 63.

⁷ Кульшарипов М.М. Указ. соч. С. 60. (Кульчик Ю.Г. Указ. соч. С. 12.).

* Намеренное уничтожение всех членов этнической, религиозной или социальной группы.

⁸ Yearbook of the United Nations. New-York, 1948-1949. P. 959.; <http://www.un.org/russian/document/convents/genocide.htm>

Между тем, мы не ставим перед собой задачу выяснить, был ли геноцид башкирского населения и правомерно ли в данном случае поднимать данный вопрос.

Можно привести только несколько примеров «кровавых» событий, опираясь на пункты данной резолюции ООН. Во-первых, действия карательных отрядов В. Поленова, которые в 1920 г. под видом борьбы с бандитизмом терроризировали мирное башкирское население. Тогда, по различным сведениям, было расстреляно до 3 тысяч человек мирного населения¹. Развернувшееся на территории Башкортостана повстанческое движение 1920-21 гг. среди башкир привело к сокращению их численности.

Во-вторых, что касается «предумышленного создания таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное уничтожение», то к данному пункту нужно отнести действия и продотрядов, насильственно отбиравших у населения последние продовольственные запасы в ходе реализации политики продразверстки 1919 – 1921 гг., которые в итоге привели к страшному голоду.

В результате голода, по неполным данным, в Башкортостане погибло 650 тыс. человек². В ходе гражданской войны и в голодные годы башкир погибло больше, чем представителей других народов: умер каждый третий башкир, что было связано с массовым их участием в гражданской войне то на стороне белых, то красных. Общее число умерших от голода и болезней в течение двух лет превзошло количество погибших на полях сражений первой мировой и гражданской войн.

Таким образом, становится очевидным тот факт, что последствия гражданской войны и голода были ужасающими не только для башкирского народа, но и для всего населения России в целом.

© Хусаинов А.С., 2010 г.

Шарафутдинов Т.Г.

Советы на Южном Урале (конец 1980-х – 1990-е гг.)

На протяжении большей части XX века Советы являлись символом советской политической системы, декларируясь сначала как форма диктатуры пролетариата, а затем как «высшая форма демократии». По мысли идеологов советского государства, Советы воплощали в себе и законодательную власть (через пленарные заседания), и власть исполнительную (через формируемые депутатами исполнительные комитеты всех уровней). В действительности, однако, ни местные советы, ни Верховные Советы СССР и РСФСР не обладали реальной властью. Власть принадлежала разветвлённому аппарату КПСС. Следует подчеркнуть, что демократические формы были полностью

¹ ЦДНИОО. Ф.5. Оп. 1. Д. 2914. Л. 7

² *Кульшарипов М.М.* Указ. соч. С. 12.; *Очерки по истории БАССР.* Уфа, 1966. Т.2. С. 198.

соблюдены: руководители всех уровней власти избирались с одной лишь оговоркой – это были всегда формальные выборы, кандидатуры утверждались на заседаниях бюро обкома (для местных советов – на уровне местных горкомов и районов)¹.

Перемены в политической роли Советов всех уровней наступили в эпоху перестройки. Ключевым событием этого процесса явилась XIX партийная конференция, на которой впервые была сформулирована «концепция политической реформы», сводившаяся к перераспределению властных полномочий в пользу новых, избранных на альтернативной основе Советов всех уровней. Кроме того, вводился новый политический институт Съезд народных депутатов СССР, наделявшийся функциями верховной власти страны.

«Оживлённая» в ходе политической реформы система Советов пережила СССР и просуществовала до середины 1990-х годов. За это время Советы прошли в своём развитии три вполне чётких исторических этапа. Раскрыть особенности развития Советов на этих этапах позволит рассмотрение работы советской системы в конкретном регионе. В данной статье такой обзор произведён на материалах Южного Урала, включающего в себя Челябинскую и Оренбургскую области и республику Башкортостан (до 1990 г. – БАССР).

Этап «оживления» Советов в перестроечный период начался с решений XIX партконференции 1988 г. и продлился до запрета Компартии в 1991 году. Ключевым процессом политической реформы стала подготовка и проведение в 1989-1990 гг. выборов народных депутатов и депутатов Советов всех уровней. Эти выборы стали большим политическим событием, поскольку демократические, пусть и с оговорками, альтернативные выборы были разрешены впервые.

В областях Южного Урала были избраны областные Советы, а в Башкирской АССР – Верховный Совет. Статистические материалы свидетельствуют о том, что по мере избрания новых Советов и наделения их функциями исполнительной власти в 1989-1990 гг. резко снизилась роль партийных структур КПСС. Углубился структурно-политический кризис партии, выразившийся в падении популярности КПСС и её политическом бессилии. Динамика численности партийных рядов на Южном Урале подтверждает эти выводы. Численность Челябинской парторганизации в 1990 г. сократилась на 25%², Оренбургской – на 13%³, а в БАССР из рядов КПСС вышло 23 тыс. человек, что составило более 10% от числа партийцев⁴.

Политическая ситуация в период выборов депутатов местных Советов на Южном Урале имела некоторые особенности. Одной из таких особенностей стало появление кандидатов-прагматиков. На фоне политического противостояния по схеме «демократы против коммунистов» факт появления

¹ Политическая история Урала и Уральского федерального округа. 1985-2007 гг.: сборник документов и материалов. Екатеринбург, 2008. С. 78.

² Кириллов А.Д. Урал: от Ельцина до Ельцина (хроника политического развития, 1990-1997 гг.). Екатеринбург, 1997. С. 24.

³ ЦДНИ Оренбургской области, Ф. 371, Оп. 97, Д. 3, Л. 7.

⁴ Советская Башкирия. 1990. 30 октября.

этой новой группы кандидатов в депутаты прошёл мало замеченным. Однако именно они вскоре возглавили некоторые уральские регионы.

В Челябинской области группу этих кандидатов представлял П. Сумин, ставший Председателем Совета, а вскоре и облисполкома. В Оренбургской области областной Совет и исполком возглавил А. Костенюк, а Председателем Верховного Совета Башкирской АССР в марте 1990 г. был избран М.Г. Рахимов. Прагматичный подход к работе в условиях острого кризиса компартии, являвшейся стержнем всей политической системы СССР, позволил руководителям Советов удержать общественно-политическую ситуацию в регионе в 1990-1991 гг. в относительно спокойных рамках.

В ходе политической реформы М.С. Горбачёва Советы стали ведущей политической силой на Южном Урале, потеснив роль слабеющих партийных структур на периферию политической жизни региона. Глава Башкирской парторганизации И.А. Горбунов, как и Первые секретари Челябинского и Оренбургского обкомов, соответственно – Н.Д. Швырев¹ и А. Калиниченко², были последними руководителями структур компартии на Южном Урале.

Провал попытки государственного переворота 19-21 августа 1991 г. и последовавшие за ним Указы Президента России Б. Ельцина знаменовали собой завершение перехода от одной исторической эпохи к совершенно другой. Символом этого перехода стал уход с политической арены КПСС как правящей партии огромного государства³. Указы Президента РСФСР о приостановлении деятельности КПСС юридически оформили декоммунизацию и отсекали важнейший управленческий уровень, который во многом цементировал СССР. 22 августа Б.Ельцин подписал Указ «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР», в котором функции исполнительно-распорядительного характера передавались главам областных администраций, назначаемых, по согласованию с соответствующими Советами Президентом. С появлением этого Указа начался новый этап в развитии системы Советов.

К началу декабря 1991 г. было создано нормативно-правовое поле деятельности органов власти на местах в условиях радикальной реформы. Эта система предусматривала вертикальное назначение как принцип формирования исполнительной власти, которую возглавлял Президент, при сохранении практически неизменной системы представительных органов. По существу произошёл разрыв системы советской власти, в результате которого Советы начали утрачивать рычаги влияния на исполнительную власть, сохранив при этом функции Совета как органа, объединяющего функции всех ветвей власти. Более того, чрезвычайно широкие полномочия Советов вступали в противоречие с системой разделения властей⁴. Вероятность конфликтов ветвей власти в условиях дублирования их функций друг другом была очень высока.

¹ Антольский П.Г. Челябинская область. История. Перспективы. Челябинск, 2006. С. 24.

² Рагузин В.Н., Прусс А.П. Формирование гражданского общества в Оренбуржье. Оренбург, 1998. С. 11.

³ Кириллов А.Д. Урал: от Ельцина до Ельцина (хроника политического развития, 1990-1997 гг.). Екатеринбург, 1997. С. 28.

⁴ Кириллов А.Д. Урал: от Ельцина до Ельцина (хроника политического развития, 1990-1997 гг.). Екатеринбург, 1997. С. 32.

На Южном Урале проявилось три модели развития Советов в условиях формирования новой властной вертикали.

В Оренбурге областной Совет во главе с В. Григорьевым поддержал назначенного на пост главы администрации В. Елагина. В течение 1991-1993 гг. взаимодействие главы администрации и областного Совета выстраивалось на основе ведущей роли первого и поддержания его действий вторым. Тем самым при сохранении спокойной рабочей обстановки в области, негласно, был установлен приоритет исполнительной власти.

Формирование новой власти всех уровней в Челябинской области привело к конфликту, определившему особенности дальнейшего развития области, почти сразу. На седьмой чрезвычайной сессии областного Совета, состоявшейся 22 августа, депутаты оперативно отреагировали на Указ президента о назначении глав администраций и подавляющим большинством голосов проголосовали за кандидатуру председателя областного Совета П. Сумина¹. Однако, вопреки позиции Совета, осенью 1991 г. главой администрации области был назначен В. Соловьёв, председатель Челябинского горисполкома. Эта ситуация обусловила возникновение конфликта областной исполнительной и законодательной властей, а также постепенное усиление антипрезидентской позиции областного Совета. В области началось «двоевластие» – период политического противостояния между П. Суминым и В. Соловьёвым. Этот период продлился более двух лет, до осени 1993 г., когда урегулирование конфликта и разрешение управленческого коллапса в области потребовало специального вмешательства Президента РФ.

Интересная ситуация с точки зрения политического лидерства сложилась в 1991-1993 гг. в республике Башкортостан. После принятия Декларации о государственном суверенитете в республике в 1990 г., начался процесс складывания новой политической системы Башкортостана. Резко возросли полномочия Верховного Совета РБ и его Председателя, которые сосредоточили в своих руках подбор кадров на руководство исполнительными органами в городах и районах республики. Для этого были объединены должности глав администраций и председателей Советов. Благодаря этому Башкортостан не оказался столь сильно, как соседняя Челябинская область, затронут проблемой конфликта ветвей власти в 1991-1993 гг.

Заключительный этап в истории Советов начался 21 сентября 1993 г., когда Президент Б. Ельцин подписал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Этот этап стал временем формирования новой законодательной ветви власти и ухода Советов с политической арены страны. Указ № 1400 прекращал деятельность Съезда и Верховного Совета России, при этом деятельность представительных органов на местах продолжалась. Предусматривалось проведение выборов в двухпалатное Федеральное Собрание. Вместе с тем, в сентябре ещё не предусматривалась полная десоветизация, и на местах сохранялись и областные Советы, и представительные органы местного самоуправления. Однако,

¹ Челябинск: энцикл. / Сост.: В.С. Боже. Челябинск, 2001. С. 662.

развитие событий радикализировало конституционную реформу, завершившуюся полной сменой в короткие сроки всей системы органов управления России¹.

Вслед за силовым решением конфликта, разгоном Верховного Совета РФ, вылившегося 3-4 октября 1993 г. на улицы Москвы, на протяжении октябрь-ноября того же года была создана временная правовая база для проведения выборов и деятельности органов управления. Указами Президента были утверждены основные положения, на основании которых функционировали органы государственной власти и прошли выборы 12 декабря, а также Референдум по президентскому проекту Конституции. Политическая ситуация на Южном Урале развивалась под влиянием событий 3-4 октября в Москве, ликвидации Советов и выборов 12 декабря 1993 года.

Указ Президента № 1400 окончательно поляризовал политические силы Челябинской области. Глава администрации В. Соловьёв и мэры крупных областных городов поддержали Указ Президента. К ним присоединились основные демократические организации области. Областной Совет, напротив, принял решение, согласно которому действия Президента квалифицировались как государственный переворот. Нараставший конфликт ветвей власти разрешил появившийся в октябре специальный Указ Президента Б. Ельцина, подтверждающий полномочия главы администрации Челябинской области В. Соловьёва. 11 октября В. Соловьёв подписал постановление о прекращении деятельности областного Совета и назначил выборы местной представительной власти на 12 декабря 1993 года. Районные советы Челябинска распустились 11 октября, а 21 октября была приостановлена деятельность городского Совета народных депутатов. До избрания и начала работы представительных органов власти и местного самоуправления функции Советов были возложены на администрацию области. Таким образом, процесс десоветизации в Челябинской области завершился к концу 1993 г. и двоевластие в регионе закончилось.

Спокойная десоветизация прошла в Оренбургской области и Республике Башкортостан. Областной Совет Оренбургской области прекратил свою деятельность к весне 1994 г., а Верховный Совет РБ сохранил свои полномочия вплоть до 1995 года. В соответствии с принятой в декабре 1993 г. Конституцией РБ, в 1995 г. в республике был создан двухпалатный парламент – Государственное Собрание – Курултай. Другим отличием Башкортостана от соседних областей стало введение в республике нового политического института – поста Президента РБ. 12 декабря 1993 г. Президентом республики был избран Председатель Верховного Совета РБ М. Рахимов. Введение нового политического института изменило политическую ситуацию в регионе и вся полнота власти, находившаяся ранее у Верховного Совета, перешла к Президенту Башкортостана.

Анализируя ситуацию на Южном Урале, следует подчеркнуть, что быстрая десоветизация во многом решила противоречия, которые были

¹Кириллов А.Д. Урал: от Ельцина до Ельцина (хроника политического развития, 1990-1997 гг.). Екатеринбург, 1997. С. 96.

неизбежны в условиях советской модели разделения властей. Эволюция политической системы России и её регионов была радикализована, в результате чего появилась новая модель государственной власти, закреплявшая приоритет исполнительной власти на всех уровнях, а также разделение ветвей власти.

© Шарафутдинов Т.Г., 2010 г.

Шаяхметова И. З.

Региональная историография городских Советов Башкирской АССР

Государственная власть на местах перешла в руки Советов после революции 1917 г., которая стала крупнейшей вехой в отечественной истории и перевернула всю систему управления в стране, кардинально изменила экономические, социальные и культурные отношения. Они особенно отчетливо проявлялись в городах.

Становление и развитие городских Советов, которые способствовали развитию городов и городской жизни, вызывают повышенный научный интерес, так как именно советский период был отмечен бумом градостроительства, появлением «малых городов», сменой их функционального назначения.

По рассматриваемой теме опубликовано значительное количество различных исследований. В историографическом обзоре их авторы следуют периодизации, в которой достаточно условно выделяются четыре периода:

- 1) 1919 – середина 1930-х годов;
- 2) вторая половина 1930-х – середина 1950-х годов;
- 3) вторая половина 1950-х – середина 1980-х годов;
- 4) вторая половина 1980-х годов – настоящее время.

Изданные в 1919 – середине 1930-х годов работы носили сугубо прикладной характер, например, в связи с выборами в Советы¹, в них в популярной форме обобщался опыт становления Советов². Данный период отмечен отсутствием монографических исследований. Однако появлялись отдельные публикации, посвященные структуре городских Советов и их материально-технической базе³.

Таким образом, литература 1919 – первой половины 1930-х годов имела преимущественно пропагандистскую, а не научную направленность, хотя и сыграла в дальнейшем положительную роль в изучении городских Советов.

¹ *Заикин В.* Орган пролетарской диктатуры. Уфимский городской Совет рабочих и солдатских депутатов. (Страничка истории) // Пройденный путь. К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Уфа, 1927. Вып. 1. С. 81 – 82.

² 15 лет Советской Башкирии : сб. статей. Уфа, 1934.

³ *Шапошников С.* Уфимское городское коммунальное хозяйство // Уфимский Октябрьский сборник. 1920. № 2. С. 6-9.

По мере укрепления советской власти в отечественной историографии утвердилась концепция о социально-экономических формациях. Работы второй половины 1930-х – середины 1950-х годов отличались схематизмом и тенденциозностью, идеологической направленностью оценок.

В 1939 г. был издан сборник статей «XX лет Башкирской АССР (1919 – 1939 гг.)». В публикации Р.К. Ибрагимова «Советы Башкирии за XX лет» были оценены результаты выборов Советов в ходе избирательных кампаний 1924 – 1925, 1925 – 1927, 1928 – 1929, 1930 – 1931, 1934 гг. Автор проследил динамику явки граждан на избирательные собрания, количество избранных депутатов в горсоветы, среди которых отдельно выделил представительство женщин. Кроме того, показал размеры бюджетов местных Советов БАССР, осветил вопросы кадровой подготовки советских работников путем обучения на всевозможных курсах повышения квалификации, курсах советского строительства и т. д.¹ Ф.В. Шагимарданов в работе «XX лет Советской Башкирии» рассмотрел основные показатели по бюджетным ассигнованиям на просвещение, здравоохранение, жилищное строительство, коммунальное обслуживание населения, развитие городской инфраструктуры².

В этот период была издана монография Ф.А. Александрова «Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 г.», в которой подробно была раскрыта хронология утверждения Советов в Башкирии, освещена их постепенная большевизация, выявлен партийный состав пяти горсоветов: Уфимского, Стрелитамакского, Белебеевского, Бирского и Белорецкого – в канун образования Башкирской АССР³.

Характеризуя этот период историографии, отметим, что в целом возможности исторической науки, творческая деятельность ученых, уровень понимания и степень исследованности проблемы были обусловлены жесткими рамками методологической и идеологической заданности.

Критика культа личности И.В. Сталина в 1956 г. ознаменовала начало третьего периода в историографии городских Советов. Исследования отличаются фундаментальностью, разнообразием раскрываемых аспектов темы и привлечением большого корпуса источников. Широкое освещение на данном этапе городские советы получили в работах башкирских ученых. Р.Г. Ганеев в своей монографии проследил особенности формирования местных органов управления после Октябрьской революции 1917 г., раскрыл деятельность революционных комитетов, особенности восстановления советской власти после Гражданской войны⁴. В работе «Советская Башкирия. Исторические очерки» горсоветы и их практическая деятельность освещаются в контексте изложения развития промышленности и подготовки кадров⁵. Во втором томе «Очерков по истории Башкирской АССР» представлен богатый фактический

¹ *Ибрагимов Р.К.* Советы Башкирии за XX лет // XX лет Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики (1919 – 1939 гг.). Уфа, 1939. С. 26-46.

² *Шагимарданов Ф.В.* XX лет Советской Башкирии // Там же. С. 3-25.

³ *Александров Ф.А.* Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 г. Уфа, 1951.

⁴ *Ганеев Р.Г.* Советы Башкирии в 1919 – 1920-х годах (по материалам Уфимской губернии). Уфа, 1961.

⁵ *Советская Башкирия. Исторические очерки.* Уфа, 1957.

материал, отражающий деятельность городских Советов, особенно Уфимского, в 1917 – середине 1960-х гг.¹

Ф.Л. Саяхов в монографии «Осуществление ленинского плана построения социализма в Башкирии (1926 – 1937 гг.)» проанализировал деятельность местных Советов по повышению благосостояния граждан: налаживанию снабжения, разворачиванию государственной розничной торговли, жилищному строительству, благоустройству городов и подъему культуры².

Вопросы становления городских Советов республики, содержание повседневной деятельности городских органов управления подробно освещены в «Очерках истории Башкирской организации КПСС». Авторам удалось системно подойти к изложению проблемы, хотя в исследовании подчеркивается значительный вклад партийных органов в дело становления и развития местных Советов. Книга представляет ценность в связи с необходимостью определения степени воздействия партийных органов на местные Советы, разграничения их функций³.

В ряде статей и публикаций, изданных к юбилейным датам, внимание акцентировалось на развитии промышленности и городской инфраструктуры. К сожалению, эти исследования носят иллюстративный и односторонне направленный характер⁴. Определенный интерес вызывают работы, освещающие участие Советов в формировании и профессиональной подготовке управленческих кадров, решении проблем градостроительства и генеральных планов развития городской инфраструктуры⁵.

Изучение литературы второй половины 1950-х – середины 1980-х годов по проблеме городских Советов показало, что для исследований этого периода характерен односторонний подход в освещении деятельности местных органов управления как непрерывного восхождения от одной победы к другой. Анализ недостатков советской системы управления, как правило, отсутствовал.

¹ Очерки по истории Башкирской АССР (Советский период). Уфа, 1966. Т. 2.

² Саяхов Ф.Л. Осуществление ленинского плана построения социализма в Башкирии (1926 – 1937 гг.). Уфа, 1979.

³ Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973.

⁴ Аитов Н. Планирование социального развития городов // Плановое хозяйство. 1972. № 3. С. 143-146; *Его же*. Социальные горизонты города: о проекте плана социального развития Нефтекамска на 1971 – 1975 гг. // Труд. 1971. 21 марта; Батыров Р. Нефтекамск – новый город нефтяников // Нефтяник. 1963. № 4. С. 31-34; Белебей: К 200-летию города. Уфа, 1981; Борозинец Л.Г. Белорецк. Уфа, 1979; История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1981; Лиференко Н.Н. Туймазы. Уфа, 1971; Новиков М.П. Нефтекамск. Уфа, 1970; Новые города Башкирии: Нефтекамск, Учалы // Труд. 1963. 15 февраля; Октябрьский и октябрьцы. М., 1983; Салават. Уфа, 1965; Салават (в цифрах). 1948 – 1958. Уфа, 1958; Сибай. Уфа, 1985; Стерлитамак. Уфа, 1984.

⁵ Алексеев В.Я. К вопросу формирования и развития социалистического рабочего класса и технической интеллигенции автономных республик РСФСР (1928 – 1937 гг.) // Из истории Советской Башкирии. Ученые записки БГУ. Вып. 41. Сер. ист. наук. № 8. Уфа, 1969. С. 56-78; Ахмадиев Т.Х. Политические предпосылки формирования башкирской социалистической нации // Вопросы истории Башкирии. Вып. 2. (Советский период). Уфа, 1972. С. 59-79; Ваганова Л.А. Рост политической активности трудящихся Уфы в 1921 – 1928 гг. // Там же. С. 3-12; Давлетишин Р.А. Сближение материальных и культурно-бытовых условий жизни города и деревни на современном этапе // Социально-экономические и культурные преобразования в Башкирской АССР. Уфа, 1979. С. 18-33; Сайранов Р.Х. Подготовка учительских кадров высшей квалификации в условиях развитого социализма // Там же. С. 104-108; Сайранов Х.С. Культурные преобразования в Башкирии в период социалистического строительства (1917 – 1958 гг.) // Там же. С. 34-52; Сафаров Т.А. Совершенствование деятельности местных Советов Башкирской АССР (1945 – 1958 гг.) // Вопросы истории Башкирии. Вып. 1. (Советский период). Уфа, 1972. С. 117-132 и др.

Предполагалось, что сама констатация просчетов и принятие партийными органами соответствующих решений по их устранению означали достижение положительных результатов. Исследователи ограничивались освещением отдельных примеров, приведением данных официальной статистики и использованием приемов формальной логики.

Работы по истории городского управления и самоуправления, изданные после 1985 г., можно отнести к следующему периоду историографии. Ряд исследований, опубликованных на данном этапе, содержат материалы по деятельности Советов по снабжению населения, жилищному строительству, народному образованию, культуре и т. д.¹

В этот период появляются исследования обобщающего характера, авторы которых пытаются теоретически осмыслить действительность и недавнее прошлое, раскрыть возможности реформирования существующей системы управления. Монографии З.И. Еникеева и С.Ф. Касимова посвящены государственно-правовому развитию Башкортостана с древнейших времен до образования Башкирской АССР и становления его как субъекта Российской Федерации. В работах освещается становление государственно-правовой системы БАССР, роль центральных органов власти в этом процессе, показаны искажения, допущенные в ходе проведения национально-государственного строительства в Башкортостане².

Отдельные аспекты темы затрагиваются в публикациях, посвященных истории ряда городов, решению кадрового вопроса, индустриальному и культурному развитию региона в различные периоды советской эпохи³.

Проведенный историографический анализ позволяет сделать вывод, что становление и развитие городских Советов изучалось исторической наукой, в том числе и на региональном уровне. Однако большинство работ о местных Советах Башкирской АССР было посвящено деятельности сельских Советов. Вне поля зрения историков Башкортостана остались вопросы становления и

¹Аюпов Р.С. Советы Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1989; Алексеев В.Я. Национальные аспекты школьного строительства в автономных республиках Приуралья и Среднего Поволжья (1917 – 1940 гг.) // Вопросы культурного строительства в Башкирской АССР (1917 – 1985 гг.): межвуз. науч. сб. Уфа, 1989. С. 30-45; Аминов Н.Г., Фаткуллин Б.А. Жилищно-коммунальному хозяйству – ускоренное развитие. Уфа, 1989 и др.

²Еникеев З.И. Правовой статус Башкортостана в составе России: историко-правовое исследование. Уфа, 2002. С. 170-241; Касимов С.Ф. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917 – 1925 гг.). Уфа, 1997.

³Алексеев В.Я. К вопросу о подготовке национальных кадров интеллигенции в автономных республиках Приуралья и Среднего Поволжья // Октябрьская революция и проблема национальных отношений : межвуз. науч. сб. Уфа, 1987. С. 59-67; Аюпов Р.С., Рябова Л.М. Изменения в структуре и организационной работе местных Советов Башкирии с началом Великой Отечественной войны // 60 лет Великой победы: материалы региональной науч. конф. Уфа, 2005. С. 57-62; Болтушкин В.В., Хусаинова Г.Т. Обеспечение равноправия национальностей в партийном и государственном строительстве Башкирской АССР // Великий Октябрь и социалистическое строительство: тез. науч. конф. преподавателей кафедр общественных наук вузов БАССР. Уфа, 1987. С. 154-157; Зайнетдинов Ш.Р. Интеллигенция и исторический прогресс: место и роль интеллигенции в модернизации российского общества (по материалам переписей населения 1897 – 1926 гг.) // Страницы истории Башкортостана XX века. Уфа, 1998. С. 4-24; Его же. Формирование слоя партийно-советской демократии в 1920-е годы. Препринт. Уфа, 1995; Зеленкин В.К. Деятельность партийных и советских органов Башкирии по подготовке специалистов в иногородних вузах в годы довоенных пятилеток // Великий Октябрь и социалистическое строительство: тез. науч. конф. преподавателей кафедр общественных наук вузов БАССР. Уфа, 1987. С. 100-103 и др.

развития городских Советов «малых» городов. Отсутствуют обобщающие исследования по городским Советам Башкирской АССР, даже наиболее крупные из них – Уфимский и Стрелитамакский – рассмотрены в контексте отдельных проблем. Необходимо проведение анализа деятельности городских Советов в вопросах административного, экономического и социокультурного развития.

© Шаяхметова И. З., 2010 г.

Яфаева Г.М.

Духовная культура марийцев в научной литературе второй половины XX в.

Становление этнографической науки в Марий Эл в первые десятилетия Советской власти связано с деятельностью виднейшего языковеда, этнографа и фольклориста В.М. Васильева. Наш земляк, родившийся в деревне Сусады Бирского уезда Уфимской губернии (ныне Янаульский район), разработал первые программы и инструкции по сбору этнографических материалов в Марий Эл. Он стал одним из инициаторов и участников экспедиций общества краеведения и областного музея по сбору фольклорно-этнографических и других материалов. В.М. Васильев заложил фундамент этнографической науки в Республике Мари Эл. В своих работах он уделял внимание изучению верований и связанных с ними обрядов¹, собрал богатый фольклорный материал².

В первой половине XX века продолжается накопление и сбор этнографического материала. Заметный след в изучении духовной культуры марийцев в данный период времени оставили Г. Лихачев³, Ф.Е. Егоров⁴, Н.М. Маторин⁵, М.Т. Маркелов⁶, Т.Е. Евсеев и др. Они стремились всесторонне осветить богатство духовной культуры марийцев. Авторы рассматривают отдельные аспекты верований мари (культ природы, священных рощ), а также процессы христианизации края. Огромный по количеству и ценный по содержанию этнографический материал был собран Т.Е. Евсеевым. В своих статьях исследователь освещает вопросы быта, обычного права, обычаев и обрядов, суеверий и аграрных праздников марийцев⁷.

¹ Васильев В.М. Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. – Краснококшайск, 1927; Он же. Марийская религиозная секта «кугу сорта». – Краснококшайск, 1927

² Васильев В.М. Весенние праздники у черемис // ИКЕ. – Казань. – 1904. - № 24; Он же. Черемисская масленица // Иногородское обозрение. – Кн. 4. – Казань, 1905 и т.д.

³ Лихачев Г. Культ природы у марийцев // Антителигиозник. – 1929. - № 9. – С. 36-45.

⁴ Егоров Ф.Е. Черемис и керемет // Марий Эл. – 1927. - № 4-6. – С. 107-108.

⁵ Маторин Н.М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество-Ислам-Православие-Сектантство. – М., 1929

⁶ Маркелов М.Т. Культ священный рощ у марийцев // Безбожник. – 1929. - № 5. – С. 15-16.; № 6. – С.12-13.

⁷ Евсеев Т.Е. Важнейшие моменты правового быта и обычного права марийского народа // Марий Эл. – 1927. - № 7-8. – С. 117-133; Он же. Обычаи, верования и суеверия марийцев // Марий Эл. – 1927. - № 10. – С. 125-165; Он же. Ага-пайрем (Праздник сохи) // Марий Эл. – 1928. – № 3-4. – С. 51-63.

В послевоенный период значительно оживилось этнографическое изучение финно-угорских народов России. Работы велись по всем разделам этнографии, но преобладали исследования по материальной культуре. В области духовной культуры продолжается сбор материала. В ходе научных экспедиций середины и второй половины XX века, усилиями таких исследователей как В.М. Васильев, В.А. Акцорин, К.А. Четкарев¹, Ю.А. Калиев были записаны ранее неизвестные фольклористам мифы, сказки и песни мари.

В 1970–1990-е гг. в связи со значительным увеличением источников по культуре марийцев расширяется тематика этнографических исследований. Наряду с изучением современных этнических и культурно-бытовых процессов, обращалось внимание и на исследование традиционной культуры.

Изучается история семьи и семейной обрядности (И.Н. Смирнов)², в том числе и свадебной (Михайлов С.М.)³. Н.С. Попов занимался сбором молитвенных текстов, изучением обряда жертвоприношения, культа языческих богов, истории христианизации марийцев⁴. А.Е. Китиков написал ряд обобщающих работ, посвященных малым жанрам марийского фольклора – приметы, пословицы, поговорки⁵. Обрядовый фольклор и народные праздники марийского народа изучали Л.С. Тойдыбекова⁶, Т.Л. Молотова⁷, В.А. Акцорин, О.А. Калинина⁸. Продолжалось изучение марийской языческой религии. В.Н. Петров исследует вопросы марийской народной медицины⁹. В результате длительного сбора и накопления материалов по истории, материальной и духовной культуре марийского народа началось издание серии «Этнографическое наследие марийского народа».

Народам Поволжья и Приуралья посвящен труд, вышедший под редакцией Р.Г. Кузеев¹⁰. Коллектив авторов дает этническую историю, хозяйство, материальную и духовную культуру основных народов Волго-Уральского региона, в том числе и марийцев. Однако в данной работе духовное наследие марийцев представлено кратко.

¹ Четкарев К.А. Марийские народные сказки – Йошкар-Ола, 1955

² Смирнов И.Н. Положение женщины в марийской семье (конец XIX – начало XX века) // Материальная и духовная культура марийцев. – Йошкар-Ола, 1981. – С.122-132; Смирнов И.Н., Федянович Т.П. Марийцы // Семейный быт народов СССР. – М., 1990. – С. 211-221.

³ Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. – Чебоксары, 1972

⁴ Попов Н.С. О некоторых обрядах и обычаях, связанных с хозяйственной деятельностью марийцев // Из истории хозяйства населения Марийского края. – АЭМК. – Вып. 4. – Йошкар-Ола, 1979; Он же. Верования марийцев XIX – начала XX века. – М., 1981; Он же. Погребальный обряд марийцев XIX – начала XX века. // Материальная и духовная культура марийцев. – Йошкар-Ола, 1981; Он же. Православие в Марийском крае. – Йошкар-Ола, 1987 и т.д.

⁵ Китиков А.Е. Своеобразие пословиц и поговорок финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. – Йошкар-Ола, 1989; Он же. Марийские народные приметы. – Йошкар-Ола, 1989

⁶ Тойдыбекова Л. Марийская языческая вера и этническое самосознание. – Йоенсуу, 1997

⁷ Молотова Т.Л. Родильные обряды марийцев // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов. – Йошкар-Ола, 1993

⁸ Калинина О. А. Марийские праздники = Марий пайрем-влак – Йошкар-Ола, 2006

⁹ Петров В.Н. Марий ю. – Йошкар-Ола, 1993 и т.д.

¹⁰ Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки \ Отв. ред. Р.Г. Кузеев. – М.: Наука, 1985

Среди обобщающих работ постсоветского времени необходимо отметить фундаментальный коллективный труд «Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты»¹. Попов Н.С. и Сепеев Г.А., авторы раздела, посвященного марийцам, подробно осветили вопросы семейной обрядности (родильные обряды, свадьба, похороны и поминки), народных верований, традиционной медицины, устное народное творчество и т.д. В дальнейшем Сепеев Г.А. в учебном издании «Этнография марийского народа» рассматривает аналогичные вопросы духовной культуры, отдельно выделяет мифологические представления, народные знания и приметы марийцев². Среди работ, освещающих вопросы этнической истории, хозяйства и традиционной культуры марийцев, в том числе и духовной, следует отметить совместный труд Жуковской Н.Л. и Мокшина Н.Ф.³

Исследования по духовной культуре восточных марийцев находятся в зачаточном состоянии. Исключения составляют энциклопедия «Народы Башкортостана», в которой отдельный раздел посвящен истории и культуре марийцев, проживающих на территории Башкортостана, и небольшая работа по марийцам Свердловской области Скурыдина С.В.

В настоящее время продолжается дальнейшая разработка проблем традиционной культуры марийцев, особенностей и форм ее бытования в современной жизни. Однако имеющиеся историко-этнографические материалы дают лишь общее представление о духовном наследии марийского народа. Слабо освещены локальные особенности духовной культуры восточной группы марийцев, большая часть которых проживает на северо-западе Башкортостана.

© Яфаева Г.М., 2010 г.

¹ Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – М.: Наука, 2000

² Сепеев Г.А. Этнография марийского народа. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2001

³ Жуковская Н.Л., Мокшин Н.Ф. От Карелии до Урала: рассказы о народах России. – М.: Флинта: Наука, 1998

Сведения об авторах

- Абдулгазина Г. В.* – асп. Института истории, языка и литературы УНЦ РАН.
- Алексеева О. С.* – студ. Оренбургского госуниверситета.
- Алламуратова Л. Х.* – студ. Сибайского института Башкирского государственного университета.
- Амантаев И. Ф.* – асп. Башкирского государственного университета.
- Артемова С. Ф.* – ст. преп. Пензенского государственного университета архитектуры и строительства.
- Ахатов А. Т.* – м.н.с. Института этнологических исследований УНЦ РАН.
- Ахмадуллин В. К.* – асс. Нефтекамского филиала Башкирского государственного университета.
- Белецова В. О.* – асп., асс. кафедры ИТМК Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара.
- Бубнель Е. В.* – асп. Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.
- Вафина З. А.* – студ. Нефтекамского филиала Башкирского государственного университета.
- Воробьева С. Л.* – асп. Института этнологических исследований УНЦ РАН.
- Вятчина М. В.* – студ. Казанского (Приволжского) федерального университета,
- Галимуллина Н. М.* – к.и.н., доц. Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева
- Гаянова Р. Д.* – асп. Института истории, языка и литературы УНЦ РАН.
- Гурская Н. В.* – асп. Поволжского государственного университета сервиса.
- Денисламов Т. Г.* – асп. исторического факультета Башкирского государственного университета.
- Ефимов Д. И.* – студ. Чувашского Государственного Университета им. И.Н. Ульянова.
- Игнашов А. В.* – к.филол.н. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Ст. преп. Самарского государственного университета
- Иликеева Ю. А.* – к.и.н., доц. Уфимского филиала Оренбургского государственного университета.
- Исхаков Р. Л.* – к.филол.н., доц. Уральского государственного университета, член Союза журналистов России, член Российского Философского общества.
- Казиева Г. Ж.* – студ. Оренбургского госуниверситета
- Каримова (Ямилова) Р. Р.* – преп. Уфимского государственного нефтяного технического университета.
- Королев А. А.* – к.и.н., доц. Пензенского государственного университета архитектуры и строительства.
- Королева Л. А.* – зав. кафедрой истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства.
- Кучуков Р. Р.* – к.ф.н., н.с. Института гуманитарных исследований АН РБ лаборант этнографического музея КФУ
- Легостаев А. С.* – асс. ГОУ ВПО Оренбургский государственный университет

Маннапов М. М. – к.и.н., м.н.с. Института истории, языка и литературы УНЦ РАН

Масалимов Р. Н. – к.и.н., доц. Социально-гуманитарного института БирГСПА.

Матюшин П. Н. – к.и.н., доц. Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова

Медведев В. В. – асп. Магнитогорского государственного университета

Мухаметзянова-Дуггал Р. М. – к.полит.н., н.с. Института этнологических исследований УНЦ РАН.

Назмутдинова О. Р. – асс. Социально-гуманитарного института БирГСПА.

Насибуллина Э. М. – студ. Социально-гуманитарного института БирГСПА

Петров Н. А. – к.и.н., доц. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова

Полянина О. А. – к.и.н. ст. преп. Башкирской академии комплексной безопасности предпринимательства при Башкирском государственном университете.

Русских Т. Н. – асп. Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

Салимьянов Р. Ф. – асп. исторического факультета Башкирского государственного университета.

Самситдинов И. З. - асп. «Башкирского государственного университета.

Сафина Э. Ф. – асп. Башкирского государственного университета.

Стародубцев М. В. – асс. Стерлитамакской государственной педагогической академии

Султанов Р. Р. – н.с. НИЦ «Наследие»

Тенсин М. В.- к.и.н., доц. Уральской академии государственной службы.

Титова Т. А. – проф. Казанского (Приволжского) федерального университета

Тюняев А. А. – зав. сектором Института древнеславянской и древнеевразийской цивилизации, г. Москва.

Фатхутдинова А. И. – асп. Института этнологических исследований УНЦ РАН.

Хабибуллина З. Р. – м.н.с. Института этнологических исследований УНЦ РАН.

Хасанова З. Ф. – м.н.с. Института этнологических исследований УНЦ РАН.

Хусаинов А. С. асп. Башкирского государственного университета.

Шарафутдинов Т. Г. – асп. Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

Шаяхметова И. З. – к.и.н. ст. преп. Башкирского государственного университета.

Якимова Н. Н. - студ. Оренбургского госуниверситета

Яфаева Г. М. – асс. Нефтекамского филиала Башкирского государственного университета.

Оглавление

<i>Абдулгазина Г.В.</i> Расселение и родоплеменная структура башкир Аргаяшского и Кунашакского районов Челябинской области до начала XX в.....	3
<i>Алламуратова Л.Х.</i> Просветительская деятельность Р. Фахретдинова на страницах журнала «Шура».....	10
<i>Амантаев И.Ф.</i> Пришлое население и трансформация башкирского общества и хозяйства в первой половине XVIII века.....	12
<i>Алексеева О.С., Якимова Н.Н.</i> Изучение традиционной культуры народов Оренбургского региона как основа профессиональной подготовки по специальности «Социокультурный сервис и туризм» (СКСТ).....	19
<i>Ахатов А.Т.</i> Развитие рыболовства у башкир Миасско-Уйского междуречья в XIX – начале XX вв.....	23
<i>Ахмадуллин В.К.</i> История становления медресе «Галия» и роль Зия Камали в его организации..	27
<i>Белевцова В.О.</i> Послесвадебный период в традиционной свадебной обрядности марийцев (типологический анализ).....	33
<i>Бубнель Е.В.</i> К вопросу об этнокультурном взаиморodстве башкирского и венгерского народов в историографии.....	37
<i>Вафина З.А.</i> Демографические аспекты семейно-брачных отношений в г. Нефтекамске Республики Башкортостан.....	43
<i>Воробьева С.Л.</i> К вопросу об особенностях восьмеркообразных височных подвесок кара-абызского населения Южного Приуралья эпохи раннего железа.....	48

<i>Титова Т. А., Вятчина М. В.</i> К вопросу об изучении старообрядческого населения Кировской области: историографический аспект.....	51
<i>Галимуллина Н. М.</i> Татароязычная советская печатная пропаганда периода Великой Отечественной войны.....	54
<i>Гаянова Р. Д.</i> Динамика численности башкирского населения Восточного Татарстана в XX – XXI вв.	61
<i>Гурская Н.В.</i> История культурного взаимодействия Уральского казачества и народов Поволжья.....	63
<i>Денисламов Т.Г.</i> Всесоюзная перепись населения 1989 года как исторический источник по истории г. Уфа.....	68
<i>Жирова А.Г.</i> Погребальный обряд кочевников эпохи средневековья по материалам Нижнего Поволжья (к вопросу о методах формализации данных).....	70
<i>Игнашов А. В.</i> На пути в Оренбург. Пушкин и Самарская губерния. Литературно-исторические аспекты изучения проблемы.....	78
<i>Иликеева Ю. А.</i> Фольклор как исторический источник и выразитель системы ценностей в этнографии детства (на примере башкирского традиционного общества).....	83
<i>Исхаков Р.Л.</i> Идея штата «Идель – Урал» как алгоритм решения проблемной ситуации.....	88
<i>Казиева Г.Ж.</i> Национальное образование в Оренбуржье 20-30 гг. XX века.....	94
<i>Камалеев Э. В.</i> Послесвадебный период свадебной обрядности татар Республики Башкортостан.....	97
<i>Каримова (Ямилова) Р.Р.</i> Браслеты в системе убранства костюма кочевников Золотой Орды.....	99

<i>Королева Л.А., Королев А.А., Артемова С.Ф.</i> Из истории религиозных общин Поволжья 1960–1980 гг. (По материалам Пензенской области).....	109
<i>Кучуков Р. Р.</i> Причины девиантного поведения жителей г. Уфы, в конце XIX – начале XX вв.....	112
<i>Легостаев А. С.</i> Распространение христовщины в Оренбургской епархии в XIX веке.....	117
<i>Маннапов М.М.</i> К вопросу о зоотехнических работах в Зилаирском кантоне БАССР накануне переселения башкир Самарской губернии (1926 – 1928 гг.).....	121
<i>Матюшин П.Н.</i> Формирование лексикона «Большого террора» (по материалам периодической печати Чувашской АССР).....	125
<i>Медведев В.В.</i> Особенности типологии и планировки чувашских поселений Башкортостана (вторая половина XIX – начало XX вв.).....	129
<i>Мигранова Э.В.</i> Этнография в фотографиях фототеки отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН.....	136
<i>Мухаметзянова-Дуггал Р.М.</i> Государство и ислам: регулирование хаджа в Республике Башкортостан (Россия) и штате уттар-прадеш (Индия).....	137
<i>Назмутдинова О.Р., Масалимов Р.Н.</i> Клиометрия в региональных исследованиях. На примере истории г. Бирска...	141
<i>Насибуллина Э.М.</i> Образование и просвещение молодёжи в нашем крае в период капиталистической модернизации (до 1917 г.).....	146
<i>Петров Н.А., Ефимов Д.И.</i> Общины и обычно-правовые традиции в дохристианских верованиях чувашского народа.....	149
<i>Полянина О.А.</i> Система выплаты стипендий земским и городским служащим Уфимской губернии.....	156

<i>Русских Т.Н.</i> Стратегии самоопределения молодежи Удмуртии в трудовой сфере (на примере учащихся профессиональных училищ г. Ижевска).....	161
<i>Салимьянов Р.Ф.</i> Рудопромышленник Мухаметрахим Тасимов.....	165
<i>Самситдинов И.З.</i> Жилищно-бытовые и социальные вопросы эвакуированного населения в малых городах Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.).....	171
<i>Сафина Э.Ф.</i> Концепт «печаль» в русской и башкирской языковых картинах мира.....	178
<i>Стародубцев М.В.</i> О функциональном назначении некоторых элементов конского снаряжения у ранних кочевников Южного Урала.....	181
<i>Султанов Р.Р.</i> Население предгорий Южного Приуралья в начале I тыс. н. э.: вопросы хронологии и культурной атрибуции.....	183
<i>Тенсин М.В.</i> Реформа местного самоуправления и этническое представительство в муниципальных образованиях Удмуртской Республики.....	186
<i>Тюняев А.А.</i> Древние торговые пути Урало-Поволжья по комплексным данным археологии, антропологии, генетики и мифологии.....	194
<i>Фатхутдинова А.И.</i> Тенденции этнодемографического и этноязыкового развития в городах западного региона Башкортостана.....	201
<i>Хабибуллина З.Р.</i> Раскол ДУМЕС: обновление состава мусульманского духовенства Башкортостана.....	204
<i>Хасанова З.Ф.</i> Традиционный способ изготовления домотканой шали у горно-лесных башкир (на примере Белорецкого района РБ).....	208

<i>Хусаинов А.С.</i> Демографические последствия гражданской войны.....	211
<i>Шарафутдинов Т.Г.</i> Советы на Южном Урале (конец 1980-х – 1990-е гг.).....	215
<i>Шаяхметова И. З.</i> Региональная историография городских Советов Башкирской АССР.....	220
<i>Яфаева Г.М.</i> Духовная культура марийцев в научной литературе второй половины XX в...	224

**ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ
УРАЛО - ПОВОЛЖЬЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции
молодых ученых
Уфа, 21 октября 2010 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 18. 10. 2010. Бумага снегурочка.
Ганитура Times New Roman. Усл. печ. л. 19,06.
Тираж 100 экз. Заказ № 010-4.

Отпечатано на множительном участке
Учреждения Российской академии наук Института этнологических
исследований УНЦ РАН
450077, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6
E-mail: cesmaeok@anrb.ru

Для заметок